УДК 685.34+685.51

д-р т. н., проф. **Бастов Г.А.,** маг. **Хачатурян А.М.**
РГУ им. А.Н. Косыгина
e-mail: arev555@yandex.ru

РАЗРАБОТКА ТВОРЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ ПО МОТИВАМ АРМЯНСКОГО НАРОДНОГО КОСТЮМА

В ходе данного исследования была проанализирована древняя армянская культура и армянский народный костюм. Автором был произведен сегментационный анализ рынка модной этнической одежды и выявлены ее основные характеристики. В ходе экспедиции по древнейшим уголкам Армении, были определены принципы формообразования народного костюма и его отличительные особенности. В статье рассматривается поэтапная структуризация коллекции, все этапы проектирования коллекции, в том числе творческие источники и выбор колористки.

Ключевые слова: Структура, форма, дизайн, армянской народный костюм, формообразование, структуризация коллекции, проектирование.

Идея сохранения истоков в одежде воспитывают в окружающих людях стремление к всеобщему единению, как с природой, так и с самим собой. Она направляет вкус отечественного потребителя к высокому искусству, к патриотизму, к сохранению главного богатства – культуры.

Культура каждого народа, проживающего в нашем мире, уникальна, интересна и обладает своим темпераментом и национальными особенностями, которые очень важно сохранить для будущих поколений. Но если присмотреться, все мы берем начало от чего-то целого и общего. В наши дни сохранение межнационального мира и согласия, обеспечение бережного отношения к культурной самобытности каждого народа является одной из главных задач государства и современного общества. Именно это подтолкнуло автора к тому, чтобы вернуться к истокам народного костюма и найти пути их применения в современном костюме.

Источником данного исследования послужили различные предметы костюма и его аксессуары, которые представляли собой головные уборы, пояса, сумки и ювелирные украшения. Все эти предметы были обнаружены в ходе экспедиции по древнейшим уголкам Армении и относятся к X1X начало XX вв.

В исследовании особый интерес с позиции формообразования вызвали изделия, которые представляют собой форму женского и мужского армянского национального костюма: мужской архалух (рубаха) и пышные женские многослойные юбки (рис.1и 2).

Рис. 1 Мужской архалух Рис. 2 Женская юбка

Результаты исследования показали, что образ в моделях исторического костюма обильно дополнялся традиционными головными уборами. Кроме того, нужно отметить, что весь костюм если он нарядный, то дополнялся множеством украшений ручной работы, которые автор собирал в ходе экспедиции. Было очень много обнаружено ожерелий, подвесок, браслетов, колец, а также были костюмы с серебряными поясами с массивными пряжками изумительно тонкой ювелирной работы. Подобные ремни были достоянием зажиточных армянок, особенно в торгово-ремесленнической среде во многих городах Западной Армении и Закавказья (рис.3).

Рис.3 Фотографии армянского народного костюма

Таким образом, решая поставленную задачу, а именно, для определения принципов формообразования народного армянского костюма, обнаруженные исторические предметы и аксессуары костюма, изучались и анализировались с учетом факторов, определяющих художественно-конструктивных характеристик с проявлением следующих признаков: формообразовательного; конструктивного; технологического и художественного. В этом случае, полученные результаты анализа

предметов исторической одежды стали представлять собой информационную базу данных, которая послужила для автора творческим источником для разработки графических эскизов моделей современного костюма.

Так, автором, при разработке графических эскизов моделей женского костюма, за базовую конструктивную форму была принята структура исторической рубашки архалух, а принцип многослойности исторического костюма в конструкциях современных моделей стал проявляться за счет использования автором методики многосистемности (рис.4).

Кроме того, при использовании различных средств технической графики автор достаточно профессионально применил высокую выразительность и динамичность моделей костюма за счет совокупности стилевых особенностей символизма и сюрреализма. Графические работы автора отличаются плоскостным решением силуэтов, фигуры и нарочитым искажением формы. В каждом планшете основным художественным приемом является насыщение крупного пятна композиции более мелкими деталями, где основное пятно – костюм, а мелкие детали – аксессуары костюма и ювелирные украшения. При такой структуризации композиции эскизов графические планшеты несут в себе некий сюжет, напоминающий волшебную сказку, которая возвращает зрителя в детство и напоминает ему о том, что у воображения нет границ.

Рис. 4 Графические планшеты коллекции моделей современной одежды на основе народного армянского костюма. Автор Хачатурян А.М.

Таким образом, эти разработанные эскизы моделей костюма с высокими художественно-конструктивными характеристиками с этническим уклоном стали предметом их реализации в материале. Автором была разработана авторская коллекция современной женской одежды под девизом «Нордар», отражающая особенности армянской культуры (рис.5). Здесь следует отметить, что автор лично приложил максимум усилий в заключительной стадии формообразования современного костюма при дополнении и оформлении каждого костюма аксессуарами и украшениями.

В заключении следует отметить, что объем научных исследований, посвященных рассмотрению вопросов использования армянских традиций в дизайне современного костюма, невелик по сравнению с работами,

посвященными непосредственно армянскому костюму. Можно предположить, что причиной дефицита исследований по этой теме является то, что в настоящее время модельеры и дизайнеры мало используют в своем творчестве черты культуры страны, которую они представляют.

Таким образом, настоящая исследовательская работа, представляет собой информационно-методический материал, раскрывающий возможности популяризации художественно-прикладного искусства Армении и активного использования традиций национальной культуры в вопросах формирования внешнего вида населения.

Рис. 6. Коллекция моделей костюма «Нордар». Автор Хачатурян А.М

Список литературы

1. Бастов Г.А. Современная форма в дизайне. Учебное пособие. - М.: РИО РГУ им. А.Н. Косыгина, 2019.- 202 с.
2. Козлова Т.В., Ильичева Е.В. Стиль в костюме ХХ века. Учебное пособие для Вузов. М.: МГТУ им. А.Н. Косыгина, 2003. -160 с.
3. Затулий А.И. Костюм рубежа третьего тысячелетия: семиотика, ассоциации, психоанализ. ФГУП «Дальнаука» 2005. 213 с.
4. Хоренаци М. История Армении (пер. с древнеарм. Саркисяна Г.). Ереван, "Айастан", 1990г.
5. Ваганян В. Армянское орнаментальное искусство, 2007г., АркаЛер, Ереван, Армения.

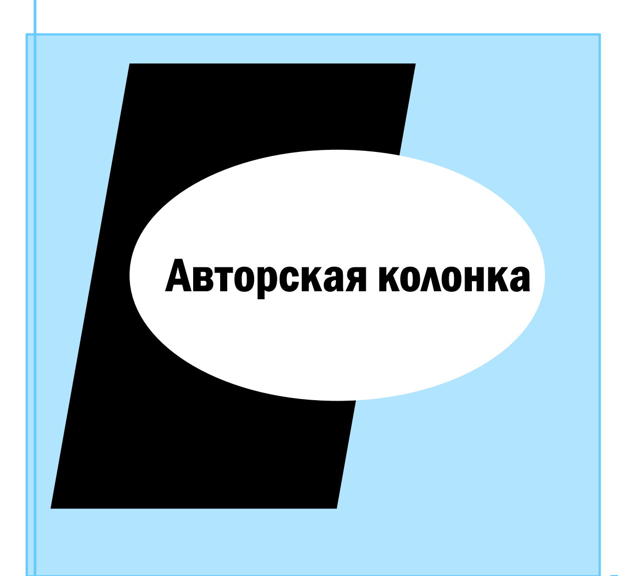
Development of a creative collection of women's clothing based on the Armenian folk costume

e-mail: arev555@yandex.ru

The article addresses the problem of preserving centuries-old heritage and returning to its origins.

During this study, the ancient Armenian culture and Armenian folk costume were analyzed. The author has made segmentation analysis of the market of fashionable ethnic clothes and its main characteristics have been revealed. During the expedition to the most ancient corners of Armenia, the principles of the formation of a national costume and its distinctive features were determined. The article considers the gradual structuring of the collection, all stages of the design of the collection, including creative sources and the choice of colorist.

Key words: Structure, form, design, Armenian folk costume, shaping, structuring the collection, design

ПРЕДСТАВИТЕЛИ АРМЯНСКОГО НАРОДА В СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКЕ ДО, В ПЕРИОД И ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Казарян Арутюн Самвелович,
Новосибирское высшее военное командное училище, г. Новосибирск

E-mail: alena-ermishkina@mail.ru

УДК 355.4

Аннотация. В данном исследовании приведены некоторые факты о внешней разведке до, в период, и после Великой Отечественной войны. Представлены сведения бойцов невидимого фронта маленького армянского народа, которые сыграли большую роль в Победе в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: разведка, советский разведчик, военное время, оперативные действия, военная разведка.

Основной задачей разведки всегда было получение достоверной информации о противнике. Достоверная информация является основой для принятия правильных решений, связанных с любыми действиями государственных деятелей. Это относится и к гражданской, и военной деятельности. Если принято неверное решение то при военных действиях можно проиграть, а в мирных условиях разрушить экономику. Разведку делят на экономическую, военную, политическую и научно-техническую. Разведывательная информация – это мощное оружие для решения военных, политических, дипломатических и экономических задач. Разведка всегда необходима любому государству и в мирное время и в военный период. Она является секретной войной против противника.

Во время Великой Отечественной войны большую роль играл шпионаж. По причине недостаточной и неправильной информации произошла и первая, и вторая мировая война. Если бы у Гитлера была бы полная информация о Советском Союзе, о характере русского и других народов СССР, об их героизме и патриотизме, менталитете, то никогда он бы не напал на Советский Союз. Немцам не хватало достаточной разведывательной информации.

Вся история разведки показывает, что настоящий истинный разведчик отличается своими аналитическими и высокими умственными способностями. Для разведчика самый важный инструмент и оружие – это его интеллект. Если он есть, человек при желании может быть полезным для своей страны, служа в разведке.

Специалист по истории разведки А. Саркисян пишет: «По существу, состояние разведывательной системы государства отражает его «здоровье», то есть его силу и международный авторитет» [1].

По свидетельству легендарных разведчиков Геворка и Гоар Вартанянов, «…профессия разведчика далека от романтического авантюризма и в действительности в ее основе лежат самозабвенная преданность и кропотливая работа. Испокон веков разведчики всех национальностей добывают информацию, причем такую, которая тщательно утаивалась и утаивается от посторонних глаз. Работа разведчика требует творческого подхода, который позволяет на основе «мелочей» и всем известных данных делать выводы, иногда имеющие судьбоносное значение для государства. Именно поэтому от разведчика требуются не только умственное и психологическое превосходство, но и хорошая физическая подготовка, трудолюбие, целеустремленность, стойкость и т.д.» [2].

Большой вклад в победу над фашизмом внесла советская разведка, но она также разделяет с военно-политическим руководством страны и ответственность за просчеты и ошибки, допущенные в годы войны.

Какими агентурно-оперативными возможностями располагали советские спецслужбы в этот период? Бытует представление, что агентурно-оперативные группы сети Разведывательного управления Генерального штаба (так тогда называлось Главное разведывательное управление — ГРУ) и Иностранного отдела (ИНО) НКВД владели надежной агентурой, имевшей доступ в высшие эшелоны военного командования вермахта и политического руководства Германии, и что советское руководство проигнорировало поступавшие из этих источников материалы о подготовке и непосредственных планах развязывания Гитлером войны против Советского Союза. Как же обстояло дело в действительности?

Полная информация о знаменитых разведчиках, разумеется, отсутствует. Чтобы быть разведчиком, необходимо иметь особый склад ума, вести определенный образ жизни. Не каждый человек сможет стать разведчиком. Самое важное, разведчик должен быть патриотом, преданным своей Родине, высокоинтеллектуальным, храбрым и работать не ради славы и почета, а ради своих идеалов – Родины. Жизнь разведчиков всегда находится в напряженности и опасности. От них требуется упорство, выдержка, воля, серьезные знания и большое мастерство. «Ретроспективный взгляд на историю позволяет заметить, что все перечисленные качества характерны для представителей нашей нации. Нас такими сделали прошедшие тысячелетия: извечная борьба в защиту родной земли за восстановление государственности, недостаточность ресурсов.

Необходимость стойко переносить испытания способствовала развитию стремления к приобретению знаний, ответственного отношения к делу, осознания самопожертвования. По всей вероятности этим и объясняется тот факт, что армяне дали миру блестящих специалистов в сфере разведки, при непосредственном участии и под руководством которых создавались разведывательные структуры, а в дальнейшем и новые направления в оперативной деятельности» (Геворк Вартанян) [6].

Особенно в военное время один разведчик может сделать больше, чем целая армия. Таких примеров очень много из истории Великой Отечественной войны. Вот лишь некоторые сведения о бойцах невидимого фронта, которыми может гордиться армянский народ и информация, о которых имеется в открытой печати.

Иван Агаянц.

Иван (Оганнес) Агаянц начал работать в органах внешней разведки с 1936 года и почти сразу же был направлен на оперативную работу в резидентуру Парижа под тайным прикрытием торгового представителя, а затем в качестве заведующего консульским отделом. После падения республиканского режима Испании он принял участие в операции по выводу в Москву лидеров компартии Испании Долореса Ибарури и Хосе Диаса.

Тогда и остался в Москве около года, до войны. Был заместителем начальника отдела 1-го управления Наркомата внутренних дел. Свободно говорил на французском, персидском, турецком и на испанском, хорошо владел английским и итальянским, это минимальная информация позволяющая составить представление о личности разведчика.

Летом 1941 года Агаянца отправили под псевдонимом Ивана Авала в Иран для работы под тайным прикрытием должности советника посольства СССР. Работа в Иране затянулась на четыре года, и только в победном 1945 году он покинул Тегеран. Там он координировал резидентскую деятельность, осуществлял внешнее руководство известной группы» Амира – Геворга Варданяна. Агаянц в шутку называл эту группу «легкой кавалерией», члены группы шли по городу на велосипедах, это имя укрепилось и осталось в истории. В то время немцы разработали операцию «Длинный прыжок» под руководством Отто Скорцини, Агаянц и группа Варданяна обеспечили безопасность Сталина, Рузвельта и Черчилля.

Так, юноши 19-20 лет, одним из руководителей которых был разведчик Агаянц (только ему исполнилось 32 года), провалили готовящееся нападение на «большую тройку», запланированное опытными в этом деле гитлеровскими спецслужбами. За несколько дней до начала конференции в Тегеране начали арестовывать немецких агентов.

Осуществляя в Иране оперативные действия, Агаянц успел поработать также в нескольких странах Северной Африки и Ближнего Востока, особенно в Египте и Ираке, наладил рабочие связи с иранскими курдами. А в начале августа 1943 года по личному заданию Сталина Агаянц отправился в Алжир для

установления связи с французским генералом Шарлем де Голлем. Задание была выполнено, и вскоре в Москве состоялась встреча де Голля и Сталина.

По всей вероятности, установившиеся связи стали причиной того, что Агаянца вдруг «вытеснили» из Тегерана и отправили во Францию, где проходили подготовительные работы Парижской мирной конференции...

Председателем советской делегации был Молотов. Связь Агаянца, как резидента, велась прямо на Молотова, то есть он передавал информацию Молотову, который был главой МИД Союза, у которого не было недостатка в секретной информации, добытой Агаянцем и его резидентами. Особенно прекрасно были осуществлены действия, в результате которых был обнаружен секретный документ известный как «План Маршала».

Во время этого форума американцы, предчувствуя экономическую, а это означает и политическую победу над остальными, почёсывали в руках, ожидая того момента, когда сумеют сказать нет мы против этого победного плана, а Молотов усмехался: зная текст который за несколько недель довели ему. В результате ряд американских программ по установлению своего диктата в Европе не был реализован.

В Париже Агаянц сделал немало полезного. Например, благодаря личным усилиям и связям из Парижа в Москву самолетом Молотова были возвращены картины русского художника Петра Кончаловского. Более ста картин были отправлены в Париж для участия в выставке еще до войны и «случайно» остались там около десяти лет.

Жена Агаянца записывала разные интересные истории, такая история произошла на конференции в Тегеране. В ходе переговоров Рузвельт что-то быстро написал на бумаге и передал через своего помощника Черчилля. Он прочитал, также быстро ответил и вернул бумагу президенту Америки. Этот факт не обошел внимания Сталина.

Вопрос не в том, что Сталин подозревал какую-то тайную переписку, было бы глупо сообщать друг другу секреты на глазах у всех, привлекая к себе внимание. Однако в такой ситуации хотелось бы знать обо всем том, что происходило, и во время перерыва Сталин потребовал, чтобы Агаянц явился ему: приказал любой ценой найти эту записку.

Как Агаянц нашел бумагу, известно только ему, но факт в том, что записка оказалась в руках Сталина. Агаянц рассказал, что Сталин прочел записку, и лицо даже стало более улыбчивым и спокойным. «Это не заговор, а абсолютно невиновная вещь».

«Амир» – Геворк Вартанян».

Геворг Варданян родился в 17 февраля 1924 году в Ростове-на-Дону, отец Андрей Василий Варданян был агентом российской внутренней разведки. В 1930 году семья Варданянов переезжает в Иран. При непосредственном воздействии отца на сына в 16 лет сын приходит на работу разведки, связывая свою судьбу с советскими разведывательными службами, с 1940 года руководил специальной группой, которая раскрывала фашистских агентов и немецких разведчиков в

Тегеране и в других городах. В 1942 г. учился в Тегеране в британской разведывательной школе.

Был на конференции в Тегеране (28.11-01.12.1943), где лидеры стран антигитлеровской коалиции И. Сталин, У. Черчилль и Ф. Рузвельт встречались, и безопасность обеспечивал Геворг Варданян.

Армянскому разведчику и его коллегам, удалось предотвратить план покушения фашистской Германии на тройку лидеров.

Спустя несколько эта история стала основой для фильма «Тегеран 43».

За два года его группа раскрыла более 400 человек, которые были на связи с фашисткой разведкой.

Амир, (Советская разведка Варданяну дала имя «Амир», оперативный псевдоним), в глаза попадал в первую очередь, благодаря своим высокими умственным способностями, аналитической мысли рассуждения.

Главное качество Геворга Варданяна, которое стало причиной стать известным разведчиком, это его умственное и психологическое превосходство и целеустремленность, быстрое понимание и быстрая ориентация. К работе он проявлял творческий подход, благодаря чему для него ничего не стоило добывания данных из стран, где проходил службу, которые имели судьбоносное значение в разных странах мира, Иран, Италия, Франция, Греция. В очень сложных ситуациях, были проведены множество разведывательных операций.

Рядом с Геворгом Варданяном всегда была его жена, соратник и коллега Гоар Варданян, которая за разведывательные услуги перед родиной, была награждена Орденом Трудового Красного Знамени. Также нам известна итальянская командировка мужа и жены Варданянов. Геворг Варданян говорил на восьми языках. Входит в сотню величайших в мире разведчиков.

Почетный чекист, почетный сотрудник по госбезопасности, полковник (1975). Награждён орденом Ленина, орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны 2 степени, медалью за боевые заслуги, Медаль «В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», Медаль «За оборону Кавказа», Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», Юбилейная медаль «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», Юбилейная медаль «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», Медаль «Ветеран Вооружённых Сил СССР», Юбилейная медаль «70 лет Вооружённых Сил СССР», Медаль «За безупречную службу» 2 степени и 3 степени, Медаль «Маршал Баграмян», Орден Почёта (Армения), и Герой Советского Союза.

Высоко оценивали деятельность советской разведки в годы Великой Отечественной войны видные военачальники и полководцы, будущие Маршалы Советского Союза Г.К. Жуков, А.М. Василевский, К.К. Рокоссовский, И.С. Конев, И.Х. Баграмян, Н.И. Крылов, генерал армии С.М. Штеменко и многие другие.

Великая Отечественная война была суровым испытанием для военной разведки, и она выдержала его достойно. В ходе войны была выработана

эффективная система руководства разведкой во время войны, правильное организационное построение ее боевых органов, разумное и результативное их применение в различных видах обеспечения боевых действий. Сложились славные боевые традиции военной разведки, и был создан большой отряд высококвалифицированных разведчиков, которые умело использовали богатый боевой опыт и традиции в послевоенное время. Этими традициями всегда были и есть: преданность своей Родине и народу, верность присяге, мужество, стойкость до самопожертвования при выполнении боевых задач.

Литература:

1. Арутюнян К.А., Погосян Г.Р. Вклад армянского народа в победу в Великой Отечественной войне (1941-1945). – Ереван: Гитутюн, 2010. – 875 с.
2. Армянские герои отечественной войны. – Ереван, 2011.
3. Бондаренко А.Ю. Разведка без вымыслов и выстрелов. – М.: Кучково Поле. – 2009. – 286 с.
4. Дектярев К., Калпакиди А. Внешняя разведка СССР. – М.: Яуза, Эксмо, 2009. – 733 с.
5. Долгополова Н. Гении внешней разведки. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 449 с.
6. Паповян С. Армяне на невидимом фронте. – Erlangen, 2015.
7. Եվդոկիմով Ի.Ֆ. Հետախույզ Կարապետյան Գառնիկ "Հայաստան" Հրատարակչություն, 1971.

УДК 304.2

Поступила: 17.12.2019г.
Сдана на рецензию: 17.12.2019г.
Подписана к печати: 11.01.2020г.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ ДИНАМКИКА В АРМЯНСКОМ ОБЩЕСТВЕ*

С.А. Манукян

Аналитический Центр Орбели

samvelmanukytana@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье на основе вторичного анализа общереспубликанского репрезентативного социологического исследования построена конфигурация индивидуальной и коллективной самоидентификации армян Армении по пяти культурно-цивилизационным осям – армянской, европейской, восточной, советской и русской. Определены меры восприятия отчужденности общества от армянской культуры и меры напряжения по европейской и русской культурно-цивилизационным осям. Определены сегменты с большой отчужденностью и культурной напряженностью. Построена структура взаимосвязи пяти культурно-цивилизационных осей. Вычислены скорости и направления трансформации идентичности армянского общества по пяти культурно-цивилизационным осям.

Ключевые слова: армянское общество, цивилизационная идентичность, самоидентификация, культурное отчуждение, культурное напряжение.

В XXI веке значительно интенсифицировалась социокультурная динамика как в глобальном, так и в национальном и региональном уровне.

---

*Статья подготовлена на основе доклада, зачитанного в рамках круглого стола «Проблемы национальной идентичности и развитие гражданского сознания» IV Международного научно-практического форума «Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов (междисциплинарные аспекты)».

Имеются шесть фундаментальных факторов, обуславливающих этот процесс.

1. Структурные сдвиги в миросистеме вследствие постепенной потери США статуса гегемона и становление многополярного мира.
2. Социокультурные перемены, связанные с внедрением принципиально новых информационных технологий, искусственного интеллекта, роботизация, биотехнологии и генная инженерия.
3. Становление глобального гражданского общества.
4. Рост неравенства между регионами, странами, классами и другими социальным группами общества.
5. Интенсивный рост населения в бедных странах Азии и Африки.
6. Интенсивный рост трансграничной миграции[1] как следствие глобального неравенства, роста населения в бедных странах и войн.

Имеют место как специфические воздействия этих факторов, так и их влияние вследствие сложных взаимодействий. Одними из последствий перечисленных факторов как на индивидуальном, так и на групповом и национальном уровнях является, с одной стороны, «разрыхление», разрушение и замещение имеющихся идентичностей, а, с другой, становление новых идентичностей. Старые и новые идентичности, как правило, конфликтуют [1]. Конфликты возникают и среди самих индивидов, и между группами их носителей [2]. Следствием этого, в частности, на индивидуальном уровне, возникают когнитивные диссонансы, а на групповом уровне – межгрупповые, межэтнические, часто кровавые конфликты [3].

«Разрыхление» старых, возникновение новых и смешанных идентичностей происходят и в обществе Армении. Особенность процесса в Армении обусловлена двумя факторами. Во-первых, в современной Армении, **пока практически нет национальных и религиозных меньшинств**. Во-вторых, исторически маргинальное геополитическое положение Армении на протяжении, по крайней мере, последних 2000 лет, и в различные исторические эпохи, формировали как конкурирующие культурно-цивилизационные идентичности, так и военно-стратегические ориентации.

Одной из проблем, порождаемых трансформациями идентичностей в Армении, состоит в том, что, **если конфигурация цивилизационной иден-**

[1]По данным ООН, если в 2000г. количество мигрантов в мире составляло 2.8% от всего населения мира, то в 2019г. – 3.5%. Количество мигрантов в 2019г. – 272 млн. человек.

тичности в армянском обществе значительно отличается от конфигурации баланса сил, конкурирующих в Армении и регионе глобальных геополитических субъектов, то это формирует существенные угрозы национальной безопасности и национальным интересам Армении.

Идентичность индивида, групп и наций – сложные многослойные и многосвязные системы. В современных дискурсах об идентичности особое значение имеет самый «верхний» уровень идентичности – цивилизационный [4, 5] и ее интенсивные модификации вследствие «убыстрения» времени [6].

В армянском, достаточно интенсивном научном, дискурсе об идентичности, преобладает методологический аспект [7, 8, 9, 10, 11]. Нам известна только одна публикация, основанная на результатах массового опроса, в которой представлено распределение приоритетов элементов структуры идентичности армянской молодежи [12]. **В данной статье представлена обобщенная структура и динамика одного из слоев армянской идентичности, самоидентификации армян в контексте тех цивилизационных пространств (или культур), которые сегодня конкурируют между собой в Армении и армянском обществе – русского, европейского, восточного, советского и исконно армянского**[2].

ДАННЫЕ И МЕТОДОЛОГИЯ

Данные: Результаты, представленные в статье, получены вторичным анализом базы данных общереспубликанского социологического исследования «Качество жизни в Армении – 2015». Исследование проведено IPSC, Институтом политического и социологического консалтинга, автор исследования: С.А. Манукян

Генеральная совокупность исследования – население Республики Армения в возрасте 18 и более лет. Выборка – вероятностная, многоступенчатая стратифицированная-кластерная, репрезентативная по регионам (марзам), типам поселений (Ереван, остальные города, села), полу и возрасту. Объем выборки 2011 респондента. Выборочная ошибка ± 2.18%.

[2]В академической науке существует мнение, что армяне, как и другие представители восточных монофизитских церквей, составляют отдельную [по Тойнби – реликтовую] цивилизацию. С другой стороны, социологические исследования показывают, что существует значительный сегмент армянского общества, который не идентифицирует себя как часть какого-либо цивилизационного пространства.

Методология: Для определения цивилизационной идентификации опрошенных использованы два вопроса. Формулировка первого вопроса: «Каждая нация имеет свою культуру и еще что-либо из других культур. По Вашему мнению, насколько сегодня в культуре армян Армении присутствует [название цивилизационного пространства] культура? Оцените по шкале 0–10, где 0 обозначает – полностью отсутствует, а 10 – полностью присутствует». Для оценки были представлены следующие культурные (цивилизационные) пространства: армянская, европейская, восточная, советская и русская. Степень наличия каждой культуры оценивалось отдельно от остальных.

Формулировка второго вопроса: «Скажите, а насколько лично Вы в себе несете характерные черты этих же культур? Оцените наличие в Вас черты этих культур по той же шкале 0–10».

Ответы на первый вопрос определяют **коллективную идентификацию** своей нации армянами современной Армении – в пятимерном пространстве культур [цивилизаций].

С одной стороны, полученные результаты можно интерпретировать как проявление у армян современной Армении того очевидного факта, что нация, живущая в окружении и взаимодействии с другими культурами, как правило, что-либо заимствует от них.

Однако, **с точки зрения динамики и трансформации идентичности**, можно рассмотреть и другую интерпретацию. Очевидно, что каждый индивид, который считает себя армянином, имеет собственное представление (разной степени отчетливости, полноты, целостности и адекватности) о том, что такое армянская культура «в чистом виде». Назовем это представление «**идеальным типом армянской культуры**» в представлении конкретного индивида (армянина). Особо отметим, что это определение не имеет ничего общего с понятием **идеальный тип** в веберовском понимании[3].

Восприятие расстояния сегодняшних армян Армении от идеального типа армянской культуры, является индикатором того, насколько в представлениях современных армян Армении, **коллективная идентичность армян отдалена от идеального типа**. При такой интерпретации, восприятие культурного расстояния от остальных четырех цивилизационных пространств можно интерпретировать как направление «**уже произошедших сдвигов**».

---

[3]*Вебер М.* Избранные произведения: Пер. с нем. /Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808с. (Социологическая мысль Запада). СС. 345–415.

Второй вопрос определяет расположение **индивидуальных идентичностей** в том же пятимерном пространстве и может иметь аналогичные интерпретации.

Если удастся выявить скорости (меру и направления) сдвигов коллективной идентичности армян в этом пятимерном пространстве культур, то можно спрогнозировать будущую конфигурацию коллективной армянской идентичности и ее последствия.

В контексте динамической интерпретации коллективной и индивидуальной идентичности армян можно предположить, что **идеальным состоянием для общества Армении был бы случай**, когда:

1. Восприятия расстояний коллективной и индивидуальной идентичностей по отношению к **армянской культуре** были бы равны 10-ти.
2. **Восприятия расстояний коллективной и индивидуальной идентичностей по отношению к рассматриваемым культурным полюсам были бы подобны балансу сил конкурирующих в Армении глобальных геополитических субъектов**.

Однако так как индивидуальные и коллективные национальные идентичности – это динамичные объекты, следует ожидать, что позиционирование (идентификация) индивидом самого себя и своей нации в этом пятимерном пространстве культур, в общем случае, должно отличаться. Для целей анализа и интерпретации его результатов, а также прогноза, необходимо сформулировать несколько определений.

- Расстояние между любыми двумя оценками коллективной и индивидуальной идентификации, в том числе и от идеальных типов, по любым двум культурным осям назовем **напряжением.**
- Для «особой» для нас армянской оси напряжение между индивидуальной идентичностью и идеальным типом армянской культуры (имеющей оценку 10) назовем **индивидуальным отчуждением** от собственной культуры.
- Напряжение по армянской оси между коллективной идентичностью и идеальным типом армянской культуры, назовем **коллективным отчуждением** от собственной культуры.
- Напряженность по армянской оси между индивидуальной и коллективной идентичностью назовем **отчужденностью индивида от общества**.
- Напряжение между индивидуальной и коллективной идентичностью по какой-либо иной оси назовем **культурной напряженностью** по этой оси.

- Очевидно, что знаки напряженностей имеют содержание.

Если оценка респондента своей индивидуальной идентичности по оси армянской культуры выше, чем коллективная идентичность (т.е. ближе к идеальному типу армянской культуры), то, с одной стороны, можно предположить, что имеется вероятность, что это напряжение повышает национальную самооценку индивида – он становится «**хранителем национальной культуры**». В противоположном случае, можно предположить, что у индивида, с некоторой вероятностью, имеется **комплекс национальной неполноценности**.

С другой стороны, следует иметь в виду, что приведенная интерпретация не единственная. Взаимное расположение индивидуальной и коллективной идентичности индивида, из-за сложности его психологии, в частности, наличия разнообразных механизмов индивидуальной психологической защиты, могут формировать у индивида различные интерпретации. Не исключено, что при некоторых условиях, чувство «**национальной неполноценности**» может трансформироваться в агрессию по отношению к «непохожим на него».

Используя приведенные определения (интерпретации), можно вычислить **расстояние между различными сегментами общества** в пятимерном пространстве культур. Очевидно, что в нашем случае наиболее адекватной мерой является **эвклидово расстояние**.

Отметим также, что в формулировках вопросов не использован термин «цивилизация», так как он сам по себе неоднозначен, тем более, для респондентов, достаточно большая часть из которых, возможно, даже не знает, что это слово означает. Поэтому в статье термины **«культура»** и **«цивилизация»** использованы как эквивалентные. Допустимость такого отождествления имеет и иное обоснование. Так, например, Гашкова Е.М. отмечает, что, «Особняком стоит терминологическая проблема содержания понятий "цивилизация" и "культура". В современной культурологии подчеркивается, что эта пара категорий имеет весь спектр значений: от полного слияния (А. Тойнби) до враждебной оппозиции (Г. Зиммель, О. Шпенглер)» [13].

Национальный состав выборки: По результатам переписи населения Армении 2011г. армяне составляли 98.1% де-юре населения Армении. В выборке исследования армяне составили 99.0%. Встречались также езиды, русские, ассирийцы, украинцы. Доверительный интервал оценки количества армян составляет [98.57%; 99.43%] при уровне доверия 0.95, т.е. показатель

переписи населения, с вероятностью 0.95, находится вне доверительного интервала. Полученное статистически значимое расхождение возможно объясняется более интенсивным оттоком из Армении неармянского населения за прошедшие после переписи 8 лет, а также тем, что в Армении де-юре население почти на 7% меньше населения де-факто. При этом нет данных о том, кто в относительном исчислении больше отсутствуют из Армении – армяне или представители других национальностей? ***В вычислениях данные, относящиеся к другим национальностям, исключены – результаты относятся только к армянам Армении в возрасте от 18 и более лет.***

РЕЗУЛЬТАТЫ

Конфигурация самоидентификации цивилизационной идентичности армян Армении

На Диаграмме 1 представлена конфигурация средних оценок идентификации в армянском обществе коллективной и индивидуальной идентичности по всем пяти культурно-цивилизационным осям.

Средние значения индивидуальной идентификации расположены в следующем нисходящем порядке – **армянская** (8.51), **русская** (4.64), **советская** (4.46), **европейская** (3.04) и **восточная** (2.12). Ранжирование коллективной идентификации такая же, за исключением того, что европейская культура переместилась на ранг выше и заняла третье место после русской культуры.

Вполне ожидаемо, что **индивидуальная идентификация** по оси **армянской культуры** значительно превышает (на 3.87–6.39 единиц, или 39–64% шкалы) индивидуальную идентификацию во всех остальных культурах. Однако это не так очевидно для конфигурации коллективной идентификации: **коллективная идентификация по оси армянской культуры** превосходит коллективную идентификацию по осям других культур всего на 0.75–1.4 единиц шкалы.

Если обобщить полученные данные, то:

- **В представлениях армянского общества, в целом, армяне имеют смешанную культуру (или смешанную цивилизационную идентичность), в которой хотя и преобладает исконно армянская культура, однако это преобладание не подавляющее – в достаточно большом объеме присутствуют также русская, европейская, советская и восточная культуры.**

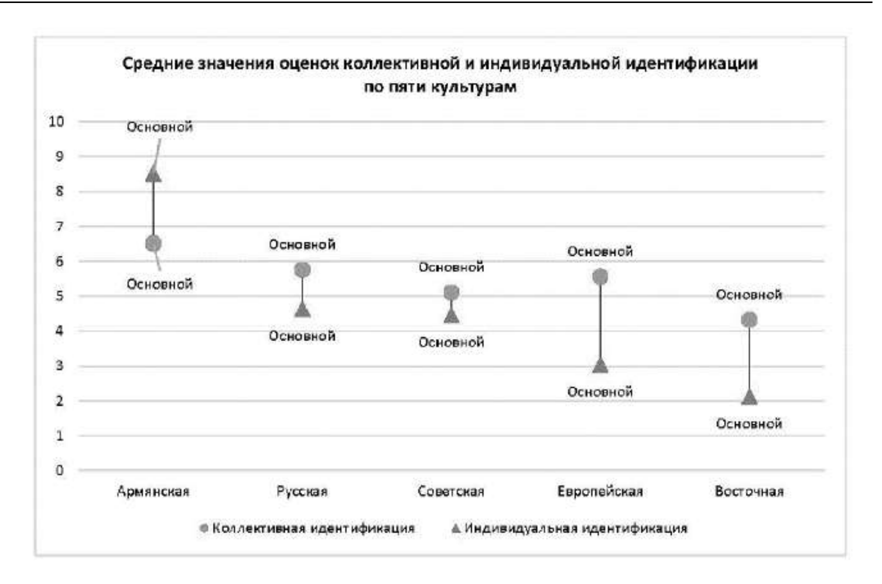

Диаграмма 1. Средние значения ответов на вопросы: «Каждая нация имеет свою культуру и еще что-либо из других культур. По Вашему мнению, насколько сегодня в культуре армян Армении присутствует [название цивилизационного пространства] культура?» и «Скажите, а насколько лично Вы в себе несете характерные черты этих же культур? Оцените наличие в Вас черты этих культур». Шкала оценок 0–10. Вычисления с исключением ответов «Затрудняюсь ответить».

Более подробное представление о конфигурации культурной самоидентификации в армянском обществе дает Диаграмма 2, на которой представлены агрегированные оценки индивидуальной и коллективной идентификации в армянском обществе по рассмотренным пяти культурно-цивилизационным осям. На диаграмме оценки в диапазоне 8–10 обозначены как «**акцентированные**», оценки 3–7 – «**средними**», а оценки 0–2 – «**слабыми**». В таком обозначении, в восприятии армянского общества, 76% армян имеет акцентированную индивидуальную национальную (армянскую) идентификацию и только 37% акцентированную коллективную национальную идентификацию.

Относительно объемнее сегменты общества, имеющие акцентированную индивидуальную идентификацию по **советской** (24%) и **русской** (26%)

культурно-цивилизационным осям. А сегменты сакцентированной коллективной идентификации сравнительно объемнее по русской (28%), советской (26%) и европейской (25%) культурно-цивилизационным осям.

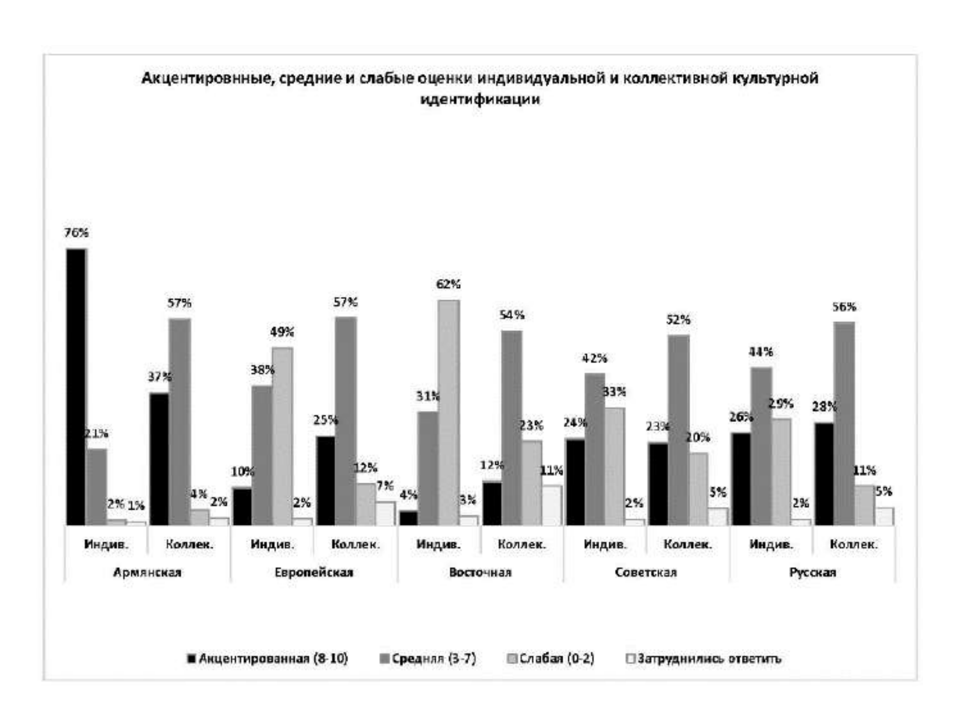

Диаграмма 2. Обобщенные распределения ответов на вопросы: «Каждая нация имеет свою культуру и еще что-либо из других культур. По Вашему мнению, насколько сегодня в культуре армян Армении присутствует [название цивилизационного пространства] культура?» и «Скажите, а насколько лично Вы в себе несете характерные черты этих же культур? Оцените наличие в Вас черты этих культур».

Культурное отчуждение в армянском обществе

Индивидуальное отчуждение в армянском обществе небольшая – оценка индивидуальной идентификации по оси армянской культуры – 8.51, расстояние от идеальной армянской культуры 1.49 или на 15% шкалы.

Однако **коллективное отчуждение в армянском обществе довольно большое** – оценка идентификации по армянской культурной оси 6.51, расстояние от идеальной армянской культуру 3.49 или 35% шкалы.

Это означает: армяне считают, что каждый из них лично, лучше сохраняет армянскую культуру, чем вся нация в целом, которая, по представлению армян, достаточно далеко ушла от «исконно армянской» культуры в «разных направлениях».

Отчужденность от общества, т.е. расстояние между индивидуальной и коллективной идентификацией по оси армянской культуры также довольно большая и составляет 2.0 единицы, или 20% шкалы.

Рассмотрим подробнее **отчужденность от общества**. Ее полное распределение представлено на Диаграмме 3-А, а агрегированное распределение – на Диаграмме 3-Б. На Диаграмме 3-А, диапазоны обозначены следующими названиями:

[-10; -7] – **Радикальная** отчужденность «-», оценка индивидуальной идентификации меньше коллективной,

[-6; -3] – **Средняя** отчужденность «-», оценка индивидуальной идентификации меньше коллективной,

[-2; -1] – **Малая** отчужденность «-», оценка индивидуальной идентификации меньше коллективной,

[0] – Нет отчужденности,

[1; 2] – **Малая** отчужденность «+», оценка индивидуальной идентификации больше коллективной,

[3; 6] – **Средняя** отчужденность, оценка индивидуальной идентификации больше коллективной,

[7; 10] – **Радикальная** отчужденность, оценка индивидуальной идентификации больше коллективной.

А на Диаграмме 3-А представлены три сегмента по степени отчужденности – Большая «-» [-10;-3], «Незначительная» [-2; 2], Большая «+» [3-10].

В армянском обществе существует значительная культурная отчужденность, так как 38% армян считают, что армянское общество **отдалилось** от «идеальной армянской культуры» гораздо дальше, чем они сами (правое крыло распределения на Диаграмме 3-Б). При этом у 5% имеется «большое» положительное напряжение (Диаграмма 3-А), т.е. это, в некотором смысле, «**радикальная**» часть общества, а 34% общества «**средне радикальны**» в том же смысле.

Объем сегмента общества, который считает, что **армянской культуры в них самих гораздо меньше (диапазон [-10; -3]), чем обществе, в целом**, составляет 3% (Диаграмма 3-А, левое крыло), т.е. это сегмент с [воз-

можным] чувством «национальной неполноценности», которая может перерасти в агрессию. В его составе сегмент с радикальной отчужденностью составляет 0.3% (на диаграмме округлено до целой части – 0%).

Культурное отчуждение в обществе балансируется сегментом объема 58%, у которых, отчужденность или отсутствует (24%), или незначительно малое положительное (29%), или незначительно малое отрицательное (5%).

Диаграмма 3. А. Распределение культурная отчужденности (напряжения по армянской культурной оси) и Б. сегменты по величине культурной отчужденности.

Культурные напряжения в армянском обществе

При рассмотрении культурных напряжений между индивидуальной и коллективной идентификацией по осям других культур, раскрывается содержание предыдущего заключения. Для каждой извне **армянских культур** средние оценки коллективной идентификации выше, чем индивидуальной идентификации. Очевидно, что отрицательную **напряженность** между индивидуальной и коллективной идентификацией можно интерпретировать как представление, что: «**Нация расплывается на все четыре стороны, а я, лично, сопротивляюсь**».

Если на Диаграмме 1 обратить внимание на **напряжения между индивидуальной и коллективной идентификациями**, то данные показывают, что, в целом, **наибольшая культурная напряженность существует по европейской (2.52) и восточной (2.20) культурным осям. А наименьшая напряженность – по советской (0.65) и русской (1.12) культурным осям.**

Другое следствие – в армянском обществе в целом, бытует мнение (восприятие), что армяне гораздо больше «сдвинулись» от собственной культуры в сторону европейской культуры, чем в сторону остальных культур.

Вспомним, что культурная напряженность определена как разница оценок индивидуальной и коллективной идентичностью по данной культурной оси. Причем, эта напряженность по армянской культурной оси названа культурной отчужденностью.

На Диаграммах 4-А и 5-А приведены распределения культурной напряженности по европейской и русской культурным осям. А на Диаграммах 4-Б и 5-Б – агрегированные оценки распределений по тем же диапазонам агрегации, что и при рассмотрении отчужденности в армянском обществе. Данные на диаграммах 4-Б и 5-Б показывают, что:

В армянском обществе **наибольшая культурная напряженность имеется по европейской культурной оси** (Диаграмма 4-Б). Отрицательный характер этой напряженности противоположен напряженности (отчуждения) по армянской культурной оси. Здесь **89% общества считает, что армянское общество сдвинуто по европейской культурной оси больше, чем они сами**. При этом сегмент с «**радикальной**» напряженностью составляет 43%, со **средней** напряженностью – 32%, а **незначительной** напряженностью – 14%. Положительная напряженность по европейской культурной оси существует у 4% общества и отсутствует среди 7%.

- **Напряженность по русской культурной оси** более **сбалансированное**, чем по европейской культурной оси. Сегмент с отрицательной «**радикальной**» напряженностью (т.е. те, кто считает, что общество гораздо больше сдвинуто к русской культуре, чем они сами), имеет объем 5% (Диаграмма 5-А, крайне левое крыло), а со **средней** отрицательной напряженностью – 23%.
- **Сегментация общества по степени напряженности по культурным осям имеет интерес не сам по себе, а в контексте их влияния на различные, более содержательные характеристики общества, которые влияют на политическую и социальную устойчивость общества**.

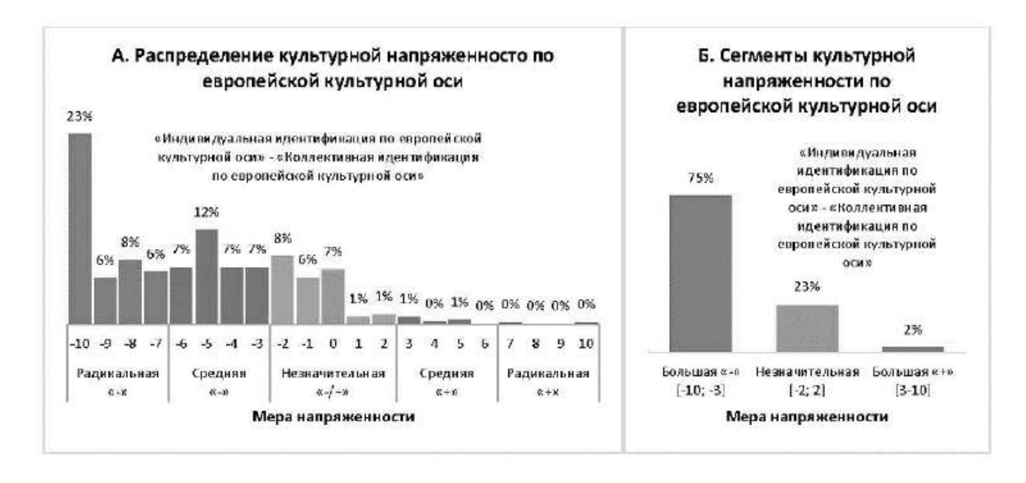

Диаграмма 4. А. Распределение культурная напряженности по европейской культурной оси и Б. сегменты по величине культурной напряженности.

Диаграмма 5. А. Распределение культурная напряженности по русской культурной оси и Б. сегменты по величине культурной напряженности.

Структура самоидентификации армян

Одним из важных вопросов в исследовании динамики культурных трансформаций в Армении является выявление взаимосвязей культурных

трансформаций по различным культурным осям. Факторный анализ индивидуальной идентификации по пяти культурным осям выявил эту структуру. Получилась двух-факторная модель представленная на Диаграмме 6-А[4]. Первый фактор (**Ф 1. Русско-советский фактор**) объединяет индивидуальную идентификацию по советской и русской культурным осям.

Диаграмма 6. Факторные модели культурных осей.

[4]Два фактора вместе объясняют 63% дисперсии пяти переменных.

Результат вполне ожидаемый. В обществе советская и русская идентификация вместе растут и вместе снижаются. Однако,

- **Фактор Ф 1. указывает также на то, что снижение индивидуальной идентификации по русско-советскому фактору, сопряжено также с ростом отчуждения по армянской культурной оси.**

Отметим, что при принудительном построении трехфакторной модели индивидуальная идентичность по армянской культурной оси превращался в самостоятельный фактор.

Факторный анализ дал и другой, довольно неожиданный результат. Оказалось, что индивидуальная идентификация по европейской и восточной культурным осям также взаимосвязаны (положительно коррелированы), т.е. у индивидов, имеющих более высокую оценку по европейской культурной оси, повышены оценки и по восточной культурной оси. Иначе, **чем выше у индивида индивидуальная идентификация по европейской оси, тем больше он ощущает гибридность своей же идентичности.**

Трехфакторная модель, построенная с использованием всех 10 оценок индивидуальной и коллективной идентификации, подтвердила эти результаты (Диаграмма 6-Б).

Динамика индивидуальной и коллективной идентификации армян Армении

Попытаемся точнее определить – **в какие стороны и с какими скоростями трансформируется цивилизационная идентичность армян**?

Для этого рассмотрим конфигурации индивидуальной и коллективной идентификации по всем пяти осям в четырех возрастных группах: 18–29 лет (родились в 1986–1997гг.[5]), 30–44 года (родились в 1971–1985гг.), 45–59 лет (родились в 1956-1970гг.) и 60 лет и старше (родились до 1956г.).

Общая картина изменения конфигурации индивидуальной и коллективной идентификации по всем пяти культурным осям, приведена на Диаграмме 7. Для того чтобы показать изменения средних оценок во времени на диаграмме возрастные группы показаны в обратном порядке. Тогда рассмотрение данных слева направо отображает произошедшие изменения во времени. Основное предназначение этой диаграммы показать **все действительные уровни** динамических изменений индивидуальной и коллективной

[5]Расчет ведется от года исследования – 2015.

идентификации по всем пяти осям и четырем возрастным группам. Однако на этой диаграмме достаточно трудно проводить визуальное сравнения.

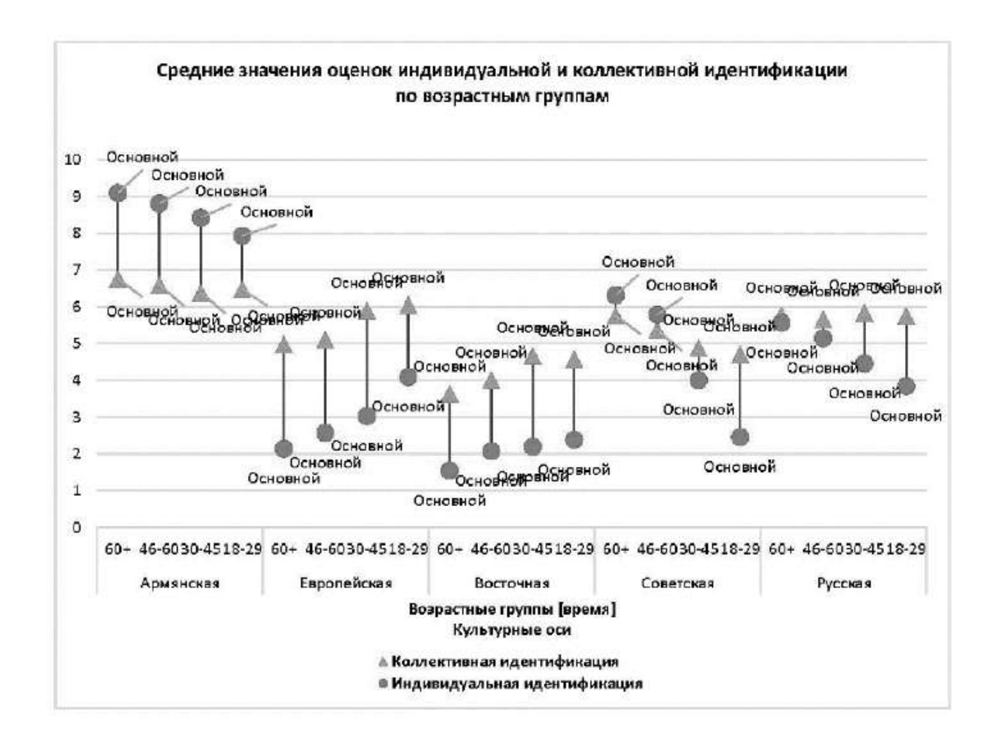

Диаграмма 7. Трансформация индивидуальной и коллективной идентификации во времени по пяти культурным осям.

Поэтому на Диаграммах 8 и 9 приведены величины и направления изменений во времени индивидуальной и культурной идентификации по всем культурным осям. На этих диаграммах значения для возрастной группы 60 лет и старше приравнены к нулю, что позволяет легко увидеть и **сравнивать скорости трансформации** индивидуальной и коллективной идентификации по различным культурным осям.

Диаграмма 8 показывает, что:

1. По всем пяти культурным осям в течение времени произошли изменения **индивидуальной идентификации**,

2. **По армянской, советской и русской культурным осям происходит снижение уровня индивидуальной идентификации, а по европейской и восточной культурным осям – повышение**.

3. **Наиболее интенсивное изменение (снижение) в индивидуальной идентификации – на 3.86 единиц** (или почти на 40%) **шкалы**[6]**, произошло по советской культурной оси**. Значительное снижение на 1.72 единиц шкалы произошло также по **русской** культурной оси, а снижение по **армянской** культурной оси – 1.16 единиц.

4. **Интенсивный рост произошел по европейской культурной оси – 1.95 единиц**. **Причем более половины роста произошла в наиболее молодой возрастной группе 18–29 лет**.

5. По **восточной** культурной оси рост составил 0.84 единиц шкалы.

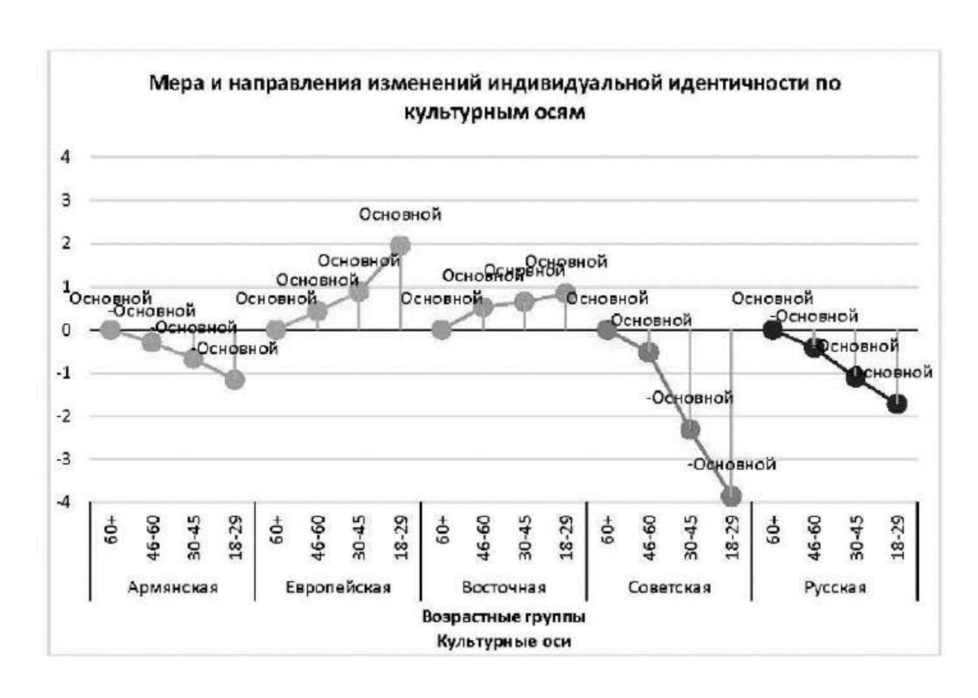

Диаграмма 8. Мера и направления изменений ***индивидуальной идентичности*** *по культурным осям.*

Изменения в коллективной идентификации (Диаграмма 9) значительно слабее.

6. **Здесь скорость ослабления коллективной идентификации по российской культурной оси 1.06 равна скорости усиления по европейской культурной оси**. Практически, с той же скоростью росла коллективная

[6]Напомним, что размах шкалы 10 единиц.

идентификация по **восточной** культурной оси. Причем рост по восточной культурной оси приходится на два молодых поколения – 18–29 и 30–45 лет.

7. **Снижение уровня** коллективной идентификации по **армянской** культурной оси – 0.29, очень маленький, а по **русской** культурной оси практически отсутствует.

Диаграмма 9. Скорости и направления изменения коллективной идентичности по культурным осям.

Если сравнить **статическую** и **динамическую** идентификационные структуры, представленные на Диаграммах 1 и 7, то становится ясно, что необходимо расширить понятие напряженности и ввести понятие **межпоколенной напряженности** по различным культурным осям**.** На Диаграмме 1 приведена **статическая напряженность** между индивидуальной и коллективной идентификацией, в контексте которой напряжение по осям русской и советской культурным осям наименьшие. Однако данные Диаграммы 7, которая показывает **динамику культурных трансформаций**, подсказывают, что:

- **В армянском обществе, по всем культурным осям, имеется значительная межпоколенная напряженность индивидуальной**

идентификации, особенно сильная по советской культурной оси.

- **Существенные, но противонаправленные межпоколенные напряженности имеются также по европейской и восточной культурным осям коллективной идентификации.**

Конфигурация самоидентификации армян Армении в социально-демографических группах

Исследование средних значений индивидуальной и коллективной идентификации по культурным осям показало, что:

- **Тип населенного пункта** – по оси **армянской** культуры оценка индивидуальной и коллективной идентификации в селах выше, чем в городах, а в городах выше, чем в столице. По оси **европейской** культуры оценка выше в Ереване, чем в городах, а в городах выше, чем в селах.
- **Уровень образования** – в группе с **высшим образованием** по оси европейской культуры индивидуальная идентификация несколько выше.
- **По уровню благосостояния и полу** различия не обнаружены.

Основные выводы

1. В представлениях армянского общества, в целом, армяне имеют смешанную (гибридную) цивилизационную идентичность, в которой хотя и преобладает исконно армянская культура, однако, это преобладание не подавляющее – в достаточно большом объеме присутствуют также русская, европейская, советская и восточная культуры.
2. **Отчуждение.** Армяне в плане индивидуальной культурной идентификации несколько отчуждены от идеальной армянской культуры (отдалены от нее на 15% шкалы). В плане коллективной культурной идентификации, отчуждение довольно большое (35% шкалы). Существует также отчуждение индивида от общества (по оси армянской культуры).

Имеются три основных сегмента культурного отчуждения. Первый – сегмент, индивиды, который считают, что армяне, в целом, гораздо больше, чем они сами, отошли от армянской культуры (38%). Второй сегмент, индивиды, для которых восприятие отчужденности незначительное составляет

58% (в том числе 24%, у которых отчуждение отсутствует). Третий сегмент – индивиды, которые считают, что они сами гораздо более отошли от армянской культуры, чем общество в целом (3%).

3. **Культурное напряжение.** В армянском обществе существует культурное напряжение по всем культурным осям (аналог отчуждения от общества). Максимальное напряжение имеется по европейской (2.52) и восточной (2.20) осям. Меньше напряжения – по советской (0.65) и русской (1.12).

Наибольшее культурное напряжение имеется по европейской культурной оси. Характер этого напряжения противоположен отчужденности по армянской культурной оси. Здесь сегмент, считающий, что армянское общество продвинуто по европейской культурной оси гораздо больше, чем они сами, составляет 75% общества. (При этом сегмент с «радикально» большим напряжением – 43%, а со средним напряжением – 32%.). Сегмент с незначительным напряжением по этой оси составляет 23% (в том числе 7%, у которых отчуждение отсутствует)). Большая напряженность по европейской культурной оси, считающих, что они более продвинуты к европейской культуре, чем общество в целом, составляет 2% (в том числе «радикально» – около 0%).

Напряжение по русской культурной оси более сбалансированное, чем по европейской культурной оси. Сегмент с большой отрицательной напряженностью, считающие, что общество гораздо больше сдвинуто к русской культуре, чем они сами, имеет объем 28% (в том числе сегмент с «радикально» большим напряжением – 5%). Сегмент с незначительным напряжением – 62% (в том числе 25% у которых напряжение отсутствует), а сегмент, считающий, что они продвинуты по русской культурной оси больше, чем общество в целом составляет 10%.

4. **Внутренняя структура цивилизационной динамики**. В армянском обществе сопряжены идентификации, с одной стороны, между советской, русской и в некоторой степени, армянской культурными осями, и, с другой стороны, европейской и восточной культурными осями. При этом, чем выше у индивида индивидуальная идентификация по европейской оси, тем больше он ощущает гибридность своей идентичности.

5. **Динамика цивилизационной идентичности**. С точки зрения динамики цивилизационной идентичности армян, в армянском обществе по всем культурным осям имеется значительная межпоколенная напряженность индивидуальной идентификации, особенно сильная по советской, русской и

европейской культурным осям. Существенная межпоколенная напряженность имеется также по европейской и восточной культурным осям коллективной идентификации.

6. **Риски, связанные с цивилизационной динамикой армянского общества**. Направления трансформаций цивилизационной структуры идентичности армян происходит в противоположном направлении от динамики баланса сил глобальных геополитических субъектов и в геостратегическом, геополитическом и геоэкономическом контексте. В перспективе эта противонаправленность может сформировать серьезные риски национальной безопасности и национальным интересам Армении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Политическая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1: Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий / Отв. ред. И. С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2011.
2. *Семененко И.С.* Социокультурная модернизация и конфликт идентичностей // Россия реформирующаяся. Вып. 12: ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2013. СС. 111–131.
3. *Дибиров А.З., Белоусов Е.В.* Война идентичностей // Вестник Института социологии. 2014. № 11. СС. 127–147.
4. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603, [5]с. (Philosophy).
5. Идентичность цивилизационная // Новая философская энциклопедия: В 4-х томах. Ред. совет: Степин В.С., Гусейнов А.А., Семигин Г.Ю., Огурцов А.П. и др. М.: Мысль, 2010. 744с. / 634,[2]с. / 692, [2]с. / 736с.
6. *Музыкина Е.В.* Конфликт идентичностей в странах западной Европы. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. II. СС. 149–153.
7. Հայաստանը Եվրոպայի ճանապարհին: Խմբ. Ա. Ռսկանյան: Եր.: Անտարես, 2005. 480 էջ:
8. *Золян С.Т.* О принципах и типах описания национальной идентичности // Вестник РАУ (сер.: гуманитарные и общественные науки), (29), Изд-во РАУ, № 2/2018. СС. 7–18.
9. *Սուխյան Դ.* Ինքնության դիսկուրսի հեռանկարները (մեթոդաբանական դիտարկումներ) // Իմաստություն, 2015, 1(4), էջ 45–50:
10. Проблемы национальной идентичности в контексте современной глобализации // Материалы международной научной конференции, 3–4 ноября 2017г.

11. *Թորոսյան, Տ.Ա.* Ինքնության պահպանման խնդիրը տրանսֆորմացման գործընթացներում // Լրաբեր Հասարակական Գիտությունների, 2006, № 1, էջ 3–21.
12. *Մկրտիչյան Ա., Վերմիշյան Հ., Բալասանյան Ս.* Անկախության սերունդ. Հետազոտություն երիտասարդների շրջանում. Հայաստան 2016 // Հայաստան 2016. Եր.: Ֆրիդրիխ Էբերտ հիմնադրամի հայաստանյան մասնաճյուղ, 2016, 232 էջ, էջ. 134–135:
13. *Гашкова Е.М.* Цивилизационная идентичность и культура. Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки, 2 (196) 2014. СС. 32–36.

CIVILIZATION IDENTITY AND ITS DYNAMICS IN THE ARMENIAN SOCIETY

S. Manukyan

ABSTRACT

In the article, on the basis of a secondary analysis of a republican representative sociological study, a configuration of individual and collective self-identification of the Armenians of Armenia on five cultural-civilizational axes – Armenian, European, Eastern, Soviet and Russian is constructed. The measures of perception of the estrangement of society from the Armenian culture, and the measures of tension along the European and Russian cultural-civilizational axes are determined. Segments with great estrangement and cultural tension are identified. The structure of the relationship of the five cultural-civilizational axes is built. The speeds and directions of the transformation of the identity of Armenian society along five cultural-civilizational axes are calculated.

Keywords: Armenian society, civilizational identity, self-identification, cultural alienation, cultural tension.

УДК 304.2

Поступила: 17.12.2019г.
Сдана на рецензию: 18.12.2019г.
Подписана к печати: 13.01.2020г.

СТРУКТУРА АРМЯНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИАСПОРЕ*

В.Р. Овян

Исследовательско-аналитический центр «Орбели»
Центра общественных связей и информации
при Администрации Премьер-министра РА

vhovyan@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Традиционные компоненты армянской идентичности в диаспоральной среде со временем претерпели определенный регресс. Сегодня только их недостаточно для решения задачи сохранения армянской идентичности за рубежом. Следовательно, на первый план выходит императив разработки новых подходов, которые, помимо имеющихся компонентов, обогатят армянскую идентичность новыми краеугольными камнями и выдвинут новые принципы формирования идентичности.

В XXI веке целесообразно заменить децентрализованно-горизонтальную идентичность армян Диаспоры централизованно-вертикальной структурой, основу которой должно составлять мощное национальное государство. Из этого последует идеология репатриации, а оттуда уже – армянский язык, религия, культура, историческая память.

Ключевые слова: Диаспора, идентичность, государственность, децентрализованно-горизонтальная структура, централизованно-вертикальная структура.

---

*Статья подготовлена на основе доклада, зачитанного в рамках круглого стола «Проблемы национальной идентичности и развитие гражданского сознания» IV Международного научно-практического форума «Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов (междисциплинарные аспекты)».

Один из самых больших вызовов, стоящих перед армянской диаспорой, – потеря идентичности, поскольку нации умирают не физически, а духовно. Даже посредством крупномасштабных погромов и геноцида невозможно физически уничтожить какой-либо народ полностью. И армяне, и евреи, и подвергшиеся геноциду другие народы, несмотря на огромные человеческие потери, тем не менее, не исчезли из лица Земли. Вместо них исчезли те народы, которые, хотя не подвергались геноциду, но были осуждены к духовной смерти, т.е. потеряли национальное лицо и ассимилировались в других народах.

В течение десятилетий армянская идентичность в Диаспоре была основана на идеях сохранения языка, религии, национальной культуры, памяти Геноцида, армянской традиционной семьи, которые и являлись компонентами национального самосознания. Однако все эти компоненты с течением времени переживали спад. Их слабость и уязвимость очевидны во времени и в пространстве.

В смысле времени потеря компонентов армянской идентичности очевидно продемонстрировала себя еще на раннем этапе формирования армянской диаспоры – в 1920–30гг., когда Диаспору составляли представители первого поколения подвергшихся Геноциду, что вызывало тревогу в среде армянских интеллектуалов и представителей общественно-политических кругов того же времени. Например, будучи озабоченным национальными проблемами, Шаан Натали еще в 1920-ых гг. пишет: «Не думаем, что спустя только одно десятилетие кто-то претендует находящемуся во Франции армянину дать говорить на армянском вместо французского языка» [1]. А Гарегин Нжде в связи с той же проблемой в 1930г. пишет: «Вне сомнения и то, что для мигрантской половины армянства – если она не меняется в душе как можно скорее – мало годов нужно, чтобы в ее жизни трагизм смерти отступил перед душевным самоубийством, чтобы армянский homo становился homunculus и умирал денационализацией» [2].

В пространстве потеря компонентов армянской идентичности очевидно видится в том, что даже в самых традиционных общинах Диаспоры – на Ближнем и Среднем Востоке – они переживают очевидное отступление. Это проявляется как ростом количества смешанных браков, так и уменьшением количества учащихся в армянских школах, отступлением во владении языком, культурного приобщения и трансформацией национального самосознания.

Неспособность эффективно противостоять вызовам национальной идентичности вынуждает надлежащим инстанциям Армении и Диаспоры,

общественно-политическим и интеллектуальным кругам пойти по пути пересмотра концепции национальной идентичности. В этом контексте выдвигаются и вводятся в оборот такие идеи, как двойная или многократная национальная идентичность (личность может иметь более одной национальной принадлежности), искусственное раздувание роли национального самосознания (точнее – самоощущения) в структуре идентичности (лозунг «армянин – тот, кто чувствует себя армянином», без учета у личности существования или отсутствия других компонентов национальной идентичности – языка, религии, приобщения к национальной культуре, исторической памяти и даже соответствующего происхождения).

Упомянутые идеи не что иное, чем самообман и представляют собой не столько гибкость, сколько «размазывание» концепции национальной идентичности. С одной стороны, нельзя определить национальную принадлежность личности в строгом соответствии с совокупностью ряда критериев. В то же время непонятна и обратная крайность – пренебрежительное отношение к компонентам национальной идентичности, искусственное раздувание и, таким образом, искажение одного из них – самосознания (превращение самосознания в самоощущение).

Итак, традиционная опора национальной идентичности, в течение времени определенно обеспечивающая сохранение армянской идентичности в Диаспоре, тем не менее, в настоящее время не в состоянии больше решать эту проблему. Следовательно, возникает императив новых подходов.

В XXI веке среди армян Диаспоры опорой национальной идентичности может стать *идея армянской государственности*. Она, в общем смысле, сводится к идее творения могучего отечественного государства как залога увековечения и развития всего армянства, поскольку «Суверенная государственность на отечественной земле есть основной залог физического и духовного выживания и процветания нации, сохранения национальной идентичности» [3].

Идея, по сути, сводится даже к образу государственной центричности, поскольку в этом случае интересы государства, вопросы его безопасности и развития ставятся выше индивидуальных, групповых, партийный и других интересов [подробнее см. 4]. Предметом номер один стали заботы каждого армянского индивида, группы, партии и т.д. (будь то в Диаспоре или на родине), усиление Армении как национального государства всего армянства.

Идеология творения могучей армянской государственности как опоры сохранения армянской идентичности в Диаспоре имеет преимущества над

другими компонентами идентичности. В первую очередь, это – ее объединяющий характер. Последний вытекает из того обстоятельства, что идея могучего отечества не подразумевает фрагментарности.

Как известно, Диаспора по разным параметрам – языковому, религиозно-конфессиональному, партийному, территориальному и т.д. – разделяется на многочисленные группы. Единственная среди традиционных опор армянской идентичности, которая не подразумевает внутренние разделения, есть память Геноцида. Однако она, параллельно с трансформацией армянской идентичности в Диаспоре, сама подвергается изменениям, воспринимаясь как часть истории данного государства.

Представители армянских общин за рубежом, глубоко интегрируясь в обществах своих стран, подвергаются изменению идентичности, например, из *проживающего в Америке или во Франции армянина* превращаясь в *американца или француза с армянским происхождением*. Такая трансформация происходит в восприятии представителей не только армянских общин, но и принимающих обществ. В Соединенных Штатах, например, это выражается в обращениях президентов, других государственных деятелей страны к армянской общине, которые, в основном, относятся к Геноциду [5]. Вследствие такой трансформации идентичности историческая память Геноцида также подвергается изменению, вписываясь в историю этих стран и считаясь частью истории США, Франции или других государств. На примере армянской общины США это явление показал этнограф, директор Института-музея Армянского геноцида НАН РА А. Марутян [см. 6].

Идеология государствоцентричности выгодно отличается от вышеупомянутых традиционных опор национальной идентичности благодаря следующим характеристикам:

1. Как уже было замечено, она не имеет разделяющий характер. Наоборот, объединяет разноязычных, разноконфессиональных, принадлежащих или симпатизирующих разным партиям, проживающих в разных регионах и странах армян вокруг одной общей идеи.
2. В отличие от исторической памяти геноцида, она свободна от опасности вписаться в историческую память других народов, стать частью истории других стран.

В случае армянского народа для становления идеологии создания сильного государства в качестве опоры национальной идентичности существуют и внутренние, и внешние предпосылки. Внутренняя – эта та, что настоящие два армянских государства – РА и АР (Арцахская Республика) – макси-

мально соответствуют облику национального государства, учитывая максимальную этническую унитарность их населений. То есть это – тот случай, когда понятия «нация» и «государство» почти идентифицируются, становясь синонимами.

Один из гигантов американской политологии Самюэль Хантингтон выделяет два типа национальной идентичности – гражданский и этнический [см. 7]. Армения – это тот случай, когда упомянутые два типа идентичности не только не входят в противостояние друг с другом, но также гармонично совмещаются. Благодаря этнической унитарности РА и АР и исторически формировавшегося и укрепившегося у армянского народа высокого национального самосознания как в индивидуальных, так и в коллективных восприятиях, гражданско-территориальная (патриотизм) и этно-генеалогическая (национализм) формы идентичности [8], сливаются, составляя одно целое.

Что касается внешних предпосылок, они – это замечающиеся в последние времена на международной арене, в частности, во внешней политике США, тенденции. Выступая на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь 2018г.), президент Д. Трамп заявил, что США отказывается от глобализма и дает предпочтение патриотизму[1]. На 74-й сессии (сентябрь 2019г.) лидер США утвердил свою позицию, заметив, в частности, что будущее принадлежит не глобалистам, а патриотам[2]. Не углубляясь в детали (с целью не отклоняться от темы), отметим только, что упомянутые заявления найдут свое отражение также в практической политике.

Сильное национальное государство может стать стержнем сохранения армянской идентичности в Диаспоре также с точки зрения идеологии репатриации. Ведь в случае любого народа сохранение национальной идентичности за рубежом не является самоцелью. Окончательная цель – это возвращение в родину.

Несомненно, в случае репатриации, в отличие от простой миграции, важную роль имеет духовно-идейный фактор – внутреннее стремление возвращения в родину. Одновременно, надо учесть, что в настоящее время армянство Диаспоры составляет четвертое поколение, подвергшихся Геноциду и эмигрировавших, у которого сравнительно уменьшился уровень национального самосознания. Следовательно, кроме патриотических стремлений, в наше время для репатриации важным фактором является также уровень безопасности и благополучия в отечественном государстве, который опять же сводится к идее могущества последнего.

---

[1] Видеозапись выступления см. https://www.youtube.com/watch?v=KKrpEuyEHqc
[2] Видеозапись выступления см. https://www.youtube.com/watch?v=fQXgCcmgav0

Итак, сильное национальное государство имеет все предпосылки стать в Диаспоре опорой армянской идентичности. Сказанное отнюдь не означает, что оно должно заменить собою другие компоненты идентичности – язык, религию, культуру, историческую память и т.д. Оно просто должно быть стержнем национального самосознания армян Диаспоры, подпитывая и усиливая собою также другие компоненты армянской идентичности.

Способ осуществления этого следующий. Могучее отечественное государство:

1. Освобождает армян Диаспоры от комплекса, лишенного государственности народа[3].
2. Подпитывает чувство национальной гордости (гордости принадлежности к армянской нации).
3. Подталкивает к укреплению и яркому выражению собственной принадлежности к армянскому народу, что, в свою очередь, подвигает армян Диаспоры быть максимально последовательным в сохранении и укреплении армянского языка, христианской веры, армянской культуры, исторической памяти.
4. Подталкивает также к участию в обеспечении продолжительного развития и мощи отечественной государственности (РА и АР).

Наилучшее доказательство сказанного – пробуждение почти потухшего армянского национального самосознания в 1960–80гг. у армян, проживающих на юге России, а также в центрально-азиатских республиках (Казахстан, Киргизия) и оказавшихся на грани почти полной ассимиляции амшенских армян, их стремление возвратиться к своей собственной идентич-

---

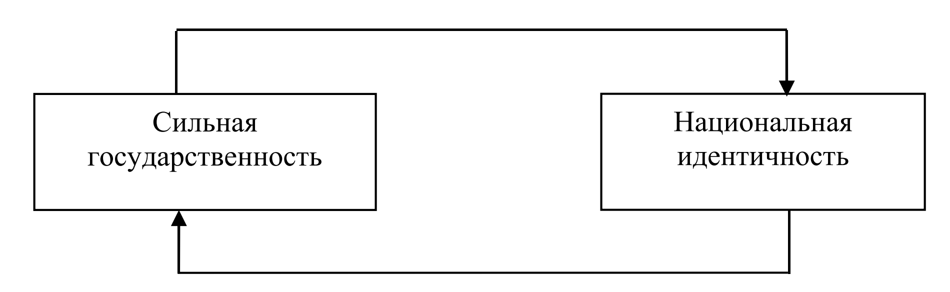
[3] Это обстоятельство важно также в том смысле, что национальная государственность ассоциируется с родиной, осознание чего также занимает важное место в структуре национальной идентичности. Ведь каждая этническая группа должна ассоциировать себя с какой-то территорией, которая по самовосприятию данной группы исторически принадлежит ей и является ее колыбелью или родиной. В то время как слабая национальная государственность, а также отсутствие последней способствуют также затемнению чувства родины в сознании данной этнической группы, приводя также к ослаблению других компонентов национальной идентичности. На примере армянской диаспоры ливано-армянский публицист А. Билалян в этом отношении отмечает: «Ливень морально-психологических комплексов лишения родины преследует нас всех. Примирение юных поколений с космополитным обликом день за днем «глотает» души. Поверхностные отношения к родному языку унижают все работы идентичности и познания. Разрежение коллективной жизни или консолидированного образа жизни держит целую нацию далеко от национальных ценностей» [9].

ности, а также хоть и слабая, но тенденция репатриации [см. 10]. Это существенным образом было обусловлено впечатляющими достижениями Второй республики Армения в тот период в экономике, науке и технологиях, образовании, культуре, спорте и других областях.

Даже только существование национальной государственности само по себе являет серьезный стимул для сохранения национальной идентичности в Диаспоре. Об этом свидетельствуют следующие слова ирако-армянского интеллектуала Мовсеса Тер-Акопяна, сказанные в 1976г. «… только существование Армении само собой, без какого-то другого факта, уже самый большой хранитель армянского языка и единственный источник энергии и маяк для армян Диаспоры» [11].

Таким образом, формируется уникальный «закрытый круг», однако не в отрицательном, а положительном смысле. С одной стороны, сильное национальное государство обеспечивает повышение национального самосознания в Диаспоре, а с другой стороны, высокое национальное самосознание подвигает Диаспору принимать активное участие в развитии отечественного государства, обеспечивая могущество последнего. Итак, сильная армянская государственность и высокое национальное самосознание в Диаспоре станут взаимодополняющими и обеспечивающими существование друг друга двумя неразделимыми компонентами одного целого – армянского сообщества (см.: Фигура 1).

Тезис о сильной национальной государственности как опоры армянской идентичности Диаспоры в XXI веке обосновывается также международным, в частности, еврейским опытом. Несмотря на завидные возможности еврейской диаспоры, трудно представить, в каком положении была бы она сегодня, если не было бы государства Израиль со своей экономической, научно-технологической, военной, образовательной мощью.

Фигура 1. Единство сильной государственности и национальной идентичности.

Обобщая, выделим две структурные вариации армянской идентичности в Диаспоре:

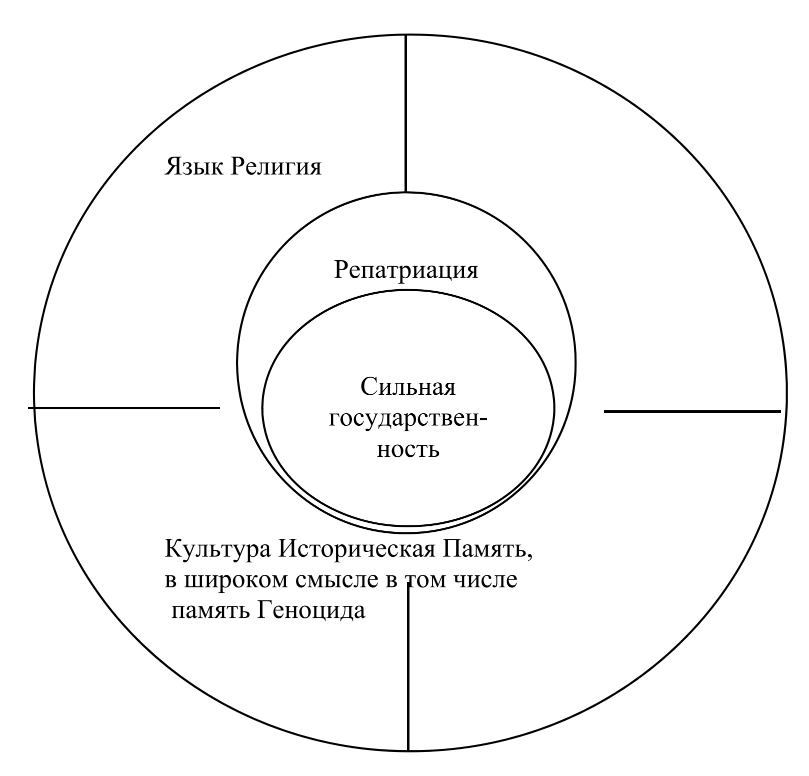
1. *Децентрализованно-горизонтальная*, когда отделные компоненты идентичности, определенно будучи во взаимосвязи, тем не менее, сохраняют свою самостоятельность. Они относительно независимы друг от друга. Можно выделить четыре таких основных комонентов: язык, религия, культура в широком смысле и историческая память, в том числе память Геноцида (см.: Фигура 2).

Фигура 2. Децентрализованно-горизонтальная структура армянской идентичности в Диаспоре.

2. *Централизованно-вертикальная,* когда компоненты идентичности находятся в иерархическом соотношении. В этом случае идентичность основана на центральной идее, которая и составляет ее ось или компонент первой степени. Из этого стержневого компонента вытекает (вытекают) идея-компонент (идеи-компоненты) второй степени, из которого (которых) же – идея-компонент (идеи-компоненты) третьей степени и т.д. В этой структуре, по сути, каждая верхняя компонент-идея (компоненты-идеи) является (являются) стержнем для идеи-компонента (идей-компонентов), находящейся (находящихся) непосредственно ниже ее (их): находящаяся (находящиеся) в первой степени – для находящейся (находящиеся) во второй, последняя (последние) – для находящейся (находящиеся) в третьей и т.д.

Централизованно-вертикальная структура национальной идентичности армянина Диаспоры может быть трехстепенной, в первой степени или в стержне которой должна быть идея могучей государственности (см.: Фигура 3).

Фигура 3. Централизованно-вертикальная структура армянской идентичности в Диаспоре.

В армянской реальности до сих пор действовала первая – децентрализованно-горизонтальная структура, которая более или менее способствовала сохранению национальной идентичности в Диаспоре. В условиях существования независимой государственности, однако, она уже устарела. На настоящем этапе целесообразно перейти к централизованно-вертикальной структуре, которая будет более эффективной.

Тезис об идеи государствоцентричности как опорного камня армянской идентичности в Диаспоре постепенно начинает укорениться также в сознании армян Диаспоры. Свидетельством этого являются слова крупнейшего

армянского благотворителя Нубара Афеяна о необходимости направления профессионального потенциала Диаспоры в пользу развития родины: «*Диаспора отдельно не может быть сильной* (курсив наш – В.О.), поэтому надо прилагать все усилия для привлечения лучших специалистов в Армению» [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Նաթալի Շ.* Թուրքերը եւ մենք, Եր., 2015, էջ 38:
2. *Նժդեհ Գ.,* Բաց նամակ Մայքլ Արլէնին, Հատընտիր, Եր., «Ամարաս», 2006, էջ 464:
3. *Հակոբյան Հ. Վ.* Տարագիր հայության հայրենիք վերադառնալու պահանջի պատմական ու իրավական հիմքերը, Եր., «Ասողիկ», 2002, էջ 33:
4. *Հովյան Վ.* Պետականակենտրոնությունը՝ Հայրենիք-Սփյուռք միասնականության առանցք, «Գլոբուս», 2017, թիվ 1, էջ. 53–59:
5. *Զոլյան Ս.,* ԱՄՆ նախագահները Հայոց ցեղասպանության մասին (խուսանավող դիսկուրսի իմաստա-գործաբանական վերլուծություն), Եր., «Լիմուշ», 2015, էջ. 116, 117, 159, 160:
6. *Մարության Հ.* Ցեղասպանության հարյուրամյա հիշողությունը և «ամերիկահայ ազգության» ձևավորման գործընթացը, Հայկական ինքնության խնդիրները 21-րդ դարում, գիտաժողովի զեկուցումներ, Եր., ԵՊՀ հրատ., 2013, էջ. 47–54:
7. *Hantington S.P.* Who We are? America’s Great Debate, New Delhi: Penguin Books, 2004. PP. 29.
8. Там же.
9. *Պիլալեան Հ.* Սպիտակ այգիներու ճամբեզրին, Պէյրութ, «Զաւէն եւ Որդիք», 2017, էջ 90:
10. Հիսուն տարի անց... կրկին համշենահայերի մասին, Ազգ, 19.07.2019:
11. Իրաքահայ համայնքը 1915–1990 թվականներին ըստ արխիվային փաստաթղթերի/ Գլխավոր խմբագիր՝ Ա. Վիրաբյան, կազմող՝ Գ. Ավագյան. Եր.: Հայաստանի ազգային արխիվ, «Հայկարլի» ՍՊԸ տպարան, 2018, էջ 324:
12. Մեկնարկեց «Ավրորա» ֆորումը, Ազգ, 18.10.2019:

THE STRUCTURE OF THE ARMENIAN IDENTITY IN DIASPORA

V. Hovyan

ABSTRACT

The traditional elements of the Armenian identity had consistently regressed in the Diaspora. Currently, they are no longer sufficient to preserve Armenian identity in the Diaspora. Therefore, there is an imperative of new approaches that would enrich the traditional elements of the Armenian identity with new cornerstones and offer new principles of identity building.

In the 21-st century the decentralized/horizontal structure of the Diaspora Armenian identity needs to be replaced with a centralized/vertical structure focused on the powerful nation-state. The ideology of repatriation would stem from that followed by language, religion, culture and historical memory.

Keywords: Diaspora, identity, statehood, decentralized/horizontal structure, centralized/vertical structure.

УДК 32:93/94

Поступила: 14.10.2019г.
Сдана на рецензию: 16.10.2019г.
Подписана к печати: 17.01.2020г.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРМЯНСКИХ КУПЦОВ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-АРМЯНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (II ПОЛОВИНЫ XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКОВ)

К.И. Шагиданова

Российско-Армянский университет

shagidanavak@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Российско-армянские отношения достаточно часто становились темой серьезных исследований. В условиях глобализации и современных вызовов актуальность данной темы не утратила своего значения. Российско-армянские отношения второй половины XVII – начала XVIIIвв. переживали ответственный перелом, особенность которых требует осознания и глубокого анализа.

Ключевые слова: российско-армянские отношения, точки соприкосновения, торговля, армянские купцы.

Рассматриваемая тема требует объективной оценки событий, тех тенденций, которые сложились во второй половине XVII – начала XVIIIвв. Необходимость подробного анализа отношений двух народов позволит разобраться и в современных взаимоотношениях и определить верность и твердость перспективного развития этих давних отношений.

Российско-армянские отношения прошли долгий и сложный путь, когда бывало тяжело и неоднозначно – но в этом и заключается особенность и важность сотрудничества народов, преодолевших тернистость избранного взаимообусловленного пути.

В истории отношений между народами существует, условно конечно, периодизация. Корни российско-армянского сотрудничества уходят в глубину веков. Ретроспектива взаимодействия наших народов сопряжена с VII веком. Ранее, в V веке, работу над трудом «Ашхарацуйц» («География») начал

Мовсес Хоренаци. Продолжил Анания Ширакаци, в работе которого были показаны истоки российско-армянских отношений: во вводной статье «Записка об эпохе создания «Географии» Сен-Мартен показывает, что «География» содержит целый ряд сведений, названий и словоупотреблений, связанных с Восточной Европой [1]. Подчеркнем достаточно важный фактор, который определяет восточно-христианское пространство. Историк культуры Л. Любимов писал: «Древняя культура Армении, развивающаяся в соприкосновении с византийской, соперничая с ней в новаторстве, но сохраняя ее печать, не чужда Древней Руси, как не была чужда Армении и древнерусская культура» [2]. Вполне справедливо замечено. В древних летописях Руси имеются упоминания о давних традиционных взаимоотношениях. Примером служит труд Киево-Печерского Патерика: «Житие преподобного отца нашего Агапита, врача безмездного, иже исцеляющего молитвою недужных, подал там зелие от своего брата и армянина врача спасе...» [3]. Выдержка из Летописи свидетельствует о деятельности врача-армянина из Александрии – «лечил всех, не только единоверцев» [4]. Летописи за период XIV – начала XVвв. свидетельствуют о достаточно частном появлении армян в России, в частности, в Москве. Например, в Московском историческом музее представлена летопись, где запись датируется 1390 годом: «Загорелся посад за городом от Аврама, некоего армянина...» Академик И.Н. Тихомиров с большой уверенностью утверждал, что «...уже в 15 веке в Москве сложилась армянская община...» [5]. Так же в Московском историческом музее представлена надпись «некропольная» за 1469 год. Многие исторические факты прошлого более чем фрагментальны. Но и фрагментальные факты, складываясь как пазлы, создают исторические страницы дружбы двух народов.

Особый интерес представляют русские «Четьи-Минеи» «Житие и страдания Святого священно-мученика Григория, епископа Армении великия и с ним тридесяти и седьми девиц»[1] [6]. Достаточно длительное время сохранялось фресковое изображение и Св. Григория и Св. Рипсиме на стенах Спаса Нередицы в Новгороде. Русская церковь на основании «вселенского согласия» сохраняла почитания Григория Парфянского – просветителя Армении.

Немаловажную роль в исследовании истории российско-армянских отношений сыграли устные предания, греко-византийские летописи, многие другие источники, послужившие важным подтверждением глубоких и давних отношений двух народов.

[1] Этот источник относится к славяно-русской версии.

Интересно, что территория, где зарождались русские и армянские народы, составляли единое геосоциокультурное пространство. Возможно, это и определило императив устойчивости взаимоотношений и перспективу дальнейшего развития народов.

Российско-армянские отношения формировались поэтапно – в соответствии с духом времени, историческими событиями и обстоятельствами. Многие исторические события были сложными и неоднозначными – в силу объективных и субъективных причин. Но, заметим, что на любом отрезке времени отношения двух народов детерминировались общими интересами (отсюда и объективность в характере и процессе развития). Сотрудничество народов было всеобъемлющим, затрагивающим все сегменты общественно-государственного развития.

Придерживаясь, по возможности, объективности в анализе российско-армянских отношений, рассмотрим процесс развития, особенности каждой из этих стран. Говоря иными словами, важно понять, в каком экономическом и политическом положении находилась Россия в XVII веке и каким образом армяне, утратившие свою государственность и будучи разделенными между Сефидской Персией и Османской Турцией, смогли сохранить свою национальную идентичность и достаточно серьезно заявить о себе миру. И Россия, и Армения переживали тогда сложные этапы развития.

Российское государство преодолело период, в истории называемый «Смутой»: разруха, народные волнения, «Лжедмитрии», интервенция со стороны враждебных государств. Во второй половине XVII века на престоле находился второй представитель рода Романовых – Алексей Михайлович. В годы его царствования Россия восстанавливала экономику страны, налаживала внешние связи. России необходимо было определить внешнеполитическое направление во имя восстановления мощи страны в мировом масштабе. Наметились два направления во внешней политике: Европа и Восток. Взгляд на Восток во внешней политике страны занял доминирующую позицию. Восточная политика непосредственно была связана с Сефидской Персией. В Персидском государстве наблюдалось оживление, и в этой связи Россию рассматривали в качестве выгодного соседа в контексте «Шелковой торговли» [7].

В период царствования Алексея Михайловича торговля носила преимущественно потребительский и транзитный характер. Оживлению способствовал сформировавшийся всероссийский единый рынок. Восточно-тор-

говые отношения России и Сефидской Персии были систематическими, и регулярные дипломатические связи подкрепляли и расширяли экономическое взаимодействие стран. И это вывело данные государства на новый уровень государственного и экономического развития.

История Армении и армянского народа была довольна печальна: разделенная в очередной раз в 1639 году между Сефидской Персией и Османской Турцией, Армения лишилась государственности почти на 500 лет. Армяне, находясь в составе этих крупных мусульманских государств, подвергались гонениям не только религиозного порядка и были лишены национального самоуправления. Тяжелая историческая судьба армянского народа вызвала сочувствие, но долгое время рука помощи дружественных стран не доходила да него. Периодически армяне поднимались на национально-освободительную борьбу, но, как правило, эти движения зачастую жестоко подавлялись. И в этой тяжелой ситуации армянский народ искал пути освобождения, обращаясь к странам Европы, затем – к России. Достаточно часто обращение за помощью ограничивалось многочисленными обещаниями, не более того. В данном контексте историк Галуст Галоян в своем труде «Армения и великие державы» отмечал: «Великие державы оказывают помощь лишь в том случае, когда их интересы совпадают с интересами "малых государств"» [8]. Данную точку зрения, возможно, нельзя принять однозначно, но она не лишена объективности. Но международные отношения, формирующиеся на протяжение долгих лет, претерпевают серьезные трансформации. И в данном контексте отметим, что действия государств основаны на национальных интересах, обеспечивающих национальную безопасность. Национальная безопасность – неизменно существующая парадигма. И поэтому позиция Г. Галояна вызывает уважение, как и любое субъективное видение истории, с которым, конечно, можно и не соглашаться.

История российско-армянских отношений многогранна и довольна богата событиями. Профессор З.Т. Григорян отмечал: «...если сравнивать опыт отношений, которые армяне имели с агрессивными государствами... то отношение с Российским государством были иными. Все империи использовали возможность, чтобы завоевать армян..., совершенно по-другому складывались отношения с русским народом, который всегда протягивал дружескую помощь...» [9].

Вышесказанное явилось неким экскурсом в истории России и Армении. Сложившаяся достаточно благоприятная ситуация в России при царе

Алексее Михайловиче способствовала сближению двух христианских народов. Назрели объективные предпосылки для усиления сотрудничества. Царь Алексей Михайлович Романов, определив направления внешней политики, предусматривал обширное развитие страны, превратив таким образом Российское государство в достойного противника Европы. И в этом контексте экономико-торговая составляющая являлась детерминантой. Армения же, в свою очередь, потерявшая государственность, использовала любую возможность: политическую, экономическую, культурную, религиозную во имя восстановления государственности и обретения свободы. В решении этой, достаточно сложной, задачи армянским купцам отводилась особая роль. И в этой связи заметим активную торговую деятельность армян из Джульфы под началом Захара Сагратова. Торговая компания З. Сагратова была достаточно известна и пользовалась поддержкой властей Сефидской Персии. И.А. Линниченко отмечал: «В Южной Руси до того привыкли видеть армян в роли торговцев восточными товарами, что восточные продукты порой назывались “армянскими”...» [10].

Царь Алексей Михайлович с особой благосклонностью относился к армянским купцам, прибывающим из Сефидской Персии. Армянские купцы обеспечивали осуществление восточного направления внешней политики России. Компания З. Сагратова оживляла торговлю с Сефидской Персией, используя прямые пути. Джульфийская торговая компания являлась довольно-таки влиятельной и главенствовала в данном регионе, имея огромный опыт торговых сделок. Джульфийские купцы способствовали осуществлению реализации «Шелкого пути». В Посольском приказе Российского государства есть запись о приезде в 1660 году в Москву группы армянских купцов во главе с ходжа Захаром Сагратовым. Последний даже удостоился аудиенции российского царя в качестве дипломата. Заметим при этом, что деятельность купцов из Сефидской Персии не ограничивалась сугубо торговлей. В определенном смысле армянские купцы выполняли и дипломатическую миссию.

Джульфийская компания заслуженно заняла ведущие позиции в торговых отношениях с Россией. В определенном смысле армяне вытеснили западные державы с торгового рынка с Россией. Единовластие торговли с Россией джульфийскими купцами вызывало серьезное сопротивление. История компании З. Сагратова чрезвычайно интересна: он был сыном купца Соаграта Шериманяна, который руководил армянской общиной Новой Джульфы. Занимая ведущие позиции в торговле, армянские купцы часто затрагивали и

политическую сферу отношений. Именно благодаря армянам между Сефидской Персией и Россией завязалось экономическое сотрудничество. В 1662 году российская делегация, возглавляемая Ф.Я. Милославским, отправилась с визитом в Сефидскую Персию. Помимо этого, армянские купцы приложили немало усилий в вопросе освобождения своего многострадального народа. И в решении этой проблемы Россия представлялась единственной страной, способной оказать помощь армянам [11].

В письме Алексею Михайловичу, датированному 1666 годом, З. Сагратов сообщает о творческой личности, художнике, который создал копию великой «Тайной вечерни» из меди и предлагает его представить в качестве «художника и учителя» искусства. Компания Сагратова заботилась о тех армянах, которые в условиях персидского владычества не могли заниматься свободным творчеством. И такую возможность можно было реализовать лишь благодаря России [12].

В 1667 году было заключено соглашение между российскими властями и торговой компанией Джульфы в виде «жалованной» грамоты российского царя. Интересен тот факт, что при заключении этого соглашения были особо учтены интересы армян. Важную роль в укреплении доверия и благосклонности российского государства к армянам сыграли Григорий Лусинов и Степан Рамадамский. Они умело сочетали дипломатическую миссию с торговой деятельностью. Г. Лусинов и С. Рамадамский проложили дипломатическую «тропу» между двумя народами, способствуя ознакомлению с традициями и культурой обеих стран. Итак, на определенном историческом отрезке экономическая составляющая была дополнена политической [13].

Известно, что конец XVII – начало XVIIIвв. в истории армянского народа был ознаменован подъемом национально-освободительного движения. На армянской политической арене проявили себя такие блистательные армянские деятели, как Исраэл Ори, Овсеп Эмин, мелики Арцаха и многие другие. Каталикос армян Акоп Джугаеци в 1670 году обратился к российскому царю с просьбой об оказании помощи армянам. Григорий Лусинов и Степан Рамадамский официально получили право, закрепленное указом Алексея Михайловича, определять пункты следования товаров: Новгород, Архангельск, Смоленск и др. Пользуясь доверием царя России, они зачастую затрагивали такие важные вопросы, как освобождение армянского народа [14].

Активная торговая деятельность армян была сопряжена с массовым исходом последних из Сефидской Персии в Россию. Ведь Россия для армян

являлась страной, где они получали возможность реализовать свои профессиональные навыки и, одновременно, сохранить свою национальную идентичность, не подвергаясь религиозным гонениям.

Здесь нужно заметить, что армяне и многие другие народы, живя в пределах российской действительности, как правило, сохраняли свои традиции и язык[2]. Переселение армян всегда приветствовалось в России, и этому есть подтверждение: «14 марта 1647 года купец И. Тавакалов подает челобитную в выдаче ему грамоты для своей торговли в России и получения подданства России, обосновавшись в Астрахани...»; «В 1632 году армянин Саркис Аванесов подает челобитную, приняв российское подданство: царю, государю...»; «...бьет челом холоп твой, нововыезжей иноземец, новокрещен армянин Кирилко Ованесов с своей женишкою...» [15]. Многие талантливые армяне с помощью и при содействии торговой компании из Джульфы переселились в Россию. И многие из них «состоялись» именно здесь. Богдана Салтанова по распоряжению Алексея Михайловича назначили живописцем в Оружейной палате Кремля: «Указ быть в Оружейной палате иноземцу армянской веры в живописцах Богдану Салтанову... присланному из Посольского приказу с переводчиком Василием Доудовым...» Немаловажный интерес представляет письмо Гандзасарского католикоса Петре, адресованное царю России, где тот изложил просьбу следующего содержания: «Христововенчанный и благоверный, благолюбимый Христов хранитель Алексей Михайлович! Раб божий, Петр католикос армянский, молитвами Григория Великого, патриарх священного места Гандзасар... Окажите помощь и покровительство исламским армянам – купцам и всему армянскому народу» [16].

Письма, обращения, адресованные российскому царю, являлись свидетельством возросшего доверия и надежды на помощь. И в этом была значительная заслуга армянских купцов, сумевших реально донести чаяния и невзгоды своего народа, заручившись при этом реальной, непризрачной поддержкой.

На протяжении всего многовекового взаимодействия двух народов сформировались доверительные отношения, имеющие преемственность. Россия же при правлении Петра Великого оказалась на рубеже глубоких преобразований. В одном из посланий русские купцы в 1679 году высказали мнение об необходимости поддержки торговли с армянами «...пропускать де

[2] Политика же мультикультурализма в условиях современной Европы не состоялась, в отличие от России, и впоследствии – СССР.

на Москву армян шелку сырцу... И русские купцы ничего против не имеют...» [17]. Учитывая наличие конкуренции в торговле, признания русскими купцами значительной и важной роли армянских купцов дорогого стоит. И эта преемственность явилась неким императивом развития российско-армянских отношений.

Одним из первых и значительных указов Петра I явился указ о торговле с Персией, где армянские купцы, естественно, занимали ведущие позиции. Таким образом, указ царя создавал благоприятные условия для армян, занимающихся торговлей. Однако толкование Указа возможно трактовать по-разному. С одной стороны, Петр Великий преследовал в нем интересы своего государства в силу влияния восточного направления во внешней политике. Но прослеживается и иная позиция, согласно которой армянские купцы своей активной деятельностью доказали незаменимость и свою особую роль в развитии торговых отношений с Сефидской Персией [18].

На общем фоне торговых отношений формировались и политические связи. Армянский народ, находясь в зависимом положении между Сефидской Персией и Османской Турцией, неоднократно поднимал вопрос об освобождении. И, конечно, это сопровождалось национально-освободительной борьбой. Неудачи в борьбе принуждали армян искать помощь и в Европе, и в России. Европейские поиски не увенчались успехом для армян. В конце XVII века армяне обратились к России. В 1701 году состоялась встреча Исраэла Ори с Петром Великим. В начале XVIII века Россия находилась в состоянии войны с Швецией, продолжавшейся двадцать один год. Несмотря на объективные причины, воспрепятствующие оказанию непосредственной помощи, Россия создала благоприятные условия для приема армянских переселенцев. В 1690 году армянин Каспар Айвазов подает челобитную, где просит предоставить «грамоту из Москвы в Астрахань для продажи товаров, привезенных из Польши...» [19].

Все армянские и российские документы отмечают особую роль торговцев из Сефидской Персии, которые одновременно расширяли внешние торговые отношения и с европейскими странами. Отметим, прежде всего, что наметившиеся еще при царе Алексее Михайловиче восточный и западный направления внешней политики посредством армянских купеческих компаний и купцов благополучно реализовались: «...1691 году товары и подводы Якова Давыдова и Григория Богданова, вернувшиеся из Швеции в Москву» [20].

Деятельность армянских торговых компаний, безусловно, заслуживает особого внимания в контексте российско-армянских отношений, ведь деятельность армянских купцов далеко выходила за рамки обычной торговли и была сопряжена с реализацией дипломатической миссии.

Конечно, здесь затронута малая толика истории российско-армянских отношений, однако необходимость новых изысканий и исследований – налицо. И необходимость дальнейших исследований продиктована фактом развития современных российско-армянских отношений, постоянными вызовами глобального мира. Российско-армянское сотрудничество, несмотря на мировые вызовы и многочисленные региональные конфликты, сохраняют позитивную динамику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mosis Chorenensis Geographia. Mémoires sur l'Arménie; 1819. PP. 301–394.
2. *Григорян З.Т.* Вековая дружба армянского и русского народов. Ер., 1960.
3. Дневник Закария Акулянского. Ер., 1939. СС. 55–56.
4. *Иоанисян А.Р.* Дела и дни Закария Акулянского. Ер., 1937. СС. 101–103.
5. *Карамзин Н.М.* История государства Российского.Т.3. С-Пб, 1816. СС. 150–151.
6. *Иоанисян А.Р.* Дела и дни Закария Акулянского. Ер., 1937. СС. 101–103.
7. *Карамзин Н.М.* История государства Российского.Т.3. С-Пб, 1816. СС. 150–151.
8. *Агаян Ц.П.* Россия в судьбах армян и Армении. Ер., 1978. С. 56.
9. Армяно-русские отношения в XVII веке / Под ред. В.А. Парсамяна. Ер., 1953. СС. 42–45.
10. Книга персидских товаров. Том XXIII. Кн.3. С-Пб, 1904. С. 9.
11. Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией / Под ред. Н.И. Веселовского. Т. I –III. СП-б, 1890. СС. 42–51.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собр. I, СП-б. Т. I–VII. СС. 119–121.
13. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М., 1833–1838гг. XI–IIX.
14. *Рехсиева П.Р.* Из истории русско-персидских торговых отношений XVII – XVIIIвв. Ленинград, 1986. С. 32.
15. *Буниев П.П.* История посольств и дипломатических отношений русских и иранских государств в 1586 –1612 гг. М., 1976. СС. 11–13.
16. *Агаян Ц.П.* Россия в судьбах армян и Армении. Ер., 1978. С. 56.
17. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 3. С-Пб, 1816. СС. 150–151.
18. *Рехсиева П.Р.* Из истории русско-персидских торговых отношений XVII–XVIIIвв. Ленинград, 1986. С. 32.

19. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М., 1833–1838гг. XI–IIX.
20. *Рехсиева П.Р.* Из истории русско-персидских торговых отношений XVII – XVIIIвв. Ленинград, 1986. С. 32.

ACTIVITIES OF ARMENIAN MERCHANTS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN-ARMENIAN RELATIONS (II HALF OF XVII CENTURY – EARLY XVIII CENTURY)

K. Shagidanova

ABSTRACT

Russian-Armenian relations have quite often become a topic for serious research. In the light of globalization and modern challenges, the topic is still largely relevant. Russian-Armenian relations of the second half of the XVII century – early XVIII century were at a turning point the peculiarities of which have necessitated a deep and comprehensive analysis.

Keywords: Russian-Armenian relations, areas of common interest, trade, Armenian merchants.

УДК 321

Поступила: 18.12.2019г.
Сдана на рецензию: 20.12.2019г.
Подписана к печати: 17.01.2020г.

ДИАСПОРА В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АРМЯНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ*

Д.О. Саргсян

Российско-Армянский университет

dsvs9995@gmail.com

АННОТАЦИЯ

За почти тридцать лет независимого существования Республика Армения достигла определенных успехов в своем развитии, но было немало и упущенных шансов. Факт, что за это время так и не были разработаны долгосрочные стратегические проекты развития армянской государственности. После «бархатной революции» новое руководство республики заявило о процессе разработки подобных проектов. В новом видении развития Армении особое место отводится армянской диаспоре. В статье формулируется проблема осмысления места армянской диаспоры в стратегическом развитии Республики Армения. Ставятся задачи понять насколько едина армянская диаспора, какие трансформации происходят в ней на современном этапе и, как они могут повлиять на реализацию стратегических проектов.

Ключевые слова: диаспора, армянская диаспора, диаспоральные общины, армянство, стратегическое развитие, стратегический проект, Республика Армения.

Современная Республика Армения образовалась в достаточно тяжелых условиях. Начавшееся в 1988г. Карабахское движение вскоре дополнилось

---

*Статья подготовлена на основе доклада, признанного лучшим на молодежной секции IV Международного научно-практического форума «Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов (междисциплинарные аспекты)».

требованиями демократизации общественной жизни, а затем – борьбой за независимость. Развал СССР, война с Азербайджаном, блокада, экономический коллапс, тяжелейшие социальные условия, мощная волна миграции из страны – это тот контекст, в котором происходило становление новой армянской государственности.

Вызовы, которые встали перед молодой армянской государственностью требовали продуманной политики государственного строительства, стратегического проектирования развития республики, грамотного сопряжения стратегических целей и тактических задач. Но в силу ряда вышеназванных объективных, а также некоторых субъективных причин (формирование авторитарных форм властвования, низкий уровень стратегической культуры элит и гражданской культуры общества) стратегических программ развития так и не было разработано и реализовано. Развитие скорее шло по схеме «стимул-реакция», нацеленном на решение насущных (злободневных) тактических задач, а не как движение к долгосрочным целям и идеалам.

Среди основных факторов, определявших внутреннюю и внешнюю политику РА (Карабахская проблема, признание Геноцида, переход в условиях транспортной блокады от централизованной экономики к рыночным формам хозяйствования и т.д.) особое место всегда занимал фактор диаспоры. Это естественно, ибо по разным подсчетам от 2/3 до 3/4 армянства проживает вне Республики Армения. Но стратегических программ развития отношений Армения-Диаспора также не было разработано. Это, отчасти, объясняется тем, что, в целом, отсутствовала политика нациестроительства (политика идентичности) как составляющая государственного строительства, где особое место должно было быть уделено и диаспоре. На такую позицию, в свою очередь, оказывал влияние также тот факт, что Республика Армения является одним из самых моноэтничных государств в мире, что, вроде бы, делает особую политику идентичности попросту бессмысленной. К тому же, в армянском сознании преобладает точка зрения, что быть армянином – это данность рождения в армянской семье, и не важно, где человек родился – в Армении или в любом ином государстве. Поэтому почти априори считается, что армянская диаспора – это нечто единое, являющееся грандиозным ресурсом развития Республики Армения как государства всех армян, даже если они являются гражданами иных государств. Очевидно, что подобная позиция основывается на понимании армянства как этнокультурной общности, где главными идентификационными факторами являются язык, рели-

гия и другие сферы духовной культуры, в отличие от западного политологического дискурса, где нация воспринимается, в первую очередь, как гражданско-политическая общность, являющаяся продуктом постоянной конструирующей деятельности государства.

Определенные элементы политики идентичности, относящиеся к диаспоре, были наличны в «Стратегии национальной безопасности Республики Армения (2007г.)» [1]. «Ослабление национально-культурной идентичности диаспоры» здесь декларируется одной из внешних угроз национальной безопасности, а сохранение идентичности армянства (в первую очередь, в диаспоре) объявляется одной из «фундаментальных ценностей» национальной безопасности Республики Армения. В этом документе акцентируется стратегическое значение армянской диаспоры в процессе развития армянской государственности, подчеркивая, что «наличие организованной диаспоры, эффективным образом включенной в страны проживания, важно с точки зрения повышения уровня международной интегрированности Армении», что она «своеобразный мост между Арменией и международным сообществом», а также, что укрепление взаимодействия Армения-Диаспора важно для вовлечения диаспоры в решение важных задач Армении и Карабаха. То есть диаспора рассматривается как актор интеграции Армении во внешний мир и лоббинга ее интересов в разных странах. Учитывая все это, делается вывод, что необходима «разработка и реализация всеобъемлющей концепции соотношения Амения-Диаспора». Но необходимо отметить, что данный документ носил сугубо декларативный характер. Указанная концепция так и не была разработана. Даже учреждение Министерства диаспоры (2008г.) не способствовало формированию стратегически-программной политики по отношению к диаспоре. Отметим также, что наличные элементы политики идентичности Республики Армения вплоть до недавнего времени сводились сугубо к мероприятиям, направленным на сохранение (консервацию) армянской идентичности, а не конструктивному развитию (в том числе с точки зрения развития единства Республики Армения и Диаспоры).

В реальности же, диаспора в основном воспринималась как «донор». Этому восприятию способствовало и то, что после разрушительного Спитакского землетрясения 1988г. общины армянской диаспоры действительно оказали большую помощь населению зоны бедствия. В первые годы независимости некоторые представители диаспоры продолжали активно помогать Армении. Были намерения также сделать инвестиции, развернуть предпри-

нимательскую деятельность. Но, скорее всего, это были частные инициативы, которые так и не приобрели системного характера. Затем наступило разочарование этих активных представителей диаспоры во властных элитах. Если и до этого авторитет Республики Армения, особенно в глазах западноармянских общин диаспоры, был невысоким, то затем, после отождествления наличных властей с армянской государственностью, он еще больше упал. Этому способствовали и новые поколения диаспоры, которые массово мигрировали из Армении в первые годы независимости, создавая образ бедной страны с коррумпированными властями и туманными перспективами развития.

Необходимо признать, что, хотя армянская государственность все же достигла определенных успехов в своем развитии, она так и не стала основным символом в сознании диаспоры. Для армян диаспоры такими символами являются некоторые фрагменты из прошлого, некоторые культурные, даже географические феномены (гора Арарат, озеро Севан), но не армянская государственность. В случае западных армян это имеет и свои исторические основания. Республика Армения образовалась на территории Советской Армении, а та – на небольшой части восточных регионов исторической Армении, входивших в Российскую империю. Соответственно, говоря «Армения», они понимают Великую Армению, а не Республику Армения, которую до сих пор многие воспринимают как придаток российского государства.

В условиях спонтанного развития армянской государственности стали накапливаться проблемы как в сфере внутренней, так и внешней политики. Напряжение внутри общества росло. Если вначале общественный протест концентрировался вокруг деятельности определенных оппозиционных партий, то после президентских выборов 2008г., в условиях недоверия к официальным институтам публичной политики, развертываются спонтанные протестные движения, выражающиеся в разных формах массового гражданского протеста [2]. Недостатки во внутренней политике власти постоянно легитимизировали нуждами безопасности в условиях окончательно неурегулированной Карабахской проблемы. Но Апрельская война 2016г. продемонстрировала наличие множества проблем в самой сфере безопасности, тем самым став красной чертой полного отчуждения общества от власти. В результате, следующая волна массового общественного протеста во главе с Н. Пашиняном весной 2018г. была настолько мощной, что завершилась «бархатной» революцией.

Апрельская война и реакция общества на нее обнажили накопившиеся проблемы. По существу, впервые за годы независимости власти республики попытались разработать концептуальный план развития, нацеленный в основном на решение проблем безопасности. Был декларирован концепт «Нация-армия», суть которого состояла в следующем: исходя из того, что основные вызовы национальной безопасности Республики Армения являются внешними (война с Азербайджаном, противостояние с Турцией и др.), и они сохранятся в долгосрочной перспективе, то становится актуальной такая политика, где *важнейшим институтом развития становится армия* [3]. Очевидно, что здесь недооценивалось значение институтов публичной политики и гражданского общества, что таило в себе угрозу милитаризации общественной жизни. В интересующем нас аспекте необходимо обратить внимание на то, что данный проект был обращен и к представителям армянской диаспоры, которые также должны были стать его реализаторами. Такая картина, как понимаем, основана на идеализированном представлении об армянской нации как о некоем априорно данном единстве (о чем мы говорилось выше), без учета иногда громадных различий между разными частями армянства. Не учитывалось так же и то, что представители армянской диаспоры являются носителями политических проектов иных государств, ценности и цели которых могут быть несовместимыми с целями армянского проекта.

Интересно, что после Апрельской войны в поисках стратегии дальнейшего развития армянства активизировались также некоторые представители армянской диаспоры (или как иногда они себя называют «глобальные армяне»). Осенью 2016г. известные представители армянской диаспоры подписали воззвание «Будущее армянской нации решается сейчас» (или «Манифест глобальных армян») [4]. В данном Манифесте акцентируется адаптивный характер армянской идентичности, подчеркивая раздвоенность этой идентичности у представителей армянской диаспоры – гражданская идентичность государств-наций, куда включены армяне диаспоры, и этническая армянская идентичность. Существенными же признаками последней считаются владение армянским языком и принадлежность к последователям Армянской церкви. Очевидно, что армянство здесь понимается как культурно-цивилизационное образование. По существу, и здесь не уделяется должного внимания развитию государственных институтов, гражданского общества, политической культуры, гражданского сознания и т.д.

Один из инициаторов данного манифеста Рубен Варданян, вместе со своим единомышленником Нуне Алекян, попытались в дальнейшем раскрыть свое видение истории и будущего армянства в книге «На перекрестке»

(она еще не опубликована, а в виде рукописи помещена на сайте для публичной дискуссии) [5]. Авторы, рассматривая возможные пути дальнейшего развития армянской государственности и армянства в целом, выделяют несколько возможных сценариев развития: 1. «государство-периферия» (модель адаптации), 2. «капсула» (модель изоляции), 3. «государство-хаб» – центр глобальной сетевой нации (модель глокализации). По мнению авторов, наиболее приемлемым в смысле прогресса является последний вариант. Мы убеждены, что проект будущего должен быть привлекательным для общества. Модель «государство-хаб» обладает этим достоинством. Но наличны ли реальные основания для ее реализации? Конкретные механизмы трансформации пока не раскрыты. Что касается глокализации, мы ее понимаем как модель открытого синтеза, которая позволяет глобальное слить с локально-национальным, сохраняя национальную традицию, впитать и глобальные прогрессивные ценности. Опыт подобного грандиозного синтеза наличен в истории Армении – культурно-цивилизационный синтез IV–VIвв., результатом чего стала революционная трансформация армянской идентичности.

Термин «глобальная нация» сегодня присутствует и в лексиконе некоторых высокопоставленных государственных деятелей. Во-первых, речь идет о президенте Армении Армене Саркисяне. Еще в 2011г. он декларировал формулу «Армения – маленькая страна, но армяне – глобальная нация» [6]. Став в 2018г. президентом, он не раз повторял эту формулу. Эту же терминологию часто использует Верховный комиссар Республики Армения по делам диаспоры Зарэ Синанян [7]. Но содержание данной формулы также не раскрыто, не разработаны механизмы совмещения «глобальной нации» и «национального государства» [8].

Одним из важных результатов «бархатной революции», на наш взгляд, является позиция новых властных элит – осуществлять управление на основе стратегического долгосрочного планирования. Власти декларировали процесс разработки стратегических проектов развития во многих сферах государственного управления, в том числе и общей стратегии развития Армении до 2050 («Армения-2050» – первая попытка разработки стратегического видения развития государства за годы независимости). Хотя проект еще не расписан и пока нет сведений о стратегическом видении места диаспоры в нем, но некоторые уже сформулированные положения позволяют делать логические выводы. Так, например, было декларировано, что к 2050г. население республики должно составлять пять миллионов человек [9]. Очевидно, что за счет сугубо внутреннего естественного прироста населения трудно достичь

намеченной цели, следовательно, достижение такого показателя считают возможным только при организации массовой репатриации из общин диаспоры. Зарэ Синанян признает, что в реализации декларированной цели особое место будет иметь возглавляемый им Комитет Диаспоры, который должен организовать большую компанию, чтобы вдохновить армян диаспоры «переосмыслить идентичность своих предков не только в контексте истории, языка, религии и традиции, но и в отношении к Армении» как к стране, где можно достойно жить и работать, тем самым, внести свой вклад в нациестроительтсво в контексте развития армянской государственности [10].

Другим свидетельством того, что новые власти рассматривают диаспору в контексте стратегического фактора развития армянского государства, являются декларированные премьер-министром и министром иностранных дел в конце августа 2019г. на общем собрании глав армянских дипслужб основные принципы внешней политики Республики Армения. Наряду с принципами суверенитета и взаимодействия (комплементаризма), был декларирован принцип панармянства, который «подразумевает защиту, сохранение, развитие нашей национальной идентичности на личностном уровне, на уровне отдельных общенациональных структур и государственном уровне, направленную на выявление и решение национальных проблем, сохранение армянского наследия, единства и солидарности». Реализация данного принципа предполагает «необходимость рассмотрения нашей дипломатией Республики Армения, Арцаха и Диаспоры в качестве общей единицы с исходящей из этого общей национальной повесткой» [11].

Таким образом, диаспора может рассматриваться в качестве фактора стратегического развития Республики Армения в следующих аспектах:

1. Диаспора рассматривается как мощный *актор армянского лоббинга*. Известно, что во многих странах (Франция, США и др.) армянские диаспоральные организации оказывают сильное лоббистское воздействие на принятие проармянских решений. Речь, во-первых, идет о признании Геноцида армян. Необходимо признать, что в основном именно усилиями этих организаций во многих странах Геноцид был признан и осужден. Республика Армения также проводит активную политику в этом направлении. Тем самым, общая позиция и политика по признанию Геноцида является одним из важнейших факторов, обеспечивающих единство Армении и Диаспоры. Но в то же время необходимо отметить, что диаспоральные организации практически не лоббируют другие вопросы, которые жизненно важны для Республики

Армения. Следовательно, первостепенной задачей является, мобилизуя ресурсы диаспоры, расширить спектр лоббируемых вопросов и продвигать интересы армянского государства. Очевидно, что это станет возможным при росте доверия со стороны диаспоры к армянскому государству.

2. Диаспоральная сеть *актор дипломатической интеграции.* Речь особенно о тех общинах, которые состоялись в разных странах, имеют определенный вес и авторитет в обществах этих странах, и их ресурсы могут способствовать дипломатической интеграции.

3. Диаспора как *донор* и *инвестор*. Диаспора продолжает рассматриваться как актор, который может существенным образом способствовать экономическому прогрессу Армении. Если традиционно она рассматривалась как «донор» – источник материальной поддержки, пожертвований, то теперь активизируется политика привлечения ресурсов диаспоры в виде инвестиционных проектов. Необходимо также отметить, что, имея большой удельный вес в массе туристов, посещающих Армению, армяне диаспоры рассматриваются как ресурс развития туризма – приоритетной сферы в развитии экономики.

4. Диаспоральная сеть может использоваться как *инструмент публичной дипломатии* Республики Армения для создания позитивного образа страны в общественном сознании тех стран, где есть армянские общины. Необходимо отметить, что в данном направлении пока не проделана серьезная работа.

5. Диаспора рассматривается как главный *источник решения демографической проблемы*. Амбициозные цели новых армянских властей – довести к 2050г. количество населения страны до пяти миллионов, возможно реализовать только при организации массовой репатриации из общин диаспоры.

6. Диаспора может рассматриваться как *канал транзита гражданских ценностей* из обществ с высоким уровнем развития политической и правовой культуры в Армению.

7. Успешные и продвинутые деятели диаспоры, поддерживая властные элиты Республики Армения, становятся *фактором легитимизации* их политики, тем самым, способствуют консолидации армянского общества.

Но эффективная реализация проектов с участием армянской диаспоры предполагает выявление и осмысление имеющихся проблем. Для начала необходимо адекватно понять, что из себя представляет то, что мы условно называем «армянская диаспора», и ответить на вопрос существует ли единая

армянская диаспора? Как пишут В. Дятлов и Эд. Мелконян, «зарубежные армяне – это гигантское многоцветье, разнообразие жизненных историй, культур, языков, образов жизни и стилей мысли» [12]. Действительно, общины армянской диаспоры разношерстны в пространственном, временном и цивилизационном смысле.

Исходя из детерминации образования диаспоральных общин, Р. Коэн выделял: диаспоры-жертвы, диаспоры-торговцы, диаспоры-трудовые мигранты и др. Армянские общины он причислял к диаспорам-жертвам [13]. Действительно, основная масса армянства, оказавшаяся в статусе диаспоры, были теми, кто спасся от Геноцида. Но, вместе с тем, необходимо отметить, что издавна существовали диаспоральные общины армянских купцов, а в годы независимости резко увеличилось количество трудовых мигрантов. Таким образом, мотивация миграции армянства с Родины разная, и это также накладывает свой отпечаток на разношерстность армянской диаспоры.

Общины, которые образовались после Геноцида, более или менее консолидированы. Там функционируют институты, которые частично сплачивают общины. Некоторые из них, имея пандиаспоральный характер, способствуют установлению связей между общинами. Во-первых, это – Армянская Апостольская Церковь, которая веками была основным началом унифицирующим армянство. Но, очевидно, что на современном этапе ее роль уже не универсальна. К организациям, развертывающим пандиаспоральную деятельность, относятся также Армянский всеобщий благотворительный союз (AGBU), Фонд Гюльбенкяна и др. К таковым можно отнести и традиционные армянские партии: дашнаки (Армянский революционный союз), гнчаки (Социал-демократическая гнчакская партия), рамкавары (Либерально-демократическая партия). Но их деятельность не только интегрирует, но и дезинтегрирует армянство диаспоры, ибо они так и не смогли встать выше узкопартийных интересов и прийти к консенсусу вокруг общеармянских вопросов, ведут жесткую борьбу друг с другом, а иногда и с другими пандиаспоральными организациями за первенство в «армянском» мире [14]. «Господствовавшие ранее партийные формы политической деятельности в диаспоре, тесно связанные с общинным типом организации диаспоры, постепенно сдают свои позиции» [15], поэтому, в целом, они сегодня не рассматриваются как ресурс стратегического развития Армении. С появлением армянской государственности их роль снизилась, а их деятельность актуализируется в основном в контексте борьбы за признание Геноцида.

Одновременно, необходимо подчеркнуть, что и традиционные общины достаточно различны, учитывая цивилизационный контекст, в котором они существуют. Так, в восточных общинах в условиях, в основном чуждой исламской среды, зачастую функционировала модель «гетто», что приводило к изоляции от прогрессивных новшеств, но позволяла сохранять идентичность, а западные общины, наоборот, носили открытый характер, но зато здесь всегда были высокими темпы ассимиляции.

После развала СССР армяне, которые жили на территории бывших союзных республик, автоматически превратились в диаспору. Эти общины резко отличаются от традиционных общин, которые образовались после Геноцида. Так как в этих общинах пока не сформировались диаспоральные консолидирующие институты, то здесь также высоки темпы ассимиляции. Совершенно иной является та часть армянства, которая мигрировала из Армении в годы независимости. Они, по существу, не интегрировались в существующие общины. Появился феномен диаспоры в диаспорах. На это влияет и миграция внутри самой диаспоры: большое количество представителей восточных армянских общин за последние годы мигрировало в развитые страны Европы и Северной Америки. К примеру, в армянской диаспоре Калифорнии четко выделяются общины ливанских армян, иранских армян и др.

Необходимо обратить внимание и на пласт гражданской идентичности в общинах армянской диаспоры. Как правило, и это естественно, армяне, особенно в западных странах, постепенно становятся носителями гражданских ценностей принимающего государства, воспринимая себя полноценными гражданами данных государств. Более того, зачастую адаптация к политике властей принимающих стран происходит за счет общеармянских интересов (например, деятельность Константинопольского Армянского патриархата). В этом контексте возникает вопрос о совместимости гражданской идентичности определенной части армянства диаспоры и реализации стратегических проектов Республики Армения. Иногда деятельность армянских организаций в диаспоре может быть деструктивной в контексте реализации интересов Республики Армения. Например, признание Геноцида является важной общеармянской задачей, но нельзя ее абсолютизировать и противопоставлять реализации иных интересов Армении. Явным проявлением этого можно считать волну протеста, которая поднялась в армянских общинах диаспоры после подписания Армяно-турецких протоколов (2009г.).

Таким образом, необходимо понять, что армянская диаспора – это важный ресурс для реализации стратегических целей Республики Армении, но,

в то же время, нельзя абсолютизировать его значение, слишком многого ожидать и требовать от общин.

В рамках данной статьи мы остановимся еще на одном факторе, который важен для осмысления процессов протекающих в армянской диаспоре. Речь идет о процессе трансформации (с элементами деградации) некоторых традиционно сильных центров армянской диаспоры, и, в первую очередь, об общинах Ближнего Востока [16].

Определяющее влияние на трансформацию региональных армянских общин оказывают процессы, протекающие на Ближнем Востоке. Если использовать терминологию вышеупомянутого Роберта Коэна, современные ближневосточные армянские общины можно охарактеризовать как «диаспоры-жертвы», ибо они в основном сформировались после Геноцида армян в Османской Турции (за исключением иранской общины, ядро которой составляют переселенные в 1604г. в Иран армяне). Армянские общины в этом регионе выделялись не только своей численностью, но и сплоченностью и стремлением сохранения духовной идентичности. Здесь функционировали как внутриобщинные, так и пандиаспоральные организации, членов общины интегрировала своей деятельностью церковь, были наличны школы и иные культурные учреждения. До Второй мировой войны армянская община в Сирии составляла 142 тысячи человек, из которых 60 тысяч проживало в Алеппо, в Ираке – 90 тысяч, в Иране – приблизительно 300 тысяч, в Египте – 40 тысяч. Армяне в этих странах имели достаточно высокий социально-экономический, а иногда – и политический статус. В Иране и Ливане армянские общины до сих пор имеют места в парламенте по конфессиональным квотам.

В дальнейшем численность общин сократилась, что было обусловлено следующими причинами: во-первых, была организована массовая репатриация в Советскую Армению, во-вторых, с 1970-х гг. начался отток армянства с Востока в развитые страны Запада, что было обусловлено нестабильностью в регионе (гражданская война в Ливане, Ирано-Иракская война, Исламская революция в Иране и др.). Необходимо отметить, что из общин Востока мигрировала на Запад социально-активная часть армянства. Поэтому, если до 1970-х гг. именно общины Ближнего Востока «выступали в роли центра культурной и особенно этнополитической деятельности диаспоры», то затем уступили ее западным общинам [17].

Но даже после этого армянские общины Ближнего Востока оставались достаточно крупными, а что самое важное – организованными. К моменту Исламской революции в Иране все же проживало более 200 тысяч армян. В

Ираке численность армянской общины в 2003г. достигала 25000 человек. Армянская община в Сирии до начала конфликта в этой стране насчитывала около 110 тысяч человек. В Ливане же количество армян достигало 70–80 тысяч.

Ухудшение социально-экономического положения в Иране вследствие перманентных санкций западных стран во главе с США, и, тем более, военные действия в Ираке, а затем гражданская война в Сирии, привели к новому оттоку армян из стран Востока, что поставило под угрозу само существование армянских общин. На данный момент в Иране, по мнению экспертов, проживает не более 80 тысяч армян. В результате эмиграции численность армянской общины в Ираке сократилась приблизительно в 2 раза и составляет около 13 тысяч человек. Армянская община в Сирии до начала военных действий была самой крупной на Ближнем Востоке. После начала войны более 90 тысяч армян покинули страну. Только в Алеппо проживало около 50 тысяч армян, из которых к моменту освобождения города здесь осталось 8–10 тысяч. Ниже приводим диаграмму, отражающую изменения численности армянских общин в некоторых общинах Ближнего Востока (См.: Диаграмма 1). Отметим, что увеличение численности армянской общины в Ливане за последние годы связано в основном с притоком армянских мигрантов из охваченных войной Ирака и Сирии. А, в целом, и здесь намечается тенденция оттока в западные страны.

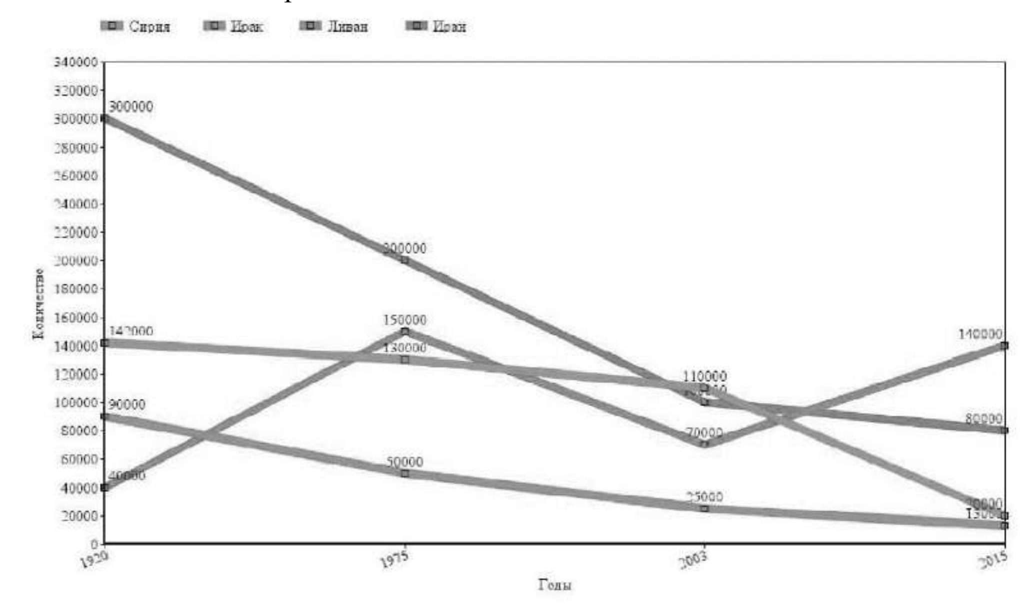

Диаграмма 1.

Примечательно, что основное количество представителей ближневосточных армянских общин мигрирует не в Республику Армения. К примеру, в Армении обосновалось всего около тысячи представителей Иракской общины, а из Сирии сюда переехали 20 тысяч армян, из которых остались здесь и стали гражданами Армении 13 тысяч (См.: Диаграмма 2). Основной поток армянства направляется в западные либерально-секулярные страны, где механизмы самосохранения начинают не работать, «сознательный» армянин вскоре становится «символичным» армянином [18], и становится реальной угроза быстрой ассимиляции.

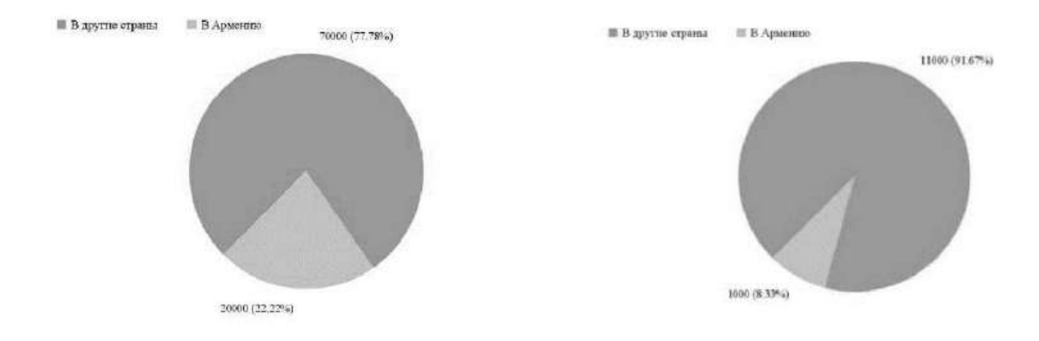

Диаграмма 2.

Таким образом, процессы, развертывающиеся на Ближнем Востоке, оказывают определяющее влияние на трансформацию армянских общин региона. Если раньше главной целью общин было сохранение этно-национальной идентичности, для чего были выработаны и эффективно функционировали разнообразные механизмы, то на современном этапе первостепенное значение приобретает проблема обеспечения безопасности. Некогда крупные и организованные общины, которые играли громадную роль в функционировании армянской диаспоральной сети, решают проблему выживания и находятся на грани исчезновения. За последние 15 лет численность армянских общин Ближнего Востока сократилась вдвое, и тенденция сокращения продолжается. Очевидно, что дестабилизация региона будет продолжаться (ибо здесь сталкиваются интересы и мировых, и региональных держав), следовательно, будет продолжаться отток армян. Приток ближневосточного армянства в Республику Армения, где достаточно остро стоит демографическая проблема, на первый взгляд, имеет некоторые положительные стороны. Но, в целом, последствия деградации армянских общин Ближнего Востока

негативны для армянства, как с точки зрения существования и развития армянской диаспоры как целостного феномена, так и с позиции стратегических проектов развития Республики Армения и армянства в целом [19].

Таким образом, с одной стороны, процесс деградации армянских общин на Востоке, высокие темпы ассимиляции армянства в западных странах и на постсоветском пространстве, исчезновение традиционных узловых общин диаспоры наносят сильный удар по единой армянской диаспоральной сети, а с другой стороны, ослабление армянской этой сети ущербно с точки зрения интересов Республики Армения, так как богатая и организованная диаспора рассматривается как важнейший фактор эффективной реализации проектов стратегического развития Республики Армения.

Следовательно, необходимо, в первую очередь, разработать стратегию развития отношений между Республикой Армения и самой диаспорой, а также конкретные механизмы, обеспечивающие их единство. Опыт показывает, что имеющиеся механизмы, например, институт двойного гражданства (с 2007г.), недостаточны. Немаловажное значение должны иметь также усилия, направленные на обеспечение единства и самой диаспоры. Имеющиеся попытки, например, попытка объединения двух престолов армянской церкви (Эчмиадзинского и Киликийского) в середине 1990-х гг. или попытка создания Всемирного армянского конгресса, не увенчались успехом.

Проект «малая страна, но глобальная нация» можно реализовать только при наличии сильной единой диаспоральной сети с сильными общинами, с одной стороны, и сильным национальным государством, с другой. А это, в свою очередь, предполагает целенаправленный процесс развития государственных институтов и гражданского общества в Республике Армения – с целью обеспечения роста доверия к Армении и повышения авторитета армянской государственности в сознании диаспоры, и создание системы эффективного взаимодействия внутриобщинных и пандиаспоральных организаций и Республики Армения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия национальной безопасности Республики Армения // https://www.mfa.am/filemanager/Statics/Doctrinerus.pdf
2. См.: *Саргсян Д.О.* Протестные движения в Армении в контексте трансформации гражданского сознания // Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»: Сборник научных статей. Ер.: Изд-во РАУ, 2019. С. 57.

3. В основу оборонной системы положена идея нации-армии // https://armenpress.am/arm/news/864687/pashtpanakan-hamakargi-himqum-drvel-e-azg-banak-gaxapary.html Программа модернизации вооруженных сил Республики Армения на 2018–2024гг. // http://www.mil.am/hy/libraries/40
4. Будущее армянской нации решается сейчас // https://nt.am/ru/news/228975///?hayworld=
5. *Алекян Н., Варданян Р.* На перекрестке // www.armenia2041.org
6. Армен Саркисян: Армения – маленькая страна, но глобальная нация // https://regnum.ru/news/polit/1424143.html
7. Мы глобальная нация, добивающаяся успеха в любой среде: Зарэ Синанян посетил Москву // https://www.24news.am/ru/news/54768ссылка
8. См.: *Саркисян О.Л.* О совместимости модели «глобальной нации» с проектом национального государства (на примере Армении и армянства) // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы: материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием) РАПН, МПГУ, 6–7 декабря 2019 / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М.: МПГУ, 2019.
9. Մինչև 2050 թվականը Հայաստանի ռազմավարական նպատակադրումները (նախագիծ) // https://www.facebook.com/nikol.pashinyan/posts/2377122779274770
10. Two-way street: Re-engagement and reciprocity define a new era in Diaspora-Armenia relations / [Эл. ресурс] AGBU-news-2019-december// http://online.fliphtml5.com/fqpe/ohch/?fbclid=IwAR3_O2dAIIgsKtFc2GVg3vtoy2RBEHQDPEZbApksPl9yg5rCo6g7GD84evs#p=61
11. Вступительная речь Министра иностранных дел Зограба Мнацаканяна на ежегодном собрании руководителей центрального аппарата МИД и глав органов дипломатической службы Армении в зарубежных странах ссылка // https://www.mfa.am/ru/speeches/2019/08/27/fm_opening_remarks/9782)
12. *Дятлов В., Мелконян Эд.* Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии. Ер., Институт Кавказа, 2009. С. 23.
13. *Cohen R*. Global diasporas: An Introduction.2nd ed. 2008. NewYork: Palgrave. P.18.
14. *Байбуртян В*. Армянская община Ирана: Современные проблемы, Ер., 2013, С. 130.
15. *Дятлов В., Мелконян Эд*. Указ.работа. С. 131.
16. Про трансформацию армянских общин Ближнего Востока см.: *Саргсян Д.О.* Трансформация армянских общин Ближнего Востока в контексте современного регионального кризиса // Сборник по итогам III Международного конкурса студенческих научно-аналитических работ по ближневосточной проблематике им. Е.М. Примакова / Под ред. В.А. Аваткова. М.: Грин Принт, 2019; *Овян В*. Армянская община Ливана в контексте современных вызовов [Эл. ресурс] // «Նորավանք» հիմնադրամ / Доступ: http://www.noravank.am/ img/detail.php? ELEMENT_ID=12327 (на арм. языке); *Овян В.* Армянская община Сирии в

период восстановления [Эл. ресурс] // «Նորավանք» հիմնադրամ / Доступ: http://www.noravank.am/arm/articles/detail.php? ELEMENT_ID=17652 (на арм. языке); *Пашаян А.* Армянская община Ирака: новые вызовы [Эл. ресурс] // Նորավանք» հիմնադրամ / Доступ: http://www.noravank.am/rus/issues/ detail.php? ELEMENT_ID=3061; Суджян А. Армянские общины в условиях гражданской войны [Эл. ресурс] // Նորավանք» հիմնադրամ / Доступ: http://www.noravank.am/ upload/pdf/ Ara_Sanjian_rus.pdf; *Iskandaryan G.* The Armenian community in Iran: Issues an demigration. (2019) 3 Global Campus Human Rights Journal 127–140 [Эл. ресурс] www.ysu.am // Режим доступа: http://ysu.am/files/1-1574062812.pdf? fbclid=IwAR07ZibNz0_sYkWiYJTfhBcKT8wAKkWgUB9fe3eWa-DsuOyyIR_t-tjSqVs;

17. *Дятлов В., Мелконян Эд.* Указ. работа. С. 58.
18. *Bakalian A.* Armenian-Americans: From Being to Feeling Armenian. New Brunswick, London, 1993. PP. 393–396.
19. См.: *Саргсян Д.О.* Трансформация армянских общин Ближнего Востока в контексте современного регионального кризиса.

THE DIASPORA IN CONTEXT OF STRATEGIC DEVELOPMENT OF THE ARMENIAN STATEHOOD

D. Sargsyan

In almost thirty years of its independence the Republic of Armenia has reached certain successes in its development, though there have been many missed chances, as well. In fact, so far there have not been developed any long-term strategic projects for the development of the Armenian statehood. However, the new government of Armenia, that was formed after the "Velvet revolution", declared about the start of developing such projects. Interestingly, the new vision of Armenian development attaches great importance to the Armenian diaspora. This article formulates the issue of understanding the significance of the Armenian diaspora in strategic development of the Republic of Armenia. The objectives are to understand to what extent the Armenian diaspora is united, what kind of transformations are currently taking place there and how can those processes affect the implementation of strategic projects.

Keywords: diaspora, Armenian diaspora, diaspora communities, Armenians, strategic development, strategic project, Republic of Armenia.

А.П. ЧЕХОВ И АРМЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ханян К.С., к. филол. н., доцент
Армянский государственный педагогический университет им. Х.Абовяна
г. Ереван, Республика Армения

Во все времена были писатели, творчество которых служило своеобразным художественным ориентиром. Одним из таких представителей мировой литературы, влияние которого проявляется на литературе многих народов, является Антон Павлович Чехов (1860-1904).

Новаторство повествовательных форм Чехова, его роль в процессе мирового искусства отмечали многие крупнейшие писатели – Томас Манн, Лев Толстой, Хироси Нома, Лакснесс и др. Чехов не стремился дать ответы читающей публике, а считал, что роль автора заключается в том, чтобы задавать вопросы, а не отвечать на них. Он указал направление, отвечающее потребностям времени. А создание нового типа американской новеллы Шервудом Андерсоном вряд ли было бы возможно без чеховского опыта.

Вместе с Чеховым в литературе появился определенный тип художественного построения – умение в двух-трех коротких фразах говорить о “длинных предметах”. Как композиционный прием — это “умение” посвоему передавало новое восприятие мира.

Не случайна связь Чехова не только с армянской литературой, но и армянской действительностью. Близким другом писателя был композитор Александр Спендиарян, написавший произведение “Мы отдохнем”, в основе которого монолог Сони из чеховской пьесы “Дядя Ваня”. Известно о горячей дружбе между Чеховым и художником-маринистом Ованнесом Айвазовским. Внимания Чехова был удостоен также художник Вардгес Суренянц, впоследствии оформивший декорации “Чайки” (1905).

Первым прелесть произведений Чехова заметил и оценил известный армянский прозаик Нар-Дос (Микаэл Тер-Ованнисян), сказавший, что его “каждая маленькая вещица… стоит многотомного романа”. По его мнению, “из новейших русских беллетристов один Чехов является носителем лучших традиций русского повествовательного творчества”[1]. Чехов оставил сильное впечатление и у Александра Цатуряна, и Ваана Терьяна, и Аветика Исаакяна, и Ованеса Туманяна и многих других, которые в своих статьях высоко оценили и широко пропагандировали творчество русского писателя.

Познавательной страницей в армянском чеховедении можно счи-

[1] Веселовский Ю. Литературное влияние в современной армянской литературе. М., 1909. С. 32.

тать статью Х.Самвеляна “А.Чехов” в журнале “Тараз”. В начале статьи автор отмечает, что “Чехов - это зеркало, которое удивительно тонко отражает в себе всю картину общественной жизни 80-х годов, это зритель, который невероятно объективно указывает на настроение окружения и иногда оживляет все это в своих многочисленных произведениях. Он точный, и в то же время в высшей степени художественно развитый летописец, чей взгляд не пропустит особенности эпохи”[1]. Автор статьи анализирует чеховские рассказы и повести “Степь”, “Крыжовник”, “Человек в футляре” и др. и и дает им высокую оценку.

В произведениях Чехова Самвелян видит описание сущности эпохи, и этим определяется историчность его наследия. “Чехов удивительно близок пульсу окружающей общественной жизни, он чувствовал и жил душой и сердцем современной ему интеллигенции, той интеллигенции, которая абсолютно отрицала наследие “отцов”, одновременно оставалась оцепеневшей, не знающей куда идти”[2].

Оценка Самвеляном произведений Чехова вытекает из точного восприятия творчества писателя, рассмотрения его высокого реалистического искусства.

Начиная с 90-х годов XIX века, произведения Чехова переводятся на армянский язык, его пьесы ставятся на сценах некоторых армянских театров, издаются сборники его повестей и рассказов в Тифлисе, Баку, Шуши, Александрополе, Измире, Париже, Москве, Санкт-Петербурге и др.

Одним из первых переводчиков Чехова на армянский язык был Григор Аветян, переведший рассказы “Медведь” и “Предложение” в 1890 году. Чехова переводят С.Тер-Саакянц (“Три сестры”, 1890), М.Кнарик (“Чайка”, 1893), Н.Нававарян (“Чайка”, 1893), А.Тер-Ованисян (“Медведь”, 1893), Л.Туманян (“Дома”, 1896), М.Тер-Мартиросянц (“Жена”, 1897), А.Мнацаканян (“Ванька”, 1899), Ал. Петросян (“Беда”, 1899), Востаник (“Репетитор”, “Толстый и тонкий”, “В номерах”, 1900), Т.Туман (“Хамелеон”, 1900), Ов.Абрамян (“Случай из судебной практики”, 1900), Барутян (“Человек в футляре”, 1901), М.Айвазян (“Юбилей”), Г.Арабаджян и многие другие.

Все эти переводы периодически печатались в таких армянских изданиях как “Мурч”, “Ахбюр”, “Тараз”, “Нор Дар”, “Лума”, “Базмавеп”, “Луйс” и др.

Чехов становится не только известным и принятым в армянской среде талантливым писателем, но и своим творчеством содействует развитию армянской художественной литературы. Широко известна связь между сборником рассказов Чехова “Хмурые люди” (1890) и сборником Степана

---

[1] Тараз. Тифлис. 1900. № 3. С. 514.
[2] Тараз. Тифлис. 1900. № 3. С. 516.

Зорьяна “Грустные люди” (1918), где последний применяет принципы чеховского искусства. Эта генетическая и типологическая связь выявлена и оценена в исследовательской работе армянского литературоведа Хорена Саргсяна “Степан Зорьян: десятые годы”. Сам Зорьян, говоря о классиках мировой литературы, обязательно упоминал имена русских писателей: Толстого, Достоевского, Пушкина, Гоголя, Чехова.

Оценке богатого творческого наследия Чехова посвящена и статья Д. Демирчяна “А.П. Чехов”, написанная по поводу 50-летия смерти писателя. В ней отмечается: “Чехов известен в переводной литературе всех культурных народов планеты. Его произведения, рассказы и пьесы, переведены и на армянский язык. Армянские писатели, от классиков до представителей нынешнего поколения, читали, полюбили Чехова и многому научились у него”[1].

Интерес к творчеству Чехова ни на каждом этапе развития мировой, в том числе и армянской литературы. Более того, Чехов остается примером и для зарубежных писателей, в том числе и тех, кто пишет не на армянском. Пример тому творчество Вильяма Сарояна (1908-1981), одного из известных американских писателей армянского происхождения. Его перу принадлежат около полутора тысяч рассказов, двенадцать пьес и семь романов.

Каждый художник слова проходит какую-либо литературную школу. Талант Сарояна сродни чеховскому. И он мог бы отнести к себе самому признание русского писателя, о котором Сароян всегда говорил с чувством преклонения: “Моя святая святых – это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две не выражались”[2]. Сароян учит своих героев видеть за разнообразными человеческими недостатками доброе и светлое начало.

Не раз бывавший в Армении, Сароян всегда на встречах с армянскими писателями выражал свое отношение к русской литературе и русским писателям: “Среди писателей России, - говорил он, - для меня главными являются, и всегда их читаю – Л. Толстой, Достоевский, Чехов, Тургенев, Горький. Гоголевская “Шинель” яркий пример русского рассказа. Пушкин ярчайший представитель литературы”3. Русская литература для Сарояна высшее художественное явление литературы. Имя Чехова он называет в ряду других русских писателей, но, несомненно, оно должно было стоять первым.

Сароян в американской литературе считается выдающимся мастером короткого рассказа. Он всегда повторял, что в этом направлении он многому научился у Чехова. Как-то в беседе с В.Давтяном Сароян сказал: “У Чехова сострадание, Ги де Мопассан имеет только плоть, понимаешь раз-

---

[1] Демирчян Д. Собрание сочинений в 14 т. Т. 13. Ереван. 1983. С. 267.
[2] Цитируется по: Чехов А. Собрание сочинений в 12 т. Т. 2. М. 1956. С. 176.
[3] Мкртчян Л. В.Сароян вблизи. Ереван. 1978. С. 16.

ницу? Но великолепное тело… Нынешних русских писателей читаю в переводах. Но мало… У меня желание познакомиться со всеми произведениями мировой литературы, которая переводится на английский, потому что других языков не знаю, читаю только на английском. Все они интересны. Очень люблю Исаака Бабеля. Зощенко люблю, Андреева, Тургенева тоже. Невозможно, чтобы кто-то, который любит литературу, не любил и не почитал русскую литературу. Обширная литература, всегда читаю. И переводы очень удачны… и их приятно читать”[1].

Сароян как-то признался, что ни один его рассказ не потребовал больше трех часов. Писалось легко и писал он много. В этом он похож на Чехова, который, как он сам говорил, не помнил, чтобы какой-нибудь рассказ отнимал у него больше суток. Сарояна упрекали за легкость конфликта и благополучную развязку. Молодого Чехова тоже обвиняли в безразличии к серьезным общественным вопросам. В письме к известному поэту А.Н.Плещееву в 1888 году Чехов писал: “Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы стать свободным художником – и только. И жалею, что бог не дал мне силы быть им”[2]. Однако ум и талант всегда служат целям, и нельзя быть “свободным” от общественных связей.

Для Сарояна Чехов из тех мастеров, чьи традиции стали базой для начинающих, основой для создания своей школы и передачи ее последующим поколениям. С этой позиции очевиден профессионализм чеховских произведений со стороны и содержания, и формы. Говоря о литературных типологических связях произведений Чехова и Сарояна можно привести несколько примеров. Это рассказ Сарояна “Апельсин” и рассказ Чехова “Ванька”, доказывающие ту истину, что писатели перенимают друг у друга лучшие литературно-художественные традиции. Отличным примером литературной типологической связи является рассказ Сарояна “Старомодный роман с любовными стихами и всем прочим”. Здесь чувствуется близость чеховских традиций, в особенности влияние чеховской сатиры и юмора. Герои данного рассказа достигают уровня чеховских героев, но сарояновским почерком. Не будет преувеличением, если отметим, что рассказ Сарояна “Цирк” предстает как пример чеховской лаконичности мопассановского описательного мастерства. Здесь проявляются творческое психологическое остроумие, яркие оттенки сатиры и юмора. Это произведение вызывает те же чувства, что и бессмертное произведение Чехова “Человек в футляре”.

Сарояна всегда привлекало чеховское искусство немногочисленными словами говорить о многом, и он, не повторяя Чехова, создал свой, сароя-

[1] Мкртчян Л. В.Сароян вблизи. Ереван. 1978. С. 82-83.
[2] Чехов А. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Т. 3. М. 1976. С. 11.

новский стиль, и, передавая будущему поколению букет своих рассказов, подчеркивает: “Нет создателя коротких рассказов подобно Чехову”[1].

Подобное заявление не только дань уважения творчеству Чехова, но и всей русской литературе, это и признание того, что русская высокохудожественная литература имеет всемирное значение.

Библиографический список

1. Веселовский, Ю. Литературное влияние в современной армянской литературе. М., 1909.

2. Демирчян, Д. Собрание сочинений в 14 т. Ереван, Т. 13. 1983 (на армянском яз.).

3. Мкртчян, Л. В. Сароян вблизи. Ереван, 1978.

4. Тараз. Тифлис. 1900. № 3 (на арм. яз.).

5. Чехов, А. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. М., Т. 3. 1976.

6. Чехов, А. Собрание сочинений в 12 т. М., Т. 2. 1956.

[1] Там же. С. 82.

ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ОБЩИНАМИ В КЛАССИЧЕСКОЙ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЕ (ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ)

DOI: 10.25629/HC.2020.06.02

Овсепян Мелик

Ереванский государственный университет

0025, Республика Армения, г. Ереван, Алека Манукяна, 1

Исследование выполнено при финансовой поддержке ГКН МОН РА и РФФИ (РФ) в рамках совместной научной программы 18RF-108 и 18-59-05007/18, 18-59-05007/19

Аннотация. Сотрудничество между общинами армянской диаспоры является важным моментом в развитии диаспоры в целом. Известно, что диаспора состоит из дисперсионных групп людей в разных странах мира, где части этой дисперсионной группы образуют отдельные сообщества. Это означает, что без взаимодействия (сотрудничества) между собой сообщества будут развиваться отдельно друг от друга и диаспора не станет единым организмом. Важнейшим основанием для тесного сотрудничества/взаимодействия между общинами является помощь родине. Примеры такого взаимодействия наблюдаются на протяжении всего XX в. Также необходимо подчеркнуть межобщинное сотрудничество/взаимодействие в рамках панармянской организации. Существует также тесное сотрудничество/взаимодействие между армянскими общинами соседних стран (Франция и Бельгия, Сирия и Ливан, США и Канада, Бразилия и Аргентина), а также между общинами, в которых основные группы армян имеют территориально-генетические связи.

Ключевые слова: взаимодействие, классическая Армянская диаспора, община, армянские колонии, всеармянская организация, филиал, опыт, помощь, репатриация, идеологическая централизация, организационно-структурная децентрализация.

Введение

Взаимодействие между общинами является важным моментом в развитии диаспоры как единой системы. Известно, что диаспора представляет собой расселение народа вне пределов родины в разных странах мира, где части этого народа образуют отдельные общины. Это означает, что без взаимодействия между собой общины будут жить и развиваться автономно, отдельно друг от друга, а диаспора не станет единым организмом. Это утверждение находит свое подтверждение в названиях исследований по армянской диаспоре. Как правило, такие исследования, которые относятся к средневековому периоду или же новой истории армянской диаспоры, известны под заголовками «История армянских колоний» [1; 5], «История армянской эмиграции» [2; 3] и т.д. И только исследования, касающиеся истории диаспоры современного периода, когда наблюдается взаимодействие между различными общинами, в своих заголовках имеют словосочетание «армянская община» [11] или «армянская диаспора» [4].

Сущность межобщинного взаимодействия в армянской диаспоре

При обсуждении вопроса межобщинного взаимодействия иногда остается в стороне сама сущность такого взаимодействия, так как термин «община» неоднозначен и во многих странах не означает официального регионального/городского представительства диаспоры или единой организации национального меньшинства, как, например, в России. Изначально вместо термина «община» применяли термин «колония» (гахут, гахтавайр, гахтоджах), который обозначал локально-территориальную социализацию групп армянских эмигрантов в отдельно взятой стране или регионе. Совокупность этих колоний называлась гахташхар, что можно перевести как «рассеяние» (дисперсия) [6; 7].

Во многих странах понятие «община диаспоры» имеет разные формы восприятия и разное прочтение, из которых основными являются следующие:

– все представители отдельно взятой этнической группы (меньшинства), проживающие в составе одной страны;

– официально зарегистрированные этнические организации (например, общественные организации) одной этнической группы, которых может быть несколько в отдельно взятой стране.

Обе модели определяют формы взаимодействия между общинами.

Изучение опыта взаимодействия между армянскими общинами классической армянской диаспоры позволяет выделить следующие формы межобщинного взаимодействия:

– межобщинное взаимодействие вокруг общенациональной идеи/программы (помощь родине и т.д.);

– межобщинное взаимодействие в рамках отдельно взятой всеармянской организации;

– межобщинное взаимодействие общинных структур с общинами соседних стран или с такими общинами, где основные группы армян имеют родственно-территориальные связи (армянские общины Египта и Канады, так как в армянской общине Канады весомое место занимают армяне – эмигранты из Египта; армянские общины арабских стран Ближнего Востока и Австралии, так как в армянской общине Австралии весомое место занимают армяне – эмигранты именно из этих стран [8]) или же общины в составе одного государства.

Помощь Родине – основа межобщинного взаимодействия в армянской диаспоре

Опыт взаимодействия между общинами армянской диаспоры доказывает, что наиболее важным толчком для тесных межобщинных взаимодействий является вопрос о помощи родине. В 1921 г. был основан Комитет помощи Армении, который продолжает существовать и является наиболее эффективной организацией в течение 100-летней истории отношений между Арменией и диаспорой. Именно необходимость помощи родине сплотила в филиалах комитета почти все всеармянские организации как в отдельных городах, так и в разных странах и регионах мира. В результате этого стала возможной организация массовой репатриации в 1920–1930-х гг. и строительство поселений для тысячи репатриантов в Советской Армении [8].

Межобщинное взаимодействие в рамках отдельно взятой всеармянской организации

Всеармянская организация представляет собой такую организацию диаспоры, филиалы или структуры которой распространены по армянской диаспоре мира и которая представляет интересы (общенациональные приоритеты) всех ее групп.

Такими всеармянскими организациями, в первую очередь, являются армянские партии диаспоры (Социал-демократическая партия «Гнчак», Армянская революционная федерация Дашнакцутюн, Либерально-демократическая партия – Партия «Рамкавар–Азатакан»), их дочерние всеармянские образовательно-культурные и другие организации, Всеармянский благотворительный союз и т.д.

Деятельность всеармянской организации может дать наиболее полное представление обо всех гранях межобщинного взаимодействия в диаспоральном масштабе. Известно, что всеармянские организации диаспоры функционируют на принципах идеологической централизации и организационно-структурной децентрализации [10]. Такие принципы дают возможность всем общинно-организационным филиалам всеармянских организаций взаимодействовать во имя общенациональных приоритетов, среди которых, в первую очередь: сохранение армянской идентичности в диаспоре, международное признание геноцида армян в Османской империи 1915–1922 гг., помощь и содействие Республике Армения и др.

Другие основы межобщинного взаимодействия в армянской диаспоре

В истории межобщинного взаимодействия двух отдельных армянских общинных структур выделяются форматы коммуникаций, во-первых, между армянскими общинами соседних стран (Франции и Бельгии, Сирии и Ливана, США и Канады, Бразилии и Аргентины и т.п.),

во-вторых, между такими общинами, где основные группы армян имеют родственно-территориальные связи.

Армянские общины соседствующих стран имеют богатый опыт взаимодействия. Это связано с тем, что на континентально-региональной и отчасти на политической основе образовывались и продолжают возникать и существовать тесные связи между такими армянскими общинами. Они имеют несколько слоев сотрудничества: между всеармянскими организациями, между разными группами армян, межконфессиональные связи, межкультурные связи и взаимодействия благотворительного характера [11].

Взаимодействие на родственно-территориальной основе по большей части связано с потоками эмиграции внутри армянской диаспоры. В результате движения таких потоков в нескольких армянских общинах важную роль начали играть армянские эмигранты, вышедшие из других общин диаспоры [8]. Такие потоки образовали тесные связи между армянскими общинами, с одной стороны, арабских стран Ближнего Востока, а с другой стороны, Австралии, Канады и США.

Взаимодействие между общинами в составе одного государств очевидно и реализуется в самых разных формах.

Библиография

1. Абраамян А. Краткая история армянских колоний. Т. 1–2. Ереван, 1964, 1967 (на армянском языке).

2. Алпоячян А. История армянской эмиграции. Т 1, 2, 3. Каир, 1941, 1955, 1961 (на армянском языке).

3. Ачарян Г. История армянской эмиграции. Ереван, 2002 (на армянском языке).

4. Байбуртян В. Армянская община Ирана: проблемы современности. Ереван, 2013 (на армянском языке).

5. Григорян В. История армянских колоний Украины и Польши (армяне в Подолии). Ереван, 1980.

6. Дятлов В., Мелконян Э. Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии. Ереван: Институт Кавказа, 2009. 207 с.

7. Арутюнян Ю. Об армянской диаспоре в России (этносоциологическое исследование армян Москвы и Краснодара). Ереван: Гитутюн, 2011. 151 с.

8. История армянского рассеяния. Т. 1–3. Ереван, 2003, 2013 (на армянском языке).

9. Ганаланян Т. Передвижения внутри диаспоры в 1950–1980-х гг. Ереван, 2016 (на армянском языке).

10. Егиазарян А. Деятельность Комитета помощи Армении и армяне диаспоры // Отношения родины и диаспоры с 1918 года и до наших дней. Ереван, 2017. С. 68–85 (на армянском языке).

11. Егиазарян А. Из истории развития армянской диаспоры: Духовная Армения // Армения в диалоге цивилизаций: Материалы международной научной конференции, 28 апреля 2011 г. / Под ред. О.А. Колобова. Нижний Новгород: Деком, 2011.

12. Пашаян А., Арутюнян Л. Армянская община Сирии: проблемы современности. Ереван, 2011 (на армянском языке).

13. Топузян О. История армянских колоний Сирии и Ливана (1841–1946). Ереван, 1986 (на армянском языке).

Овсепян Мелик, аспирант кафедры Диаспороведения исторического факультета Ереванского государственного университета. E-mail: melik13@mail.ru

EXPERIENCE OF INTERACTION BETWEEN COMMUNITIES IN THE CLASSICAL ARMENIAN DIASPORA (THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS)

DOI: 10.25629/HC.2020.06.02

Melik Hovsepyan

Yerevan State University

0025, Republic of Armenia, Yerevan, Alec Manukyan, 1

Abstract. The cooperation between communities of Armenian Diaspora is an important point in the development of the diaspora as a whole. It is known, that a diaspora consists of dispersion groups of a people in different countries of the world, where parts of this dispersion groups form separate communities. This means that without interaction (cooperation), communities will develop separately from each other, and the diaspora will not become a single organism. The most important ground for close cooperation/interaction between communities is to help the homeland. Examples of this kind of interaction are observed throughout the 20th century. It is also need to underline the inter-community cooperation/interaction within the framework of a pan Armenian organization. There is also exist close cooperation/interactions between the Armenian communities of neighboring countries (France and Belgium, Syria and Lebanon, USA and Canada, Brazil and Argentina), as well as between the communities where the main groups of Armenians have territorial-genetic ties.

Keywords: cooperation, classical Armenian diaspora, community, Armenian colonies, Pan Armenian organization, branch, experience, assistance, repatriation, ideological centralization, organizational and structural decentralization.

References

1. Abraamyan A. *Kratkaya istoriya armyanskikh kolonii* [A brief history of the Armenian colonies). Vol. 1–2. Yerevan, 1964, 1967 (in Armenian).

2. Alpoyachyan A. *Istoriya armyanskoi emigratsii* [History of Armenian emigration]. Vol. 1, 2, 3. Cairo, 1941, 1955, 1961 (in Armenian).

3. Acharyan G. *Istoriya armyanskoi emigratsii* [History of Armenian emigration]. Yerevan, 2002 (in Armenian).

4. Baiburtyan V. *Armyanskaya obshchina Irana: problemy sovremennosti* [The Armenian community of Iran: problems of the present]. Yerevan, 2013 (in Armenian).

5. Grigoryan V. *Istoriya armyanskikh kolonii Ukrainy i Pol'shi (armyane v Podolii)* [History of the Armenian colonies of Ukraine and Poland (Armenians in Podolia)]. Yerevan, 1980.

6. Dyatlov V., Melkonyan E. *Armyanskaya diaspora: ocherki sotsiokul'turnoi tipologii* [The Armenian diaspora: essays on the sociocultural typology]. Yerevan: Institute of the Caucasus, 2009. 207 p.

7. Arutyunyan Yu. *Ob armyanskoi diaspore v Rossii (etnosotsiologicheskoe issledovanie armyan Moskvy i Krasnodara)* [About the Armenian diaspora in Russia (ethnosociological study of the Armenians of Moscow and Krasnodar)]. Yerevan: Gitutiun, 2011. 151 p.

8. *Istoriya armyanskogo rasseyaniya* [History of Armenian dispersion]. Vol. 1-3. Yerevan, 2003, 2013 (in Armenian).

9. Ganalanyan T. *Peredvizheniya vnutri diaspory v 1950–1980-kh gg.* [Movements within the diaspora in the 1950-1980s]. Yerevan, 2016 (in Armenian).

10. Egiazaryan A. Deyatel'nost' Komiteta pomoshchi Armenii i armyane diaspory. *Otnoshe-niya rodiny i diaspory s 1918 goda i do nashikh dnei* [The activities of the Assistance Committee of Armenia and the Diaspora Armenians. *Relations between the motherland and the diaspora from 1918 to the present day*]. Yerevan, 2017. P. 68–85 (in Armenian).

11. Egiazaryan A. Iz istorii razvitiya armyanskoi diaspory: Dukhovnaya Armeniya. *Armeniya v dialoge tsivilizatsii.* Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 28 aprelya 2011 g. [From the history of the development of the Armenian diaspora: Spiritual Armenia. *Armenia in the dialogue of civilizations*. Materials of the international scientific conference, April 28, 2011]. O.A. Kolobov (ed.). Nizhny Novgorod: Dekom, 2011.

12. Pashayan A., Arutyunyan L. *Armyanskaya obshchina Sirii: problemy sovremennosti* [The Armenian community of Syria: problems of the present]. Yerevan, 2011 (in Armenian).

13. Topuzyan O. *Istoriya armyanskikh kolonii Sirii i Livana (1841–1946)* [The history of the Armenian colonies of Syria and Lebanon (1841–1946)]. Yerevan, 1986 (in Armenian)

Melik Hovsepyan. Postgraduate Student, Department of Diasporology, Department of History, Yerevan State University. E-mail: melik13@mail.ru

АРМЯНСКИЙ ЯЗЫК В АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЕ МОСКВЫ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

DOI: 10.25629/HC.2020.06.08

Солопова О.В., Геворкян Г.Н.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4

Статья подготовлена в рамках проекта «Особенности формирования и развития армянской диаспоры Москвы в конце XX – начале XXI века», поддержанного грантом РФФИ № 18-59-05007\18 и № 18-59-05007\19

Аннотация. Современная деятельность армянской диаспоры (спюрка) демонстрирует попытки восстановления духовного единства армянского общества, актуализирующие сохранение его скрепляющих основ. На новом историческом этапе ставится задача осмысления базовых составляющих национально-культурной идентичности армян диаспоры, среди которых особое место занимает национальный язык. Исследование было подготовлено в рамках реализации проекта «Особенности формирования и развития армянской диаспоры Москвы в конце XX – начале XXI века», поддержанного грантом РФФИ № 18-59-05007\18 и № 18-59-05007\19. Главной задачей статьи было выяснение, меняется ли в настоящее время содержание языкового сознания армян Москвы. Эмпирическая база исследования – полевые материалы 2018 и 2020 гг. Опрос информаторов, представителей армянской диаспоры разного пола, возраста, места рождения, статуса, проводился в форме анкетирования с элементами формализованного интервью. На основе опроса был дан анализ тенденций, отражающих сам факт и специфику тенденций функционирования армянского языка в Москве. Для этого была выявлена степень владения национальным языком в диаспоре, рассмотрена роль армянского языка в системе общения внутри армянского социума, а также проанализирована связь между национальным языком и национально-культурной идентичностью. В результате был сделан ряд выводов о специфике, консервации и современной динамике использования армянского языка в условиях проживания армян в диаспоре.

Ключевые слова: армянская диаспора, национально-культурная идентичность, армянский язык.

Введение

Вопрос конструирования и сохранения своей идентичности в условиях «пересекающихся экономик, перекрещивающихся систем ценностей и фрагментарных идентичностей» [17] остается одним из наиболее актуальных в современной исторической науке. Обращение к проблемам национального самосознания, аккультурации и ассимиляции актуализируется в современных условиях глобализации, которая характеризуется миграционными процессами, диаспоризацией, расширением культурных контактов между народами, постепенным стиранием разграничений разного порядка как в пространстве Интернета, так и между отдельными государствами. Исходя из глобального контекста, проблемы социального конструирования реальности нуждаются в постоянном изучении.

Конструирование особой этнической идентичности в диаспоре происходит через несколько этапов. Прежде всего кристаллизируется и оформляется так называемая основная идентичность, в тех или иных степени и форме присущая всем представителям конкретной диаспоры. Затем происходит ее дополнение специфическими особенностями культурного, социального факторов, характерными для страны проживания. В результате получается сложный конструкт, сочетающий в себе культурные элементы базовой идентичности и элементы, приобретенные в результате проживания в другой стране [8].

У каждой классической диаспоры есть основа, вокруг которой консолидируются ее представители. Из каких компонентов состоит этнокультурное единство армян диаспоры? Ряд исследователей отмечают, что устойчивость к ассимиляции достигается существованием некоего стержня, будь то религиозные воззрения, поддержка национального языка, обращение к национальной идее, историческая память, или нечто другое. Стержня, не дающего членам диаспоры раствориться в иноэтнической среде. Есть мнение, что представления членов армянской диаспоры о значимости изучения языка своих предков – важнейший показатель степени их ассимиляции в стране проживания. К примеру, такой показатель может находить фактическое отражение в следующем выборе родителей: готовы они отдавать своих детей в армянские школы, разговаривать дома на национальном языке или считают, что детям с момента их рождения лучше знать только язык страны проживания.

Краткий обзор литературы

С начала 1990-х гг. пробуждается активный интерес исследователей к изучению армянской диаспоры. Первоначально эти работы имели более общий характер, среди них особенно выделяются труды Ц.П. Агаян «Россия в судьбах армян и Армении» [1], А.Е. Тер-Саркисянц «Армяне. История и этнокультурные традиции» и «История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в.» [11; 12], М.А. Аствацатуровой «Диаспоры в Российской Федерации. Формирование и управление» [7], а также В. Дятлова и Э. Мелконян «Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии» [9].

О современных армянах Москвы написано немного исследований. Среди особо интересующих нас работ выделяются статьи И.А. Амирьянц «Армяне Москвы» [2], где центральным объектом изучения выступила Армянская апостольская церковь, и А.А. Степанян «Социокультурные особенности армянской этнообщины Москвы (экскурс в прошлое и результаты полевого обследования 2003 г.)» [10] об общинной жизни московских армян и их вкладе в историю российской столицы. Наибольший интерес представляют результаты социологических исследований по армянам Москвы, проведенных под руководством Ю.В. Арутюняна, которые изложены им в нескольких публикациях: «Социальный портрет по материалам этносоциологического исследования», «Армяне в Москве (по результатам сравнительного исследования)», «Московские армяне глазами этносоциолога» [3; 4; 5]. Отдельного внимания заслуживает диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук Т.В. Асрибековой «Армянская диаспора в Москве. История формирования и этнокультурное развитие в конце XX – начале XXI в.» [6]. Во всех этих работах авторы на основе этносоциологических исследований разных лет анализируют социально-этнические характеристики армян, их национальное самосознание, степень включенности в московскую среду, проявление этнических черт в культуре и образе жизни, выявляют тенденции изменений в их социально-этническом облике.

Однако отметим, что изучением функционирования армянского языка в диаспоре исследователи интересовались мало, вероятно, по причине того, что в России изучение диаспор пока не имеет масштабного характера. В то же время на Западе интерес к феномену диаспор (в том числе к языку в диаспоре) проявился еще с 1980-х гг. Это проблемное поле наиболее разработано американскими теоретиками социолингвистики, диаспороведения и психологии именно на примере армянской диаспоры США, поэтому в статье будут присутствовать отсылки на работы зарубежных коллег по общим вопросам функционирования армянского языка в многоязычном обществе. Среди американских авторов особенно выделяются работы А. Бакалян [13], С. Даджирманяна [15] и Б. Вокса [19].

Основным источником по изучению современного этнокультурного развития московских армян стали данные, полученные в ходе интервьюирования и анкетирования более 250 респондентов армянской диаспоры Москвы разных половозрастных и социальных групп. Для осуществления опроса была разработана анкета, состоящая из 49 вопросов открытого и закрытого типов. Опросы проводились на условиях анонимности. Помимо проведения прямого опроса при непосредственном контакте с респондентом, анкета была также через Google forms выложена в Интернет, где проходил онлайн-опрос, что дало возможность оптимизиро-

вать временные показатели и добиться максимально возможной широты охвата респондентов в условиях вероятностной (случайной) выборки, а значит, снизить опасность ошибки измерения и обеспечить организационную гибкость, когда опрашиваемый сам выбирает время и место заполнения анкеты, гарантированную анонимность и, следовательно, предельно высокий уровень достоверности ответов и доверия. Анкета была распространена в группах армянских организаций Москвы в социальных сетях, для этого были выбраны наиболее популярные в Москве платформы ВКонтакте и Facebook. Также она распространялась через членов армянской диаспоры, среди тех, кто не числится в национально-культурных организациях столицы.

Немаловажная особенность онлайн-анкеты – это ее релевантность (самостоятельность). Респонденты во время опроса и при подготовке к нему не испытывали влияния исследователя (интервьюера). Возможно, и в связи с этим в ответах респондентов реже встречаются социально одобряемые, социально желательные варианты ответа, нежели было зафиксировано во время бесед с интервьюеров с респондентами «лицом к лицу». В данном случае речь не идет о результатах опроса экспертов.

В то же время опрос информаторов проводился и в форме непосредственного анкетирования с элементами формализованного интервью. Подробно были опрошены председатели и члены национально-культурных объединений армян Москвы. 46 вопросов анкеты открытого и закрытого типов предоставили респондентам возможность давать самостоятельные ответы, в том числе без ограничения предложенными вариантами. Кратко характеризуя результаты выборки, хотелось бы отметить, что наиболее активной частью отвечавших стали женщины (64%) в возрасте от 18 до 24 лет (37%).

Помимо анкетирования, были проведены экспертные формализованные интервью, количеством 22, с наиболее авторитетными представителями армянской диаспоры Москвы, главами, членами советов, старейшими членами армянских национально-культурных общественных объединений, деятелями науки и культуры.

Историки, психологи, лингвисты сходятся во мнении, что на рубеже веков передача армянского языка от поколения к поколению, от старших к младшим систематически угасает. К примеру, американский специалист в клинической психологии С. Даджирманян утверждает, что процессы ассимиляции провоцируют спад интереса к таким компонентам идентичности, как язык [15, p. 438]. По мнению американских ученых, общая картина такова: армянский язык находится под непосредственной угрозой исчезновения в диаспоре [16, p. 154].

Данные исследователей показывают, что позитивной динамики в поддержании и сохранении армянского языка в диаспоре не наблюдается. В своем обобщенном исследовании Б. Вокс, опросив 3400 американских армян, которые родились и выросли в США установил, что из них только 27% могут говорить на армянском, с каждым поколением значение армянского языка уменьшается, уступая место английскому, что говорит о растущей американизации армян США [19]. Б. Вокс указывает на важную проблему, препятствующую поддержанию армянского языка, – это полное нежелание детей знакомиться с армянской культурой. Армяне диаспоры смешиваются с представителями принимающей культуры, и они «очень счастливы, что лишены армянских традиций». Возможно, то обстоятельство, что родители приложили максимум усилий, чтобы их дети полюбили армянскую культуру, подействовало по принципу реверсивной психологии – чем больше настаиваешь на чем-либо, тем большее сопротивление оказывается давлению. Поэтому, по мнению ученого, для современной армянской диаспоры главный «вопрос в том, как мы можем сохранить язык наших предков здесь и передать нашим потомкам его богатство» [19].

В ходе проводимого в Москве исследования респондентам было предложено ответить на 3 вопроса, касающихся функционирования армянского языка в московской части спюрка.

На первый вопрос: «Какой язык Вы считаете родным?» – 42% респондентов ответили, что это «армянский» язык, 40% ответили, что оба языка (и русский, и армянский), 18% указали только «русский». Симптоматично, как отвечали на этот вопрос армяне, рожденные в

Москве. Ответы распределились иным образом: 52% ответили, что оба языка являются родными, 28%, что только русский, и 20% – что только армянский.

Чем можно объяснить такие разные показатели? Один из лидеров наиболее заметной и активной армянской организации столицы высказал в проводимом с ним неформализованном интервью мнение, что неоднородность показателей можно объяснить двойственностью отношения к самому понятию «родной язык»: «Есть разные понятия о том, что такое родной язык, но я, скорее, сторонник того, что ни первый язык родной, а тот, какой ближе всего. На каком думаешь сейчас. Я думаю на русском» (неформализованное интервью, мужчина, 24 года, 25.10.2018, г. Москва). Причем нередко на вопрос о родном языке анкетируемые отвечали «русский» в том случае, если отец или мать у них не армяне.

Исследователи указывают, что главная причина того, что армянский язык теряет свою актуальность в диаспоре, связана со средой, в которой растут дети – потомки иммигрантов: они не погружены в армяноязычную среду, а в смешанных семьях армянский язык далеко не всегда становится языком домашнего общения. Кстати, любопытный факт, но иная ситуация в мусульманских странах, в которых проживают представители армянской диаспоры и где смешанные браки крайне редки: армянский язык сохраняет там свои позиции.

Интересно, что в ходе опроса респонденты, чьи родственники или они сами приехали не из Армении, также нередко указывали, что их родной язык русский. Так, один из членов аппарата одной из самых крупных общественных национально-культурных армянских организаций России – армянин, приехавший в Москву из Баку, – без толики сомнений ответил, что его родной язык русский: «В Баку мы все говорили все время на русском языке, хотя я и на азербайджанском могу поговорить, и немного на армянском» (неформализованное интервью, мужчина, 77 лет, 12.11.2018, г. Москва).

Некоторых респондентов вопрос о родном языке даже удивил: «Я 20 лет живу в Москве, на русском общаюсь, есть слова, которые я давно забыла, как на армянском, хотя я ЕГУ закончила там [в Ереване]. Два языка, и оба мне родные сейчас, как можно выбрать?» (неформализованное интервью, женщина, 45 лет, 15.09.2018, г. Москва).

Подавляющее большинство тех, кто ответил на вопрос, что их родной язык – только армянский, подчеркивали, что именно такое их языковое сознание осмысленно воспитывалось родителями с детства. Так, студент первого курса МГУ имени М.В. Ломоносова, армянин, ответил на поставленный вопрос без раздумий – родной язык армянский: «Мне с детства это прививали. Я помню, вот такая история была: мы с отцом, когда дрались, по-моему, мне было где-то года 4–5, он говорил: “Вот в красном углу, – это о себе говорил, – боец из Армении”. А мне говорил: “В синем углу боец из России. Гордый русский боец!” И я злился уже автоматически, я хотел быть только армянином!» (неформализованное интервью, мужчина, 18 лет, 26.10.2018, г. Москва). Другой респондент также отметил влияние семьи на знание языка: «Папа у меня тоже такой патриот и всегда запрещал дома говорить на русском, мол, русский вы и в школе выучите. И вообще в семье мы всегда говорили на армянском, потому что папа считает, что армяне должны знать свой язык» (неформализованное интервью, мужчина, 19 лет, 29.10.2018, г. Москва).

Показательно, что для тех, кто ответил однозначно, что их родным языков является только армянский, понятие патриотизма и знание армянского языка тесно переплетены.

На второй вопрос языкового блока анкеты: «На каком языке Вы общаетесь дома?» – 49% респондентов ответили, что на русском и армянском, 29% указали, что только на армянском, 22% – только на русском. Армяне, рожденные в Москве, ответили следующим образом: подавляющее большинство (53%), что на русском и на армянском, 31% участников опроса указали, что дома общаются только на русском, и только 16% – что только на армянском.

Одна из респонденток рассказала в ходе опроса, что родители специально не разговаривали с ней на армянском, боясь создать путаницу в голове ребенка, поэтому она не знает армянского языка. У тезиса, что бытование ребенка в семье в иной языковой среде может отрицательно сказаться на знании языка обучения, есть научная поддержка. Так, профессор гол-

ландского университета А. Шауфели, исследуя диаспоры в Нидерландах, выявила общую тенденцию, что дети, говорящие на двух языках, в среднем справлялись с учебой на 31% хуже, чем моноязычные дети [18, р. 121]. Тем не менее данный тезис категорически не может считаться бесспорным и нуждается в дальнейших исследованиях.

Опасение родителей – членов армянской диаспоры Москвы могут быть связаны с проблемой адаптации армянского ребенка в принимающем обществе. Знание армянского может помешать приспособиться к своим сверстникам. В ходе опроса выяснилось, что среди армян нередко присутствует тревога из-за того, что если дома они, родители, будут говорить на армянском, то их детям будет сложнее включиться в иноязычную среду в детском саду, школе и т.д. Так, одна из респонденток указала, что плохо знает армянский язык из-за постоянных и настоятельных просьб на этот счет представителей той школы, в которой она училась: «Мои учителя, они запретили родителям говорить со мной на армянском, и они все [со мной] общались на русском. Моя преподавательница просила [родителей] меня не путать» (неформализованное интервью, женщина, 27 лет, 30.09.2018, г. Москва).

Кроме того, отсутствие практической необходимости в изучении языка также не способствует повышению заинтересованности в овладении им. Многие армяне уверены, что армянский язык (по сравнению с французским, немецким, испанским и др.) не нужен для продвижения по карьерной лестнице, для успешной учебы в университете, поэтому не считают нужным обучать ему своих детей. Отсутствие прикладной значимости и непрестижность изучения языка также является одной из причин, влияющих на снижение уровня владения армянским языком среди армян Москвы.

Дети обычно хотят быть как можно более «нормальными», и язык играет центральную роль в установлении контактов со сверстниками. Мало того, что ребенок должен хорошо говорить на русском, ему необходимо владеть теми разговорными идиомами, интонациями, произношениями, жаргонизмами и прочими особенностями языка, которые отличают детей от старшего поколения. Когда ребенок чувствует, что выделяется не только внешне, но и по языковому принципу, он испытывает психологическое давление, ибо его одноклассники и знакомые определяют его как «другого». Один из представителей армянской молодежи Москвы так определял во время интервью, что у него не было в детстве желания общаться с армянами: «Мне всегда попадались, и в московской школе, [и] потом я переехал в Ярославскую область – в той школе, они были какие-то необразованные, вели себя достаточно дико, и я чувствовал, что я отличаюсь» (неформализованное интервью, мужчина, 24 года, 25.10.2018, г. Москва). Другой респондент указал, что это желание «быть, как все», усиливалось, потому что «в нулевых в России национализм на уровне быта был сильный, и мы их [националистов] боялись» (неформализованное интервью, мужчина, 24 года, 06.10.2018, г. Москва).

Во время проведения интервью с представителями молодежных армянских общественных организаций Москвы часто можно было услышать и такие формулировки: «В подавляющем большинстве случаем я общаюсь на русском, но на армянском я говорю с отцом дома, иногда с мамой и иногда, в редких случаях, с близкими друзьями. Честно, это используется как язык шифрования» (неформализованное интервью, мужчина, 24 года, 25.10.2018, г. Москва). Респонденты нередко указывали именно на конфиденциальность как на одно из главных преимуществ знания армянского языка. «Дома на армянском с папой говорю, с мамой – вперемешку. С армянскими друзьями я говорю чаще на русском, наверное. Но я чаще говорю на армянском, всегда хочется, чтобы разговор был более частным. Менее слышимым» (неформализованное интервью, мужчина, 24 года, 06.10.2018, г. Москва).

Слабая распространенность языка означает, что можно на нем свободно говорить в местах общественного пользования, не заботясь о том, что можно быть услышанным без твоего желания. Возможно, необходимость в приватности исторически была важна для армян из-за их традиционной связи с предпринимательством: знание армянского дает возможность обсуждать деловые операции друг с другом без боязни быть понятным третьей стороной. С этой точки зрения, армянский язык может быть важен и для детей, которые любят изобретать разные языковые игры и тайные языки, чтобы скрыть свое знание чего-либо от других детей.

Срок проживания в Москве определяет выбор двуязычия в общении с детьми. При опросе армян Москвы старше 40 лет, которые проживают в Москве более 20 лет, респонденты чаще всего отвечали примерно так: «Мы им [детям] говорим на армянском что-то, они отвечают на русском» (неформализованное интервью, женщина, 45 лет, 15.09.2018, г. Москва). Можно сделать вывод, что чем меньше респондент живет в России, тем чаще он говорит на родном языке в семье. И это вполне закономерное явление. При этом часто дети, как только они социализируются, сами определяют выбор языка для общения внутри своей семьи.

Об этой же ситуации пишет Б. Вокс в своей работе о роли языка для современных армян. Он отмечает, что американские армяне столкнулись с классической угрозой, с которой сталкиваются все этнические меньшинства, – это проблема поглощения национальной культуры за три поколения. Он приводит несколько классических вариантов такого постепенного культурного стирания. К примеру, двое этнических армян приезжают в США и создают там новую ячейку общества. У них рождаются дети, с которыми дома они разговаривают на армянском, поэтому дети язык понимают и могут на нем разговаривать. Дети вырастают с разговорным армянским и прекрасным английским, хотя скорее всего младший ребенок начинает больше использовать английский, потому что старшие братья и сестры уже выучили английский, а в школе этот младший общается на английском со своими друзьями, и он, таким образом, подвергается воздействию английского языка как изнутри, так и снаружи. Если все дети в этой семье вступают в брак с неармянами, они не учат своих детей армянскому языку. Если же с армянами, то ребенок и при таком варианте развития событий в лучшем случае знает лишь несколько слов на армянском.

В ходе опроса можно было услышать и другие варианты ответа на поставленный вопрос. Респондент, член одной из молодежных студенческих армянских организаций, рассказал о другой функции армянского языка – создание комичной ситуации, каламбура в разговоре: «Мы чаще говорим на армянском в шутку» (неформализованное интервью, мужчина, 24 года, 06.10.2018, г. Москва). Конечно, при передаче смысла с языка на язык всегда имеет место непереводимая игра слов, и одна и та же фраза на двух и более языках будет звучать по-разному. Однако и сам армянский язык разный: разговорный, язык маргиналов, литературный язык очень сильно отличаются друг от друга. Респондент уточнил: «Представь язык Достоевского. Представь, что ты – носитель русской культуры, русского языка. Когда ты читаешь классику, допустим, из 10 страниц сколько слов тебе будут непонятны? Одно? Два? А в армянском точно такой же носитель армянской культуры, армянского языка, может не понять из одной страницы слов 20. И это очень много. И в этом заключается каламбур – при переходе от языка маргиналов к очень высокопарному, литературному» (неформализованное интервью, мужчина, 24 года, 06.10.2018, г. Москва). Как сообщил респондент, внутри себя «язык очень сильно отличается, и если ты не получал специально высшее образование, то ты практически не будешь понимать, что говорят по новостям. Литературный язык очень отличается, то, чем пользуются в журналистике, в науке» (неформализованное интервью, мужчина, 24 года, 06.10.2018, г. Москва). Еще одна респондентка, член другой студенческой армянской организации, также ответила, что чаще использует армянский в качестве шутки: «Дома папа общается с нами на армянском, я понимаю, но отвечаю на русском. Чаще использую армянский, чтобы пошутить. Но шуткой воспринимают мой акцент – я плохо говорю на армянском, да и с русским акцентом, и поэтому все подтрунивают» (неформализованное интервью, женщина, 27 лет, 30.09.2018, г. Москва).

Третий вопрос в языковом блоке анкеты был: «На каком языке Вы думаете?» И он вызвал практически одинаковую реакцию у всех опрошенных армян Москвы. Так, 52% ответили «на русском», 34% – «на русском и армянском» и 14% – «на армянском». С этими ответами в данном случае соотносимы и ответы армян – уроженцев Москвы: 61% ответили, что думают на русском, 34% – «на обоих языках» и 5% – «на армянском».

Ситуация полилингвизма выражена в известной армянской пословице: «Сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек» (кани лезу гитес, айнкан март эс). На самом деле, в этой пословице отражена часть научного знания: многие нейролингвистические эксперименты пока-

зывают, что двуязычие оказывает благоприятное воздействие на мозг и может способствовать расширению когнитивной базы. Так, американский психолог Джон У. Берри утверждает, что функциональность и благополучие армянской диаспоры в дружественном принимающем христианском обществе требует полного погружения как в армянский мир, так и в принимающий мир (чтобы быть «хорошим» американцем, нужно стать «хорошим» армянином [14, p. 23]).

Первичный анализ ответов на данный вопрос выявил близость аккультурационных установок респондентов обеих группы. Мы видим, что в целом, наши респонденты довольно глубоко вовлечены в социокультурный контекст принимающего общества. Интересно отметить, что данный вопрос ни коем образом не смутил информаторов, в том числе тех, кто отвечал на предыдущие вопросы «однозначно на армянском».

Заключение

Такие требования, как чтение и письмо на армянском языке, перестали быть в диаспоре необходимым условием для появления, сохранения или развития чувства сопричастности армянскому народу в целом. Важно подчеркнуть, что незнание армянского языка не является доминирующим критерием при самоидентификации и самоотождествлении представителя диаспоры со своей национальностью. Общероссийские языковые ценности не противоречат армянскому языковому наследию и гармонично взаимно дополняют друг друга. При этом неоднозначное отношение к владению материнским языком имеет определенный конфликтогенный характер между армянами разных волн эмиграции. Армяне, приехавшие, к примеру, из Армении, нередко упрекают московских армян в незнании языка, считая, что настоящий армянин обязан уметь и читать, и писать по-армянски. Однако армяне Москвы считают такие упреки необоснованными, выдвигая на передний план детерминации фактор самоотождествления себя с конкретным народом.

При анализе речевого поведения представителей армянской диаспоры можно отметить, что среди армян-москвичей определенно наблюдаются ассимиляционные тенденции. Были подтверждены тезисы, выраженные в исследованиях Ю.В. Арутюняна и Т.В. Асрибековой, о том, что «чем длительнее проживание армян в России, тем интенсивнее происходит среди них процесс русификации» [6].

Однако в связи с регулярным обновлением диаспоры, переездом армян из Армении в Москву, а также в результате усилий национально-культурных общественных армянских организаций тенденции к ассимиляции не имеют лавинообразного характера. Кроме этого, многие респонденты упоминали в интервью о посещении языковых курсов в Москве, обучении в языковых школах, например, в школе «Спюрк» (аналог еврейской программы «Таглит») или «Ари тун» для детей помладше, деятельность которых направлена на сохранение и распространение знаний и навыков армянского языка среди армян Москвы.

В результате исследования были последовательно выделены основные функции армянского языка для армян Москвы: символическая (когда язык выступает в качестве основного символа причастности к армянской культуре в самом широком значении этого слова), фактическая (контактоустановливающая, когда язык выступает как средство завязывания контактов между индивидами), эмпатическая (когда язык становится средством для получения обратной связи от собеседника, эмоционального отклика, например, на шутку), конспираторная (когда национальный язык используется как тайный язык), коммуникативная (собственно базовая функция языка).

По результатам проведенного исследования становится особенно очевидным, что при крайне ограниченном использовании армянского языка, тяготеющим к сугубо семейно-бытовой сфере общения, этнический язык выполняет разнообразные функции в армянской диаспоре Москвы.

В отношении армянского языка в диаспоральной среде можно выделить прежде всего символическую функцию, которая приобретает особое значение вдали от родины. В связи с этим интересен ответ одного из респондентов, служителя Армянской апостольской церкви. На вопрос: «Можно ли считать потерю языка представителями диаспоры потерей идентич-

ности?» – он выразил мысль, популярную в армянском сообществе: «Да, конечно, можно. Потому что как только ты начинаешь не думать на своем языке, ты теряешь связь какую-то ментальную со своим народом. Потому что мы автоматически, хотим этого или нет, мы становимся похожими на ту нацию, с которой мы живем. Соответственно, мышление на своем родном языке, использование родного языка, это все равно тебя, как уздечка, сдерживает, поддерживает ту связь с тем народом, к которому ты относишься» (неформализованное интервью, мужчина, 30 лет, 31.10.2018, г. Москва).

Для армян Москвы одна из главнейших функций языка – символическая, когда армянский язык выступает как символ групповой идентификации. И, следовательно, можно уверенно говорить, что в армянской диаспоре Москвы ярко выражена связь между национальным языком и национально-культурной идентичностью. Данный тезис подтверждают ответы респондентов и на вопросы вне языкового блока. Так, на вопрос, какое историческое событие, на ваш взгляд, является важнейшим для армянского народа, 11% назвали создание армянского алфавита, а 9% опрошенных на вопрос о национальных героях Армении назвали фигуру Месропа Маштоца, создателя армянского алфавита. Кроме того, представители армянской диаспоры Москвы посещают армянские национально-культурные праздники, среди которых отметили День армянской письменности, который, кстати, в 2013 г. получил статус общегородского праздника столицы.

При этом в конце XX – начале XXI в. армяне Москвы, родившиеся и выросшие в российской столице, знают русский язык лучше армянского и считают его своим родным. В отличие от других диаспор, этническое происхождение, владение языком своей исторической родины, принадлежность к определенному вероисповеданию в армянской диаспоре считаются очень важными, но не единственными признаками, определяющими принадлежность к диаспоре. В настоящий момент можно фиксировать момент перехода от «бытия» армянства к «чувству» армянства. Более того, исторический опыт свидетельствует, что новые волны иммиграции задерживают процессы ассимиляции и, вольно или невольно, способствуют обновлению армянского этнического самосознания.

Библиография

1. Агаян Ц.П. Россия в судьбах армян и Армении. М.: Международный гуманитарный фонд арменоведения; Ереван: Армянский институт политологии и международного права, 1994. 316 с.

2. Амирьянц И.А. Армяне Москвы // Москва: народы и религии / Под ред. Б.Р. Логашова. М.: Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1997. С. 134–144.

3. Арутюнян Ю.В. Армяне-москвичи. Социальный портрет по материалам этносоциологического исследования // Советская этнография. 1991. № 2. С. 3–17.

4. Арутюнян Ю.В. Армяне в Москве (по результатам сравнительного исследования) // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 13–21.

5. Арутюнян Ю.В. Московские армяне глазами этносоциолога // [Электронный ресурс]: http://husisapail.narod.ru/nauka.htm (дата обращения: 06.03.2020).

6. Асрибекова Т.В. Армянская диаспора в Москве. История формирования и этнокультурное развитие в конце XX – начале XXI в.: Дисс. … канд. ист. наук. М.: Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2012. 161 с. [Электронный ресурс]: https://www.dissercat.com/content/armyanskaya-diaspora-v-moskve-istoriya-formirovaniya-i-etnokulturnoe-razvitie-v-kontse-xx-na (дата обращения: 02.04.2020).

7. Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление. Северо-Кавказский регион. Ростов-на-Дону; Пятигорск: Северо-Кавказская академия государственной службы, 2002. 628 с.

8. Джангозян С. Некоторые аспекты проявления этнической идентичности в диаспоре // [Электронный ресурс]: http://www.ysu.am/files/07S_Jangozyan_r.pdf (дата обращения: 06.03.2020).

9. Дятлов В., Мелконян Э. Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии. Ереван: Институт Кавказа, 2009. 207 с.

10. Степанян А.А. Социокультурные особенности армянской этнообщины Москвы (экскурс в прошлое и результаты полевого обследования 2003 г.) // [Электронный ресурс]: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/71483/ (дата обращения: 05.04.2020).

11. Тер-Саркисянц А.Е. Армяне. История и этнокультурные традиции. М.: Восточная литература РАН, 1998. 394 с.

12. Тер-Саркисянц А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. М.: Восточная литература РАН, 2005. 685 с.

13. Bakalian A. Armenian-Americans: From Being to Feeling Armenian // [Электронный ресурс]: https://books.google.ru/books?id=ByIuDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v= onepage&q&f=false (дата обращения: 05.04.2020).

14. Berry J.W. Acculturation as Varieties of Adaptation // Theory, Models, and Some New Findings / Ed. by A.M. Padilla. Boulder (Co): Westview Press, 1980. P. 9–25.

15. Dagirmanjian S. Armenian Families // Ethnicity and Family Therapy / Ed. by M.M. Goldrick, J. Giordano, J.K. Pearce. N.Y.: The Guilford Press, 1996. P. 437–450.

16. Jendian M.A. Becoming American, Remaining Ethnic. The Case of Armenian-Americans in Central California. N.Y.: LFB Scholarly Pub, 2008. 212 p.

17. Rouse R. Mexican Migration and the Social Space of Postmodernism // [Электронный ресурс]: https://www.coursehero.com/file/11252842/Rouse-Mexican-Migration-and-social-space-of-postmodernism/ (дата обращения: 05.04.2020).

18. Schaufeli A. A Domain Approach to the Turkish Vocabulary of Bilingual Turkish Children in the Netherlands // Maintenance and Loss of Minority Languages / Ed. by W. Fase, K. Jaspaert, S. Kroon. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1992. P. 117–135.

19. Vaux B. Fate of the Armenian Language in the United States. Lecture Presented at the Armenians of New England Conference, April 10, 1999 // [Электронный ресурс]: https://www.academia.edu/3881620/The_Fate_of_the_Armenian_Language_in_the_United_States (дата обращения: 05.04.2020).

Солопова Оксана Вячеславовна. E-mail: osolopova@mail.ru

Геворкян Галина Николаевна. E-mail: galina1993@mail.ru

ARMENIAN LANGUAGE IN THE ARMENIAN DIASPORA OF MOSCOW AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

DOI: 10.25629/HC.2020.06.08

Oksana V. Solopova, Galina N. Gevorkyan

Lomonosov Moscow State University, History Faculty

119991, Moscow, Lomonosovsky Prospect, 27/4

Abstract. The modern activity of the Armenian diaspora (spurk) demonstrates attempts to restore the spiritual unity of the Armenian society, actualizing the preservation of its binding foundations. At the new historical stage, the task of understanding the basic components of national-cultural identity is again being set, among which the national language occupies a special place. The study was prepared as a part of the project *Features of the Formation and Development of the Armenian Diaspora in Moscow at the End of the 20th – Beginning of the 21st Century*, supported by RFBR grant № 18-59-05007\18 and № 18-59-05007\19. The main question of the article is whether the content of the language consciousness of the Moscow Armenians changes. The empirical base of the research – field data of 2018, 2020. The survey of informers, representatives of the Armenian diaspora of different sex, age, place of birth, status was taken through a questionnaire with elements of a formalized interview. Based on the survey, an analysis of the functioning of the Armenian language in Moscow was given. Case demands the degree of language proficiency in the diaspora, the role of the Armenian language in the system of communication the Armenian society communication and the relationship between the national language and national-cultural identity. As a result, a number of conclusions were made on the specifics, conservation and modern dynamics of the use of the Armenian language in the conditions of the Armenians live in the diaspora.

Keywords: Armenian diaspora, national-cultural identity, Armenian language.

References

1. Agayan Ts.P. *Rossiya v sud'bakh armyan i Armenii* [Russia in the fate of the Armenians and Armenia]. Moscow: International Humanitarian Fund for Armenology; Yerevan: Armenian Institute of Political Science and International Law, 1994. 316 p.

2. Amir'yants I.A. Armyane Moskvy. *Moskva: narody i religii* [The Armenians of Moscow. *Moscow: Peoples and Religions*]. B.R. Logashova (ed.). Moscow: Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 1997. P. 134–144.

3. Arutyunyan Yu.V. [Muscovite Armenians. Social portrait based on ethnosociological research]. *Sovetskaya etnografiya*. 1991. No 2. P. 3–17. (In Russ.)

4. Arutyunyan Yu.V. [Armenians in Moscow (based on a comparative study)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya.* 2001. No 11. P. 13–21.

5. Arutyunyan Yu.V. [Moscow Armenians through the eyes of an ethnosociologist]. URL: http://husisapail.narod.ru/nauka.htm (accessed: 06.03.2020). (In Russ.)

6. Asribekova T.V. Armyanskaya diaspora v Moskve. Istoriya formirovaniya i etnokul'tur-noe razvitie v kontse KhKh – nachale XXI v. Diss. … kand. ist. nauk [The Armenian Diaspora in Moscow. The history of formation and ethnocultural development at the end of the XX - beginning of the XXI century: Diss. ... cand. histor. sci.]. Moscow, 2012.161 p. URL: https://www.dissercat.com/content/armyanskaya-diaspora-v-moskve-istoriya-formirovaniya-i-etnokulturnoe-razvitie-v-kontse-xx-na (accessed: 02.04.2020).

7. Astvatsaturova M.A. *Diaspory v Rossiiskoi Federatsii: formirovanie i upravlenie. Severo-Kavkazskii region* [Diasporas in the Russian Federation: formation and management. North Caucasus region]. Rostov-on-Don; Pyatigorsk: North Caucasian Academy of Public Administration, 2002. 628 p.

8. Dzhangozyan S. Nekotorye aspekty proyavleniya etnicheskoi identichnosti v diaspore [Some aspects of the manifestation of ethnic identity in the diaspora]. URL: http://www.ysu.am/files/07S_Jangozyan_r.pdf (accessed: 06.03.2020).

9. Dyatlov V., Melkonyan E. *Armyanskaya diaspora: ocherki sotsiokul'turnoi tipologii* [The Armenian diaspora: essays on the sociocultural typology]. Yerevan: Institute of the Caucasus, 2009. 207 p.

10. Stepanyan A.A. Sotsiokul'turnye osobennosti armyanskoi etnoobshchiny Moskvy (eks-kurs v proshloe i rezul'taty polevogo obsledovaniya 2003 g.) [Sociocultural characteristics of the Armenian ethnic community of Moscow (excursion into the past and the results of a field survey in 2003)]. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/71483/ (accessed: 05.04.2020).

11. Ter-Sarkisyants A.E. Armyane. Istoriya i etnokul'turnye traditsii [Armenians History and ethnocultural traditions]. Moscow: Eastern Literature of the Russian Academy of Sciences, 1998. 394 p.

12. Ter-Sarkisyants A.E. Istoriya i kul'tura armyanskogo naroda s drevneishikh vremen do nachala XIX v. [The history and culture of the Armenian people from ancient times to the beginning of the XIX century]. Moscow: Eastern Literature of the Russian Academy of Sciences, 2005. 668 p.

13. Bakalian A. Armenian-Americans: From Being to Feeling Armenian. URL: https://books.google.ru/books?id=ByIuDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false (accessed: 05.04.2020).

14. Berry J.W. Acculturation as Varieties of Adaptation. *Theory, Models, and Some New Findings*. A.M. Padilla (ed.). Boulder (Co): Westview Press, 1980. P. 9–25.

15. Dagirmanjian S. Armenian Families. *Ethnicity and Family Therapy*. M.M. Goldrick, J. Giordano, J.K. Pearce (eds.). N.Y.: The Guilford Press, 1996. P. 437–450.

16. Jendian M.A. Becoming American, Remaining Ethnic. The Case of Armenian-Americans in Central California. N.Y.: LFB Scholarly Pub, 2008. 212 p.

17. Rouse R. Mexican Migration and the Social Space of Postmodernism. URL: https://www.coursehero.com/file/11252842/Rouse-Mexican-Migration-and-social-space-of-postmodernism/ (accessed: 05.04.2020).

18. Schaufeli A. A Domain Approach to the Turkish Vocabulary of Bilingual Turkish Children in the Netherlands. *Maintenance and Loss of Minority Languages*. W. Fase, K. Jaspaert, S. Kroon (eds.). Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1992. P. 117–135.

19. Vaux B. Fate of the Armenian Language in the United States. Lecture Presented at the Armenians of New England Conference, April 10, 1999. URL: https://www.academia.edu/3881620/The_Fate_of_the_Armenian_Language_in_the_United_States (accessed: 05.04.2020).

Solopova Oksana Vyacheslavovna. E-mail: osolopova@mail.ru

Gevorkyan Galina Nikolaevna. E-mail: galina1993@mail.ru

ԻՐԱՎԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ
JURISPRUDENCE
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И УРОКИ АРМЯНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ – ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ

I. Некоторые общие предварительные примечания

1. С тех пор, когда национальное государство как общий и всемирный тип современной государственности сформировалось и победоносно развивалось в Европе на основе свершившейся Великой французской революции, т. е. с конца 18-ого века, является фактом, что существование народа как общности людей, соединившихся языком, религией, культурой, историей, ментальностью и сожительством на общей территории, как правило, устойчиво обеспечено только тогда, когда народ распоряжается собственным суверенным и независимым государством, то есть если народ превратился в политическую общность людей, в нацию. Данный процесс, как известно, является реализацией принципа самоопределения народа и в истории, как правило, сопровождается применением силы, нередко – кровопролитной освободительной борьбой. Историю армянского народа с 19-ого века можно воспринимать как подтверждение и доказательство данного тезиса.

2. Я считаю парадоксальным и в тоже время глубоко трагичным, что армянский народ, являясь одной из древнейших культурных наций на свете, если вообще не самой древней вместе с китайским народом культурной нацией сегодняшнего мира, был оторван от общего развития национальной государственности в Европе до начала 20-ого века. Более и хуже того: ровно сто лет тому назад армянский народ после геноцида в Западной Армении был на грани уничтожения и в восточной Армении, когда турецкие войска вторгались в Эриванскую губернию и чуть ли не осуществили там очередной геноцид. Существование армянской нации тогда висело на волоске!

Можно назвать почти чудом то, что сегодня армянский народ распоряжается собственным, суверенным и независимым государством и является признанным членом международного ООНовского сообщества государств. Каким образом такое стало возможным?

Данное развитие стало возможным, потому что армянская нация, вопреки всем серьезным препятствиям и благодаря огромным собственным усилиям, сумела подключить себя к общему, всемирному развитию национальной государственности в 20-ом веке.

3. На мой взгляд, было три главных фактора, которые способствовали армянскому народу добиться данного удивительного исторического успеха:

Во-первых, сохранение национально-культурного своеобразия и идентичности, а также национального объединения народа вокруг Армянской Апостольской церкви. Армянская церковь объединила под своей крышей фактически всех армян на протяжении тысячелетнего отсутствия центральной армянской государственности и сопротивлялась в двух направлениях – против политического и религиозного чужого, иноземного господства – Османского ига в Западной Армении и Персидского ига в Восточной Армении.

Во-вторых, оккупация и аннексия Южного Кавказа Российской Империей и вытеснение персидского господства из Восточной Армении на основе Туркманчайского договора (1828), а также Османского господства из части Западней Армении в лице Карской области на основе Берлинского договора (1878).

Огромное принципиальное значение имело создание "Армянской области" (1828 г.) на основе Эриванского ханства и Ордубадского уезда. Правда, область просуществовала только до 1840 года, но политико-психологическое влияние его учреждения было большим. В контексте тогдашнего первого общего движения за национальную государственность на Балканах и в особенности с учетом успешной борьбы греков за свою независимость, "Армянская область" стала символом возможной национальной армянской автономии и даже национального армянского государства у подножия Арарата.

*В-третьих***,** Эриванская губерния и Карская область до начала 20-ого века являлись основой национальной сплоченности и консолидации армянского народа в масштабе Восточной Армении, но с определенным влиянием на Восточную Анатолию Османской империи, а значит, на известные шесть Армянских вилайетов. Так называемый "Армянский вопрос" в последней четверти 19-ого века едва вошел в повестку дня дипломатии европейских держав (Россия, Великобритания, Франция, Австро-Венгрия, Германия), в начале как вопрос защиты армян как национального меньшинства (см. ст. 16 договора Сан-Стефано, ст. 61 Берлинского договора), однако накануне Первой мировой войны явно укрепилась тенденция к дискуссии о предоставлении армянам в Османской империи определенной степени территориальной автономии.

Но все инициативы и устремления по созданию армянской автономии в Османской империи кончились безрезультатно, а геноцид 1915-16 гг. вовсе поставил крест на надежды реализовать их в дальнейшем.

II. Опыт государственности армянского народа в контексте Первой Республики Армения

4. Армянская Демократическая Республика, провозглашенная 28-ого мая 1918 года в Тифлисе, смогла зародиться по нескольким причинам: во-первых, потому, что Российская Империя после Февральской революции и Октябрьского переворота распалась; во-вторых, потому, что попытка учредить Закавказскую федерацию оказалась неудачной; в-третьих, потому, что Грузия и Азербайджан также провозгласили свою государственную самостоятельность и независимость. Но важнейшим фактором было то, что армянское население в масштабе Эриванской губернии на протяжении полувека выросло до такой степени, что армянские политические руководители сочли оправданным риск провозгласить независимое

государство в данном территориальном масштабе. Тем не менее в то хаотичное время такой шаг был немногим больше, чем торжественное политическое обещание свободного, самостоятельного национального будущего.

5. Да, армянский народ в тот период был в высокой степени единой нации, однако этот фактор был только необходимым, но не достаточным условием существования национального государства! Непреложной предпосылкой крепкого национального государства и его обеспеченного существования является его экономическая, финансовая и социальная консолидация. Ясно, что для этого необходимо спокойное, сбалансированное, устойчивое развитие. И в этом заключается очередной момент трагичности в новейшей истории армянского народа: полное отсутствие всех необходимых предпосылок для спокойного внутреннего развития!

Молодая армянская Республика была в слишком слабом, хрупком состоянии, чтобы успешно и продолжительно сопротивляться имперским устремлениям своих мощных соседей, несмотря на их тогдашнюю (но только временную!) слабость. Тем не менее национальным армянским частям бывшей царской армии удался великий подвиг – нанести решительный и сокрушительный удар турецким интервентам в мае 1918 года у Сардарапата, то есть непосредственно в период до провозглашения независимости, и таким образом спасти Восточную Армению от гибели и нового геноцида.

Но национальных сил сопротивления не хватило, чтобы защищать национальный суверенитет и независимость против Красной Армии молодой большевистской Советской России.

III. Опыт государственности армянского народа в рамках Советского Союза

6. Жизнь в Советском Союзе и по принципам, и реалиям Советской власти имела для армянского народа амбивалентные последствия: с одной стороны, армянский народ потерял свою государственную независимость и возможность политического самоопределения, с другой стороны, сохранил в лице "Армянской Советской Социалистической Республики" (АрмССР) определенную форму и уровень национальной государственности, хотя только как формальный член-субъект Союза, являвшегося на самом деле жестким централизованно-диктаторским, тоталитарным государством. С одной стороны, армянский народ вынужден был по воле Сталина примириться с тем, что его национальная государственность не была реализована в территориальном составе Еревана, Карабаха и Нахичевани, а только в части бывшей Эриванской губернии, с другой стороны, в рамках АрмССР армянскому народу были обеспечены возрастающая стабильность, консолидация и широкое развитие по многим измерениям.

Во-первых, значительно вырос национально-этнический гомогенитет населения республики; происходил последовательный процесс консолидации национальной армянской государственности в масштабе ССР;

во-вторых, началось целеустремленное, устойчивое развитие экономики республики, с акцентом на создание высоких технологических предприятий и промышленности;

в-третьих, несмотря на жестко одностороннюю фиксацию и ориентировку в идеологическом плане на Марксизм-Ленинизм, имелась возможность для широкого развертывания и углубленного исследования в течение десятилетий корней национальной истории и культуры армянского народа;

в-четвёртых, постепенное развитие инфраструктуры республики, сфер транспорта, энергоснабжения, водного хозяйства, мелиорации и т.д.;

в-пятых, сохранение и даже развитие связей с общинами армянской диаспоры по всему миру, включая Ближний Восток, Европу и Америку.

7. В отношении к советскому периоду можно вкратце резюмировать: под эгидой семидесятилетней Советской власти армянский народ достиг значимого укрепления и развития своей национальной государственности и добился таким образом условий жизни, крайне необходимых для того, чтобы претендовать на устойчивый и крепкий фундамент суверенного, независимого государства.

Сегодняшнее суверенное, независимое армянское национальное государство является детищем и следствием Советской эпохи, советской модернизации.

IV. Опыт Республики Армения с момента воссоздания государственной независимости

8. Национальная государственность Советской Армении к концу Советского Союза (декабрь 1991) была укреплена настолько и в столь высокой степени, что кризисное положение АрмССР из-за краха политической и экономической системы советской власти не смогло уничтожить национальную государственность. Ситуация к периоду распада Союза 1990/1991 гг. и ситуация к концу существования Российской империи 1917/1918 гг. в контексте положения на Южном Кавказе существенно разнились.

Во-первых, Советский Союз погиб не из-за поражения в войне, а по причине внутренней слабости, из-за его нерешенных структуральных социально-экономических проблем. Вследствие этого бывшие союзные республики стояли перед такими же фундаментальными проблемами и необходимостью их скорейшего решения. Все они были заняты адаптацией к данной, практически неожиданной новой ситуации, то есть пытались стать настоящим, реально суверенным и независимым национальным государством. Поэтому все они появлялись тогда слабыми и сосредоточенными на самых себя, включая и Россию.

*Во-вторых***,** единственная традиционно враждебная в отношении Республики Армения региональная держава – Турция – была политически связана членством в некоторых тогда доминирующих международных организациях: ОБСЕ, Совет Европы, НАТО, Европейское сообщество (назовем только самые важные) и обладала в данной ситуации ограниченными политическими возможностями для вмешательства в южнокавказские дела.

В-третьих, данная политическая ситуация и расклад геополитических сил на Южном Кавказе в конце 80-ых годов существенно отличались от ситуации в конце Первой мировой войны, и именно это пошло на пользу Республике Армения, несмотря на ее явную слабость почти по всем главным параметрам экономики и политики. В отличие от той ситуации, когда Российская империя обрушилась, Турция в начале 90-ых гг. не смогла использовать слабость Республики Армения и политически шантажировать ее в союзе с Республикой Азербайджан , к примеру, попытаться заставить Армению передать Сюник Азербайджану. Также не смогли установить контроль над Нагорным Карабахом и изгнать армян с этих исконно армянских территорий. Руки и Турции, и Азербайджана, как членов СБСЕ (ОБСЕ), были связаны политически и юридически, то есть международным правом.

В-четвертых, немаловажным фактором тогда в пользу Республики Армения стало все еще продолжающееся присутствие на Южном Кавказе стратегических и обычных войск Советской Армии именно на территориях и Армении, и Азербайджана, а также договоренность Республики Армения с Российской Федерацией о совместном контроле внешних границ бывшего СССР в отношении Турции.

Вследствие всех этих взаимосвязанных и взаимозависимых обстоятельств и факторов Республика Армения выиграла тогда самое главное и драгоценное – время, чтобы преодолеть свой экзистенциальный кризис после краха Союза, учредить свою независимую государственность, стабилизировать свое внутреннее положение и консолидировать общество.

V. Опыт внутреннего развития Республики Армения и в особенности развития конституционного строя при независимости, то есть после принятия первой Конституции 5-го июля 1995 года

9. Реальный политический строй Республики Армения по окончании переходного периода был таким: Президент Республики Армения как глава государства по Конституции 1995-го года распоряжался существенными, сильными полномочиями в сфере *внешних* отношений и *внешней* политики, но он не был главой исполнительной власти. В сфере внутренних дел и внутренней политики главным субъектом по Конституции должен был быть Кабинет министров под руководством Премьер-министра. Но вопреки этому, Президент контролировал полностью и внутреннюю политику, и правительство. Этому способствовал целый комплект ключевых *функциональных* полномочий и рычагов в отношении к Правительству.

Во-первых, Премьер-министр и его кабинет зависели от политического доверия Президента. Президент был вправе по своему свободному политическому усмотрению уволить Правительство почти в любое время. А при образовании Правительства Президент вместе с Парламентом был главным актором.

Во-вторых, чтобы решения Правительства смогли вступить в действие, Президент должен был их утверждать, иными словами, без согласия Президента Премьер-министр и Правительство не были в состоянии действовать самостоятельно.

В-третьих, Президент был вправе председательствовать на заседаниях Правительства и таким образом существенно влиял на его политический курс.

В-четвёртых, не существовало положения в Конституции о том, что Президент как глава республики должен был беспартийным и политически нейтральным. Таким образом, Президент был вправе быть даже главой политической партии и влиять на Парламент, а через него – косвенно и на Кабинет министров.

Вследствие всего этого получилась парадоксальная картина реальной политической системы Республики Армения и ее конституционного порядка: на первый, поверхностный взгляд можно было думать, что в Республике Армения существовала смешанная система правления, то есть президентско-парламентская республика. Но на самом деле (и это даже по положениям Конституции, как показано выше!) система правления была сугубо президентской, более того, из-за фактически неограниченной власти Президента она была даже сверх-президентской республикой!

10. Данный разрыв между внешним, формальным профилем Конституции и реальной системой власти был очень проблематичным. Да, плохим, потому что из него вытекали некоторые отрицательные последствия, отрицательные как для общего понимания и правильного восприятия Конституции гражданами и общественностью, так и для развития парламентаризма и его институтов, а именно – для политических партий и гражданского общества, и, наконец, для развития политической культуры в республике на основе принципов правового демократического государства.

11. Что касается конституционного развития Республики Армения после принятия Конституции 1995-го года, то можно сказать, что и ревизия Конституции в 2005-ом году, и ревизия в 2015-ом году одинаково преследовали цель преодолеть этот разрыв между авторитарной президентской системой, реально действующей в республике с одной стороны, и формально признанными Конституцией принципами правового демократического государства – с другой. Преодоление произошло упразднением президентской системы правления и ее замещением парламентской формой правления в ее чистом виде.

Парламентская республика отличается, как известно, тем, что политическая власть полностью принадлежит Парламенту и Кабинету министров под руководством Премьер-министра, избираемого Парламентом, то есть большинством депутатов. Президент республики в данной системе больше не избирается народом, а Парламентом, и должность Президента превращается в политически нейтральный конституционный орган, не располагающий почти никакими властными полномочиями. Как глава государства Президент выполняет только представительные и интегрирующие функции.

12. И наконец, составными ключевыми частями данной системы правления являются сильный, сугубо независимый Конституционный суд, а также независимые авторитетные суды общей и специальной юрисдикции. А вместе суды находятся на страже свободы граждан, их организаций и прав человека.

Одно из главных преимуществ парламентской системы правления, на мой взгляд, очевидно: в отличие от президентской формы правления, она укрепляет через Парламент политические партии и иные институты гражданского общества. Это случается, конечно, не сразу, а только через определенное время. А здесь ключевую роль играют регулярные, очередные свободные, честные и справедливые выборы.

Я очень надеюсь, что Республика Армения спокойно и достойно преодолеет свой сегодняшний политический кризис и в дальнейшем накопит положительный опыт с новой Конституцией от 6-ого декабря 2015-го года.

Отто Люхтерхандт

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И УРОКИ АРМЯНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ – ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Ключевые слова: *государственность, Республика Армения, Армянская Апостольская Церковь, нация, Президент, Парламент, Конституция*

Данная статья представляет краткий очерк становления и развития армянской государственности в новейший период мировой истории, с начала 20-ого века до наших дней. Автором проанализированы социо-культурные факторы и социальные институты армянского народа, способствовавшие преодолению исторических трудностей и после длительного периода потери государственности обретению ее в лице трех Армянских Республик.

Статья не обошла стороной и внешнеполитические аспекты государственного строительства в Армении, а именно: создание отдельной армянской административной единицы в составе Российской империи, ставшей катализатором сплочения и дальнейшего формирования армянской нации, которая в дальнейшем восстановила независимую государственность, а также геополитические реалии, повлиявшие на расстановку сил в Закавказье и позитивно сказавшиеся на закреплении правового статуса армянства в регионе.

Автор проводит также краткий анализ системы правления Третьей Армянской Республики и ее эволюции вплоть до последних конституционных изменений и характеристики парламентской демократии в Армении.

Օտտո Լուխտերհանդտ

ՀԱՅՈՑ ՊԵՏԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՊԱՏՄԱԿԱՆ ՓՈՐՁՆ ՈՒ ԴԱՍԵՐԸ. ՀԱՅԱՑՔ ԿՈՂՔԻՑ

Բանալի բառեր՝ *պետականություն, Հայաստանի Հանրապետություն, Հայ Առաքելական Եկեղեցի, ազգ, նախագահ, խորհրդարան, Սահմանադրություն*

Սույն հոդվածը ներկայացնում է համաշխարհային պատմության նորագույն շրջանում հայոց պետականության կազմավորման և զարգացման համառոտ ակնարկ՝ սկսած 20-րդ դարասկզբից մինչև մեր օրերը: Հեղինակի կողմից վերլուծության են ենթարկվել սոցիալ-մշակութային այն գործոններն ու սոցիալական ինստիտուտները, որոնք նպաստեցին հայերի՝ պատմական դժվարությունների հաղթահարմանն ու երկարատև դադարից հետո հայկական պետականության վերականգնմանը՝ ի դեմս Հայաստանի Երեք հանրապետությունների:

Հոդվածում չեն շրջանցվել նաև Հայաստանում պետականաշինության արտաքին քաղաքական գործոններին՝ մասնավորապես Ռուսական Կայսրությունում հայկական վարչատարածքային միավորի ստեղծմանը, որը կատալիզատոր հանդիսացավ հայ ժողովրդի համախմբման և հետագա ազգակերտման համար՝ վերջնական հանգրվանում հանգեցնելով հայոց անկախ պետականության վերականգնմանը, ինչպես նաև աշխարհաքաղաքական իրողությունները, որոնք ազդեցին Անդրակովկասում ուժերի հարաբերակցության վրա և դրական նպաստ բերեցին տարածաշրջանում հայ ժողովրդի իրավական կարգավիճակի ամրագրմանը:

Հոդվածի հեղինակը նաև հակիրճ կերպով անդրադարձ է կատարել Հայաստանի Երրորդ Հանրապետության պետական կառավարման համակարգին և դրա էվոլուցիային՝ ընդհուպ մինչև սահմանադրական վերջին փոփոխությունների և Հայաստանում խորհրդարանական ժողովրդավարության վերլուծությունը:

Otto Luchterhandt

HISTORICAL EXPERIENCE AND LESSONS OF THE ARMENIAN STATEHOOD: A VIEW FROM OUTSIDE

Key words: *statehood, Republic of Armenia, Armenian Apostolic Church, nation, President, parliament, Constitution*

This article is dedicated to the brief overview of formation and development of the Armenian statehood in modern world history, starting from the 20th century until nowadays. The author has analysed social and cultural factors, as well as social institutions which contributed to overcoming historical difficulties by Armenians and restoration of the Armenian statehood after a long stand in the person of Three Armenian Republics.

The article also touches upon external political factors of state-building in Armenia such as formation of the Armenian administrative-territorial unit within Russian Empire which catalysed unification and nation-building of Armenians resulting in bringing about restoration of Armenian statehood, as well as geopolitical realities influencing the configuration of political forces in Transcaucasia which appeared to be positive for endorsement of the legal status of the Armenian people in the region.

The author of the article sheds a light on the system of government and its evolution in the Third Armenian Republic as well touching upon the issues of recent constitutional changes and parliamentary democracy in Armenia

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

М.Д. Амирханян
Ереванский государственный лингвистический университет им. В.Я. Брюсова
Ереван, Армения

Л.В. Павлова, И.В. Романова
Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785 / 2072-9464-2020-50-2-5-21

РЕКОНСТРУКЦИЯ «АРМЯНСКОГО» ТЕКСТА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА
(опыт компьютерного исследования)

Ключевые слова: *«армянский» текст; программный комплекс «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах»; лексические комбинации; межтекстовые связи.*

В статье предлагается описание исследования по реконструкции так называемого «армянского» текста в русской поэзии. Художественный портрет Армении, упоминавшейся еще в русском фольклоре и древнерусской литературе, окончательно оформился в русской литературе только в XX веке, после трагических событий в истории страны в 1915 году. В ходе применения к репрезентативному корпусу русскоязычных стихотворений на армянскую тему (65 произведений разных поэтов) программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах» были выявлены лексемы, маркирующие минимальные темы «армянского» текста. Эти лексемы выступают в роли доминантных компонентов «армянских» лексических комбинаций, присутствующих в стихах русских поэтов («Арарат», «Ереван», «гора», «небо», «земля», «кровь», «сердце», «душа», «пламя», «вечный»), и факультативных («враждебный», «истлевать», «близорукий», «книга», «ребенок», «Комитас» и др.). Общность лексических комбинаций позволят установить межтекстовые связи, благодаря которым образуется основа «армянского» текста русской поэзии. Но чаще всего между стихотворениями нет межтекстовых связей, которые могли бы сигнализировать о влиянии одного текста на другой. Совпадение лексики в них обычно объясняется географическими и историческими реалиями, поэтической традицией.

Одно из наиболее ранних поэтических упоминаний об Армении встречается в русском фольклоре. Так, в былине «Илья Муромец и Свято-

гор» дважды упоминается гора Арарат. Первый раз – когда рассерженный Святогор проснулся от крика и неоднократных ударов Ильи:

Он берет Илью да за желты кудри,
Положил Илью да он к себе в карман,
Илью с лошадью да богатырскоей,
И поехал он да по святым горам,
По святым горам да Араратскиим.
[Былины, 1941]

Илья просидел в кармане Святогора три дня. Затем богатыри побратались, и здесь снова упоминается самая знаменитая гора Армении.

Как седлали они да коней добрыих,
И поехали они да не в чисто поле,
А поехали они да по святым горам,
По святым горам да Араратскиим.
[Былины, 1941]

Находят упоминания об Армении и в древнерусской литературе, начиная с XI века («Послание князю Изяславу о неделе» преподобного Феодосия Печерского; «Прения св. Илариона Меглинского с армянами»). Вхождению образа Армении в сознание русского человека способствовали также описания путешественников. Одно из первых – «Путешествие иеродиакона Зосимы по Святой Земле» в 1420 году. Неоднократно упоминается Армения и в «Хождении купца Василия Познякова по святым местам Востока» в 1558–1561 годах, где повествуется об уроженце Смоленска Василии Познякове, занимавшемся торговыми делами в Москве и получившем предложение в составе послов везти милостыню царя Ивана Грозного, предназначенную для отстройки обветшавшей Синайской обители. Подробнее об основных этапах формирования образа Армении в русской литературе с точки зрения армянского литературоведения см., например, здесь: [Амирханян, 2003].

В российском литературоведении проследил формирование образа Армении в русской лирике Л. Аннинский [Аннинский, 1993, *169–186*]. Отметив, что «армянские» упоминания встречаются уже в «Повести временных лет», автор статьи признает, что на протяжении долгого времени русские поэты всерьез и глубоко этой темой не занимались, обращались к ней преимущественно авторы далеко не первого ряда, воспроизводя сложившиеся к этому времени стереотипы: «армянская тема не спускается с котурн державного глобализма» (о С. Глинке), «неизменный армянский атрибут: базар – деньги» (о Я. Полонском), «впервые стихи об Армении пишет знаток. Правда, знание это тонет в стандартной поэтической атрибутике: Аракса древнего теченье… Под шапкой белый Арарат…» (о Ю. Веселовском).

Интерес к Армении в русском обществе и, соответственно, в литературе всколыхнули кровавые события 1915–1917 годов [Амирханян, 2012]. Русская поэзия «открывается навстречу армянскому горю» в тот

страшный период, «когда начинается резня, и потоки армян бегут через границу искать спасения в российских пределах» [Аннинский, 1993, *175*].

В эти трагические годы и ближайшие к ним трудами В. Брюсова, С. Городецкого, Андрея Белого, О. Мандельштама, М. Шагинян, Вяч. Иванова начал складываться «армянский текст» в русской литературе, позднее получивший развитие в произведениях В. Звягинцевой, И. Эренбурга, В. Гроссмана, Н. Тихонова, М. Светлова, А. Гитовича, Б. Слуцкого, А. Битова, Б. Чичибабина, Е. Николаевской, М. Матусовского и др. «В этих песнях любви и дружбы вся наша жизнь, в этих песнях, говоря словами П. Неруды, “география человеческой близости”», – писал Л.М. Мкртчян в предисловии к составленной им антологии стихов русских поэтов «Это Армения» [Это Армения, 1967].

Научная новизна проведенного исследования обусловлена тем, что к анализу привлекались данные, полученные в ходе применения к репрезентативному корпусу «армянских» стихотворений русских поэтов (65 произведений) программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах» [Павлова, Романова, 2015]. Слова-спутники, иначе говоря, лексические комбинации – повторяющиеся в разных текстах группы слов, между которыми в большинстве случаев нет никаких очевидных связей. Выявление при помощи специально разработанного программного комплекса таких устойчивых наборов слов позволяет зафиксировать не воспринимаемые иным способом, по большей части ассоциативные притяжения слов в авторских текстах.

Материалом исследования послужили стихотворения М. Шагинян, Вяч. Иванова, В. Брюсова, С. Городецкого, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Б. Садовского, В. Звягинцевой, А. Гитовича, Ю. Левитанского, С. Липкина, Б. Чичибабина, М. Дудина, М. Матусовского, И. Лиснянской, в которых встречаются лексемы *Армения*, *армянский*, *армяне*. Временной охват – от 1912 (М. Шагинян «К Армении») до 2002 года (И. Лиснянская «Арарат»).

Попутно отметим, что в «ограничивающих» в хронологическом смысле стихотворениях, отделенных девятью десятилетиями друг от друга, отчетливо представлена характерная акустическая черта образа Армении – непривычное для русского слуха звучание армянской речи.

У М. Шагинян:

Веленью тайному послушный,
Мой слух доныне не отвык
Любить твой грустно-простодушный,
Всегда торжественный язык.

[Шагинян, 1993, 703]

У И. Лиснянской:

Я на закате быстротекущих дней
Затосковала по родине мамы моей
И по армянской речи, в которой есть

Звонко шипящие звуки, – будто ручей
Выгрыз из горного туфа щемящую весть.
[Лиснянская, 2003]

Краткое упоминание, деталь общего впечатления, как это происходит у М. Шагинян, есть и у М. Матусовского в стихотворении «Старики в Гоше» из его «армянской» книги «Строки из горячего тонира»:

Мила мне гортанная речь,
И горы, и воздух осенний.
[Матусовский, 1988, *51*]

До И. Лиснянской сложный образ с тем же основанием сопоставления встречается в знаменитом цикле О. Мандельштама «Армения»:

Колючая речь араратской долины,
Дикая кошка – армянская речь,
Хищный язык городов глинобитных,
Речь голодающих кирпичей.
[Мандельштам, 1990, *166*]

Подобные совпадения и близкие черты запоминаются и легко выделяются в текстах разных авторов, позволяя исследователям устанавливать интертекстуальные связи, формировать цепочки подтекстов и векторы влияний.

В отличие от вышеуказанного подхода применение программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах» позволяет выявить не отмеченные ранее особенности презентации Армении в русской литературной традиции и посредством лексических комбинаций обнаружить ассоциативные (общие и индивидуально-авторские) связи, порой полностью скрытые за видимым текстом.

В качестве компонентов лексических комбинаций, как правило, выступают слова, занимающие верхушку частотного словаря.

Таблица 1

**Частотная лексика
корпуса «армянских» стихотворений русских поэтов**

Ранг	Лексема	Количество словоупотреблений
1.	Армения	69
2.	гора	27
3.	армянский	25
4.	свет	24
5.	Арарат, мир	22
6.	один	20
7.	земля	19
8.	здесь	18
9.	камень	17

10.	сердце	16
11.	роза	15
12.	хлеб	14
13.	кровь, любовь, страна	13
14.	армянин, добрый	12
15.	дорогой, жизнь, мочь, снег	11
16.	виноград, Господь, древний, идти, слово, сон	10
17.	край, лета, судьба, хачкар, храм	9
18.	видеть, вино, вставать, два, душа, каменный, книга, лаваш, небо, новый, огонь, первый, рука, старый, Эривань	8
19.	боль, вечный, глаз, год, гореть, горный, горький, день, живой, знать, каждый, ребенок, теперь, хотеть, человек	7
20.	глина, Ереван, закат, золотой, лицо, любить, музыка, песня, пить, пламень, плыть, пора, поэт, проходить, равный, раз, речь, светлый, свеча, седой, сказать, склон, слеза, стоять, счастливый, утро, цветок	6

Первым по частоте словом предсказуемо оказалась лексема *Армения*, в 22 текстах попавшая в заголовок и еще в 5 – в первую строчку без заглавия. Примыкают к ней *армянский* (25 словоупотреблений) и *армянин* (12). Ощутимо отстает от *Армении* лексема *гора* (27), добавим к этому гору поименованную – *Арарат* (22) и метонимически переданную особенность горного ландшафта – лексема *склон* (6). Столица Армении 8 раз названа *Эривань* в русской транскрипции до 1936 года; 6 раз в современной – *Ереван*, это третий по частоте топоним в составленном частотном словаре «армянского текста». *Мир, земля*, *страна*, *край* – контекстуальные синонимы обобщенных наименований пространства. Описанием высокогорий, по-видимому, обусловлена частотность лексемы *снег* (11). Особенности почв переданы с помощью лексем *камень* (17), *каменный* (8), *глина* (6). Очевидно преобладание света над тьмой (*свет* (24)*, утро, светлый, свеча, закат, золотой* (по 6)). Растительный мир представлен лексемами *роза, виноград* и *цветок*, то есть мифологемами с разветвленным значением. Пища – хлеб и вино (*хлеб* (14)*, виноград* (10)*, вино* и *лаваш* (по 8)). Гроздь винограда в окружении хлебных колосьев на фоне Арарата изображена на гербе Армянской ССР, в период существования которой было создано большинство стихотворений текстового корпуса исследования. Драматизм человеческого бытия, трагические страницы истории армянского народа переданы лексемами *кровь* (19)*, боль, гореть* и *горький* (по 7)*, пламень* и *слеза* (6). Духовный мир через *сердце* (16) и *душу* (8) связан с религиозным сознанием (*Господь* (10), *храм* и *хачкар* (9)). Главная духовно-эмоциональная составляющая обозначена лексемами *любовь / любить* (13 / 6)*, счастливый* (6). Телесно человек представлен традиционно – *сердце* (16), *рука* (8), *глаз* (7), *лицо* и *седой* (по 6), деятельностно – через *слово, сон* (по 10), *речь* и *песню* (по 6), а также через мотивы перемещения, визуального восприятия, желания и возможности и ментальных процессов, говорения – *мочь* (11),

идти (10), *вставать* (8), *знать* и *хотеть* (по 7), *пить, плыть*, *сказать, стоять* (по 6). Из возможных номинаций человека представлены *армянин* (12), собственно *человек* и *ребенок* (по 7), которому противопоставлен «старик», метонимически через *седой* (6); *поэт* (6) – единственный названный по роду деятельности. Экзистенциальная тема отражена в лексемах *жизнь* (11), *судьба* (9). Время (*древний* (10), *лета* (9), *день* (7), *пора* и *утро* (по 6)) противопоставлено вечности (*вечный* (7)) и определено оппозицией *старый – новый*. Культура представлена лексемами *книга* (8), *музыка* (6).

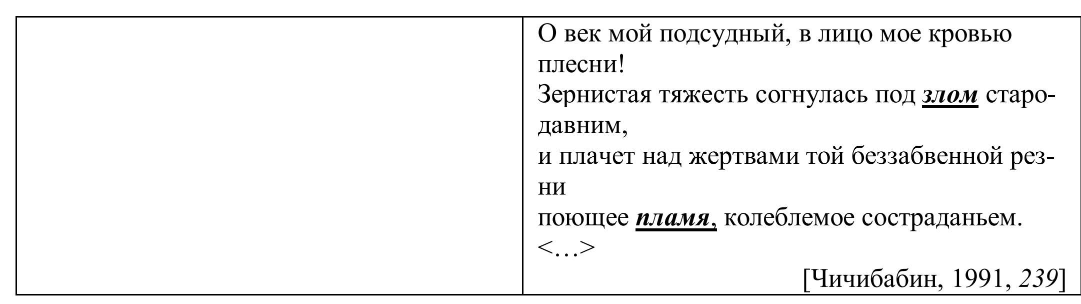
Частотная лексика, как было сказано выше, в большей степени способна образовывать лексические комбинации.

Приведем пример одной из длинных лексических комбинаций, компоненты которой отмечены в отделенных друг от друга почти двадцатью годами стихотворениях двух разных поэтов. Комбинация *Армения – Арарат – небо – пламя – камень – зло* оказалась общей для стихотворений Бориса Слуцкого «Словно волна окатывает…» и «Третьего Псалма Армении» Бориса Чичибабина.

Таблица 2

Лексическая комбинация *Армения – Арарат – небо – пламя – камень – зло* у Б. Слуцкого и Б. Чичибабина

Борис Слуцкий	**Борис Чичибабин**
Словно волна окатывает (1964) Словно волна окатывает – Так и меня окидывает От пят до темени Горящим ***пламенем*** Взгляда. Это – ***Армения***. Высшая мера людских дел, С добром и ***злом*** рядом Видимый невооруженным взглядом ***Арарат***. Он ***небо*** задел Своими снегами. Это – ***Армения.*** Скала. Она совсем гола. Ни землинки на розовом ***камне***. Но мужик погорбоносей орла. Тянет собственными руками Лозу из скалы. [Это Армения, 1967, *25–26*]	**Третий Псалом *Армении* (1983)** У самого ***неба***, в краю, чей окраинный свет любовь мою к миру священно венчает и множит, есть памятник горю <…> Не в праздничном блеске и не в суете площадной является взорам, забывшим про казни да войны, тот памятник людям, убитым за то лишь одно, что были армяне, – и этого было довольно. Из братских молчаний и в скорби склоненных ***камней***, из огнища веры и реквиема Комитаса он сложен народом, в ком сердце рассудка умней, чьи тонкие свечи в обугленном храме дымятся. <…> Во славу гордыне я сроду стихов не писал, для вещего слова мучений своих маловато, – но сердце-то знает о том, как горька ***небесам*** земная разлука ***Армении*** и ***Арарата***.

	О век мой подсудный, в лицо мое кровью плесни! Зернистая тяжесть согнулась под ***злом*** старо-давним, и плачет над жертвами той беззабвенной рез-ни поющее ***пламя***, колеблемое состраданьем. <…> [Чичибабин, 1991, *239*]

Стихотворение Слуцкого представляет *Арарат*, задевающий вершиной *небо.* Эта гора – свидетель *добра* и *зла.* Г.И. Кубатьян пишет в статье, посвященной армянской теме в стихах Бориса Слуцкого: «Хозяин, чью роль исполняет Арарат, оглядывает испытующе гостя, тот отвечает ему встречным узнаванием. Ибо, не в пример хозяину, гость отменно знает, с кем имеет дело. Перед ним та самая библейская гора – “высшая мера людских дел”, определяющая, где зло, где добро» [Кубатьян, 2019]. Саму *Армению* поэт представляет через варьирование образов скалы и *камней*, на которых народ, сопоставимый с гордыми орлами, умудряется выращивать виноградную лозу. *Пламень* характеризует взгляд, которым Армения окидывает героя.

«Третий псалом Армении» Б. Чичибабина написан под впечатлением от величественного «памятника горя» – мемориального комплекса Цицернакаберд в Ереване, который посвящен жертвам геноцида армян в 1915 году. Если *Армения* и *Арарат* для Слуцкого неразделимы, Чичибабин подчеркивает их разлученность на земле, о чем печалятся даже *небеса*. *Камни* у Чичибабина упоминаются в связи с описанием самого мемориального комплекса, представляющего собой стелу (она символизирует расколотость армянского народа) и усеченный конус из 12 наклоненных каменных плит (по числу вилайетов, которые по Севрскому договору должны были быть переданы Армении), по Чичибабину, согнувшихся под тяжестью «стародавнего *зла*». Внутри конуса и горит вечный огонь – «*пламя* сострадания». В дополнение к этой шестикомпонентной комбинации возникают однокоренные пары *людские – люди*, *землинка – земная*, а также тема *взора* современников (у Чичибабина) и обжигающего героя *взгляда* самой Армении (у Слуцкого).

Попутно отметим близость поэтических образов Б. Слуцкого армянским впечатлениям в современной ему русской прозе.

Таблица 3

Взгляд Арарата и камни Армении
в стихах Б. Слуцкого и прозе В. Гроссмана и А. Битова

Борис Слуцкий **«Словно волна окатывает…» (1964)**	**Андрей Битов** **«Уроки Армении» (1967–1969)**
Словно волна окатывает – Так и меня окидывает От пят до темени Горящим пламенем Взгляда. Это – Армения. Высшая мера людских дел, С добром и злом рядом Видимый невооруженным взглядом Арарат. Он небо задел Своими снегами. Это – Армения.	Довольно мрачная, насупленная гора, словно недовольная открывшимся ей видом. Молчаливая гора – именно такое впечатление обета молчания она на меня произвела. Может, это естественно для потухшего вулкана. И потом – гора смотрела. Я на нее, она на меня. И я чувствовал себя неловко. Это, наверно, случайное, однократное мое впечатление, но мне было непонятно, как она сюда попала. Словно горе этой пришлось возникнуть и вырасти поневоле, чтобы подставить плечо ковчегу... [Битов, 2013].
Скала. Она совсем гола. Ни землинки на розовом камне. Но мужик погорбоносей орла. Тянет собственными руками Лозу из скалы. Это – Армения. Я был. Я видел. Я слышал речь. Ни с чем не схожий клекот, рокот. Я слышал горных обвалов топот. И я всегда буду беречь на дне души эту Армению. [Это Армения, 1967, *25–26*]	**Василий Гроссман** **«Добро вам!» (1967)** Вот идешь среди камней по каменному полю. Каменные кости, оказывается, лежат на плоском каменном ложе. Тут вообще нет земли. Нога ступает по черному, зеленоватому, рыжему отциклеванному, отшлифованному каменному паркетному полу. Он гладкий и скользкий и, кажется, натерт воском. Иногда померещится – вот впереди кусок черной земляной земли, но нет – это не земля, это черный каменный пол. А вот рыжая, глинистая лужа. Нет, это рыжие плиты каменного паркета, гладкого, поблескивающего, натертого воском. Здешний полотер знаком мне, он ведь и здешний каменотес – время. Как грустны, странны, эфемерны луга и сады на трагическом фоне истории древнего народа, на трагическом фоне мертвых, рассыпавшихся гор. И вот громада камня породила у меня особое чувство к народному труду армян. Маленький народ стал казаться мне народом-великаном [Гроссман, 1967].

Приведем еще один пример – одну из самых длинных выявленных программой комбинаций: *Армения – вечный – любовь – сердце – добрый – рождать – сад – стихи – Закавказье*. Комбинация эта присутствует в стихотворении Веры Звягинцевой «Россия и Армения» и в «Четвертом Псалме Армении» Бориса Чичибабина

Таблица 4

Лексическая комбинация *Армения – вечный – любовь – сердце – добрый – рождать – сад – стихи – Закавказье* у В. Звягинцевой и Б. Чичибабина

Вера Звягинцева	Борис Чичибабин
Россия и Армения *Левону Мкртчяну* Опять стою у старенькой калитки На маленьком клочке большой земли. Сюда, как перехожие калики, Меня воспоминанья привели. Стараюсь в незабытый **сад** вглядеться, Пахнуло вдруг вечерней резедой… Но вы не любите **стихов** о детстве, Недавний друг мой, слишком молодой. Черемуховый **сад** провинциальный Вам в **Закавказье** вашем ни к чему, Да вообще мой бред сентиментальный, Наверное, не нужен никому. О детстве долго говорить не буду, От скрипнувшей калитки отойду, Забуду эту глупую причуду – Искать чего-то в спящемся **саду**. Но, знаете, ведь и мое пристрастье К высокогорной вашей стороне Не **рождено** ль в час грустного ненастья Там, в средневолжской русской тишине! Я так любила небольшие горы За тихим **садом**, узенькой рекой, Что Арагаца снежные уборы Мне показались близкой красотой. Колючие травинки на Севане И голубые блеклые цветы – Пускай у них нерусское названье – Напомнили мне родины черты. Моя **любовь** к **Армении** похожа На **вечную** **любовь** к своей земле. Не разберу которая дороже, Не гаснет жар в нестынущей золе. Равно я **добрым** жаром **сердце** грею, Уж такова загадка бытия: Не будь Россия родиной моею, **Армению** не полюбила б я! [Звягинцева, 1969, *50*]	**Четвертый Псалом Армении** <…> а **добрый** ишачок, такой родноволосый, прильнув ко мне, со щек облизывает слезы... О рвение **любви**, я **вечный** твой ребенок, – **Армения**, плыви в глазах моих влюбленных! Устав от маеты, в куточек закопайся, – отверженная ты сиротка **Закавказья**. Но хоть судьба бродяг не перестала влечь нас, нигде на свете так не чувствуется Вечность. **Рождая** в мире тишь, неслыханную **сердцем**, ты воздухом летишь к своим единоверцам. <…> Листая твой словарь взволнованно и рьяно, я в жизни не сорвал плода в **садах** Сарьяна. <…> О, я б не объяснил, прибегнув к многословью, как хочется весь мир обнять твоей **любовью**!.. <…> А на обед очаг уже готовит праздник, и Наапет Кучак **стихами** сердце дразнит. [Чичибабин, 1991, *240–241*]

«Четвертый Псалом Армении» варьирует тему резни 1915 года, начатую в «Третьем Псалме…», но акцент делается на скитальчестве, си-

ротстве армянского народа, целой страны (*отверженная ты сиротка Закавказья*), на теме исхода, что подчеркивает также разделенность Армении и Арарата. Лирический герой Чичибабина признается в любви Армении, ощущает себя ее вечным ребенком.

О любви к Армении и стихотворение Звягинцевой, точнее, о равной по силе любви к двум землям – России как родине и Армении: *Моя любовь к Армении похожа / На вечную любовь к своей земле.* Сближает эти, казалось бы, так непохожие друг на друга страны скромность природы, сдержанная доброта людей. «…в стихах об Армении Звягинцева ищет свой идеал простой красоты, полемизируя с теми, кто видит Армению традиционно пышною» [Мкртчян, 1964, *8*].

Лексическая комбинация *армянский – горы – Арарат – орел – тополь – взор*, удлиненная за счет однокоренных комбинаций *тишина (тихий) – крылья (крылатый)*, связывает «Армянский пейзаж» Бориса Садовского и «Звартноц» Веры Звягинцевой.

Таблица 5

Лексическая комбинация *армянский – горы – Арарат – орел – тополь – взор – [тишина (тихий)] – [крылья (крылатый)]*

Борис Садовской	**Вера Звягинцева**
Армянский **пейзаж** Яснеют золотистые поля. Кружит ***орел*** над вечным ***Араратом***, О, благодатный час перед закатом: В нем нежится усталая земля. У древних стен трепещут ***тополя***, Холодные ключи журчат по скатам, А вечер сходит странником ***крылатым***, Чаруя ***взор*** и кудри шевеля. Алеют ***горы***; по тропе кремнистой Твой конь спешит. Закат сияет чистый, Растет восторг, изнемогает грудь. – Я счастлив! – И, влюбленный вздох встречая, На ***тихое*** признанье отвечая, Цветы с улыбкой шепчут: Счастлив будь». [Это Армения, 1967, *56*]	**Звартноц** Здесь ***тишина***… О, тишина… Такая, Какой не знала я до этих пор. Трава не шелестит – совсем сухая, ***Орел*** на камне ***крылья*** распростер. Здесь пахнет снегом недалеких ***гор***, И ***Арарат*** плывет, не уплывая, Лимонный ***тополь***, восхищая ***взор***, Горит свечою тонкой, не сгорая. Ссутулившись стоит Исаакян, Как отягченный славой царь ***армянский***. Торжественней я не видала стран, Воды не знала слаще ереванской. Я пью ее, как мира чистоту, Как птица капли ливня на лету. [Звягинцева, 1964, *23*]

Нет убедительных свидетельств, что Борис Садовской посещал когда-либо Армению. Зато его переводы есть в брюсовской антологии «Поэты Армении» и в «Антологии армянской поэзии с древнейших времен и до наших дней» 1940 года, вышедшей под редакцией С.С. Арутюняна и В.Я. Кирпотина [Поэзия Армении с древнейших времен, 2016]. По всей

вероятности, армянская тема появилась в творчестве Б. Садовского именно под влиянием переводов – и собственных, и других поэтов. Его «Армянский пейзаж», скорее всего, писался не с натуры, а с чужих «полотен». Для Веры Звягинцевой Армения была второй родиной. «Не будь Россия родиной моею, Армению не полюбила б я», – говорит она в стихотворении «Россия и Армения» [Звягинцева, 1969, *50*]. Поэтесса и переводчица была удостоена почетного звания заслуженного деятеля культуры Армении. А на могиле В. Звягинцевой в Переделкине в 1975 году установлен памятник – Хачкар от армянских писателей.

Стихотворения В. Звягинцевой и Б. Садовского представляют собой собирательный пейзажный образ Армении. Опоясывающая рифмовка в стихотворении Садовского будто создает раму для его «пейзажа». Звягинцева пишет сонет английского типа. Она дает название своему тексту по наименованию раннесредневекового храма, руины которого находятся близ Еревана и Вагаршапата (Эчмиадзина). В своих воспоминаниях она писала, в частности, об очередном приезде в Армению в 1948 году по случаю юбилея Абовяна: «Меня пригласили, и я была уже в “моей Армении”. Как всегда, были и в Звартноце, который тогда произвел на меня магическое впечатление» [Душа, открытая людям, 1981, *264*]. Однако ее стихотворение далеко от экфрасиса. Звягинцева не приводит никаких признаков этого архитектурного памятника, заложившего основы целого направления в архитектуре. Она упоминает сутулую фигуру Аветика Исаакяна, которого сравнивает с отягченным славой царем. Возможно, место древнего величественного разрушенного «Храма бдящих ангелов» (так переводится Звартноц) навеяло образ великого армянского поэта, через которого автор познала Армению. Не исключено, что она упоминает памятник Исаакяну (в нем тоже подчеркнута природная сутулость), находящийся на улице Абовяна в самом центре Еревана и весьма удаленный от Звартноца.

Оба стихотворения роднит восхищенный взгляд на Армению (отметим семантическую и синтаксическую схожесть конструкций *чаруя* ***взор*** и *восхищая* ***взор***). Роднит вид гор и Арарата, на фоне которых изображается орел – парящий или сидящий, но с неизменно распростертыми крыльями, хотя эпитет *крылатый* у Садовского относится к вечеру. Из флоры упоминается *тополь*. *Тихое* признанье лирического субъекта Садовского отзывается неслыханной *тишиной* у Звягинцевой. Общая колористическая гамма охристая (*золотистые поля, алеют горы – лимонный тополь <…> горит свечою*). *Холодные ключи* Садовского перекликаются со *сладкой ереванской водой* Звягинцевой. *Золотистым полям* Садовского соответствует *сухая трава* у Звягинцевой. У обоих поэтов растительность наделяется акустическими характеристиками: *Цветы с улыбкой шепчут* (Садовской), *Трава не шелестит* (Звягинцева).

Не исключено, что оба стихотворения оказались подспудно связаны личностью и творчеством выдающегося армянского поэта и прозаика Аве-

тика Исаакяна. Садовской переводил Исаакяна. Звягинцева была с ним лично знакома, почтительно называла его Варпетом (мастером, маэстро) и старалась бывать у него каждый свой приезд [Там же, *266*]. Ему она посвятила стихотворение «Аветик Исаакян», в котором говорится, что именно через его творчество она познала Армению.

Отдельно мы обработали при помощи программного комплекса «армянский» корпус из 23 стихотворений, не содержащих лексем *Армения (армянский)*.

Таблица 6

Частотная лексика созданных русскими поэтами стихотворений, в которых не встречаются лексемы *Армения, армянский, армяне*

Ранговый номер	Лексема	Число словоупотреблений
1	Арарат, гора	12
2	снег	10
	Ереван, стена	9
3	Вардавар, мир, свет	8
4	вода, земля, краска, мочь, небо	7
5	дети, вечер, летний, полотно, старик, утро, художник	6

Заснеженные *горы* и конкретно *Арарат* по-прежнему остаются главной приметой Армении. Из имен собственных присутствует, как и в предыдущем корпусе, *Ереван*. Частое упоминание национального праздника в честь Преображения Господня *Вардавара* в данном случае не показательно, так как все словоупотребления находятся в одном одноименном стихотворении М. Матусовского. Из именований людей остаются *дети* и *старики*, а к ним добавляется *художник* и связанная с ним живописная лексика: *краска, полотно*. Живописность Армении в данном корпусе текстов пришла на смену словесному творчеству, выделенному в предыдущем корпусе. Среди новой частотной лексики следует отметить лексему *стена*, организующую художественное пространство, и указания на временные отрезки: *вечер, утро, летний*.

Самые частотные парные комбинации: *Арарат – снег* (в четырех стихотворениях)*, вода – последний, весна – снег, Арарат – гора, гора – старый, гора – сияние, гора – свет, гора – скала, гора – ночь, гора – утро, земля – снег, стоять – краски, утро – туман, казаться – мир, гора – вечный* (в трех текстах).

На фоне многочисленных коротких лексических комбинаций обращает на себя внимание многокомпонентная комбинация, состоящая из 10 совпадающих лексем и трех пар однокоренных лексем, которая связывает разделенные более чем полувековой дистанцией стихотворения С. Городецкого «Ван» и М. Матусовского «Летний вечер в Ереване…» из цикла «Из старой тетради».

Таблица 7

Лексическая комбинация *дышать – свет – ветер – сады – звезда – звездный – тень – сердце – толпа – белый – [свод (небосвод]) – [спокойный (беспокойный)] – [стемнеть (темница)] у С. Городецкого и М. Матусовского*

Сергей Городецкий	**Михаил Матусовский**
Ван	**Цикл «Из старой тетради»**
Душа, огромная, как море, **Дыша**, как **ветер** над вулканом, Вдыхает огненное горе Над разоренным раем, Ваном. Как жертвенное счастье, Как сладкое мученье В народной гибели участье, С **тенями** скорбными общенье! Еще я мог пробыть с живыми При **свете** солнца, в полдень знойный, Но над **садами** горевыми Поднялся лик луны ***спокойный***. Непобедимое сиянье, И неподвижные руины. Развалин жуткое зиянье, И свист немолчный, соловьиный. Луна лавины **света** рушит. В **садах**, от лепестков дремотных Исходит ладан, душу душит. Среди цветов – **толпа** бесплотных. Они проходят вереницей, И каждый в дом былой заходит, Как узник, связанный с ***темницей***, Меж стен обуглившихся бродит. Их, лучезарных, много-много, Что **белых** **звезд** под небесами. Иной присядет у порога, Иной прильнет к нему устами. Рыданья **сердца** заглушая, Хожу я с ними, между ними. Душа, как **звездный** ***свод***, большая, Поет народа скорби имя. [Городецкий, 1987, *320*]	**Летний вечер в Ереване** Никогда не потускнеет Этих гор очарованье, Этот **звездный** ***небосвод***. Летний вечер в Ереване, Летний вечер в Ереване, – **Белых** бабочек полет. Неумолчный и нестройный Гул **толпы**, легко одетой, У киосков и **садов**. **Тень** акаций на асфальте, Что является приметой Наших южных городов. Только бы, **дыша** прохладой, Дул нам в лица **ветер** встречный С голубых верховий гор, Только б **сердце** не старело, Только б длился этот вечный, Нескончающийся спор. То внезапно возникает, То скрывается за тучей ***Беспокойный*** **свет звезды**. Огоньки плывут и гаснут, Как пузырики колючей Газированной воды. Погоди, еще ***стемнеет***, Горы скроются в тумане, До утра река замрет... Летний вечер в Ереване, Летний вечер в Ереване, – **Белых** бабочек полет. [Матусовский, 1988, *42–43*]

Стихотворение С. Городецкого написано на основе впечатлений от поездки поэта в Армению в 1916 году, когда он познакомился с Ованесом

Туманяном, увидел воочию картину пожаров, разрухи, трагического разорения исторической родины армян, оставшейся почти без коренного населения в результате Русско-турецкой войны в рамках Первой мировой. Пожалуй, главным гражданским и человеческим подвигом Городецкого стало спасение армянских детей-беженцев, художественным Поступком – написание книги «Ангел Армении», изданной в 1918 году в Тифлисе [Багдасарян, 2013].

Стихотворение «Ван» строится на контрасте дня и ночи, мира живых и мира мертвых, вида руин и соловьиного пения. В нем главное – сила сопереживания народного горя.

Стихотворение М. Матусовского, напротив, спокойно-гармонично, оно живописует южный летний вечер, безмятежность отдыхающих, очарование природы. Сады для отдыха там, где у Городецкого сады горя, толпы гуляющих там, где у Городецкого бродили толпы душ погибших, превращающихся в белые звезды, целый звездный свод скорбящей души поэта. Матусовский изображает Армению, залечившую свои раны и вновь расцветшую.

В лексических комбинациях, которые выявляются тематическим способом (в проведенном исследовании это тексты с лексемой *Армения*) и формируют определенный гипертекст (в нашем случае «армянский»), как правило, выделяется общий лексический ряд, обусловленный «объективностью» жизненного материала (когда поименованные явления встречаются рядом в реальности: *Армения – Арарат – Ереван – гора*) или языкового, текстового материала (например, соседство слов обусловлено рифмой: *любовь – кровь*), общими особенностями человеческого восприятия, распространенными ассоциациями (*любовь – сердце*, *время – новый – былой*, *небо – пламя*, *земля – небо*). Так создается лейтмотивная лексическая среда. Это доминантные компоненты лексических комбинаций. В «армянском» тексте русской поэзии – *Армения, Арарат, Ереван, гора, небо, земля, кровь, сердце, душа, пламя, вечный.* За пределами данного лейтмотивного ряда остаются вариации – лексемы, которые добавляются к лейтмотивному ядру в конкретных текстах и тем самым индивидуализируют эти тексты. Это факультативные компоненты комбинаций. К ним, в частности, относятся: *враждебный, истлевать, близорукий, книга, ребенок, Комитас* и др.

В целом выявленные в ходе исследования лексические комбинации показывают, как на глубинном уровне связаны разновременные тексты разных поэтов, тем самым подтверждают гипотезу о существовании в русской поэзии «армянского» текста. Существование этого текста, сложившегося в XX веке на волне сострадания к трагедиям армянского народа, свидетельствует о стремлении русских поэтов художественно освоить экзотическое пространство удивительной закавказской страны: «Какая потрясающая взаимотяга, какое упорное стремление заполнить пропасть, возжечь общий пламень…» [Аннинский, 1993, *186*].

ЛИТЕРАТУРА

Амирханян М.Д. Россия и Армения. Очерки русско-армянских литературных отношений. Ч. I. 2-е изд., доп. Ереван: Асогик, 2003. 298 с.

Амирханян М.Д. Геноцид в Западной Армении и русская поэзия. 2-е изд. Ереван: Изд. дом Лусабац, 2012. 158 с.

Аннинский Л.А. Лучина и свеча // Дружба народов. 1993. № 2. С. 169–186.

Битов А. Уроки Армении // Битов А. Путешествие из России. М.: Изд-во АСТ, 2013. URL: https://iknigi.net/avtor-andrey-bitov/77784-puteshestvie-iz-rossii-andrey-bitov/read/page-4.html (дата обращения: 30.03.2020).

Багдасарян Р. «Армения, звенящая огнем и кровью…»: геноцид армян глазами очевидца Сергея Городецкого // Голос Армении. 2013. 23 мая. URL: https://www.golosarmenii.am/article/18317/armeniya--zvenyashhaya-ognem-i-krovyu%E2%80%A6 (дата обращения: 20.03.2020).

Былины Пудожского края / подгот. текстов, ст. и примеч. Г.Н. Париловой и А.Д. Соймонова; предисл. и ред. А.М. Астаховой. Петрозаводск, 1941. № 4. URL: http://www.byliny.ru/content/text/ilya-muromets-i-svatogor (дата обращения: 30.03.2020).

Городецкий С.М. Избранные произведения. В 2 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1.

Гроссман В.С. Добро вам! М.: Советский писатель, 1967. URL: http://lib.ru/PROZA/GROSSMAN/dobro.txt (дата обращения: 30.03.2020).

Душа, открытая людям: О Вере Звягинцевой: Воспоминания, статьи, очерки / сост. Е.К. Дейч. Ереван: Советакангрох, 1981. 284 с.

Звягинцева В.К. Моя Армения. Ереван: Армянское гос. изд-во, 1964. 166 с.

Звягинцева В.К. Моя Армения. Ереван: Айастан, 1969. 188 с.

Кубатьян Г.И. Одна из двух ипостасей. Армянская тема в поэзии Бориса Слуцкого // Дружба народов. 2019. № 6. URL: https://magazines.gorky.media/druzhba/2019/6/odna-iz-dvuh-ipostasej.html (дата обращения: 30.03.2020).

Лиснянская И. Одинокий дар: Стихи; Поэмы. М.: ОГИ, 2003. 509 с. URL: http://www.vavilon.ru/texts/prim/lisn3.html (дата обращения: 12.03.2020).

Мандельштам О.Э. Собрание сочинений. В 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. 638 с.

Матусовский М.Л. Строки из горячего тонира / в пер. на арм. яз. С. Капутикян; вступ. ст. В. Давтяна. Ереван: Советакангрох, 1988. 141 с.

Мкртчян Л.М. Над книгой поэта и переводчика // Звягинцева В.К. Моя Армения. Ереван: Армянское государственное изд-во, 1964. С. 3–13.

Павлова Л.В., Романова И.В. Неочевидные структуры текста. Применение программных комплексов для нужд филологического анализа текста. Смоленск: Свиток, 2015. 148 с.

Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней [под ред. Валерия Брюсова]. 5-е изд., факс. / предисл. М.Д. Амирханян. Ереван: Айрапет, 2016. 601 с.

Чичибабин Б.А. Колокол: Стихи. М.: Советский писатель, 1991. 272 с.

Шагинян М.С. К Армении // Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917: антология. М.: Наука, 1993. 782 с.

Это Армения: стихи русских поэтов / ред., сост., автор предисл. Л.М. Мкртчян. Ереван: Айастан, 1967. 180 с.

M.D. Amirkhanyan
Doctor of Philological Sciences,
Professor,
Head of the Russian Language and Culture Center,
Yerevan State Linguistic University V.Ya. Bryusov
Yerevan, Armenia

L.V. Pavlova
Doctor of Philological Sciences,
Professor,
Department of Literature and Journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

I.V. Romanova
Doctor of Philological Sciences,
Professor,
Head of Department of Literature and Journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Reconstruction of the «Armenian» Text in the Russian Poetry of the XX Century (Computer Research Experience)

The article describes a study on the reconstruction of the so-called «Armenian» text in Russian poetry. Russian folklore and ancient Russian literature have already mentioned Armenian literary portrait that was finally formed in Russian literature only in the XX century, after the tragic events in the history of Armenia in 1915. Through applying the software complex «Hypertext search for companion-words in author's texts» to the representative corpus of the Russian language poems on the Armenian theme (65 works of different poets), lexemes marking the minimal themes of the «Armenian» text have been identified. These lexemes act as dominant components of the «Armenian» lexical combinations presented in the poems of Russian poets («Ararat», «Yerevan», «mountain», «sky», «ground», «blood», «heart», «soul», «flame», «eternal») and optional ones («hostile», «to rot», «myopic», «book», «child», «Komitas», etc.). The common lexical combinations will allow the authors to establish intertextual links, which form the basis of the «Armenian» text in Russian poetry. However, in most cases poems have no intertextual links that could signal the influence of one text on another. The coincidence of vocabulary in the texts is usually explained by geographical and historical realities, as well as a poetic tradition.

Key words: *«Armenian» text; software system «Hypertext search for companion-words in author's texts»; lexical combinations; intertextual connections.*

REFERENCES

Amirkhanian, M.D. (2003). Rossiya i Armeniya. Ocherki russko-armianskikh literaturnykh otnosheny. T. I. Yerevan: Asogik. 298 s. (in Russian).

Amirkhanian, M.D. (2012). Genotsid v Zapadnoi Armenii i russkaya poeziia. Izd. II. Yerevan: Izdatel'skii dom Lusabats. 158 s. (in Russian).

Anninsky, L.A. (1993). Luchina i svecha // Druzhba narodov. № 2. S. 169–186 (in Russian).

Bitov, A. (2013). Uroki Armenii // Bitov, A. Puteshestvie iz Rossii. M.: Izd-vo AST. URL: https://iknigi.net/avtor-andrey-bitov/77784-puteshestvie-iz-rossii-andrey-bitov/read/page-4.html (data obrashcheniya: 30.03.2020) (in Russian).

Bagdasarian, R. (2013). «Armeniya, zvenyashchaya ognem i krov'yu…»: genotsid armyan glazami ochevidtsa Sergeya Gorodetskogo // Golos Armenii. 23 maya. URL: https://www.golosarmenii.am/article/18317/armeniya--zvenyashhaya-ognem-i-krovyu%E2%80%A6 (data obrashcheniya: 20.03.2020) (in Russian).

(1941). Byliny Pudozhskogo kraya. Petrozavodsk. № 4. URL: http://www.byliny.ru/content/text/ilya-muromets-i-svatogor (data obrashcheniya: 30.03.2020) (in Russian).

Gorodetsky, S.M. (1987). Izbrannye proizvedeniya v 2 tomakh. M.: Khudozh. lit. T. 1 (in Russian).

Grossman, V.S. (1967). Dobro vam! M.: Sovetsky pisatel'. URL: http://lib.ru/PROZA/GROSSMAN/dobro.txt (data obrashcheniya: 30.03.2020) (in Russian).

(1981). Dusha, otkrytaya lyudyam: O Vere Zvyagintsevoi: Vospominaniya, stat'i, ocherki. Yrevan: Sovetakangrokh. 284 s. (in Russian).

Zvyagintseva, V.K. (1964). Moya Armeniya. Yerevan: Armianskoye gosudarstvennoye izdatel'stvo (in Russian).

Zvyagintseva, V.K. (1969). Moya Armeniya. Yerevan: Ayastan. 188 s. (in Russian).

Kubat'ian, G.I. (2019). Odna iz dvukh ipostasei. Armianskaya tema v poezii Borisa Slutskogo // Druzhba Narodov. № 6. URL: https://magazines.gorky.media/druzhba/2019/6/odna-iz-dvuh-ipostasej.html (data obrashcheniya: 30.03.2020) (in Russian).

Lisnyanskaya, I. (2003). Odinoky dar: Stikhi; Poemy. M.: OGI. 509 s. URL: http://www.vavilon.ru/texts/prim/lisn3.html (data obrashcheniya: 10.03.2020) (in Russian).

Mandel'shtam, O.Ye. (1990). Sobranie sochineny v 2 t. M.: Khudozh. lit. T. 1. 638 s. (in Russian).

Matusovsky, M.L. (1988). Stroki iz goryachego tonira. Yerevan: Sovetakangrokh. 141 s. (in Russian).

Mkrtchan, L.M. (1964). Nad knigoi poeta i perevodchika // Zvyagintseva, V.K. Moya Armeniya. Yerevan: Armianskoye gosudarstvennoye izdatel'stvo. S. 3–13. (in Russian).

Pavlova, L.V., Romanova, I.V. (2015). Neochevidnye struktury teksta. Primenenie programmnykh kompleksov dlya nuzhd filologicheskogo analiza teksta. Smolensk: Svitok. 148 s. (in Russian).

(2016). Poeziya Armenii s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Yerevan: Airapet. 601 s. (in Russian).

Chichibabin, B.A. (1991). Kolokol: Stikhi. M.: Sovetsky pisatel'. 272 s. (in Russian).

Shaginyan, M.S. (1993). K Armenii // Russkaya poeziya «serebryanogo veka», 1890–1917: antologiya. M.: Nauka. 782 s. (in Russian).

(1967). Eto Armeniya: stikhi russkikh poetov. Yerevan: Aiastan. 180 s. (in Russian).

Участие армянского народа в Великой Отечественной войне (1941-1945) гг.

К.А. Арутюнян

Институт истории Национальной Академии наук Республики Армения,
Ереван, Респулика Армения

Аннотация. Великая Отечественная стала колоссальным испытанием для всех народов СССР. Все для фронта и все для победы – с этой мыслью целых четыре года жили миллионы советских граждан, испытывая тяжелейшие лишения и не жалея ничего – вплоть до собственной жизни. Армянский народ, наряду с другими, внес посильный вклад в общее дело, и этот вклад можно назвать поистине бесценным. Небольшая горная республика, численность которой составляла к началу войны всего около 1,5 миллиона человек, отправила на фронт около 20% своего населения. Не менее активным был вклад армян из других республик Союза, особенно жителей Нагорного Карабаха, а также представителей армянской диаспоры по всему миру. В войне приняло участие 20% населения Армянской ССР. Этот показатель – один из наиболее высоких не только среди республик Советского Союза, но и других участников Второй Мировой войны. Населенные армянами района Карабаха продемонстрировали беспрецедентные показатели по мобилизации – 30%. Только из одной небольшой деревни Чардахлу на фронт ушли более 1200 человек, что составило около 50% населения деревни. Вряд ли можно найти другое, сопоставимое с ним по количеству населения, которое дало бы сразу двух маршалов (Ованеса Баграмяна и Амазаспа Бабаджаняна), 12 генералов и 7 героев Советского Союза. В рамках настоящего исследования автор постарается осмыслить вклад армянского народа в Победу в Великой Отечественной войне. В ходе работы использовались методы исторической науки: историко-аналитический метод, историко-системный метод и ретроспективный метод.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Победа, Армения, народ, Красная Армия

Contribution of the Armenian People to the Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945

K.A. Harutyunyan

Institute of History of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia,
Yerevan, Republic of Armenia

Abstract. The Great Patriotic War became a colossal test for all the peoples of the USSR. Everything for the front and everything for Victory – millions of Soviet citizens lived with this idea for four years, experiencing severe hardships and sparing nothing – even their own lives. The Armenian people, along with others, made a feasible contribution to the common cause, and this contribution can be called truly invaluable. A small mountain republic, the number of which at the beginning of the war was only about 1.5 million people, sent about 20% of its population to the front. No less active was the contribution of Armenians from other republics of the Union, especially residents of Nagorno-Karabakh, as well as representatives of the Armenian diaspora around the world. 20% of the population of the Armenian SSR took part in the war. This indicator is one of the highest not only among the republics of the Soviet Union, but also other participants in the Second World War. The Armenians of the Karabakh region demonstrated unprecedented mobilization indicators - 30%. More than 1200 people went to the front from only one small large village of Chardakhlu, which amounted to about 50% of the population of the village. It is hardly possible to find another one comparable with it in terms of population that would yield two marshals (Hovhannes Baghramyan and Amazasp Babajanyan), 12 generals and 7 heroes of the Soviet Union. In the framework of this study, the author will try to comprehend the contribution of the Armenian people to the Victory in the Great Patriotic War. In the course of the work, the methods of historical science were used: the historical-analytical method, the historical-systemic method and the retrospective method.

Keywords: The Great Patriotic War, Victory, Armenia, people, Red Army

Ранним утром 22 июня 1941 г. фашистская Германия, нарушив заключенный 23 августа 1939 г. сроком на 10 лет пакт между СССР и Германией о ненападении, без объявления войны, вероломно и внезапно напала на Советский Союз с целью уничтожить его, захватить значительную часть его территории, поработить его народы и создать Великую германскую империю. Еще за несколько дней до начала Второй мировой войны 22 августа 1939 г. в Оберзальцбурге на встрече с Верховным командованием Третьего рейха А. Гитлер дал указание своим военачальникам не считаться с общественным мнением и в предстоящей войне беспощадно уничтожить славянские народы: мужчин, женщин и детей. “Сейчас, в наше время, кто еще помнит об уничтожении миллионов армян в Турции в 1915 г.?” – заявил фюрер для воодушевления своих генералов.[1]

Следовательно, не случайно, что с первых же дней войны весь армянский народ как один поднялся на защиту своего существования, ибо ясно сознавал, какая опасность ждет его, если Германия победит Советский Союз, а театр военных действий переместится на территорию Армении. Ведь фактическим союзником гитлеровской Германии была Турция, которая буквально перед началом войны, 18 июня 1941 г., подписала с Германией пакт о дружбе и ненападении, согласно которому немецкие военные корабли получили свободный доступ в Черное море. В начале войны Турция сконцентрировала на границе с Советской Арменией 26 вооруженных дивизий [Штеменко 1968: 54] и выжидала удобный момент для вторжения на ее территорию и организации нового геноцида армян, подобно 1915 г. В памяти армянского народа еще живы воспоминания о массовых уничтожениях в Западной Армении, осуществленные в годы Первой мировой войны союзницей Кайзеровской Германии – султанской Турцией. В результате этого варварского акта – геноцида в Западной Армении были зверски убиты 1,5 млн армян, которые тысячелетиями являлись коренными жителями своей родной страны. Западная Армения была очищена от армян, а чудом спасшиеся от резни около 800 тыс. армян были вынуждены бежать из родных краев и расселиться по всему миру [Геноцид армян 1982: 12].

“Армянский народ за свою многовековую историю неоднократно подвергался нашествию иноземных захватчиков, - отмечала в своей передовой статье “Армянский народ боевой участник освободительной войны Советского Союза” центральная газета “Правда” 25 августа 1941 г. – Армянский народ твердо занимает свое боевое место в общей борьбе всех народов Советского Союза… Армянский народ, как и все другие свободные и равноправные народы Советского Союза, воспринял нависшую над нашей страной смертельную опасность тем более глубоко, что в своей многовековой истории не раз подвергался нападению чужеземных насильников. Он знает, что такое резня, погромы, голод, насилие. Армянский народ не забыл физические истребления армян, организованные предшественником кровавого Гитлера – кайзером Вильгельмом в годы Первой мировой войны. Поэтому, когда кровавым пожаром вспыхнула война, начатая людоедом Гитлером против Советского Союза, весь армянский народ поднялся, как один, на защиту Родины...”[2].

В первые дни Великой Отечественной войны своими флотоводческими навыками отличился первый заместитель наркома Военно-морского флота СССР, начальник Главного морского штаба адмирал Иван Степанович Исаков (Тер-Исаакян), который в сложных условиях руководил переходом Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) из Таллина (Эстония) в Кронштадт, лично занимался артобороной Ленинграда и действиями Ладожской флотилии. В дальнейшем ему было присвоено звание Адмирала флота Советского Союза и Героя Советского Союза. Начальник штаба Военно-воздушных сил (ВВС) Западного фронта полковник Сергей Александрович Худяков

[1] Подлинник этого документа хранится в национальном архиве США. Впервые документ был представлен на Ньюнбергском процессе (20 ноября 1945 г. – 1 октября 1946 г.) и опубликован в газете "Нью-Йорк Таймс 24 ноября 1946 г. Ныне эти слова начертаны на стенах музея Холокост еврейского народа в Вашингтоне.

[2] Газ. "Правда", 25 августа 1941 г.

(он же Арменак Артемьевич Ханферянц) 22 июня 1941 г., не совсем излечившись, выписался из Минского госпиталя и в чрезвычайно трудных условиях смог организовать работу штаба, наладить связь с частями.

В течение 22 июня летчики фронта совершили 1896 боевых вылетов, уничтожив более 100 самолетов противника [Советские ВВС 1968: 32]. В дальнейшем Худякову было присвоено звание маршала авиации, он командовал воздушными армиями, был выдвинут на должность начальника штаба ВВС Красной Армии.

В первых боях войны своим мужеством и стойкостью отличились начальник оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта полковник Иван Христофорович Баграмян (в дальнейшем Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза), начальник артиллерии того же фронта генерал-лейтенант, Герой Советского Союза Михаил Артемьевич Парсегов (в дальнейшем генерал-полковник), начальник штаба артиллерии Южного фронта полковник Иван Давыдович Векилов, начальник штаба 12-й армии Юго-Западного фронта генерал-майор Баграт Исаакович Арушанян, начальник оперативного отдела 33-й армии Западного фронта полковник Степан Ильич Киносян, военный комиссар 32-го стрелкового корпуса дивизионный комиссар Сергей Федорович Галаджев, начальник штаба 22-го механизированного корпуса генерал-майор танковых войск Владимир Степанович Тамручи (Демурчян), командир 227-й стрелковой дивизии полковник Геворк Андреевич Тер-Гаспарян, (всем шестерым в дальнейшем было присвоено звание генерал-лейтенанта), командир 113-й стрелковой дивизии генерал-майор Христофор Николаевич Алавердян, командир 49-й кавалерийской дивизии полковник Тимофей Владимирович Дедеоглу (Дедеоглян в дальнейшем генерал-майор) и многие другие.

В битве под Москвой своим военным талантом и мужеством отличились командир 340-й стрелковой дивизии подполковник Саркис Согомонович Мартиросян (в дальнейшем генерал-лейтенант, Герой Советского Союза) и командир 239-й стрелковой дивизии полковник Гайк Оганесович Мартиросян (в дальнейшем генерал-майор). За подвиги, совершенные в первый год войны, четырям воинам-армянам было присвоено звание Героя Советского Союза.

С первых же дней Великой Отечественной войны партийные и государственные органы Советской Армении, исполкомы местных советов, городские и районные военные комиссариаты включились в работу по мобилизации военных и хозяйственных ресурсов республики. Перед республикой были поставлены неотложные задачи: перестроить всю работу на военный лад, обеспечить призыв военнообязанных, подходящими кадрами заменить тех, кто отправился на фронт, чтобы работа в тылу продолжалась бесперебойно. Надо было организовать военную подготовку населения, формирование народного ополчения, ускоренно строить в приграничной зоне оборонительные сооружения.

Мобилизационные работы прошли организованно, в условиях большого патриотического подъема. В общем в 1941-1943 гг. в Вооруженные Силы СССР были призваны лица 22 возрастных групп. Однако в Красной Армии было не мало военнослужащих и более старшего возраста (1895-1904 гг. рождения). Если добавить и тех, кто был призван в Красную Армию из Армении в 1938, 1939, 1940-е годы, а их число по сведениям республиканского военкомата составляло 28384 человека, то по нашим данным от Советской Армении в войне участвовали около 320000 человек, что составляло 20-23% всего населения республики.

Для сравнения отметим, что со всего СССР в годы войны в армию и флот были призваны 34476700 человек [Гриф секретности снят 1993: 139], что составляло 18-20% всего населения страны. Напомним, что, по данным переписи, в 1940 г. численность населения СССР достигла 194000100 чел., в Армянской ССР – 1360000 чел. [Акакян 1975: 35] Более 1 млн армян жили в других республиках СССР. Около 90% призывников из Армении или около 300000 чел. были армянами. Если прибавить к ним число армян, призванных из других республик СССР, которое составило более 200000 чел., то получится, что от Советского Союза в Великой Отечественной войне участвовали более 500000 армян. А если к этому приба-

вить еще 100000 армян, мобилизованных из других стран мира, а в зарубежье накануне войны проживали более 1 млн армян, то в итоге, в войне участвовали 600000 армян. Из них более 200000 погибли на фронтах. Напомним, что в годы Первой мировой войны из 2054000 армян, проживающих в Российской империи, в рядах русской армии сражались около 250000 воинов-армян.

В Вооруженных Силах Великобритании, Франции и США были мобилизованы около 50000 армян [История армянского народа 1981: 547]. Если столь высокая активность в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.) объясняется их стремлением к освобождению Западной Армении от турецкого ига, то массовое участие армян во Второй мировой и Великой Отечественных войнах объясняется не только проявлением прав и обязанностей законных граждан своей вновь воссозданной Отчизны и других стран, предоставивших им надежное убежище от турецкой резни, но и порывом высокого национального самосознания, выраженного в стремлении отомстить Германии, покровительствовавшей Геноциду армянского народа в 1915 году.

В военно-мобилизационной работе, проведенной на начальном этапе войны в республике, особое место занимало формирование национальных и интернациональных дивизий, которое в Советской Армении успешно осуществлялось в короткие сроки. На территории республики в 1941-1942 гг. были сформированы 89-я, 408-я, 409-я и 261-я армянские стрелковые дивизии, личный состав которых был преимущественно укомплектован армянами.

Ранее, в 1920-1922 гг. в Армении была сформирована 76-я Армянская горно-стрелковая дивизия, которая в 1938-1940 гг. была переформирована в интернациональную. Однако с 22 июня по 22 июля 1941 г., будучи пополнена за счет людских и материальных ресурсов Армянской ССР, она вновь приобрела характер национального формирования, в котором из 16000-го личного состава 14000 были армянами[1].

Шестая по числу Армянская 390-я стрелковая дивизия была сформирована в августе 1941 г. в г. Зугдиди и Поти (Грузия), сперва как интернациональное соединение. В феврале-марте 1942 г. она переформировалась в армянскую национальную дивизию. Работы по переформированию дивизии проходили в Керчи в боевых условиях.

Кроме перечисленных дивизий в начальный период Великой Отечественной войны в Советской Армении формировались или доукомплектовывались 31-я, 61-я, 136-я (15-я гвардейская), 138-я (70-я гвардейская), 151-я, 236-я, 320-я,406-я стрелковые дивизии и ряд других частей, значительную часть контингента которых составляли армяне. Например, в Ленинакане (Гюмри) была доукомплектована 320-я стрелковая дивизия: из 9124 человек ее личного состава, по данным на 16 сентября 1942 г., 7978 человек (87.5%) были армянами. 61-я стрелковая дивизия, находившаяся для пополнения в Ереване, в декабре 1941 г. на 70% была укомплектована армянами[2].

Активное участие армянского народа в Великой Отечественной войне проявилось не только в призыве в армию более 600000 чел., но и массовым героизмом на полях сражений в составе различных родов войск, во всех главных сражениях театров военных действий. Армяне своим мужеством и отвагой отличились в рядах защитников Москвы, Ленинграда, Севастополя и Одессы, в Сталинградской и Курской битвах, в битве за Кавказ и в боях за освобождение Керчи и Крыма, Украины, Белоруссии, Прибалтики, в боях за Карелию и Советское Заполярье, активно участвовали в освобождении от фашистского ига стран Юго-Восточной и Центральной Европы, в разгроме гитлеровского фашизма на территории Германии и его союзника милитаристической Японии на Дальнем Востоке. Можно привести многочисленные примеры массового героизма и мужества воинов-армян, но для этого не хватило бы даже многотомника. Поэтому мы будем приводить только обобщенные данные, которые ярко показывают вклад воинов-армян в Победу над фашизмом. В общем числе из армян звание Героя Советского Союза было просвоено 106 воинам, из них 4 получили это звание в Советско-

[1] ЦАМО РФ, ф.51-й гвардейской стрелковой дивизии, оп.1, д.2, л.7, д.7, л.17.

[2] ЦАМО РФ, ф.56, оп.12214, д.405, л.278.

финляндской войне (30.11.1939 г. – 13.03.1940 г.), 99 – за подвиги в Великой Отечественной войне (22.06.1941 г. – 9.05.1945 г.), 3 – за подвиги, совершенные в послевоенные мирные годы. Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян и командир 47-го штурмового авиаполка ВВС Краснознаменного Балтийского флота гвардии подполковник Нельсон Георгиевич Степанян звания Героя Советского Союза были удостоены дважды. Кроме того, звание Героя Советского Союза было присвоено 10 представителям других национальностей, уроженцев Армении.

В годы Великой Отечественной войны 26 армян стали полными Кавалерами ордена Славы всех трех степеней. По данным на 31 декабря 1945 г. в Великой Отечественной войне участвовали 68 генералов-армян, один адмирал флота (И.С. Исаков) и один маршал авиации (С.А. Худяков, он же А.А. Ханферянц). В послевоенный период из участников войны еще 86 армянам было присвоено генеральское, а 9 армянам – адмиральское звание. Таким образом, из участников Великой Отечественной войны генеральское и адмиральское звания были присвоены 165 армянам. Из них в 1955 г. И.Х. Баграмяну было присвоено звание Маршала Советского Союза, а И.С. Исакову – Адмирала флота Советского Союза. В 1969 г. А.Х. Бабаджаняну было просвоено звание маршала бронетанковых войск, а в 1975 г. – Главного маршала бронетанковых войск.

В 1980 г. С.Х. Аганову было присвоено звание маршала инженерных войск. Число маршалов и генералов армян могло бы быть гораздо больше, если бы в 1937 г. не были расстреляны: командарм Г.К. Восканов, комкоры Г.Д. Гай (Гайк Бжшкян), Г.Д. Хаханян, А.П. Мелик-Шахназаров, армейские комиссары 2-го ранга Г.А. Овсепян и О.А. Саакян, комдив А.Т. Атоян, дивизионные комиссары Г.С. Сафразбекян, И.А. Варданов, Х.А. Абрамян, Амаяк Тер-Давтян и многие другие.

В годы Великой Отечественной войны из военачальников армян адмирал И.С. Исаков был первым заместителем наркома Военно-морского флота СССР – начальником Главного морского штаба, маршал авиации С.А. Худяков (А.А. Ханферянц) – первым заместителем командующего Военно-воздушными силами Красной Армии, начальником штаба ВВС Красной Армии, генерал армии И.Х. Баграмян командовал 1-м Прибалтийским, затем 3-м Белорусским фронтами, трое армян были командующими армиями: генерал-полковник И.Х. Баграмян – 11-й гвардейской армией, маршал авиации С.А. Худяков (А.А. Ханферянц) – 1-й и 12-й воздушной армиями, генерал-полковник М. Парсегов – 40-й армией; восемь – командирами корпусов (генералы: С.С. Мартиросян – 50-го и 73-го стрелкового корпусов, Г.О. Мартиросян – 90-го стрелкового корпуса, Б.И. Арушанян – 11-го гвардейского стрелкового корпуса, В.С. Тамручи (Демурчян) – 22-го механизированного корпуса, Т.В. Дедеоглу (Дедеоглян) – 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, полковники: А.Х. Бабаджанян – 11-го гвардейского танкового корпуса, А.К. Погосян – 20-го танкового корпуса, А.М. Меликян – 106-го стрелкового корпуса), 28 – командирами дивизий, около 100 – командирами бригад и полков.

В годы войны от предгорьев Кавказа через Кубань, Тамань, Керчь, Крым, Польшу, Германию до Берлина и Эльбы славный боевой путь прошла 89-я Армянская Таманская орденов Красного Знамени, Красной Звезды и Кутузова 2-й степени стрелковая дивизия, а также проложила свой боевой путь 409-я Армянская стрелковая дивизия, которая активно участвовала в битве за Кавказ, в освобождении Кубани, Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии, Австрии и Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков, получившая почетное наименование Кировоградская – Братиславская, была награждена орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени.

В тяжелых и кровопролитных боях в Керчи (март-май 1942 г.) участвовала 390-я Армянская стрелковая дивизия, 408-я Армянская стрелковая дивизия в сентябре-ноябре 1942 г. ценой больших потерь перекрыла немцам дорогу в Закавказье. Иран – Украина – Сталинград – Курск – Белоруссия – Прибалтика – такой славный боевой путь прошла 51-я гвардейская стрелковая Витебская ордена Ленина Краснознаменная (бывшая 76-я Армянская горно-стрелковая) имени К.Е. Ворошилова дивизия. Шестая ар-

мянская дивизия – 261-я (Армянская) стрелковая, как отмечено, в годы войны оставалась на территории Советской Армении, защищала государственную границу с Турцией. В армянских дивизиях, а также на тех фронтах, где было много воинов-армян, издавались 16 дивизионных и фронтовых газет на армянском языке [Арутюнян 2002: 198-262].

В победу над фашизмом свою достойную лепту внесли также легендарные разведчики-нелегалы невидимого фронта. Генерал-майор доктор химических наук Гайк Овакимян, который действовал в США, во многом способствовал раскрытию плана американцев по созданию и использованию ядерного оружия через хорошо законспирированную агентурную сеть, приобрел ценные секретные документы, которые помогли советским ученым в кратчайшее время создать ядерное оружие. Усилиями генерал-майора Ивана Агаянца, полковника Геворка Варданяна (впоследствии Герой Советского Союза), его жены и неразлучной коллеги Гоар Левоновны, брата Гоар – Оника Пахлеваняна и других была раскрыта фашистская агентура в Иране и сорван план покушения на “большую тройку” (Сталин, Черчилль, Рузвельт) в дни Тегеранской конференции (28.11 – 01.12.1943 г.).

В летописи советских разведчиков-нелегалов золотыми буквами вписаны также имена генералов Вячеслаа Кеворкова, Михаила Алавердова, Гургена Агаянца, полковников Ашота Акопянца (Ефрат), Герасима Баласанова, Вячеслава Гургенова и многих других, подвиги которых по известным причинам еще полностью не исследованы как в русской, так и в армянской историографии.

В победу над фашизмом в Великой Отечественной войне достойную лепту внесли сражавшиеся в тылу врага партизаны, в рядах которых было немало армян. Только на Украине и в Белоруссии сражались более 2000, в Крыму и на Северном Кавказе – 500, в Прибалтике, Ленинграде и Калининской области – 200, во Франции – 1200, в Греции – более 1000, в Голландии – около 800 армян-партизан, в Чехословакии, Польше, Болгарии, Югославии, Италии, Румынии – более 200 и т.д. Существовало несколько партизанских отрядов, даже полк, который, в основном, был укомплектован из армян. Так, в составе партизанского соединения легендарного С.А. Ковпака, который воевал с немецко-фашистскими захватчиками на территории Украины, действовал отряд “Победа” из 100 армян под командованием Сергея Арутюнянца. В составе партизанского соединения генерал-майора М.И. Наумова (Украина) – Армянский партизанский отряд имени Анастаса Микояна, командиром которого являлся Арамаис Овсепян (в отряде насчитывалось 250 армян), в Белоруссии сражались партизанские бригады во главе с Х. Матевосяном, В. Агаджаняном, Смбатом Арзуманяном, отряд «Победа» под командованием Л. Бадаляна, отряд № 620 им. В. Чапаева комиссара, затем командира отряда О. Хачатряна, в Ленинградской и Калининской областях воевала бригада имени Германа, в составе которой действовал 41-й отряд А. Сагумяна, в Крыму воевал партизанский отряд № 10 под командованием А. Теряна, в Армянском районе Краснодарского края действовал партизанский отряд имени Степана Шаумяна во главе с Андраником Малхасяном, в Литве – партизанский отряд А. Марабяна, во Франции – 1-й Советский партизанский полк во главе полковником Александром Казаряном, в рядах которого сражались более 2000 бывших советских военнопленных, из них 1200 армян, в Греции – партизанский отряд «Свобода» во главе Б. Нерсисяном, в рядах которого сражались более 1000 армян, в Голландии – отряды антифашистского сопротивления, в рядах которых было более 800 армян и т.д. [Арутюнян, Погосян 2010: 481-482].

В победу над фашизмом свою достойную лепту внесли также зарубежные армяне. В годы войны подавляющее большинство зарубежных армян ориентировалось на Родину-мать, сплотилось вокруг организации национальных фронтов и создало ряд прогрессивных организаций и обществ. Так, например, в США были созданы Армянская прогрессивная лига и Национальный совет армян США, во Франции был создан Национальный фронт армян Франции, в Сирии, Ливане, Египте, Эфиопии и в ряде других стран – общества дружбы с Советским Союзом, в Болгарии – национально-

освободительный фронт армян, в Греции – антифашистские, прогрессивные организации, которые в течение всей войны последовательно вели дружескую политику в пользу СССР.

Зарубежные армяне не только морально защищали Родину-Мать, но и оказывали материальную помощь Красной Армии. Благодаря сбору пожертвований зарубежных армян, который организовала Армянская Апостольская церковь, по инициативе Католикоса всех армян Г. Чорекчяна, в годы войны были построены танковые колонны «Давид Сасунский» (в первой колонне было 21, а во второй – 22 танков «Т-34»), а на пожертвования армян Ирана и Эфиопии – танковая колонна «Генерал Баграмян». Тысячи зарубежных армян участвовали в антифашистском Сопротивлении и партизанском движении стран, оккупированных фашистской Германией.

Своими бессмертными подвигами во Франции прославился М. Манушян, который посмертно был удостоен звания Героя французского антифашистского движения Сопротивления. Группе Манушяна оказали большую помощь родители ныне всемирно известного певца, поэта, шансонье Ш. Азнавура – Мамикон и Кнар Азнавуряны, сестра Шарля – Аида и сам 20-летний Шарль. За свободу Франции свою жизнь отдали Луиза (Лас) и Арпиар Асланяны, Арбен Давидян и др.

Более 50000 воинов-армян воевали в рядах армий союзников СССР в антифашистской борьбе. Только в армии США сражались около 20000 армян, в их числе летчики Т. Малхасян, Ч. Тертерян, С. Парсамян, К. Киркорян (ныне Национальный герой Армении), моряк Д. Левон Гафесчян и др. Е. Дервишян был награжден высшей военной наградой США «Медаль Почета конгресса», которой в годы войны были награждены всего 87 человек, 52 армянина были награждены медалью «Серебряная Звезда», среди них - летчик майор Тигран Саркисян, который в воздушных боях сбил 6 бомбардировщиков противника, 44 летчика-армянина были награждены «Медалью Почета военно-воздушных сил США».

Генералами армии США стали Г. Шекерджян и Дж. Мартикян, сирийской армии – А.Караманукян, болгарской армии – Г. Габриелов. Более 30000 армян сражались в армиях Великобритании и Франции. В воздушных боях в небе Англии и Франции стали героями летчики – братья Ноел, Джек и Левон Агазаряны, из них первый погиб в Англии, а второй – во Франции. Их сестра Моника в годы войны служила на военном аэродроме в Англии [Арутюнян, Погосян 2010: 482-487].

Существенный вклад в победу над фашизмом внесли и труженики тыла Советской Армении. Руководствуясь девизом: «Все для фронта, все для победы», несмотря на тяжелые условия военных лет, похоронки о смерти близких, трудящихся республики превратили Армению в настоящий арсенал Красной Армии, откуда каждый день железнодорожными эшелонами на фронт отправлялись оружие, боеприпасы, обмундирование, продукты питания, людское пополнение и т.д. Благодаря ежедневному героическому труду рабочих, колхозников и интеллигенции Армении в годы войны воины-армяне, на каком бы фронте они ни сражались, всегда чувствовали поддержку тружеников тыла, получали от них как материальную, так и моральную помощь.

Еще в первый период войны армянский народ обратился с патриотическим письмом-наказом к фронтовикам-армянам. Под ним подписались 335316 человек, в их числе и знаменитые ученые, художники, писатели, рабочие, колхозники, артисты, врачи, учителя, партийные и советские работники и многие другие. Письмо было издано отдельной брошюрой и отправлено на фронт осенью 1942 г. Оно было опубликовано в центральных газетах «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная Звезда», в республиканских и фронтовых газетах и распространено на всех фронтах. Письмо ярко выражало патриотизм армянского народа, его преданность Родине. Оно напоминало также воинам-армянам горькое прошлое армянского народа, черные дни погрома коренных мирных жителей армян Западной Армении турецкими варварами в 1915 г., вдохновителем и соучастником которых была кайзеровская Германия. Письмо призвало презирать врага, уничтожить фашистских оккупантов и только после победы вернуть-

ся домой. “Помните мудрый завет нашего народа: неосознанная смерть – это смерть, а смерть осознанная – это бессмертие”, - упоминалось в письме. Народ своим сыновьям рассказывал о том героическом труде, который совершают рабочие, колхозники и интеллигенция Советской Армении для разгрома врага. “День и ночь работают наши заводы, - сказано в письме, - рабочие и работницы Армении преодолевают все трудности, чтобы страна была богатой и могучей. Вы не испытаете недостатка в оружии и боеприпасах. Мы осваиваем десятки новых видов продукции, чтобы был меток ваш огонь и уничтожающим ваш удар. На колхозных полях днем и ночью кипит работа. Наша колхозная земля еще щедрее родит свои плоды для бойцов, защищающих Родину-мать. В военное время мы собираем с наших полей много больше урожая, чем до войны… С первых же дней войны все свои силы поставили на служение делу защиты Родины и армянская интеллигенция, которая неустанным трудом, оружием науки, литературой и искусством помогает победе нашего правого дела…”

Письмо бойцам-армянам от армянского народа миллионными тиражами на языках народов СССР было распространено на всех фронтах, содержание письма доведено до всех бойцов и командиров. Воины-армяне, ответив на призыв армянского народа, поклялись свято выполнить наказ Родины-Матери и вернуться только с победой.

Вкратце по отраслям, какую конкретную работу выполнили труженики Советской Армении в годы Великой Отечественной войны.

Несмотря на тяжелые условия в период Великой Отечественной войны, промышленность Советской Армении не только не остановилась ни на минуту, но и продолжала развиваться быстрыми темпами.

Наряду с поставками продукции на военные цели, промышленность республики продолжала строить новые предприятия и расширять существующие. Особенно сильно развилась металлообрабатывающая промышленность, которую республика почти не имела. За время войны были сданы в эксплуатацию 30 новых промышленных предприятий, в том числе авиационный, сернокислотный, гидрогенезационный, Анийский цементный, клеевый заводы, Кордная, Харбердская прядильная, обозостроительная, шорноседельная фабрики и другие. Кроме того, было введено в действие 110 новых цехов, в том числе – автокордный цех, стеклоцех, цех туалетного мыла, цех смчутного порошка, галошный цех и т.д.

За время войны было освоено производство около 300 видов новых изделий, среди которых 10 видов боеприпасов, 2 вида вооружений, 6 видов средств связи, 47 видов обозохозяйственного и вещевого имущества, 20 видов химпродуктов, 3 вида инженерного имущества, 6 видов артиллерийского имущества, огнеупорный кирпич, заменитель цемента, стекловые изделия путем электроплавки, резино-технические изделия и т.д. За время войны были изготовлены корпуса 82-мм осколочных мин – 233000 штук, корпуса авиабомб – 203000 штук, корпуса противотанковых мин – 150000 штук, корпуса противопехотных мин – 130000 штук, бутылки с зажигательной смесью – 90000 штук и т.д.

С октября 1942 г. Ереванский завод № 447 освоил ремонт поврежденных самолетов. Позднее завод начал выпускать крылья и шасси для истребителей ЯК-3, которые поступали на Тбилисский авиационный завод, где проводилась их завершающая сборка. На последнем этапе войны на заводе выпускались легкие самолеты УТ-2М, которые испытывались на месте и отправлялись на фронт.

В победу над фашизмом свою достойную лепту внесли также труженики сельского хозяйства Советской Армении, которые также руководствовались девизом: “Все для фронта, все для победы”. Если учесть, то обстоятельство, что основная часть сельских работников находилась в рядах действующей армии и основную тяжесть сельских работ несли на себе женщины, старики и дети, то станет ясным тот воистину героический труд, который совершили они в годы войны.

Откликнувшись на патриотический призыв колхозников и колхозниц Украины, труженики села Армении в 1944 г. выделили сверх плана в фонд Красной Армии 200000 пудов зерна. Крупные средства были выде-

лены ими в фонд восстановления Ленинграда, Сталинграда, Одессы и других освобожденных районов страны. Колхозники Армении из своих личных сбережений на постройку танковой колонны “Колхозник Армении” внесли 46 миллионов рублей, на постройку авиаэскадрильи “Советская Армения” – 21 миллион рублей.

В общем за счет пожертвований трудящихся Советской Армении, кроме вышеуказанных, были построены танковые колонны “Горняк Зангезура”, “Физкультурник Армении”, “Комсомол Армении”, “Пионерия Армении”, “Советская Армения”, авиаэскадрильи “Ахтанак” (Победа), “Молодая Гвардия”, “Советский артист”, бронепоезд “Советская Армения” и т.д. На пожертвования представителей армянской диаспоры, которую организовала Армянская Апостольская церковь, были построены танковые колонны “Давид Сасунский” (в первой колонне было 21, во второй – 22 танков “Т-34”), а на средства, пожертвованные армянами, проживавшими в Иране и Эфиопии – танковая колонна “Генерал Баграмян” [Арутюнян, Погосян 2010: 488-491].

В победу над фашизмом достойную лепту внесла и интеллигенция Советской Армении. С первых дней войны на защиту Родины вместе с рабочими и колхозниками встала и армянская интеллигенция. Для отправки на фронт записывались в добровольцы многие сотрудники научных учреждений Еревана, преподаватели и студенты вузов, учителя, артисты, художники, писатели, врачи и многие другие. Многие выпускники вузов и студенты старших курсов были откомандированы для учебы в военные училища. Получив воинское образование и военную подготовку, они как командиры и политработники отправлялись на фронт.

В соответствии с требованиями войны перестроили свои работы научно-исследовательские институты и вузы, усилия которых были направлены на выполнение требуемых фронтом задач.

В целях объединения руководства научно-исследовательскими учреждениями республики в едином руководящем научном центре и в интересах дальнейшего, более целеустремленного развития науки, на базе Армянского филиала Академии наук СССР 29 ноября 1943 г., несмотря на тяжелые условия войны, в Ереване открылась Академия наук Армянской ССР.

В состав АН Армении вошли 25 различных учреждений, которые до этого находились в составе Армянского филиала АН СССР, Ереванского государственного университета или в других научных организациях.

Первым президентом Академии наук Армянской ССР был избран видный советский историк, ученый-востоковед академик АН СССР И.А. Орбели, который до этого руководил Армянским филиалом АН СССР, являлся директором ленинградского Эрмитажа. Вице-президентами были избраны В.А. Амбарцумян и В.О. Гулканян. Создание АН Армянской ССР сыграло значительную роль в развитии науки республики. Начатая в первые годы войны научно-исследовательская работа ученых Армении приняла более глубокий, более плодотворный характер. Их открытия способствовали дальнейшему усилению оборонной мощи страны, лучшему обеспечению нужд фронта.

Существенный вклад в победу над фашизмом внесли и армянские советские государственные деятели, ученые, конструкторы, которые работали в высших партийных, государственных органах СССР, в военной промышленности и разных отраслях народного хозяйства. Достойно упомянуть лишь имена и занимаемые должности некоторых из них: А.И. Микоян – член Государственного комитета обороны, И.Ф. Тевосян – нарком черной металлургии СССР, А.И. Микоян – главный конструктор КБ, в котором создавались истребители “МИГ”, А.С. Елян – директор артиллерийского завода № 92, С.А. Акопов – нарком среднего машиностроения, Б.Н. Арутюнян – первый заместитель наркома путей сообщения СССР, С.И. Агаджанов – директор авиационного завода № 21, П.А. Матевосян – директор Сталинградского металлургического завода “Красный Октябрь”, А.Г. Иосифян – директор Всесоюзного научно-исследовательского института электромеханики, О.А. Сарикян (Сариков) – директор сталелитейного завода на Урале, Л.А. Орбели – академик, генерал-полковник медицинской службы, вице-

президент АН СССР, начальник Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова, Иосиф Абгарович Орбели – академик, директор ленинградского Эрмитажа, первый президент АН Армянской ССР и мн. др.

За выдающиеся трудовые достижения в годы Великой Отечественной войны 8 армянам было присвоено звание Героя Социалистического Труда – А.С. Еляну (в 1942 г.), А.И. Микояну, И.Ф. Тевосяну, Б.Н. Арутюняну, Н.А. Нариняну, Б.К. Саламбекяну (Саламбеков), А.М. Хачатряну (в 1943 г.) и Л.А. Орбели (в 1945 г.).

Из участников Великой Отечественной войны армян в послевоенный период высокого звания Героя Социалистического Труда было присвоено трижды: академику К.И. Шелкину (К.О. Метаксян, 1949, 1951, 1958 гг.), одному из создателей атомной и водородной бомбы; дважды: генерал-полковнику инженерно-технической службы, главному конструктору КБ, который создал истребители МиГ, А.И. Микояну (1956, 1957 гг.), главному конструктору КБ-11, доктору технических наук, непосредственному участнику создания атомного и водородного оружия, создателю ядерных боеголовок для межконтинентальных баллистических ракет С.Г. Кочарянцу (1962, 1984 гг.) и академику АН СССР, президенту АН Армении В.А. Амбарцумяну (1968, 1978 гг.), в 1994 г. ему было присвоено звание Национального Героя Республики Армения [Арутюнян, Погосян 2010: 503-505].

Библиографический список

Акакян Г Е. Население Армянской ССР Е.: Изд. Ереванского гос. Университета, 1975.

Арутюнян К.А. Армянские национальные формирования в 1918-1945 гг. Е.: изд. "Зангак", 2002.

Арутюнян К.А., Погосян Г.Р. Вклад Армянского народа в победу в Великой Отечественной войне (1941-1945). Е.: изд. "Гитутюн-наука", 2010.

Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов под редакцией академика М. Г. Нерсисяна, Е.: Айастан, 1982.

Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевих действиях и военных конфликтах. Статистическое иследование. М.: Воениздат, 1993.

История Армянского народа, Т.6, Е.: Изд. АН Арм. ССР, 1981.

Советские Военно-Воздушеные Силы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг., М.: Воениздат, 1968.

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968.

Об авторе: Арутюнян Климент Амасияевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории Национальной Академии наук Республики Армения (e-mail: roman.karapetyan@ysu.am).

References

Akakyan G E. Naselenie Armyanskoj SSR E.: Izd. Erevanskogo gos. Universiteta, 1975.

Arutyunyan K.A. Armyanskie nacional'nye formirovaniya v 1918-1945 gg. E.: izd. "Zangak", 2002.

Arutyunyan K.A., Pogosyan G.R. Vklad Armyanskogo naroda v pobedu v Velikoj Otechestvennoj vojne (1941-1945). E.: izd. "Gitutyun-nauka", 2010.

Genocid armyan v Osmanskoj imperii. Sbornik dokumentov i materialov pod redakciej akademika M. G. Nersisyana, E.: Ajastan, 1982.

Grif sekretnosti snyat. Poteri Vooruzhennyh Sil SSSR v vojnah, boevih dejstviyah i vo-ennyh konfliktah. Statisticheskoe isledovanie. M.: Voenizdat, 1993.

Istoriya Armyanskogo naroda, T.6, E.: Izd. AN Arm. SSR, 1981.

Sovetskie Voenno-Vozdushenye Sily v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945gg., M.: Voenizdat, 1968.

Shtemenko S.M. General'nyj shtab v gody vojny. M.: Voenizdat, 1968.

About the author: Harutyunyan Kliment Amasiyayevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute of History of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (e-mail: roman.karapetyan@ysu.am)

ва (г. Алматы); функционируют профессиональные школы в стилистике джазового исполнительства, благодаря которым с 2002 года проводится Международный фестиваль джаза с участием музыкантов — мировых звезд Северной и Южной Америки, Англии, Франции, Германии, Японии, Польши, России, Прибалтики, Скандинавии и др.

Современная казахстанская музыкальная эстрада продолжает входить в число наиболее социально-адаптированных, отзывчивых и мобильных видов искусства.

Список литературы

1. *Богданов, И.А.* Художественная структура эстрадного номера и основные методологические принципы его создания: Дис. ... д-ра иск-ния / И.А. Богданов. — СПб., 2005. — 398 с.
2. *Булатова, Д.С.* Процесс глобализации как многоуровневое и неоднородное образование (теоретико-методологический анализ) / Д.С. Булатова // Вестник КГУКИ, 2005. — № 1. — С. 15–18.
3. *Мухитденова, Б.* Экскурс в историю возникновения эстрадного искусства / Б. Мухитденова // Вестник Павлодарского ГПУ, 2013. — № 1. — С. 43–51.

Г.В. Оганесян

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРНАМЕНТИКИ В АРМЯНСКОЙ, АРАБСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ МУЗЫКЕ

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ орнаментики и других средств музыкальной выразительности музыкальных течений разных стран мира. Отображены ключевые параметры орнаментики, которые повлияли на отличия этнических вокальных техник и их совершенствование.

Ключевые слова: орнаментика, фольклор, армянская народная музыка, арабская музыка, европейская этническая музыка, сходства, различия.

Abstract. The article presents a comparative analysis of ornaments and other musical expression means of different world musical movements. The key parameters of ornamentation that influenced the difference of ethnic vocal techniques and their improvement are displayed.

Keywords: ornamentation, folklore, Armenian folk music, Arabic music, European ethnic music, similarities, differences.

При рассмотрении процесса цивилизационного развития отдельных народов необходимо отметить, что музыка на протяжении всего периода становления общественных отношений внутри наций являлась существенным средством их культурного самовыражения. Она сопровождала большинство торжественных событий и традиционных бытовых действий: от национальных праздников до обычных полевых работ и ремесел. В связи с этим она не только приобретала разнообразие, но и впитывала культурные различия отдельных этносов, которые проявлялись в различных музыкальных категориях. Одной из таких является орнаментика.

Орнаментика — это средство музыкальной выразительности, которое представлено различными звуками разной длительности и тембра, формирующими основной состав мелодии: форшлаги, трели, тремоло, вибрато, пассажи и другие. С помощью таких звуковых вспомогательных элементов вокальная мелодия становится более близкой музыканту, позволяет ему отразить больше эмоций, усиливает плавность

звуковых переходов, или, наоборот, разграничивает их в зависимости от контента.

Этот феномен до сих пор не исследован в полной мере: поначалу орнаментика существовала в виде импровизации исполнителя. Как только роли исполнителя музыки и ее композитора стали различаться, а ноты стали записываться, некоторые особенности исполнения вносились автором песни [1, с. 40]. Орнаментика связана с импровизацией, однако со временем данные импровизационные приёмы обрели свою структуру и сформировались в часто повторяющиеся элементы [3, с. 25].

Большое развитие орнаментика получила во французской клавесинной музыке и церковных хорах, впоследствии нашла своё проявление в произведениях итальянской оперы. В рамках данной работы хотелось бы подробнее описать сходства и различия в орнаментике некоторых этнических направлений музыки — армянской, арабской и европейской.

Отличительной особенностью многочисленных этнических музыкальных произведений армянской народной музыки является принцип монодийности — линеарного мелодического мышления как основополагающего фактора развёртывания мелодического ряда. Обычно это происходит тогда, когда в национальной традиции нет развитой гармонии, и мелодия не подразумевает гармонической основы. Отчасти это можно проследить в некоторых элементах армянской песенной культуры: тагах или разных видах крестьянских песен. Вокал является единственной движущей силой мелодии, и к ней добавляются скрытое и реальное многоголосие [3, с. 33].

Наиболее важные отличительные черты музыкального ряда, как в случае с любой национальной культурой, носят этнический характер: произведения дополняются отдельными элементами языка, фольклорными изречениями. При появлении музыкальных инструментов последние также имеют своё локальное происхождение: в случае с армянским фольклором это дудук, кшоц, канун, чогур и другие [7].

Как и в других культурах, жанры отчасти определены ступенью цивилизационного развития той или иной культуры:

мелодии оровелов патетичны, а песни молотьбы — лиричны [1, с. 9], и это тесно связано с ритмом той работы, которую вместе с песней делает исполнитель.

Средства музыкальной выразительности вокальной лирики зависят не только от музыкальной части, но и от элементов образа жизни [7, с. 14–15]. Помимо своей религиозности, в текстах также есть душевные переживания и эмоции. Песня мотивирует работать, а в свободное время помогает расслабиться. Таким образом, вокальная музыка того времени служит барометром настроений армянского народа.

Несмотря на всю самобытность арабской культуры и её подчеркнутую связь с религией, на протяжении всего периода становления арабской музыки осмыслялись её корни, которые проистекают из византийских, персидских, семитских источников. Арабская музыка прошла фундаментальный путь от простых песнопений до формализованного процесса обучения этому искусству в специальных школах.

В рамках данного этноса становление и развитие орнаментики корректно разделить на два периода: доисламский (джахилия) и исламский. В первый период появляются основные лады и интонации, которые в дальнейшем рецепированы в исламских песнопениях разных культур: от народностей Алжира до уйгуров. В это время появляется ключевой ряд музыкальных инструментов и традиций исполнения композиций [6, с. 165].

Одним из жанров доисламского периода музыки стали «напеваемые поэмы» асват. Именно тогда оформились различные размеры тактов ритма: правильные (тауил, хафиф и др.), неполные или ошибочные (маджру, аль-рамаль и др.). Однако подобная орнаментика могла приводить к разным конечным результатам: по мнению исследователей, некоторые песнопения подобного типа могли длиться по несколько часов [8: цит. по 6, с. 169]. Тем не менее, можно сделать вывод, что уже в период джахилии огромное внимание уделялось мастерству и способу исполнения песен: существовали различные темпы, тяжесть, легкость и другие параметры. Исполнители поэм стремились к созданию собственного

индивидуального стиля: изящная мелизматика и сложные ритмы требовали постоянного совершенствования мастерства.

Исламский период не избежал внесения существенного религиозного подтекста: появляются вокальные произведения на основе текстов Корана, формируется особый речитатив и чтение Корана нараспев — аль-Таджуид. Наиболее ценилось исполнение певца, которое «придавало мелодиям полноту» [6, с. 166], позволяло «вдохновить слушателей, удерживать дыхание в длинных фразах, умело исполнять короткие, а также придавать словам силу» [6, с. 166]. Безусловно, для этого была необходима особая орнаментика: была важна техника ансамблирования, чувство ритма и звука (несмотря на подобную формализацию, в данных песнопениях оставалось место для импровизации в исполнении). В качестве инструментальных различий можно отметить исполнения на таких инструментах, как уд, даф, ребаб, кракеб, сагаты, систр. Интересным отличием от других этнических групп является значительная методологизация арабского пения, которая была оформлена в трудах Исхака Аль-Маусили в IX веке: подобное сложно было представить практически в любых этносах на протяжении многих веков [8].

Если оценивать общее состояние средневековой музыки в Европе безотносительно территориальных единиц, то можно отметить совершенную её непохожесть на музыкальную культуру тех этносов, которые мы рассмотрели ранее. Содержание, жанры и виды григорианского пения обогащались более стремительно: вышеупомянутая монодическая система исполнения существовала уже с VI–VII веков, и она была сформирована на основе диатонических ладов. Основные исполнители того времени — Ноткер и Туотило. Именно они объединили речитатив и мелодическое исполнение [4]. Однако необходимо отметить, что в рассматриваемых нами временных рамках все еще нет ни многоголосия, ни нотной грамоты (они появятся на рубеже тысячелетий).

В те времена Европа обрела феодальную музыкальную

культуру, которая уже тогда формировала запрос от элит, формировавшихся вокруг князя и аристократии. Это провоцировало создание культуры, которая еще не была секуляризирована, но, в то же время, оставалась элитарной. Светские исполнители, барды и скальды появились позже.

Со временем вся средневековая музыка пережила небольшую «секуляризацию» — музыка и произведения начали развиваться в светском векторе, а также испытывали влияние новых тенденций, возникших вследствие появления нотной грамоты и книгопечатания [5]. Музыкальное знание стало формализовываться и обретать новые формы с помощью многоголосия, новых смыслов, тематик и механики инструментов. Это обусловило формирование музыкального искусства как важного пласта межкультурной и национальной коммуникации.

Таким образом, среди общих черт можно отметить присутствие религиозных мотивов и последующую секуляризацию религиозного быта. Все это время музыкальные произведения независимо от особенностей культуры оставались монодийными, оставляли пространство для импровизации автора и постепенно приобретали ценность для слушателей — как в рамках исполнения, так и в рамках рефлексии по уровню владения голосом.

Среди различий можно отметить региональные особенности цивилизационного развития (уровень образования, инфраструктура, территория), религиозные особенности вышеуказанных стилей, собственные лады, интонации, которые были интегрированы в мелодический ряд разных жанров: плясок, бытовых и торжественных песен.

В вышерассмотренных культурах сложились свои исполнительские традиции, которые по сей день индивидуализируются для восприятия слушателями. Музыкальные ритмы Средневековья и последующих временных периодов обладали большим коммуникационным потенциалом и стали развиваться, в большей части, благодаря средствам музыкальной выразительности, которые были придуманы и адаптированы для вокальной части произведений.

Список литературы

1. *Атаян, Р.* Армянская народная песня / Р. Атаян. — М.: Музыка, 1965. — 76 с.
2. *Бочкарев, Л.Л.* Психология музыкальной деятельности / Л.Л. Бочкарев. — М.: Изд. дом «Классика-XXI», 2006. — 352 с.
3. *Брянцева, В.Н.* Орнаментика / В.Н. Брянцева // Энциклопедия: [Электронный ресурс]. Belcanto.ru: Проект Ивана Фёдорова. — URL: http://www.belcanto.ru/ornamentika.html (Дата обращения: 20.10.2019).
4. *Друскин, М.С.* Клавирная музыка Испании, Англии, Нидерландов, Франции, Италии, Германии XVI–XVIII веков. / М.С. Друскин. — Л.: Музгиз, 1960. — Т. 1. — 284 с.
5. *Ланщикова, О.Г.* Дидактические особенности актёрской подготовки вокалистов в ВУЗах культуры и искусства: Дис. ... канд. пед. наук /О.Г. Ланщикова. — М., 2008. — 203 с.
6. *Николаева, Е.В.* Арабо-андалузское пение в музыкальной культуре народов ислама и музыкальном образовании: этапы становления /Е.В. Николаева, А. Бельферруни // Вестник кафедры ЮНЕСКО Музыкалное искусство и образование. — 2015. — № 3(11). — С. 132–147.
7. *Шавердян, А.И.* Комитас и армянская культура / А.И. Шавердян. — Ереван, 1956. — 344 с.
8. *Юнусова, В.Н.* Творческий процесс в классической музыке Востока: Дис. ... д-ра иск-ния / В.Н. Юнусова. — М.: МГК им. П.И. Чайковского, 1995. — 275 с.
9. *Юровский, А.* Французская клавесинная музыка / А. Юровский. — М.: Наука, 1934. — 61 с.
10. *Guettat, M.* La musique classique du Maghreb / M. Guettat. — Paris: Sindbad, 1980. — 398 p.

А.О. Мурыгина

К ВОПРОСУ ВЫБОРА МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ЭСТРАДНОМУ ВОКАЛУ

Аннотация. В данной статье поднимается проблема выбора эффективной методики обучения эстрадному вокалу с учетом индивидуальных возможностей исполнителя. Для решения данной проблемы автор считает необходимым обеспечение преемственности и интеграции мировых педагогических достижений. В качестве примера приведен опыт анализа и апробации отечественными исследователями методических решений всемирно признанной Лондонской школы эстрадного вокала.

Ключевые слова: эстрадный вокал, методика обучения, комплексный подход, Лондонская школа вокала, индивидуальный исполнительский стиль, учреждения дополнительного образования.

Abstract. This article raises the problem of choosing effective methods of pop vocal teaching, taking into account the artist individual capabilities. To solve this problem, the author considers it necessary to ensure continuity and integration of world pedagogical achievements. As an example, the domestic researchers' experience of analysis and approbation of methodological solutions of the world-recognized London pop vocal school is given.

Keywords: pop vocal, training methods, integrated approach, London vocal school, individual performing style, institutions of additional education.

Феномен «эстрадного вокала» приобрел большую популярность в XXI веке. У данного вида вокального искусства много последователей: он привлекает своей простотой, запоминающимися мелодиями и текстами, наличием разнообразных ритмов и безграничными возможностями личностного творческого самовыражения независимо от силы певческого голоса. Занятия эстрадным вокалом с применением различных эффективных авторских методик и технологий являются важным этапом в развитии формирующейся личности, раскрытии её творческого потенциала.

В России эстрадный вокал как предмет профессионального музыкального образования получил своё активное развитие только в 90-х годах прошлого столетия. Несмотря на

©2020 Г.Э. Арутюнян
Эчмиадзин, Армения

СУТОЧНЫЙ КРУГ АРМЯНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ, СТРУКТУРА ЕЁ ЛИТУРГИИ И СВЯЗЬ С ВИЗАНТИЙСКИМИ ЛИТУРГИЯМИ

Аннотация. Статья посвящена истории сложения Божественной Литургии Армянской Апостольской Церкви. Автор опирается на анализ сохранившихся источников, позволяющих говорить о византийских корнях армянской литургической традиции. Опираясь на современную Литургию, реконструируя те ее формы, которые складывались постепенно, автор раскрывает перед читателем путь армянской церковной литургической традиции.
Ключевые слова: история Литургии, Армянская Апостольская Церковь, Литургическое богословие, христианская антропология и духовность.

Abstract. The article is devoted to the history of the formation of the Divine Liturgy of the Armenian Apostolic Church. The author relies on an analysis of surviving sources that allow us to talk about the Byzantine roots of the Armenian liturgical tradition. Based on the modern liturgy, reconstructing those forms that gradually took shape, the author reveals to the reader the path of the Armenian church liturgical tradition.
Keywords: history of the liturgy, Armenian Apostolic Church, liturgical theology, Christian anthropology and spirituality.

Арутюнян Гоар Эдвардовна (Haroutiounian Gohar Edvardovna) – доктор религиозной антропологии и истории религий (Париж - Сорбонна), доктор филологии и истории религий Древнего Востока (Парижский католический институт). Магистр богословия Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже. Бывший лектор Лионского католичекого университета. Лектор Георгиевской Духовной Академии (Эчмиадзин) / gohar.haroutiounian@gmail.com

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2020. № 24. С. 33-39.

ISSN 2687-1122 || http://naukapravoslavie.ru
УДК - 2.27. 271-9
ББК - 86.37

- Печатается в авторской редакции

Святому Нерсесу Шнорали
и светлой памяти И. Троицкого
посвящается

1. Суточный круг

Суточный круг в армянском обряде состоит из девяти служб [1]. Самые древние из них: утренняя служба, службы 3, 6, 9 часов и вечерняя служба [2]. Позднее в суточный круг вводятся ночная служба, служба восхода солнца и служба мирного часа [3]. Последней примыкает к суточному кругу служба перед отходом ко сну [4]. В истории становления армянского обряда были периоды, когда все эти службы служились отдельно [5]. Однако постепенно службы объединились в три основные группы: утренние (ночная, утренняя, восхода солнца); дневные (3, 6, 9 часов), вечерние (вечерняя, мирная, перед отходом ко сну) [6]. Современный армянский обряд придерживается этой практики [7]. Что касается определенного часа служений, а также вытеснений и замещений некоторых служб, то исторические сведения не дают возможности детально проследить, как проходил процесс складывания богослужения во времени. Предписания касательно утренней группы разнятся между следующими определениями: «в ночи», «при первом зове петуха», «перед восходом солнца». Дневной группы – «в полдень», «днем». Большинство предписаний, касающихся вечерней группы, сходятся на «десятом часу» [8].

Каждая из девяти служб суточного круга обращена к одному или нескольким лицам Святой Троицы и посвящена воспоминаниям о жизни Иисуса Христа. Ночная служба воспоминает Бога Отца. Утренняя служба – Сына Божьего, явившегося мироносицам. Служба восхода солнца воспоминает Духа Святого, воскресение Христово и Его явление ученикам. Служба 3 часа воспоминает вкушение праматери и освобождение человечества Христом:, а также сошествие Духа Святого. Служба 6 часа воспоминает Бога Отца, муки и распятие Сына Божьего. Служба 9 часа воспоминает Сына Божьего, его смерть и испускание его человеческого духа. Вечерняя служба воспоминает Сына Божьего, Его снятие с креста, покрытие плащаницей и погребение. Служба мирного часа воспоминает Духа Святого и Слово Божье, погребенное, сошедшее в ад и умиротворившее души. Служба часа покоя воспоминает Бога Отца, который в ночной мгле хранит нас в мире охраняющей десницей Единородного Сына.

2. Литургия: исторический очерк

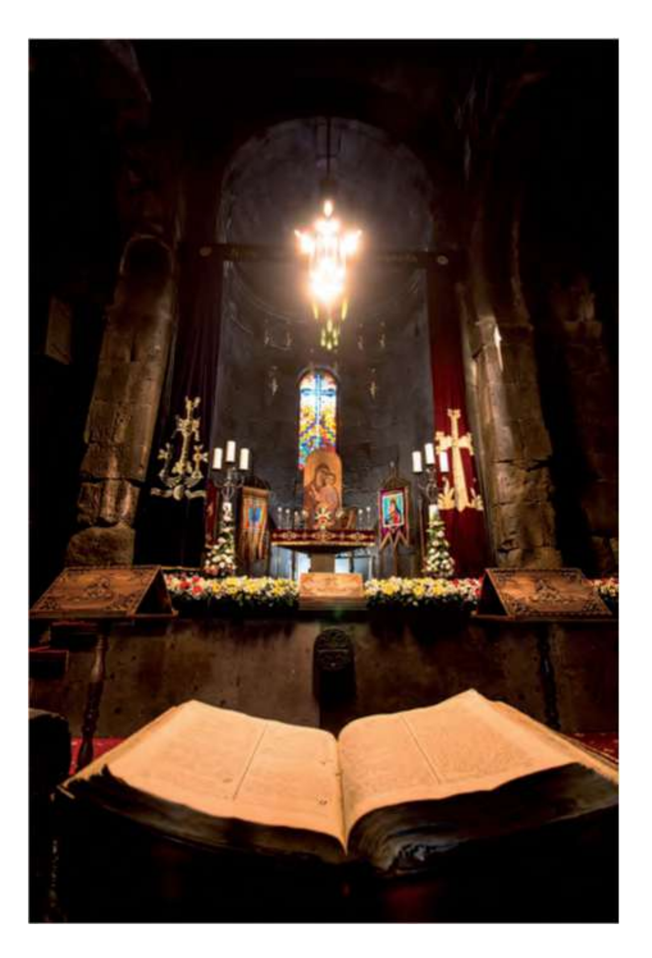
В армянском обряде есть около десяти анафор, тексты которых собраны и представлены на древнеармянском [9] в издании Катерджана [10]. Что касается рукописных источников, можно выделить два основных: лионская рукопись, датируемая 1314 годом, и мюнхенская, датируемая 1427–1432 годами и скопированная с рукописи 1288 года [11]. Основываясь на этих рукописях, можно выделить 9 армянских литургий.

Храм Святого Сергия в Ереване

- Древняя версия литургии Святого Василия Великого[12].
- Литургия святого Афанасия Великого [13].
- Литургия святого Кирилла Александрийского [14].
- Литургия святого Григория Богослова [15].
- Литургия святого Саака [16].
- Литургия святого Василия Великого [17].
- Литургия святого Иоанна Златоуста.
- Литургия святого Иакова [18].
- Литургия святого Игнатия Антиохийского.

Самая древняя из литургий – древняя версия литургии Святого Василия Великого, она датируется началом 5 века и является связующим звеном между александрийской [19] и византийской [20] версиями [21]. Именно её служили в Армянской церкви до 10 века и в дальнейшем заменили литургией святого Афанасия Великого, происхождение которой датируется 6 веком, древняя версия – X веком [22], устоявшаяся версия – XIII веком [23]. Вопрос о служении остальных литургий остаётся открытым. Три из них, святого Кирилла Александрийского, святого Григория Богослова и святого Саака, относятся к первому тысячелетию [24]. Остальные, византийская версия святого Василия Великого, литургии святого Иоанна Златоуста, святого Иакова и святого Игнатия Антиохийского, датируются XI–XII веками [25].

Храм Святого Креста в Апаране

3. Строение Литургии

Сегодня в Армянской Апостольской Православной Церкви под названием литургии Григория Просветителя служится литургия святого Афанасия Великого [26]. Она состоит из четырёх основных частей: 1) Приготовление; 2) Литургия оглашенных; 3) Литургия верных; 4) Отпуст.

Первая часть служит подготовкой к началу литургии, она включает: облачение священнослужителя в ризнице, его выход на солею, умывание рук и вход в алтарь [27]. В Армянской церкви алтарь возвышен и священник поднимается на алтарь. [28] Затем завеса алтаря задёргивается и начинается приготовление Святых Даров для Евхаристического служения [29].

Вторая часть, Литургия оглашенных, начинается с гимна каждения. Завеса алтаря раздвигается, священник спускается с алтаря, проходит через среднюю часть церкви и возвращается, поднимается на алтарь [30]. Поются тропарь и гимн по уставу [31]. Затем следует малый вход, когда торжественно вносится Евангелие и поётся Трисвятое [32]. Чтение писаний, предваряемое ектеньёй, включает Ветхий Завет (в основном из пророков), апостольские послания и Евангелие [33]. После чтений следует проповедь, хотя во многих храмах она переносится на Литургию верных и предваряет чтение молитвы «Отче наш», а то и вовсе произносится в конце богослужения. Завершается Литургия оглашенных чтением Символа веры и ектеньёй [34].

Литургия верных начинается с отпуста оглашенных и представления Святых Даров. Совершается Великий вход, во время которого поется Херувимская песнь и Святые Дары переносятся из дарохранительницы [35] на престол [36]. Затем следуют ектенья и пожелание мира, которое передаётся всем верующим с алтаря в солею, из солеи - в среднюю часть храма. Верующие приветствуют друг друга словами: «Христос посреди нас. Благословенно явление Христа». Затем начитается анафора, которая состоит из следующих разделов:

- Вводный диалог [38].
- Вступительная молитва (интродукссия): хваления и благодарения Отцу за творение и спасение [39].
- Гимн «Свят, Свят, Свят» : Серафимская песнь (санктус) [40].
- Молитва после гимна (постсанктус), вос-

поминающая в деталях историю спасения во Христе, особенно Тайную Вечерю [41].

- Установительные слова [42].
- Воспоминание (анамнесис) [43]: молитва, в которой звучит заповедь Иисуса о повторении обряда и говорится о его смерти, воскресении, вознесении и втором пришествии [44].
- Призвание Духа Святого (эпиклесис), содержащее прошение к Отцу о ниспослании Духа Святого на верующих и на хлеб и вино, чтобы преложить их в тело и кровь Христа для спасения принимающих их в причащении [45].
- Диптих и Ходатайство (интерцессия), содержащие молитвы за живых и мертвых [46].
- Заключительное славословие (доксология), на которое народ отвечает «Аминь» [47].

После анафоры читается «Отче наш», потом следует поклонение Святым Дарам и их возношение [48]. Затем хлеб, гостия [49], опускается в вино и преломляется [50]. Завеса алтаря задергивается и начинается подготовка к причастию. После того как завеса раздвигается, начинается таинство причащения [51].

После причастия завеса алтаря вновь закрывается, таинство причащения завершается и начинается заключительная часть евхаристического служения: отпуст [52].

Священник спускается с алтаря на солею и после молитвы читает заключительное Евангелие. Благословив верующих, он отпускает их. В конце службы верующим раздается освященный хлеб: «мас» [53].

4. Связь армянской Литургии с византийскими литургиями

Как можно было заметить из вышесказанного, строение армянской и византийских литургий святого Василия Великого и Иоанна Златоуста – идентично [54]. Это объясняется их исторической принадлежностью к единой антиохийской (западно-сирийской) литургической семье, объединяющей литургии антиохийского структурного типа: антиохийские, византийские, армянские и грузинские [55]. Армянская Литургия, как и византийские, состоит из четырех основных частей, самые древние из которых – Литургия оглашенных и Литургия верных. Основные различия в строении этих частей сводятся к следующему: 1) отсутствие в армянском обряде Заповедей блаженства и некоторых византийских литургических песнопений (чередующихся антифонов, гимнов «Достойно есть», «О тебе радуется») [56]; 2) отсутствие в византийском обряде чтений из Ветхого Завета; 3) различное месторасположение Символа Веры, который в армянской Литургии читается во время Литургии оглашённых, после чтений проповеди, тогда как в византийских - во время Литургии верных, после Великого входа и пожелания мира.

Что касается месторасположения Символа веры, нам кажется, что армянская Литургия представляет более древнюю структуру. Например, в древних текстах таинств, таких как Крещение, Символ веры читается в подготовительной части таинства, до входа оглашенного в церковь или до его выхода на солею, в любом случае – до крещения [57]. Во время Евхаристического служения именно Литургия оглашенных служит подготовкой к участию в Литургии верных, включающей таинство Причащения. Также интересно, что мы находим отголоски логичной структурной принадлежности Символа веры к Литургии оглашенных в самом древнем тексте обряда утверждения Ветхого Завета: Исход 24, 1-11 [58]. Экзегетический анализ данного отрывка помогает нам выявить следующую структуру:

Обряд утверждения Завета (Ис 24, 6-8).

1. Приготовление даров (ст. 6).
2. Чтение книги Завета (ст. 7).
3. Согласие народа (ст. 7).
4. Утверждение Завета (ст. 8).

Этот обряд является прототипом еврейской литургии, которая является основой христианского Евхаристического служения:

Исход 24, 1-11	Еврейский обряд	Евхаристическое служение
Приготовление даров	Храмовый обряд	Проскомидия
Чтение книги Завета	Синагогальный обряд	Литургия оглашенных
Согласие народа	Синагогальный обряд	Символ веры
Обряд утверждения Завета	Храмовый обряд	Литургия верных
Обрядовое вкушение	Семейный обряд	Причастие

Что касается византийского обряда чтения Символа веры во время Литургии верных, после Великого Входа и перед Святыми Дарами, оно предполагает участие только крещеных и больше подчеркивает их избранность или конфессиональную принадлежность. Такое мышление, как нам кажется, присуще более поздней византийской эпохе.

Следующее структурное отличие между литургиями армянского и византийских обрядов – чтение в армянской Литургии ветхозаветных текстов, в частности пророков [59]. Этот элемент подчеркивает ветхозаветную перспективу Евхаристического служения. Такая акцентуация присуща ранней Церкви и восточно-сирийской традиции. Мы находим ее, например, в Учении Двенадцати Апостолов [60], в анафоре Апостолов Адаи и Мари [61]. Отсутствие ветхозаветных чтений в византийской Литургии свидетельствует о новозаветном мышлении, основанном на греческой культуре.

Что касается отсутствия в армянском обряде Заповедей блаженства и некоторых византийских литургических песнопений, таких как чередующихся антифонов, гимнов «Достойно есть», «О тебе радуется», то они отсутствуют в древних литургических текстах и являются нововведением и особенностью, которые подчеркивают христианское новозаветное мышление византийской Литургии.

Таким образом, мы можем заключить, что по сравнению с византийскими, строение и мышление армянской Литургии в её древних частях [62] более архаично, с выраженной ветхозаветной направленностью, тогда как византийские литургии представляют ясно и четко очерченное христианское новозаветное мышление.

Нам хотелось бы завершить наше исследование констатацией единства богословской направленности Евхаристического служения армянского и византийского обрядов. В обеих традициях Литургия совершается перед лицом Святой Троицы народом Божьим при предстоятельстве священнослужителя. Во время Литургии, через призвание Духа Святого на «нас» и на дары [63], хлеб и вино становятся пречистым телом и пречистой кровью Христовой, которым причащаются крещеные миряне, духовенство и церковнослужители. Причащаются во искупление и оставление грехов, становясь Храмом Святым, в котором прославляется Пресвятая Троица, которой во веки веков подобает слава, сила и честь [64].

Светлая Седмица 2017 года, Эчмиадзин

DAILY CIRCLE OF THE ARMENIAN APOSTOLIC CHURCH: STRUCTURE OF ITS LITURGIES AND CONNECTION WITH THE BYZANTINE LITURGIES

Литература

1. Службы цитируются на основе *Жамагирк'* (Часослова) Армянской церкви = *Ժամագիրք* Առնին, Иерусалим, 1915.

2. Ацуни датирует их IV–V веками от Р.Х.. К этому списку он прибавляет также ночную службу. *Ацуни* = Հացունի Վ., *Պատմութիւն Հայոց աղօթամատոյցին*, Эчмиадзин, 2015. С. 204.

3. Ацуни (с. 244) датирует службы восхода солнца и службу мирного часа VI-VIII веками.

4. Ацуни датирует ее происхождение XIV веком, а присоединение к суточному кругу XVI веком. См.: Ацуни. Указ. соч. С. 37–38.

5. Ацуни отмечает период до IX века. См.: *Ацуни*. Указ. соч. 55–56.

6. *Ацуни*. Указ. соч. С. 56–57.

7. В приходской практике служатся в основном утренняя и вечерняя группы.

8. Литургию или так называемую «Обеденную службу» предписано служить после службы 6-го часа.

9. Древнеармянский язык называется «грабар».

10.*CatergianY. Die Liturgien bei den Armeniern, Funfzehn Texte und Untersuchungen*. herausgegeben von P. J. Dashian. Wien, 1897.

11. О рукописях см.: *Renoux C.* «L'anaphore arménienne de saint Grégoire », dans *Eucharisties d'Orient et Occident*, t. 2, 1970, Cerf, Paris, p. 85. (LO, 47).

12. Древнеармянская версия литургии Святого Василия Великого представлена Рену. *Renoux C.* «L'anaphore arménienne de saint Grégoire ». P. 88–102. Про древнеармянскую версию смотри также *Haroutiounian-Thomas G.* «Les fondements bibliques de la vieille anaphore arménienne de saint Basile : l'aspect christologique », dans *La Liturgie interprète de l'Ecriture. Conférences Saint-Serge XLVIIIe Semaine d'Etudes Liturgiques, Paris - 2002*, vol. II, éd. A. M. Triacca, A. Pistoia, Rome : Edizioni Liturgiche, 2003, p. 65–76. (BEL.S 126)

13. Истории этой литургии посвящено исследование Ганса Фёлнера. см.: *Feulner H.-J. Die armeniche Athanasius- anaphora.* Rome, 2001, (OA 1). Французский перевод и исследование христологии этой литургии см.: *Haroutiounian* G., *Christologie des anciennes anaphores arméniennes.* thèse de doctorat. Paris - Sorbonne, 2007. P. 50–54, 191–204.

14. Критическое издание текста. французский перевод и исследование его христологии в *Haroutiounian G. Christologie des anciennes anaphores arméniennes,* Pp. 34–42, 66–70. 165–190.

15. Критическое издание текста. французский перевод и исследование его христологии в *Haroutiounian G. Christologie des anciennes anaphores arméniennes,* Pp. 16–23, 55–59. 105–136.

16. Критическое издание текста. французский перевод и исследование его христологии в *Haroutiounian G. Christologie des anciennes anaphores arméniennes,* Pp. 24–33, 60–65. 139–164; *Winkler G.* Die armenische Liturgie des Sahak. Edition des Cod. arm 17 Lyon, Übersetzung und Vergleich mit der armenischen Basilius-Anaphora... , Rome : PIO, 2011. (AO 3. AA 3).

17. Истории этой литургии посвящено исследование Габриэль Винклер. См.: *Winkler G. Die Basilius-Anaphora.* Edition der beiden armenischen Redaktionen und der relevanten Fragmente. Übersetzung und Zusammenschau aller Versionen im Licht der orientalischen Überlieferungen. Rome : PIO, 2005. (AO 2. AA 2). Французский перевод и исследование христологии этой литургии См.: *Haroutiounian G.., Christologie des anciennes anaphores arméniennes.* Pp. 45–49, 75–104.

18. *Winkler G. Die Jacobus-Liturgie in ihren Überlieferungssträngen, Edition des Cod. arm 17 Lyon, Übersetzung und Liturgievergleich,* Rome : PIO, 2013. (AO 4. AA 4).

19. *Doresse J. – Lanne E.* Un témoin archaïque de la liturgie copte de Saint *Basile*, Bibliothèque du Muséon. vol. 47, Louvain. 1960.

20. *Parenti S. – Velkovska E. L'Eucologio Barberini Gr.* 336, Rome, 2000. (BEL.S 80)

21. *Renoux C.* « L'anaphore arménienne de saint Grégoire ». P. 83–84.

22. *Cowe P. Commentary on the Divine Liturgy by Xosrov Anjewac'i.* New-York, 1991. Французский перевод и исследование христологии этой литургии См.: *Haroutiounian G... Christologie des anciennes anaphores arméniennes.* Pp. 50–54. 191–204.

23. О датированке этого текста См.: *Feulner H.-J. Die armeniche Athanasius-anaphora.* P. 459–600.

24.Фёлнер и Арутюнян датируют эти тексты 6 веком. *Feulner H.-J. Die armeniche Athanasius-anaphora.* P. 459- 600.

60. *Haroutiounian G. Christologie des anciennes anaphores arméniennes.* P. 205–206 .

25. *Feulner H.-J. Die armeniche Athanasius-anaphora.* P. 458–459.

26. *Nersoyan T.* Divine Liturgy of the Armenian Apostolic Orthodox Church with Variables, Complete Rubrics and Commentary. Londres. 1984.

27. В Армянской церкви алтарь возвышен и священник поднимается на алтарь.

28. *Nersoyan T.* Указ. соч. С. 16–31.

29. *Nersoyan T.* Указ. соч. С. 30–41.

30. *Nersoyan T.* Указ. соч. С. 40–43.

31. *Nersoyan T.* Указ. соч. С. 44–47.

32. *Nersoyan T.* Указ. соч. С. 46–49.

33. Этот порядок учреждает 6 канон второго Двинского собора (555). *Канонагирк' Найоц.* Ереван, 1964. P. 480.

34. *Nersoyan T. Divine Liturgy...* P. 56–61.

35. «Жертвенник» в византийском обряде.

36. *Nersoyan T. Указ. соч. С.* 62–67.

37. *Nersoyan T.* Указ. соч. С. 66–71.

38. *Nersoyan T.* Указ. соч. С. 70–73.

39. *Nersoyan T. Указ. соч. С.* 72–73.

40. *Nersoyan T.* Указ. соч. С. 74–75.

41. *Nersoyan T. Указ. соч. С.* 74–75.

42. *Nersoyan T.* Указ. соч. С. 74–77.

43. *Nersoyan T. Указ. соч. С.* 76–77.

44. О молитве Анамнесис в различных антиохийских анафорах. в том числе армянских и византийских. смотри *Haroutiounian-Thomas G.* «L'anamnèse et l'histoire du salut dans la famille syrienne occidentale». dans *Mélanges George Wagner*, Paris, Presses Saint-Serge, 2005. P. 1136–126.

45. *Nersoyan T. Divine Liturgy...* P. 78–81.

46. *Nersoyan T.* Указ. соч. С. 80–87.

47. *Nersoyan T. Указ. соч. С.* 86–87.

48. *Nersoyan T.* Указ. соч. С. 88–93.

49. Гостия – опреснок круглой формы, выпеченный из пресного теста, с рельефным изображением, в основном, распятия.

50. *Nersoyan T. Divine Liturgy*... P. 94–95.

51.Таинство причащения состоит из трех основных частей: подготовительной молитвы, причащения и благодарственной молитвы. См. : *Nersoyan T.* Указ. соч. С. 96–105.

52. *Nersoyan T.* Указ. соч. С. 104–113.

53. Антидор в византийском обряде.

54. Византийские литургии святого Василия Великого и святого Иоанна Златоуста состоят из трех основных частей: Проскомидии, Литургии оглашенных и Литургии верных. Заканчиваются они отпустом. Проскомидия включает облачение священника и приготовление даров на жертвеннике. Литургия оглашенных, в общих чертах, имеет следующую структуру: ектенья, антифоны, гимн Единородный Сын, Заповеди блаженства, Малый вход, тропарь по уставу, Трисвятое, чтения, проповедь, ектенья, отпуст оглашённых. Структура Литургии верных следующая: благодарение и славословие, ектенья, Херувимская, Великий вход, пожелание мира, Символ веры, анафора, ектиния, «Отче Наш», причащение, благодарственная молитва, отпуст. См.: *Служебник*, Московская Патриархия, Москва, 2001.

55. О литургических структурных типах См.: *Baumstark A. Liturgie comparée. Principes et méthodes pour l'étude historique des liturgies chrétiennes,* 3-e éd. (revue par B. Botte), Chevetogne : Editions de Chevetogne, 1953; *Bradshaw P., La Liturgie chrétienne en ses origines : sources et méthodes*, Liturgie 5, Paris, Cerf, 1995; *Bouyer L., Eucharistie : théologie et spiritualité de la prière eucharistique.* Paris : Desclée, 1968, 1990; Cerf, 2009.

56. Другие гимны византийской литургии, такие как «Единородный Сын», «Херувимская», «Серафимская», «Трисвятое», входят в структуру армянской Литургии.

57. *Renoux A.* (Ch.), *Initiation chrétienne. I. Rituels arméniens du baptême,* Paris, Cerf, 1997, 76–87.

оглашенных 58. *Haroutiounian G.* «Exode 24, 24–11: le récit le plus ancien de la conclusion de l'Ancienne Alliance », *в Воскан Ереванци 350,* Эчмиадзин, 2018, С. 193–199. Доклад *«Исход 24, 1–1: древнейший текст утверждения ветхого Завета»*, представлен нами в октябре 2016 года в Эчмиадзине на международной конференции, посвященной 350– летию печатного издания армянской Библии.

59. В армянской Литургии чтения из Ветхого Завета упоминаются с 6 века. См. 6 канон второго Двинского собора (555) в *Канонагирк' Найоц*. P. 480.

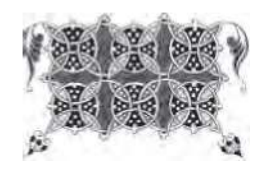
60. *La Doctrine des douze apôtres (Didachè)*, éd. W. Rordorf, A. Tuilier, Paris, Cerf, 1998. (SC 248 bis).

61. Botte B. «Problèmes de l'anaphore syrienne des apôtres Addaï et Mari », dans *L'Orient Syrien*, 1965, P. 89–106. (vol. X, fas. 1).

62. Таких как Литургия оглашенных и Литургия верных.

63. *Nersoyan T. Divine Liturgy*... P. 78.

64. *Nersoyan T.* Указ. соч. С. 96–98.

DOI: https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.98.8.097

АРМЯНСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ АРХИТЕКТУРА КАК ОТРАЖЕНИЕ АРМЯНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. НА ПРИМЕРЕ ХРАМОВ ЗВАРТНОЦ И ЦЕРКВИ СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Научная статья

Шлект Э.[1], Коцюбинский Д. А.[2,] *

[1] Институт Гарримана, Колумбийский университет, Нью-Йорк, США;

[2] СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (kd1965[at]yandex.ru)

Аннотация

До сих пор исследователи не уделяли должного внимания осмыслению темы истоков армянской церковной архитектуры в контексте влияния на нее со стороны архитектурных традиций соседних цивилизаций. В этой связи представляется необходимым исследовать истоки армянского храмового канона на примере храма Звартноц, построенного в середине VII в. н.э., когда Армения являлась объектом военного и политического противоборства между Византией и Персией. Ученые высказывали диаметрально противоположные точки зрения относительно того, под архитектурным влиянием какой из двух вышеупомянутых держав был создан храм. Так, У. Юджин Кляйнбауэр основным считает персидское влияние на армянский храм, в тот время как К. Маранчи полагает осовополагающим византийское влияние. В настоящей статье утверждается, что влияние на архитектурную концепцию Звартноца оказали обе культуры и что отражение в облике этого храма культурного воздействия обеих сторон конфликта имело целью попытаться защитить Армению от одностороннего политического господства, сохранив за ней нейтральный, а значит, и независимый статус. Оформившийся в результате стиль стал определяющей характеристикой армянской культуры и, в частности, отразился в архитектурной концепции армянской церкви Святой Екатерины в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: архитектурная политика, армянская архитектура, Звартноц, армянская диаспора, церковь Святой Екатерины в Санкт-Петербурге.

ARMENIAN CHURCH ARCHITECTURE AS A REFLECTION OF THE ARMENIAN NATIONAL IDENTITY ON THE EXAMPLE OF ZVARTNOTS CATHEDRAL AND ST. CATHERINE'S CHURCH IN ST. PETERSBURG

Research article

Shlekt E.[1], Kotsyubinsky D. A.[2,] *

[1] The Harriman Institute at Columbia University, New York, USA;

[2] Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

* Corresponding author (kd1965[at]yandex.ru)

Abstract

Until now, the researchers have not paid due attention to the understanding of such topic as the origins of Armenian church architecture and the influence of architectural traditions of neighboring civilizations on it. In this regard, it is necessary to study the origins of the Armenian temple canon on the example of the Zvartnots cathedral, which was built in the middle of VII c. A.D., when Armenia was the object of military and political confrontation between Byzantium and Persia. The scholars have expressed opposed points of views on the architecture of which country has influenced the cathedral's style. U. Eugene Kleinbauer thinks that Persian influence on the Armenian Church was stronger at that time, while K. Maranchi, on the other hand, considers that Byzantine influence was the leading one. In this article, the authors claim that the architectural concept of Zvartnots was influenced by both cultures and that the image of this cathedral reflects the cultural influence of both sides of the conflict, who were trying to protect Armenia from unilateral political domination. That, consequently, preserved Armenia's neutral status. The resulting style became a defining characteristic of the Armenian culture and was reflected in the architectural concept of the Armenian Saint Catherine's Church in Saint Petersburg.

Keywords: architectural policy, Armenian architecture, Zvartnots, Armenian Diaspora, St. Catherine's Church in St. Petersburg.

Армянский стиль церковной архитектуры — предельно когерентный и обладающий четким набором форм, устоявшихся ещё в глубокой древности. Такие церкви, как, например, церковь VII в. Святой Рипсимэ в Вагаршапате *(рис. 1)*, являвшиеся своего рода каноном для армянской церковной архитектуры в первые годы армянского христианства, по сути остаются таковым же и сегодня [1]. Крестообразная, центрально спланированная конструкция, бесстолпное внутреннее пространство (образованное перекрытыми пересекающимися арками), декоративные углубления, использование арок в качестве орнамента и конический купол на оконном барабане — все эти элементы стали «товарными знаками» армянского архитектурного стиля. Несмотря на фактор распространенности армянской диаспоры по всему миру, а также ассимиляции её в различных обществах, армянские общины, создавая церкви, продолжают воспроизводить данные элементы, ориентируясь на самые древние образцы армянского церковного строительства. Таким образом, есть все основания говорить о самостоятельном армянском стиле храмового зодчества.

Рис. 1 – Церковь Святой Рипсиме, Вагаршапат (Эчмиадзин), Армения.
Фотография Трэвиса К. Витта, Wikimedia Commons, 2011, CC BY-SA 3.0.

Тем не менее, изучению исторических корней этого архитектурного стиля, как представляется, было уделено недостаточно внимания. Авторы большинства исследований, касающихся истории армянской храмовой традиции, имплицитно предполагают, что этот стиль сразу появился на свет «взрослым», как Афина из головы Зевса. Но стили в искусстве и архитектуре, как известно, не рождаются «из ниоткуда». И здесь стоит вспомнить, что с самых первый веков своей истории Великая Армения находилась на границе между восточным и западным мирами. Это хрупкое и нестабильное геополитическое пространство являлось (и во многом остается по сей день) точкой активного межцивилизационного культурного обмена и взаимодействия [2, с. xii]. При этом одновременное влияние как Востока, так и Запада изначально проявлялось в структуре армянской национальной идентичности практически во всех сферах, начиная от создания рукописей — и до производства текстиля [3]. Логично в этой связи предположить, что и в армянской архитектуре имело место влияние со стороны как Востока, так и Запада.

Храм Звартноц был построен в середине 600-х годов н.э. в Вагаршапате под покровительством Нерсеса III «Строителя», бывшего католикосом Великой Армении с 641 по 661 год н.э. [4, с. 245-47]; [2, с. 111-12]. Вопреки тому, что точные даты строительства храма неизвестны, следует предположить, что он был заложен в первоначальный период правления Нерсеса в качестве католикоса, возможно, около 650 г. н.э.: если бы строительство началось позже, маловероятно, чтобы оно было бы успешно завершено, так как в последние годы своего правления Нерсес III утратил поддержку со стороны армянской религиозной общины [4, с. 246; 2, с. xxxix, 140].

Посвященный небесному воинству, приветствовавшему святого Григория Просветителя после его обращения в христианство, Звартноц по сей день остаётся в значительной мере загадкой для исследователей армянской архитектурной традиции [4, с. 247]. Дело в том, что археолог-любитель Хачик Дадян, который получил разрешение от Петербургской археологической комиссии на раскопки в 1900 г. и приступил к исследованию храма, в процессе раскопок непоправимо повредил фасад [5]. Вследствие этого в первой надёжной научной работе, посвящённой архитектурному облику Звартноца, которая была опубликована Месропом Тер-Мовсисяном в 7-м томе «Известий Императорской археологической комиссии» в 1903 г., анализ был ограничен документированием истории католикосата Эчмиадзина, оценкой найденных археологических фрагментов и словесной реконструкцией плана храма [6]. И, несмотря на то, что в дальнейшем к раскопкам подключились профессиональные археологи и реставраторы, на сегодня в полной мере реконструировать точный дизайн храма, к сожалению, невозможно [7, с. 76-79, 84].

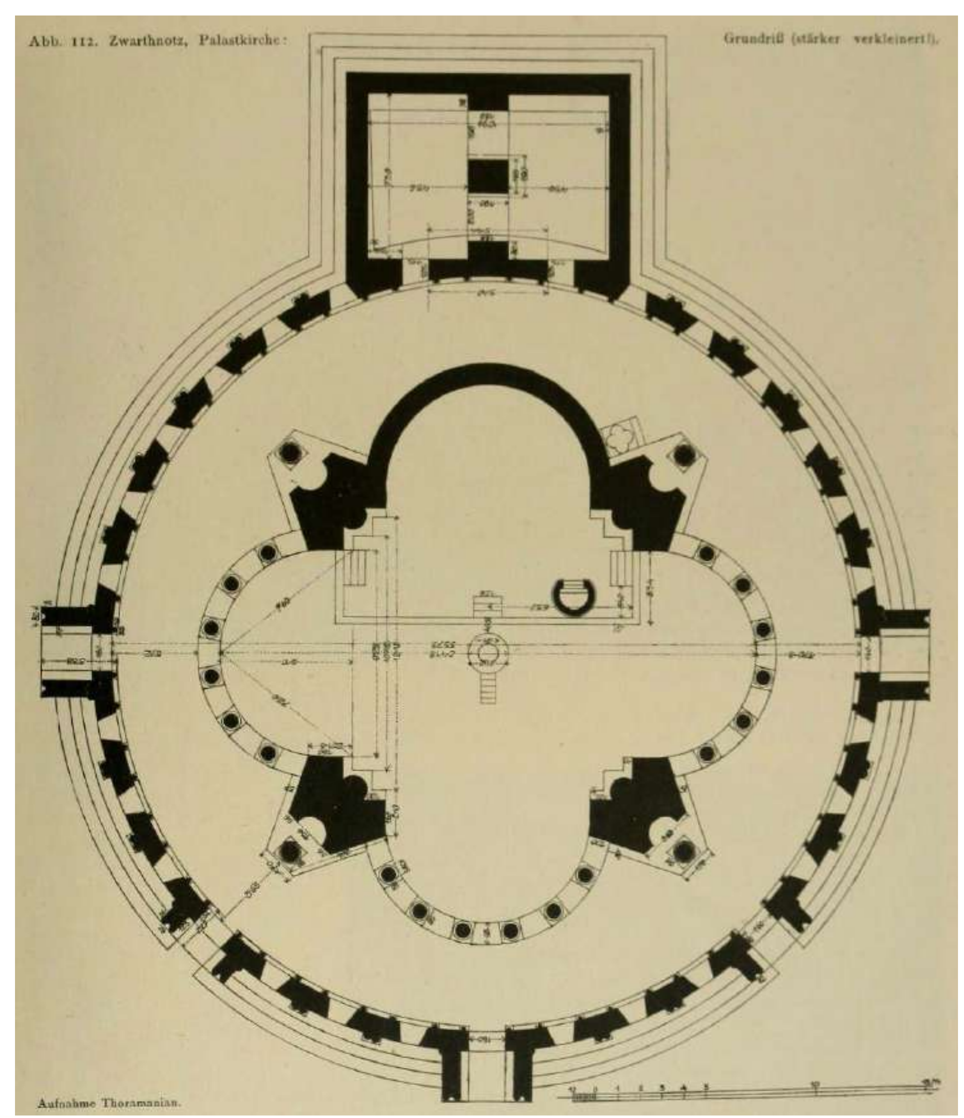

Рис. 2 – План Т. Тораманяна первого этажа храма Звартноц
В Die Baukunst der Armenier und Europa, Я. Стшиговский [Вена: 1918], с. 113, рис. 112.

В то же время кое-что об архитектуре Звартноца *(*рис. 2*)* нам известно достоверно. Он был построен из местного вулканического туфа и стоял на ступенчатом стилобате [8, с. 115, рис. 112]. Наружные стены представляли собой 32-сторонний многоугольник с выступающей на восточной части храма прямоугольной камерой. Этим многоугольником был окружен четырехлистник (тетраконх), образованный тремя колоннообразными экседрами и одной сплошной апсидальной стеной на востоке. Перед сплошной стеной находилось алтарное пространство. Каждая экседра была соединена со следующими большими опорами, украшенными с внешней стороны отдельно поставленными колоннами с капителями в виде орла. По окружности между четырехлистником и внешними стенами располагалась галерея. Такой план носит название «проходной тетраконх» и в чистом виде в армянской архитектуре встречается очень редко. Из-за того, что фрагменты храма оказались сильно повреждены, точный дизайн верхних ярусов строения на сегодня неизвестен. В то же время, опираясь на образцы фасадов известных на сегодня тетраконхов, сохранившихся в кавказском регионе, а также на материалы изучения планировки и руин Звартноца, ученые осуществили предположительную реконструкцию храма [4, с. 250-53].

Существуют споры относительно того, сколько было верхних ярусов — два или три. Согласно наиболее утвердившейся в науке гипотезе Тороса Тораманяна –архитектора, привлечённого Тер-Мовсисяном в 1904 году для создания возможно достоверных реконструкций плана и фасада храма – храм являлся трехъярусным *(рис. 3),* с верхним остроконечным куполом, опиравшимся на барабан третьего яруса (рис. 3) [7, с. 76, 80]; [9, с. 117, рис. 119; 4, с. 84]. Термин «ярус» предпочтительнее термина «этаж», поскольку верхние уровни здания в основном являлись нефункциональными — не будучи этажами, они просто добавляли внутреннему пространству такие эстетические параметры, как высота, декорум и освещенность [7, с. 93]; [4, с. 245].

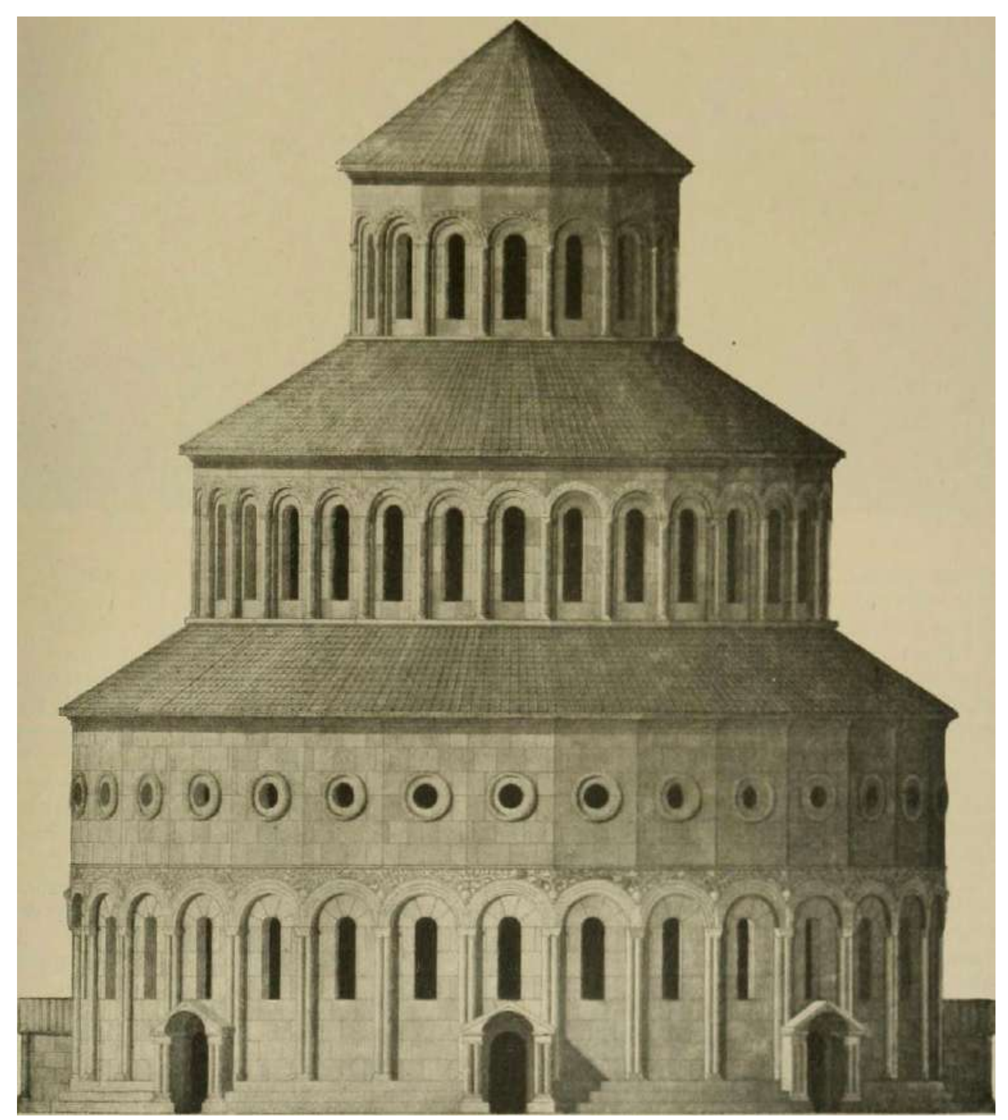

Рис. 3 – Реконструкция Т. Тораманяна фасада Звартноца
В Die Baukunst der Armenier und Europa, Я. Стшиговский [Вена: 1918], с. 117, рис. 119.

Несмотря на достижение определенного консенсуса в отношении реконструкции внешнего вида храма, вопрос о культурных влияниях на его дизайн и архитектуру по-прежнему остается дискуссионным. Первые научные работы, посвященные анализу реконструкции плана и фасада, произведённому Торосом Тораманяном, касались, в основном, проблемы точности указанного анализа. Исключением стала работа Йозефа Стшиговского «Die Baukunst der Armenier und Europa», в которой впервые был рассмотрен вопрос о влиянии армянской архитектуры на византийскую, а затем и романскую архитектуру [10]. Однако архитектурные истоки конкретно храма Звартноц в этой работе не анализировалось. Впервые данный вопрос был – хотя и далеко небесспорно – рассмотрен Степаном Мнацакяном в его книге «Звартноц. Памятник армянского зодчества» 1971 года. В ней автор выдвинул идею спонтанного генезиса армянского канона, изолированного от всех внешних воздействий, несмотря на тесные отношения между Арменией и соседними империями. На спорность этого тезиса (помимо других существенных ошибок) обратил внимание Анатолий Якобсон в обзоре работы Мнацаканяна, опубликованном в 1972 году [11]. Первый всеобъемлющий англоязычный анализ дизайна храма Звартноц и его политической подоплёки был опубликован в 1972 г. В. Юджином Кляйнбауэром [4]. К этому времени в литературе уже был достигнут консенсус относительно вероятной структуры храма, что позволило провести более полноценное обсуждение проблемы внешних влияний на его дизайн. Утверждение Кляйнбауэра о исключительно персидском влиянии на внешний вид Звартноца оставалось без возражений и комментариев почти тридцать лет, вплоть до появления работ Кристины Маранчи в 2001 и 2014 годах, где была выдвинута альтернативная гипотеза – об исключительно византийском влиянии [4], [12], [7].

В целом, несмотря на наличие вышеупомянутых работ, тема архитектурной коонцепиции Звартноца, включая фактор внешних влияний на его дизайн, остаётся в полной мере не раскрытой и нуждается в комплексном анализе.

В статье У. Юджина Кляйнбауэра «Звартноц и истоки христианской архитектуры в Армении» утверждается, что на необычный план храма повлияла традиция строительства тетраконхов в Сирии и Месопотамии, то есть в зоне персидского влияния той эпохи. Автор категорически отрицает любое возможное влияние со стороны традиции западных (византийских и римских) тетраконхов, а равно сам факт знакомства армянских строителей с указанными традициями. Согласно Кляйнбауэру, Звартноц «цитирует» тетраконхи Босры, Русафы и Алеппо (в современной Сирии), Селевкии Пиерии (в Турции) и Лекита (в Азербайджане) [4, с. 256-60]. Отвергая возможность византийского влияния, Кляйнбауэр признаёт лишь, что, помимо восточных тетраконхов, на Звартноц оказала влияние также архитектурная традиция зороастрийских огнепоклоннических храмов [4, с. 261].

В то же время Кристина Маранчи в своем исследовании отрицает возможность какого-либо персидского влияния на архитектуру Звартноца и утверждает, что на неё повлиял фасадных орнамент византийских строений. В качестве примеров она приводит такие тетраконхи, как собор Сан-Витале-ди-Равенна, а также Собор Святой Софии и Библиотеку Адриана в Афинах. Убежденная в том, что Нерсес решил построить Звартноц в «западном» стиле, Маранчи рассматривает это как политический шаг католикоса, нацеленный на снижение религиозной напряженности в византийской армии между византийскими и армянскими солдатами.

Стоит напомнить, что византийцы, являясь приверженцами православия, считали адептов монофизитской армянской апостольской веры еретиками из-за Халкидонского раскола 451 года. Майкл Гудиер пишет об этом так: «Четвертый Вселенский Собор решил, что у Христа было две разные природы – человеческая и божественная, полностью сливающиеся в ипостаси, ни превосходящие, ни низшие друг по отношению к другу. Естественно, любая точка зрения, отличная от этой, считалась еретической. Решение вызвало большое возмущение в восточных провинциях Византийской империи, где многие местные жители исповедовали христологическую позицию монофизитизма… Монофизиты верят, что у Христа есть одна природа, где божественное и человеческое слито полностью. Среди этих несогласных были армяне» [13].

Это напряжение ничуть не становилось меньшим даже в ситуации, когда византийская армия воевала с Сасанидской империей и когда Великая Армения, в свою очередь, являлась одним из главных объектов соперничества между обеими державами – и когда был задуман и возведен Звартноц [2, с. xviii]. По мнению Маранчи, католикос Нерсес, дабы ослабить подозрения византийцев в том, что армяне сочувствовали персидскому Востоку, решил ориентироваться в дизайне храма на византийскую архитектурную традицию, стремясь, как полагает Маранчи, таким образом подчеркнуть лояльность Армянской Церкви (как самого здания церкви, так и Церкви в целом) императору Константу II и Византии как таковой [12, с. 105-8].

Сразу стоит отметить, что столь полярные суждения, как те, что выдвинули Кляйнбауэр с одной стороны и Маранчи с другой, вызывают априорные подозрения в односторонности, игнорирующей историческую реальность, которая была противоречивой и подталкивала армянского правителя к тому, чтобы учитывать архитектурно-культурные влияния сразу обеих противоборствовавших держав.

Развитие армянского народа в рассматриваемый период происходило под мощным военно-культурным воздействием со стороны Запада (римлян, византийцев) и Востока (персов, арабов). Территория современной Армении, наряду со всем Закавказским регионом, в классическую древность формировала северо-западное плечо Персидской империи под властью Ахеменидов, парфян и, наконец, Сасанидов. Однако близость этого региона к Византии сделала его предметом частых территориальных споров и жестоких конфликтов между двумя империями, а равно между каждой из них – и армянскими правителями.

Наконец, в 387 г. н.э. Армения была разделена между Византийской и Сасанидской империями, хотя и неравномерно: византийцы получали лишь около четверти всей территории Армении. Раздел 387 был исключительным в том смысле, что обеспечил мирное сосуществование двух империй в течение более столетия. Однако мир был прерван действиями шахиншаха Кавада I (правил в 488 — 496 и 499 — 531 гг.), который возглавил Сасанидскую империю после поражения, нанесённого ей эфталитами, и решил вернуть ей жизнь путем новых завоеваний, в частности, на территории Византии. Пройдя в Византию через территорию Армению, Кавад захватил город Амида, который вновь вернулся под византийский контроль лишь после двух лет войны и существенной финансовой компенсации.

Это была первая в серии из шести войн между Сасанидской и Византийской империями, причём каждая использовала Армению как поле битвы.

Принятие Арменией в начале IV в. христианства лишь усилило этот конфликт. Поскольку армяне являлись христианами, Византийская империя видела в этом обстоятельстве возможность «оторвать» эту стратегически ценную территорию от Сасанидской империи, приверженной зороастризму. В свою очередь, Сасаниды осознали эту уязвимость и ещё больше сплотились для защиты территории Армении от византийской экспансии. С конца VI в. византийские императоры брали под контроль всё новые армянские территории, постепенно превратив Армению в де-факто вассальное государство. В 630-е годы империя Сасанидов была разгромлена арабскими халифами, которые в 645 году атаковали непосредственно территорию Армении, большая ее часть перешла под власть халифов. Во время войн между халифами и византийскими императорами Армения оставалась территорий, которую оспаривали обе стороны и которая управлялась частью византийскими, частью арабскими наместниками.

Именно в этот драматичный период, когда архитектурное влияние Сасанидской империи на Армению ещё не успело угаснуть, а влияние Византии продолжало оставаться актуальным, был построен Звартноц.

Главной целью армянского народа и его правителей в тот период было сохранить свой территориальный суверенитет, балансируя между более могущественными в военно-техническом отношении цивилизациями [12, с. 106]. Как можно предположить, в этой ситуации католикос – перед глазами которого разворачивался конфликт с неясным исходом примерно равных по силе держав (сперва Империи Сасанидов, затем сменившего её Халифата) – решил построить храм с привлечением архитектурных элементов обеих враждующих сторон, чтобы таким образом снискать потенциальную благосклонность любой из них. В этих условиях вероятность сохранения армянской внутренней автономии под властью любой из упомянутых империй — возрастала [14, с. 36]. Так в архитектурной концепции Звартноца произошло слияние элементов византийской и персидской (периода заката Империи Сасанидов и самого начала господства Халифата) архитектурных традиций. Здесь следует подчеркнуть, что, хотя арабы принесли на персидскую территорию новую религию – ислам, мощное культурное влияние традиционной персидской культуры, обогащённой элементами эллинизма – в том числе в сфере архитектуры – в рассматриваемый период не исчезло и продолжало существовать.

Представляется целесообразным детально рассмотреть элементы влияния на архитектуру Звартноца как византийской, так и персидской сторон.

Прежде всего, следует отметить, что тетраконх является архитектурным концептом с прочными корнями в архитектурной традиции Византии. Это хорошо видно, в частности, на примерах библиотеки Адриана в Афинах, а также Сирийской церкви в Апамее. На территории Библиотека Адриана, построенной во II веке н.э., в дальнейшем, в византийскую эпоху, были воздвигнуты несколько церквей [15]. Первым таким проектом, относящимся к VI в., стала церковь в форме тетраконха во дворе бывшей библиотеки. Само здание не сохранилось, однако фундамент остался, и он отчетливо раскрывает план бывшей церкви, построенной в виде четырехлистника [15]. Церковь в Апамее из-за произошедших разрушений не так отчетливо раскрывает свою планировку, как предыдущая. Однако форма церкви в виде тетраконха всё же проступает в сохранившихся оригинальных частях внешних стен, а также наглядно видна после современных реставрационных работ, успешно проведённых благодаря математическим расчётам, сделанным на базе сохранившихся сегментов стены [12, с. 116-17].

Популярность тетраконха в византийской архитектуре неоспорима — византийские сооружения с этим типом планировки варьируются от церквей и библиотек — до бань [12, с. 116]; [16, с. 405-35].

Тем не менее, нельзя сбрасывать со счетов фактор влияния на общую стилистику Звартноца со стороны зороастрийских храмов огня: близость Большой Армении к Сасанидской империи открывала для армянских архитекторов возможность заимствований из персидского стиля зороастрийской архитектуры, некоторые элементы которого находят параллели в армянском архитектурном стиле [14, с. 36]; [4, с. 261].

Например, ранний сасанидский зороастрийский огненный храм в Ниасаре (рис. 4) представляет собой куполообразную постройку центрального плана с четким разграничением функциональных пространств за счет использования арочных, а также квазиапсидных пространств и опор [17], [18]. Между планами наиболее известных примеров армянской церковной архитектуры — таких, как церковь Святой Рипсимэ в Вагаршапате и Звартноц – и «центрированным» планом храма в Ниасаре прослеживаются четкие параллели.

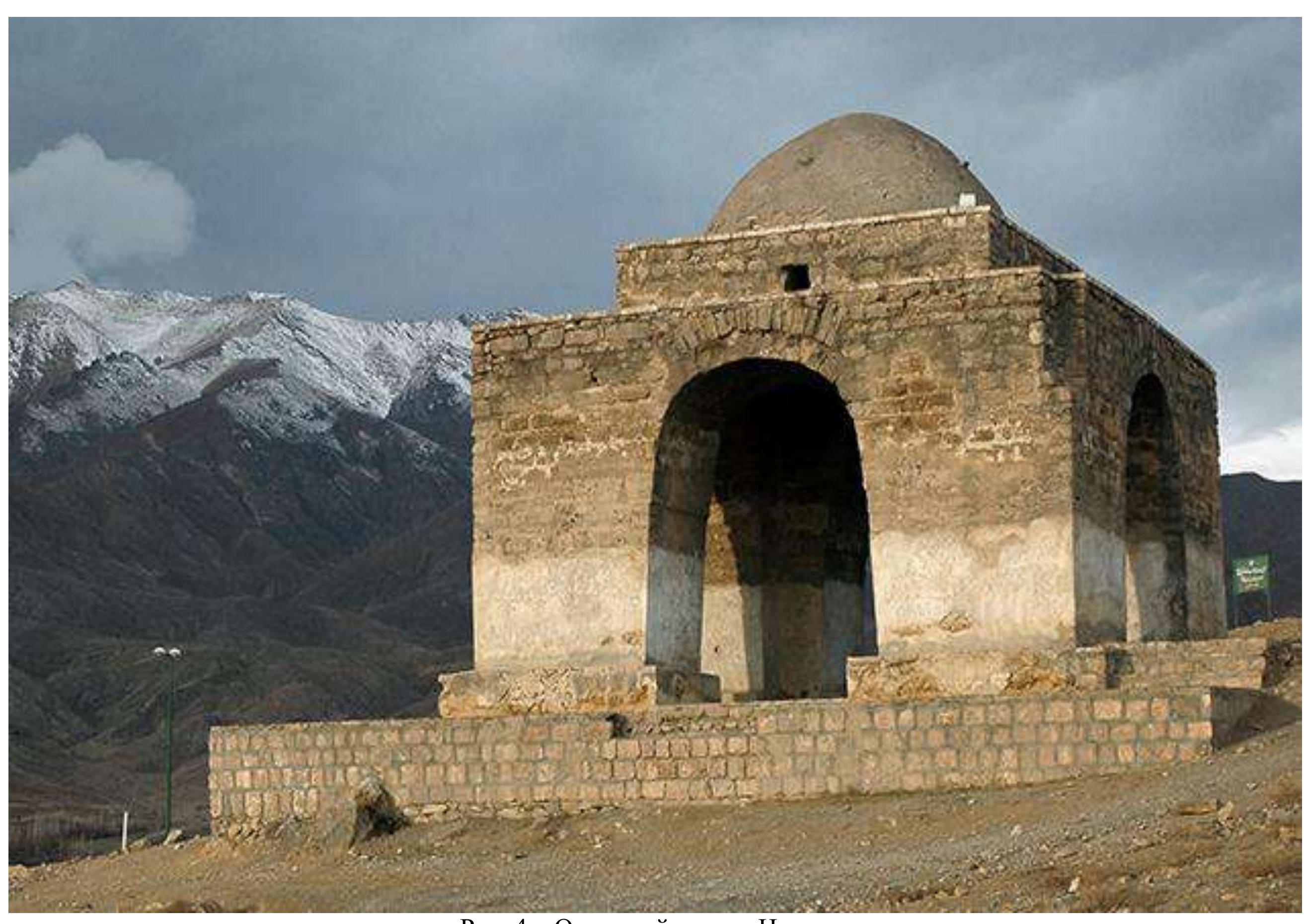

Рис. 4 – Огненный храм в Ниасаре

Фотография Мехрдада Шефаее, Wikimedia Commons, 2005, CC BY-SA 4.0.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, следует заключить, что наибольшее влияние на общую планировку Звартноца оказала западная (византийская) традиция, поскольку большинство тетраконхальных структур лежат в границах бывшей Византии, но в то же время нельзя исключить и некоторого влияния со стороны «центрированной» храмовой архитектуры персидского Востока.

Однако при анализе концепции внутреннего декоративного убранства Звартноца складывается совершенно иная картина, которая показывает глубокое влияние на декор храма со стороны сасанидской архитектуры.

При рассмотрении реконструированных внутренних колонн (образующих колонноообразные экседры) сразу же бросается в глаза отсутствие целого ряда классических архитектурных признаков, характерных для византийского стиля (рис. 5) [19]. Колоннам Звартноца «не хватает» византийской деликатности — они не сужаются. Также не делается характерная для византийской архитектурной традиции попытка заставить массив колонны исчезнуть в качестве структурного элемента, став полностью декоративным.

Рис. 5 – Реконструированные внутренние колонны Звартноца
Фото Риты Виллаерт, Wikimedia Commons, 2008, CC BY 2.0.

Ограниченное византийское влияние обнаруживается в дизайне оснований колонн, характерном для ионического ордера, но общая форма этих колонн остаётся коренастой, что часто встречается в персидской архитектуре [20]. В капителях также просматривается персидская тенденция использовать утилитарную форму, «раздувающуюся в центре». Эта тенденция дополнительно подчёркивает роль капители как структурного, а не чисто декоративного элемента. Данная конструкция капителей подчеркивает общий коренастый профиль колонны, имеющий мало общего с тонкой декоративностью византийских колонн, и при этом отчётливо перекликается с сасанидскими архитектурными канонами рассматриваемой эпохи — например, представленными в руинах в Вендерни и На Ин, а также в храме Шейха Юсофа Сервестани *(*рис. 6*)* [21]; [22]; [19].

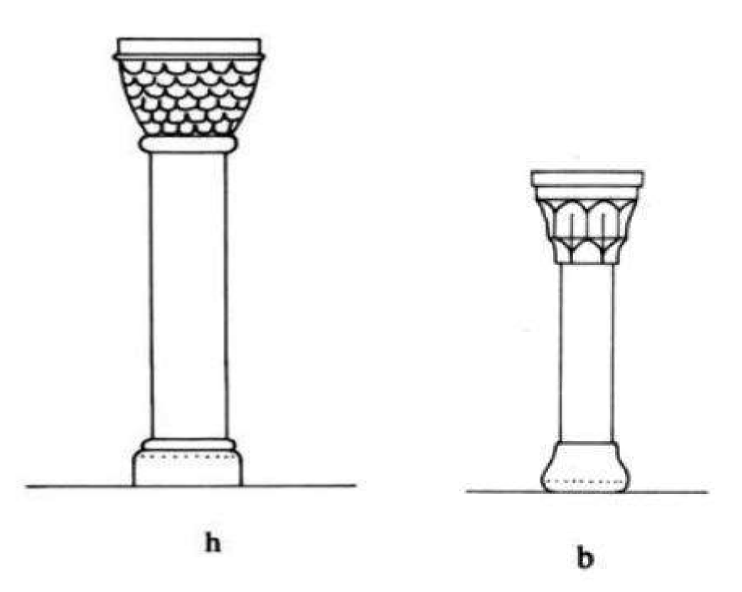

Рис. 6 – Колонны в Вендерни (*h*) и в храме Шейха Юсофа Сервестани (*b*)
Рисунки Вольфрама Клайсса в “COLUMNS”, Encyclopædia Iranica, VI, fasc. 1 [1992]

Упомянутые выше элементы персидских капителей присутствуют на нижнем регистре капители Звартноца, включающем в себя резной чересстрочной узор, создающий образ «корзины» (рис. 5*)*.

С одной стороны, здесь необходимо отметить, что корзиночные капители широко использовались в Византии. Однако, с другой стороны, облик внутреннего декора собора Святой Софии в Стамбуле и столбов базилики в Филиппах (современная Македония, Греция) резко контрастируют с эстетикой Звартноца: они сохраняют орнаментальную сложность, которой не хватает Звартноцу [12, с. 112]. Византийские корзиночные капители, покрытые резной листвой аканта, прорисованной в мельчайших деталях, перестают быть частью несущих конструкций и по сути являются скульптурой. Этого нельзя сказать о капителях Звартноца. Крепкие, утилитарные корзиночные капители Звартноца наиболее похожи на капители сасанидских построек Тахт-и-Бостан и Вендерни. Парфянская и Сасанидская архитектурные традиции активно использовали корзиночные капители, взятые из

эллинистической архитектуры [21]. Однако в рамках персидского архитектурного канона происходило сращивание византийского образца с местными традициями. В итоге был создан региональный — персидский — вариант корзиночной капители, которая отчётливо перекликается с капителями храма Звартноц.

Присутствие орлиных капителей на колоннах, украшающих каждый пирс, также примечательно, так как орел занимал видное место в персидской архитектурной эстетике [22].

По мнению Маранчи, наличие на капителях волют, напоминающих ионический ордер, дополнительно свидетельствует о византийском влиянии на Звартноц. Это наблюдение, конечно, важно и заслуживает внимания, однако нельзя забывать о том, что эллинистическая капительная архитектура оказала существенное влияние на архитектуру Ахеменидской и Парфянской империй ещё в предшествовавший период. В итоге западные формы капительных волют органически вошли в восточный архитектурный канон. Об этом свидетельствуют яркие примеры — в Корхе, Киз-Капане и Кермане (рис. 7) [22].

Рис. 7 – Капители в Корхе (слева), Киз-Капане (в центре) и Кермане (справа)
Рисунки Вольфрама Клайсса в “CAPITALS,” Encyclopædia Iranica IV, fasc. 7 [1990]

Таким образом, несмотря на то, что основополагающим каноном дизайна капители Звартноца является византийский, при создании данного архитектурного элемента был сделан важный шаг, приблизивший капители Звартноца к иранскому архитектурному канону, вобравшему в себя некоторые эллинистические элементы.

Если бы в дизайне капителей Звартноца доминировал собственно византийский канон, то в них присутствовала бы большая сложность орнаментальной резьбы [12, с. 112]. Отсутствие указанной сложности и «запутанности» не должно быть истолковано как отсутствие навыков у армянских строителей, якобы не бывших способными полноценно воспроизвести византийский образец. Об их высочайшем мастерстве свидетельствует внешний орнамент храма (о чем будет сказано ниже). Мастера, создававшие Звартноц, являлись чрезвычайно опытными резчиками по камню. Отсутствие византийской филигранности и усложненности внутренних капителей говорит лишь о том, что модели, которые вдохновляли их дизайн, являлись не византийскими, а персидскими, частично включившими в себя эллинистический канон. Подобно тому, как персы впитывали и осваивали элементы греческого ионического ордера, чтобы слиться с доминировавшим в тот момент эллинистическим архитектурным каноном, точно такой же процесс адаптации архитектуры к доминантному культурно-политическому контексту имел место и при выработке армянами стилистики своего храма [22]. В частности, заимствование корзиночных капителей именно из персидского канона подчеркивало дистанцированность от византийского влияния, которое, в свою очередь, было хорошо различимо в других элементах храма. Таким образом, Звартноц символизировал тот факт, что Армения признавала влияние как Востока, так и Запада.

Рис. 8 – Реконструкционный фасад Звартноца
Мнацаканян, Zvartʻnocʻə ev nuynatip hušarjanner [Ереван, 1971], рис. 24

При этом, как можно предположить, восточное влияние было едва ли не более выраженным. Помимо дизайна капителей, это также проявилось во внешней декоративной стилистике храма. В 1940-х годах археологи начали собирать фрагменты фасада Звартноца, чтобы произвести точное описание внешнего орнамента его первого этажа (рис. 8) [23, рис. 24]. Как удалось установить, храм был окружен слепой аркадой, где каждый свод поддерживался парой тонких колонн. В отличие от традиционных слепых аркад (любого канона), аркада Звартноца перемежалась небольшими арочными окнами—по одному окну на арку. Над каждой аркой этой квази-слепой аркады находился антревольт с декоративным цветочным рельефом. Ещё выше располагался окулюс. Абсолютно аутентичная реконструкция орнамента верхних ярусов храма невозможна из-за ущерба, причиненного ранними раскопками. Однако реконструкции, признающиеся на сегодня наиболее достоверными, предполагают наличие слепых аркад как на втором, так и на третьем ярусах, с большими окнами в каждой арке [7, с. 83-84]. На базе этих декоративных характеристик Маранчи в очередной раз делает вывод о византийской стилистике Звартноца, вновь исключая возможность влияния персидского Востока [7]; [12].

Однако такой вывод не представляется бесспорным. Несмотря на то, что фасад Звартноца несет на себе черты сходства с византийскими сооружениями, наиболее значимая архитетурно-стилистическая параллель все же прослеживается с фасадом персидского Ктесифона. Императорский дворцовый комплекс Ктесифона, построенный между III и VI веками н.э., является постройкой Сасанидской эпохи, расположенной на территории современного центрального Ирака. Без преувеличения это здание можно назвать величайшим архитектурным свершением Сасанидской империи [24, с. 230]. Ктесифон был построен из кирпича. Его современные руины (рис. 9*)* состоят из массивной центральной арки, фланкированной прямоугольной стеной, украшенной слепыми арками, нишами и двойными пилястрами, охватывающими четыре резко очерченных регистра [25]. Вторая такая же симметричная стена существовала на другой стороне арки, но впоследствии была утрачена [21]. Параллели с орнаментом Звартноца очевидны: использование слепых арок и ниш в качестве архитектурного орнамента, повторение аркад на последующих уровнях конструкции и предпочтительное использование двойных пилястр. Таким образом, архитекторы Звартноца, создавая храм, ориентировались на глубокое знание сасанидской архитектурной стилистики.

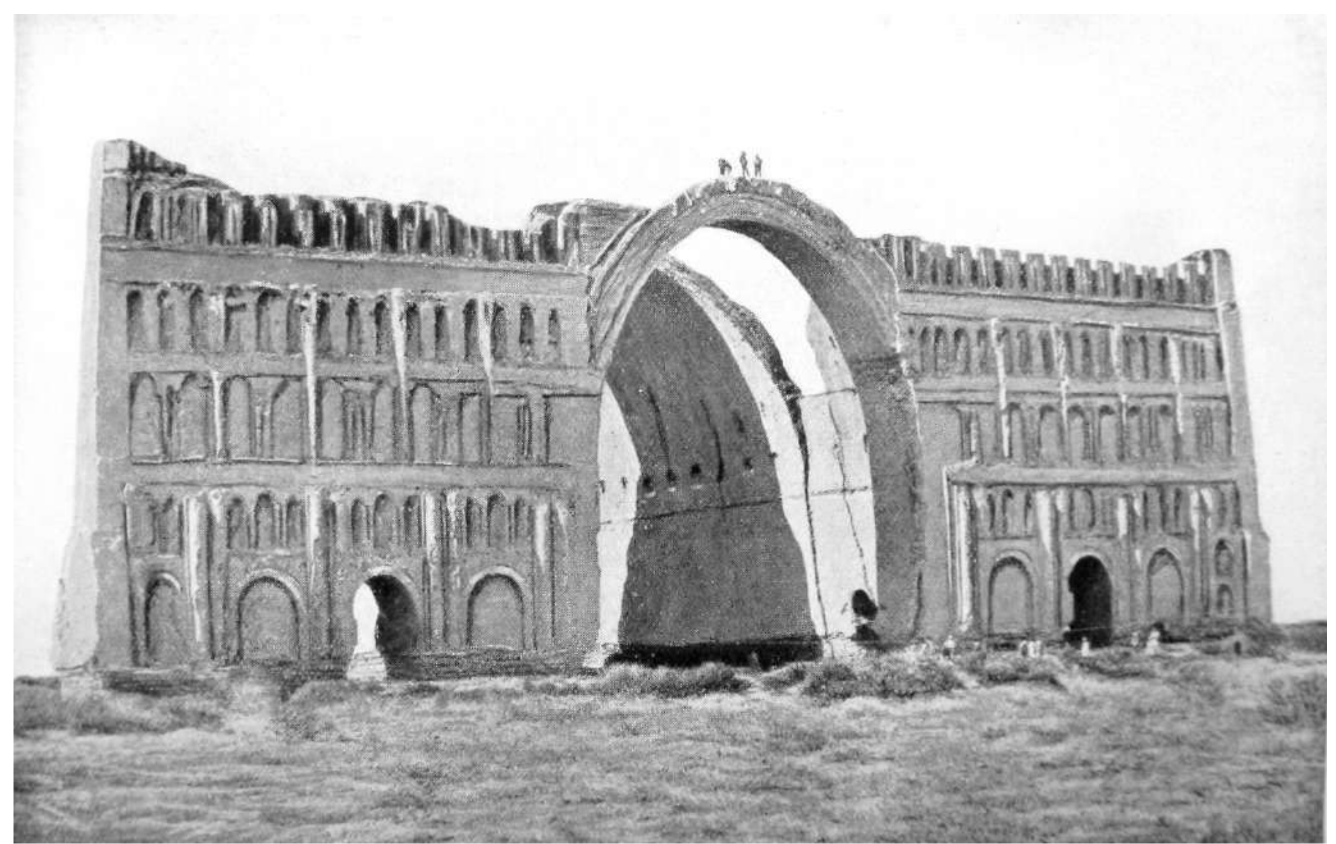

Рис. 9 – Руины Ктесифона около 1864 года, перед обрушением правой части фасада
В Чудеса прошлого: романтика античности и ее великолепия, Вып. 2, под ред. Дж. А. Хаммертона, 1924

Признание влияния как Востока, так и Запада на конструкцию и дизайн Звартноца важно не только с чисто историко-архитектурной точки зрения. Данное наблюдение позволяет гораздо более глубоко понять культурно-политические мотивации католикоса Нерсеса III «Строителя» в их историческом контексте. Как уже отмечалось выше, Великая Армения находилась на стыке византийско-сасанидского конфликта и главной целью армян было сохранить свою внутреннюю автономию (при отсутствии шанса сохранить полную независимость) в условиях любого исхода противостояния обеих империй [2, с. xviii]. Армяне монументально демонстрировали свою готовность — в зависимости от обстоятельств — поддержать каждую из сторон, стремясь таким образом защитить свою родину от угрозы жесткого внешнего подавления.

В звершение анализа архитектуры Звартноца, следует отметить, что, согласно Кляйнбауэру, Звартноц является чем-то вроде исключения среди армянских церквей. В какой-то степени с этим можно согласиться, поскольку в армянской архитектуре нечасто встречается столь явно прорисованный четырехлистный тетраконх — однако и в церкви Святой Рипсимэ также видна адаптированная версия тетраконха. При этом в обоих случаях широко используются декоративные ниши, приземистые колонны и выпуклые капители, которые явно относятся к сасанидским моделям, в то время как купола отражают как византийскую, так и сасанидскую архитектурные традиции. Слияние этих отличительных элементов как сасанидского, так и византийского стилей свидетельствует о том, что Армения с древнейших времен, находясь на стыке конфликта между Востоком и Западом, стремилась к созданию синкретической архитектурной традиции, которая продолжила свое развитие в последующие века.

Одной из наглядных иллюстраций того, что данная архитектурная философия отнюдь не осталась в VII веке и в дальнейшем продолжила свое развитие, является, в частности, здание армянской церкви в Санкт-Петербурге, бывшем в момент строительства храма столицей России — страны, где проживает крупнейшая армянская диаспора. Считается, что армянское присутствие в России началось еще в Средние века и приобрело особую значимость во времена Российской империи, когда армяне внесли заметный вклад в политическую, экономическую, научную и культурную сферы [26, с. 20]. В 1770 году, в знак признания верной службы армян Империи и по просьбе своего личного ювелира, уроженца Армении Ованеса Агазаровича Егиазаряна, известного в России как Иван Лазаревич Лазарев, Екатерина II санкционировала строительство Армянской апостольской церкви на Невском проспекте в Санкт-Петербурге [26, с. 20-21; 27, с. 23-24]. Проект курировался почти исключительно Лазаревым, выделившим 30 000 руб. личных средств из общего бюджета строительства в 33 000 руб. К проектированию храма был привлечен известный архитектор Юрий Фельтен, специализировавшийся на проектировании инославных храмов в Петербурге. Строительство длилось с 1771 по 1776 годы, и 18 февраля 1780 года Армянская Апостольская Церковь Святой Екатерины, первая армянская апостольская церковь в России, была освящена [27, с. 24-25].

Церковь, расположенная в глубине, за основной линией фасадов зданий Невского проспекта, на первый взгляд кажется типичным образом русского «строгого классицизма» (рис. 10) [27, с. 25]. Синий фасад здания отделан белыми колоннами и лепными украшениями и увенчан куполом с окном, а также украшен классицистическим фронтоном, опирающимся на гладкие колонны с волнистыми капителями и обилием резного орнамента — от гирлянд до херувимов. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что перед нами — не просто церковь, интегрированная в окружающий классицистический ландшафт.

Рис. 10 – Главный фасад церкви Святой Екатерины, Санкт-Петербург
Фото автора

Подобно тому, как в храме Звартноц использовались как византийские, так и сасанидские элементы, дизайн церкви Святой Екатерины соединяет в себе элементы как русского классицистического, так и традиционного армянского архитектурного канонов. При рассмотрении поэтажного плана обнаруживаются типичные элементы армянского церковного стиля (рис. 11) [28]. Церковь в плане напоминает традиционный армянский тетраконх, который виден, в частности, в плане церкви Святой Рипсимэ (рис. 12) [29]. Боковая ось имеет большую апсиду на восточной стороне, противостоящую демиапсидой на западной стороне. Независимо от того, что медиальная ось церкви не имеет полных апсид, стены слегка изогнуты внутрь по внутренним углам, «намекая» на апсиды и создавая эффект медиально сжатого тетраконха. Пятиугольные камеры в каждом углу церкви также «намекают» на квадратные камеры, расположенные в каждом углу церкви Святого Рипсимэ в Вагаршапате, подтверждая стилистическую связь петербургского храма — с древнеармянской архитектурной традицией.

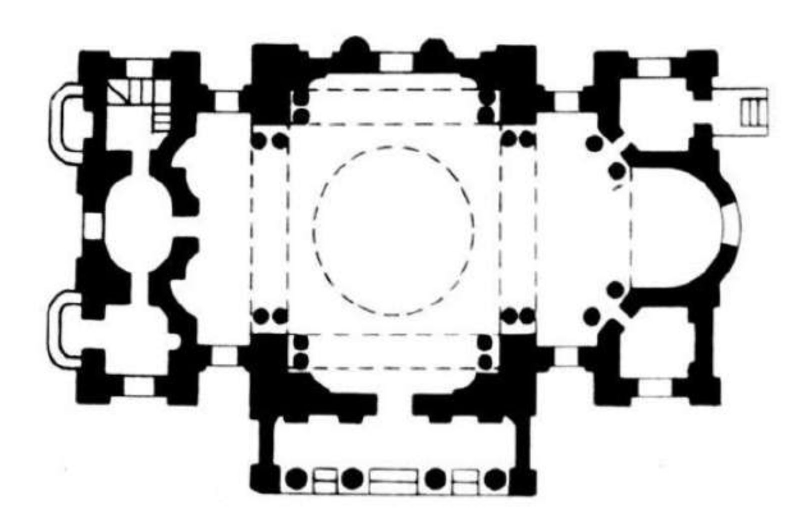

Рис. 11 – План церкви Святой Екатерины, Вагаршапат
Академия наук Армянской ССР, Армянская советская энциклопедия, [Ереван: 1974-1986], CC BY-SA 3.0.

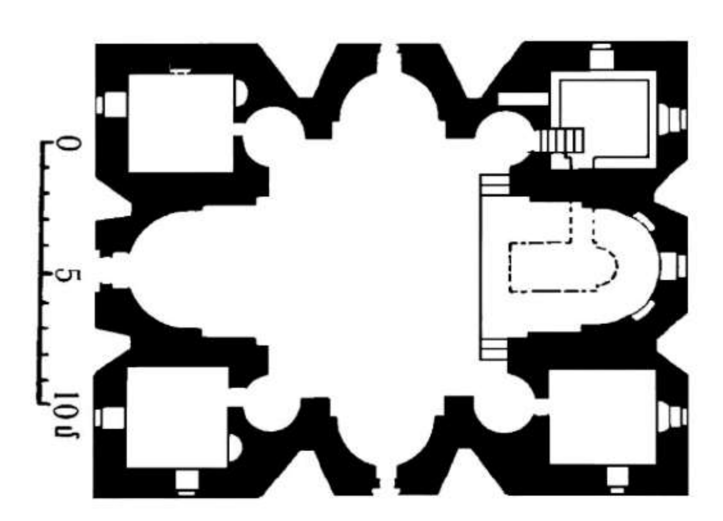

Рис. 12 – План церкви Святой Рипсимэ, Санкт-Петербург. (Citywalls, 2014.)

Внешний фасад церкви Святой Екатерины представляет собой любопытную адаптацию традиционной армянской церковной архитектуры к канону русского классицизма. На южном фасаде эстетически доминирует массивный портик, обрамляющий главный вход храма. Гладкие классицистические колонны с волнистыми капителями поддерживают скульптурный фронтон с карнизом, украшенный утопленными арочными окнами, являющимися продолжением частично слепой аркады на северном фасаде церкви. Вертикальный охват этой аркады (или, лучше сказать, квази-аркады, так как она периодически прерывается прямоугольными лепными украшениями, подчеркивающими окна и рустикальные панели), акцентируется сверху непрерывным рядом овальных окон. Эти элементы, хотя и выполнены в соответствии с классицистическим каноном, стилистически соотносятся также с базовым ярусом храма Звартноц, имеющим похожую квази-слепую аркаду, акцентированную пилястрами и увенчанную рядом круглых окон. В обоих случаях эти элементы являются как декоративными, так и функциональными, поскольку ими одновременно подчеркивается вертикальность конструкции и обеспечивается дополнительный свет во внутренних пространствах.

Помимо этого, нельзя не отметить стилистическую перекличку между капителями петербургской церкви — и их «предками» в Звартноце: их «преувеличенные» квази-ионические волюты отсылают сразу к персидскому и византийскому канонам, повлиявшим на Звартноц.

И все же, пожалуй, самой замечательной и явной отсылкой к «армянской национальной душе» на фасаде является фронтон – массивный классический рельеф, изображающий момент христианизации Армении святым Григорием Просветителем. Несмотря на то, что церковь посвящена Святой Екатерине (политическое решение, принятое из намерения проявить лояльность по отношению к императрице Екатерине Великой), её образ не фигурирует на фасаде. Вместо неё изображён Святой Григорий Просветитель, покровитель Армении — в самый важный момент его жизни и в истории армянской нации.

Описанный факт слияния элементов традиционной армянской религиозной архитектуры и русского классицизма вновь актуализирует уже знакомый вопрос — о цели создания такого стилистически композитного храма. И именно здесь обнаруживается наиболее глубокая связь между церковью Святой Екатерины с одной стороны — и ее предшественником в Вагаршапате с другой.

Несмотря на исходную благосклонность со стороны императрицы Екатерины II и ее одобрение идеи строительства храма, Лазарев и Фельтен должны были действовать осторожно — так, чтобы внешним видом фасада подчеркнуть интегрированность армянской церкви в российский имперский культурно-политический контекст, особенно если вспомнить, что Екатерина II являлась не просто императрицей, но также фактическим главой русской православной церкви [30, с. 10-13]. В этой связи строительство инославной церкви, относящейся к церковной традиции несуверенной нации, входящей в состав Российской империи, могло было быть легко интерпретировано как вызов авторитету самодержца, а значит, и спровоцировать репрессии против армянской общины (возможно, по этой причине армянская община, вплоть до середины 1870-х гг., не подавала петицию о разрешении использования церковных колоколов, расположенных в куполе здания). Поэтому создателям церкви так необходимо было подчеркнуть тот факт, что они не оспаривают политическую и религиозную гегемонию царя над всеми народами, живущими в империи. В итоге церковь была надлежащим образом «одета», чтобы соответствовать архитектурному стилю, утвердившемуся в имперской столице в тот период времени. Лазарев и Фельтен синтезировали традиционные элементы армянской церковной архитектуры и русского строгого классицизма, тем самым одновременно утвердив авторитет российской самодержавной власти и подтвердив решимость армян оставаться приверженными своей вере при любых обстоятельствах [30, с. 13]; [24, с. 19].

В этом отношении синкретическая архитектурная стилистика Армянской Апостольской церкви Святой Екатерины продолжила традиции храма Звартноц. То и другое — прекрасные примеры баланса между собственным историческим наследием и выражением лояльности внешнему культурно-политическому контексту, что, как следует предположить, является характерной особенностью не только армянской архитектуры, но армянской общины, армянского национального характера в целом.

Конфликт интересов
Не указан.

Conflict of Interest
None declared.

Список литературы / References

1. Witt, T. K. S. Hripsime Church [Электронный ресурс] // Wikimedia Commons. 2011. 21 Jan. URL: commons.wikimedia.org/wiki/File:S._Hripsime_exterior.JPG (дата обращения: 12.06.2020).

2. Sebeos. The Armenian History attributed to Sebeos, Part 1. Translation and Notes / Translated, with notes, by R. W. Thomson, commentary by James Howard-Johnston, assistance from Tim Greenwood // Translated Texts for Historians. — 1998. — Vol. 31.

3. Evans, H. C., ed. Armenia: Art, Religion, and Trade in the Middle Ages / H. C. Evans. — New Haven: Yale University Press, 2018.

4. Kleinbauer, W. E. Zvart'nots and the Origins of Christian Architecture in Armenia / W. E. Kleinbauer // The Art Bulletin. — 1972. — Vol. 54, no. 3. — P. 245-262. doi:10.2307/3048994; Kleinbauer, W. E. Correction: Zvart'nots and the Origins of Christian Architecture in Armenia / W. E. Kleinbauer // The Art Bulletin. — 1973. — Vol. 55, no. 1. P. 163-164. doi:10.2307/3049088.

5. Баликян, О., Оганесян, Д. Докладные записки Х. Дадяна о раскопках Звартноца / О. Баликян, Д. Оганесян // Вестник общественных наук. — 1984. — №5. С. 78-87.

6. Тер-Мовсисян, М. Раскопки развалин церкви св. Григория близ Эчмиадзина / М. Тер-Мовсисян // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 7 — 1903. — С. 1-48.

7. Maranci, C. The Archaeology and Reconstruction of Zuart'noc' / C. Maranci // Dumbarton Oaks Papers. — 2014. — Vol. 68. P. 69-115.

8. T'oramanyan, T. Ground Plan of the Zvart'nots Cathedral / In Die Baukunst Der Armenier Und Europa by J. Strzygowski. Vienna, 1918.

9. T'oramanyan, T. Reconstructed Elevation of Zvart'nots Cathedral / In Die Baukunst Der Armenier Und Europa by J. Strzygowski. Vienna, 1918.

10. Strzygowski, J. Die Baukunst Der Armenier Und Europa / J. Strzygowski — Wien: Anton Schroll & Co., 1918.

11. Якобсон, А. Л. С. Х. Мнацаканян. Звартноц. Памятник армянского зодчества VII в. М., 1971, 160 стр. / А. Л. Якобсон // Историко-филологический журнал. — 1972. — №1. С. 254-258.

12. Maranci, C. Byzantium through Armenian Eyes: Cultural Appropriation and the Church of Zuart'noc' / C. Maranci // Gesta. — 2001. — Vol. 40, №2. P. 105-24. doi:10.2307/767241.

13. Goodyear, M. The Differences Between Byzantine and Armenian Christianity [Электронный ресурс] // Ancient History Encyclopedia. 2018. 17 Jul. URL: https://www.ancient.eu/article/1253/the-differences-between-byzantine--armenian-christ/ (дата обращения: 12.06.2020).

14. Piotrowski, A. Hybrid Architecture, Heretical Religions, and the Epistemology of Cultural Traditions / A. Piotrowski // Traditional Dwellings and Settlements Review. — 2014. — Vol. 26, №1. P. 36.

15. Cartwright, M. The Library of Hadrian, Athens [Электронный ресурс] // Ancient History Encyclopedia. 2015. 5 Nov. URL: www.ancient.eu/article/839/the-library-of-hadrian-athens/ (дата обращения: 13.06.2020).

16. Keser-Kalyaap, E. The Church of Virgin at Amida and the Martyrium at Constantia: Two Monumental Centralised Churches in Late Antique Northern Mesopotamia / E. Keser-Kalyaa // Olba XXI. — 2013. P. 405-435.

17. Razmjou, S., Tafreshi B. A. Niasar Cave, A Man-Made Mithra Temple [Электронный ресурс] // The Circle of Ancient Iranian Studies. URL: https://www.cais-soas.com/CAIS/Archaeology/Pre-History/niasar_cave.htm (дата обращения: 13.03.2020).

18. Shefaee, Me. Niasar fire temple [Электронный ресурс] // Wikimedia Commons. 2005. 23 Dec. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Niasar_fire_temple.jpg. (дата обращения: 14.06.2020).

19. Willaert, R. Columns at Zvart'nots [Электронный ресурс] // Flickr. 2008. 1 Sept. URL: https://www.flickr.com/photos/rietje/2896850946/?fbclid=IwAR2QzfNj2VWXuV3SXB2kUkmYEnB7SnedMejvthAMvsXxtj3_Jo6M4VMv7UY (дата обращения: 15.06.2020).

20. Kleiss, W. COLUMNS / W. Kleiss // Encyclopædia Iranica, — 1992. — Vol. 6. Fasc. 1. P. 50-54.

21. Rawlinson, G. The Seven Great Monarchies Of The Ancient Eastern World. Vol. 7 (of 7): The Sassanian or New Persian Empire / G. Rawlinson. — Ashland: Library of Alexandria, 2002. URL: http://www.gutenberg.org/files/16167/16167-h/16167-h.htm (дата обращения: 12.06.2020).

22. Kleiss, W. CAPITALS / W. Kleiss // Encyclopædia Iranica. — 1990. — Vol. 6. Fasc. 7. P. 774-780.

23. Mnacakanyan, S. Restoration of Zvart'nots Elevation / Zvart'noc'ə ev nuynatip hušarjanner. Yerevan: 1971.

24. Breck, J. The Ctesiphon Expedition / J. Breck // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. — 1931. — Vol. 26, no. 10. P. 229-230. doi:10.2307/3256114.

25. Ruins of Ctesiphon, 1864 // In Wonders of the Past: The Romance of Antiquity and its Splendours; edited by J. A. Hammerton. —1924. — Vol. 2.

26. Гарегин II, Верховный Патриарх и Католикос Всех Армян. Слово Верховного Патриарха и Католикоса Всех Армян Гарегина II на переосвящение и открытие Армянского Храма Святой Екатерины [12 июля 2000] / Верховный Патриарх и Католикос Всех Армян Гарегин II // В Слово на освящение Армянского Храма Святой Екатерины в Санкт-Петербурге. — СПб. : НИКА, 2010. С. 15-22.

27. Чопурян, С., Меружанян А. Две даты нашей жизни / С. Чопурян, А. Меружанян // В Слово на освящение Армянского Храма Святой Екатерины в Санкт-Петербурге. — СПб. : НИКА, 2010. С. 23-31.

28. План Армянской Апостольской Церкви Святой Екатерины, Санкт-Петербург, Россия [Электронный ресурс] // Citywalls. 2014. 14 октября. URL: http://www.citywalls.ru/house2000.html (дата обращения: 15.06.2020).

29. План церкви Святой Рипсимэ в Вагаршапате [Электронный ресурс] // Академия наук Армянской ССР. Армянская советская энциклопедия. Ереван: 1974-1986. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Hripsime_church_plan.jpg (дата обращения: 15.06.2020).

30. Иосиф, Архиепископ Гайканский. Слово на освящение армянской церкви, в Санкт-Петербурге сооруженной во имя святой великомученицы Екатерины, говоренное Иосифом, Архиепископом Гайканским [18 февраля 1780] / Архиепископ Гайканский Иосиф // В Слово на освящение Армянского Храма Святой Екатерины в Санкт-Петербурге. — СПб. : НИКА, 2010. С. 3-13.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Witt, T. K. S. Hripsime Church [Electronic resource] // Wikimedia Commons. 2011. 21 Jan. URL: commons.wikimedia.org/wiki/File:S._Hripsime_exterior.JPG (дата обращения: 12.06.2020).

2. Sebeos. The Armenian History attributed to Sebeos, Part 1. Translation and Notes / Translated, with notes, by R. W. Thomson, commentary by James Howard-Johnston, assistance from Tim Greenwood // Translated Texts for Historians. — 1998. — Vol. 31.

3. Evans, H. C., ed. Armenia: Art, Religion, and Trade in the Middle Ages / H. C. Evans. — New Haven: Yale University Press, 2018.

4. Kleinbauer, W. E. Zvart’nots and the Origins of Christian Architecture in Armenia / W. E. Kleinbauer // The Art Bulletin. — 1972. — Vol. 54, no. 3. — P. 245-262. doi:10.2307/3048994; Kleinbauer, W. E. Correction: Zvart’nots and the Origins of Christian Architecture in Armenia / W. E. Kleinbauer // The Art Bulletin. — 1973. — Vol. 55, no. 1. P. 163-164. doi:10.2307/3049088.

5. Balikjan, O., Oganesjan, D. Dokladnye zapiski X. Dadjana o raskopkah Zvartnoca / O. Balikjan, D. Oganesjan // Vestnik obshhestvennyh nauk. — 1984. — №5. P. 78-87.

6. Ter-Movsisean, M. Raskopki razvalin cerkvi sv. Grigorija bliz Jechmiadzina / M. Ter-Movsisjan // Izvestija Imperatorskoj Arheologicheskoj komissii. Vol. 7 — 1903. — P. 1-48.

7. Maranci, C. The Archaeology and Reconstruction of Zuart’noc’ / C. Maranci // Dumbarton Oaks Papers. — 2014. — Vol. 68. P. 69-115.

8. T’oramanyan, T. Ground Plan of the Zvart'nots Cathedral / In Die Baukunst Der Armenier Und Europa by J. Strzygowski. Vienna, 1918.

9. T’oramanyan, T. Reconstructed Elevation of Zvart'nots Cathedral / In Die Baukunst Der Armenier Und Europa by J. Strzygowski. Vienna, 1918.

10. Strzygowski, J. Die Baukunst Der Armenier Und Europa / J. Strzygowski — Wien: Anton Schroll & Co., 1918.

11. Jakobson, A. L. S. X. Mnacakanjan. Zvartnoc. Pamjatnik armjanskogo zodchestva VII v. M., 1971, 160 str. / A. L. Jakobson // Istoriko-filologicheskij zhurnal. — 1972. — №1. P. 254-258.

12. Maranci, C. Byzantium through Armenian Eyes: Cultural Appropriation and the Church of Zuart’noc’ / C. Maranci // Gesta. — 2001. — Vol. 40, №2. P. 105-24. doi:10.2307/767241.

13. Goodyear, M. The Differences Between Byzantine and Armenian Christianity [Electronic resource] // Ancient History Encyclopedia. 2018. 17 Jul. URL: https://www.ancient.eu/article/1253/the-differences-between-byzantine--armenian-christ/ (дата обращения: 12.06.2020).

14. Piotrowski, A. Hybrid Architecture, Heretical Religions, and the Epistemology of Cultural Traditions / A. Piotrowski // Traditional Dwellings and Settlements Review. — 2014. — Vol. 26, №1. P. 36.

15. Cartwright, M. The Library of Hadrian, Athens [Electronic resource] // Ancient History Encyclopedia. 2015. 5 Nov. URL: www.ancient.eu/article/839/the-library-of-hadrian-athens/ (дата обращения: 13.06.2020).

16. Keser-Kalyaap, E. The Church of Virgin at Amida and the Martyrium at Constantia: Two Monumental Centralised Churches in Late Antique Northern Mesopotamia / E. Keser-Kalyaa // Olba XXI. — 2013. P. 405-435.

17. Razmjou, S., Tafreshi B. A. Niasar Cave, A Man-Made Mithra Temple [Electronic resource] // The Circle of Ancient Iranian Studies. URL: https://www.cais-soas.com/CAIS/Archaeology/Pre-History/niasar_cave.htm (дата обращения: 13.03.2020).

18. Shefaee, Me. Niasar fire temple [Electronic resource] // Wikimedia Commons. 2005. 23 Dec. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Niasar_fire_temple.jpg. (дата обращения: 14.06.2020).

19. Willaert, R. Columns at Zvart’nots [Electronic resource] // Flickr. 2008. 1 Sept. URL: https://www.flickr.com/photos/rietje/2896850946/?fbclid=IwAR2QzfNj2VWXuV3SXB2kUkmYEnB7SnedMejvthAMvsXxtj3_Jo6M4VMv7UY (дата обращения: 15.06.2020).

20. Kleiss, W. COLUMNS / W. Kleiss // Encyclopædia Iranica, — 1992. — Vol. 6. Fasc. 1. P. 50-54.

21. Rawlinson, G. The Seven Great Monarchies Of The Ancient Eastern World. Vol. 7 (of 7): The Sassanian or New Persian Empire / G. Rawlinson. — Ashland: Library of Alexandria, 2002. URL: http://www.gutenberg.org/files/16167/16167-h/16167-h.htm (дата обращения: 12.06.2020).

22. Kleiss, W. CAPITALS / W. Kleiss // Encyclopædia Iranica. — 1990. — Vol. 6. Fasc. 7. P. 774-780.

23. Mnacakanyan, S. Restoration of Zvart’nots Elevation / Zvartʻnocʻə ev nuynatip hušarjanner. Yerevan: 1971.

24. Breck, J. The Ctesiphon Expedition / J. Breck // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. — 1931. — Vol. 26, no. 10. P. 229-230. doi:10.2307/3256114.

25. Ruins of Ctesiphon, 1864 // In Wonders of the Past: The Romance of Antiquity and its Splendours; edited by J. A. Hammerton. —1924. — Vol. 2.

26. Garegin II, Verhovnyj Patriarh i Katolikos Vseh Armjan. Slovo Verhovnogo Patriarha i Katolikosa Vseh Armjan Garegina II na pereosvjashhenie i otkrytie Armjanskogo Hrama Svjatoj Ekateriny [12 ijulja 2000] [Karekin II, Catholicos of All Armenians, the supreme head of the Armenian Apostolic Church. The sermon of the supreme head of the Armenian Apostolic Church and Catholicos of All Armenians Karegin II on the re-consecration and opening of the Armenian St Catherine's Church [July 12, 2000]] / Verhovnyj Patriarh i Katolikos Vseh Armjan Garegin II [Supreme Patriarch and

Catholicos of all Armenians Garegin II] // V Slovo na osvjashhenie Armjanskogo Hrama Svjatoj Ekateriny v Sankt-Peterburge [The surmon to the consecration of Armenian St Catherine's Church in Saint Petersburg]. – SPb. : NIKA, 2010. – P. 15–22. [in Russian]

27. Chopurjan, S., Meruzhanjan A. Dve daty nashej zhizni [Two dates of our life] / S. Chopurjan, A. Meruzhanjan // V Slovo na osvjashhenie Armjanskogo Hrama Svjatoj Ekateriny v Sankt-Peterburge [The surmon to the consecration of Armenian St Catherine's Church in Saint Petersburg]. — SPb. : NIKA, 2010. – P. 23-31. [in Russian]

28. Plan Armjanskoj Apostol'skoj Cerkvi Svjatoj Ekateriny, Sankt-Peterburg, Rossija [The plan of the Armenian Apostolic St. Catherine's Church, Saint Petersburg, Russia] [Electronic resource] // Citywalls. – 2014. – URL: http://www.citywalls.ru/house2000.html (accessed: 15.06.2020). [in Russian]

29. Plan cerkvi Svjatoj Ripsimje v Vagarshapate [The plan of the Saint Hripsime Church in Vagharshapat] [Electronic resource] // Akademija nauk Armjanskoj SSR. Armjanskaja sovetskaja jenciklopedija. Erevan: 1974-1986 [Academy of Sciences of the Armenian SSR. Armenian Soviet encyclopedia. Yerevan: 1974-1986]. – URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Hripsime_church_plan.jpg (accessed: 15.06.2020). [in Russian]

30. Iosif, Arhiepiskop Gajkanskij. Slovo na osvjashhenie armjanskoj cerkvi, v Sankt-Peterburge sooruzhennoj vo imja svjatoj velikomuchenicy Ekateriny, govorennoe Iosifom, Arhiepiskopom Gajkanskim [18 fevralja 1780] [Joseph, Archbishop of Gaikan. The sermon for the consecration of the Armenian Church in Saint Petersburg built in the name of the Holy Great Martyr Catherine, spoken by Joseph, Archbishop of Gaikan [February 18, 1780]] / Arhiepiskop Gajkanskij Iosif [Archbishop Joseph of Gaikan] // V Slovo na osvjashhenie Armjanskogo Hrama Svjatoj Ekateriny v Sankt-Peterburge [The surmon to the consecration of Armenian St Catherine's Church in Saint Petersburg]. – SPb. : NIKA, 2010. – P. 3–13. [in Russian]

РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ДЕСТРУКТИВНЫМИ ГЛАГОЛАМИ И ИХ АРМЯНСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ

Мидоян М.А.
преподаватель
Ереванский университет "Айбусак"
г. Ереван, Республика Армения

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые характеристики фразеологических единиц с деструктивными глаголами русского и армянского языков и особенности их перевода. При их сопоставлении мы принимали во внимание следующие виды межъязыковых отношений: полные/абсолютные эквиваленты, частичные эквиваленты, безэквивалентность.

Abstract: The article discusses some characteristics of phraseological units with destructive verbs of Russian and Armenian languages and the features of their translation. During comparison we took into account the following types of interlanguage relations: full / absolute equivalents, partial equivalents and non-equivalence.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологический перевод, лакунарный фразеологизм, эквивалентность.

Keywords: phraseological unit, phraseological translation, lacunary phraseological unit, equivalence.

Фразеологизмы являются богатством лексики языка, составляют его неотъемлемую часть. Благодаря своему семантическому и структурному своеобразию, они занимают особое место в языке. Фразеологизмы придают речи образность. Умение понять фразеологизмы, а также правильно использовать их в речи является одним из показателей хорошего владения языком.

Как известно, перевод текстов, которые содержат в себе идиоматические выражения, представляет особые трудности, что обусловленно яркой национальной спецификой фразеологического состава каждого языка. Поэтому адекватность перевода таких текстов достигается путем подбора к фразеологической единице соответствующего ей по форме, значению и образной основе эквивалента из языка, на который осуществляется перевод [12, с.9]. Под эквивалентом А.В.Куниным понимается адекватный русский фразеологизм, который совпадает с английским оборотом по значению, образной основе и стилистической окраске. «Эквивалент является моноэквивалентом, т.е. единственно возможным переводом при помощи фразеологизма» [5].

Как пишет Э.К. Карабахцян, фразеологический перевод предполагает использование в тексте перевода устойчивых единиц различной степени близости между единицей ИЯ и соответствующей единицей ПЯ – от полного и абсолютного эквивалента до приблизительного фразеологического соответствия. Итак, фразеологическим эквивалентом является фразеологизм ПЯ, равноценный переводимой единице. В то же время соотносительные фразеологические единицы не должны различаться в отношении смыслового содержания, метафоричности и эмоционально-экспрессивной окраски, а должны иметь приблизительно одинаковый единый компонентный состав, обладать одинаковыми лексико-грамматическими показателями: сочетаемостью, принадлежностью к одной грамматической категории, употребительностью, отсутствием национального колорита**.** В таком случае можно говорить о полной и абсолютной эквивалентности***:*** *давать по шее –վզակոթին տալ, терять / потерять голову – գլուխը կորցնել, выжимать пот –հյութը քամել, ломать голову – գլուխ ջարդել, обломать бока – կողերը ջարդել, палец о палец не ударить – մատը մատին չխփել, вешать нос – քիթը կախել, сдирать шкуру – կաշին քերթել, терять / потерять голову – գլուխը կորցնել, сердце болит – սիրտը ցավում է и др.* Это немногочисленные фразеологические единицы, работа с которыми сводится к их обнаружению в ПЯ. В этой ситуации большую роль играют как отличное владение ПЯ, так и фразеологические словари.

Поскольку при переводе совпадение может быть как полным, так и неполным, постолько можно выделять полные и неполные/частичные фразеологические эквиваленты. По определению Арсентьевой, полными фразеологическими эквивалентами являются готовые ФЕ родного языка, которые совпадают с русскими по фразеологическому значению, своему компонентному составу, лексическому наполнению, образности, стилистической окраске и грамматической структуре [2]. Иными словами, полный фразеологический эквивалент представляет собой фразеологизм на ПЯ, по всем критериям равноценный переводимой единице. В качестве примеров можно привести следующие ФЕ: *терять / потерять голову – գլուխը կորցնել*, *подливать масла в огонь – կրակի վրա յուղ լցնել*, *душа горит – սիրտը դաղվել, подрезать крылья – թևերը խուզել, разбить сердце – սիրտը կոտրել, топтать в грязь* –ցեխը կոխել, *ломать голову – գլուխ ջարդել, обломать бока – կողերը ջարդել*, *палец о палец не ударить – մատը մատին չխփել*, *убить время – ժամանակ սպանել и др.*

Следует отметить, что причинами появления полных фразеологических эквивалентов могут быть заимствования из третьего источника. В данном случае речь идет о калькировании. Можно сказать, что часть фразеологизмов разных народов переводится и калькируется. Сущность фразеологического калькирования заключается в создании нового сочетания в ПЯ, копирующего структуру исходной языковой единицы. По

определению «Лингвистического энциклопедического словаря», «фразеологическая калька – это образование фразеологизма путем буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы» [1, с. 211]. Так, например, достоянием всего мира являются такие ФЕ античности как *Ахиллесова пята* (армянский эквивалент Աքիլլեսյան գարշապար)*, прокрустово ложе* (*պրոկրուստյան մահիճ), дамоклов меч* (*դամոկլյան սուր), авгиевы конюшни* (*ավգյան ախոռ*)*, гордиев узел* (*գորդյան հանգույց*)*, троянский конь* (*տրոյական ձի*)*, земля обетованная* (*ավետյաց երկիր*) и многие другие [14, с.41].

Часто встречаются случаи относительной фразеологической эквивалентности. Относительный фразеологический эквивалент отличается от абсолютного лишь тем, что его различие от исходного фразеологизма происходит по какому-либо из показателей: это могут быть другие, часто синонимические компоненты, небольшие изменения формы, изменение синтаксического построения и т.п. А в остальном, можно сказать, что является полноценным соответствием переводимой ФЕ. Различие же заключается, например, в сочетаемости, в неодинаковом лексико-семантическом содержании компонентов. Например, «*наступать на горло»* соответствует эквиваленту армянского языка *օձիքից բռնել* (дословно - схватить за шиворот) [4,с.111]. Эквивалент также может отличаться от исходного фразеологизма по компонентному составу. Образы могут быть близкими, далекими, но логически сопоставимыми: например, в русском языке фраза *палке негде упасть* эквивалентна армянской *иголке негде упасть* (ասեղ գցելու տեղ չկա) [4, с. 112], или же в русском языке говорят *давать по шапке,* тогда как в армянским языке вместо *шапки* используется *голова* գլխին տալ. Или же возьмем русские фразеологические синонимы *разбить душу* - *разбивать сердце*, что имеют общую семантику и обозначают «*повергать кого-либо в отчаяние*, *безнадёжность*». В русско-армянском фразеологическом словаре дан единый для обеих ФЕ перевод սիրտը կոտրել. Или же для русского фразеологизма *бить по карману,* означающее «причинять убыток», в русско-армянском фразеологическом словаре даны следующие переводы: զրպանին վնասել, ծախսի տակ գցել. При этом первый является эквивалентом, а второй – аналогом, адекватным по значению, но отличным по образной основе.

Неполным фразеологическим эквивалентом называется единица ПЯ, которая является полным и абсолютным эквивалентом единицы в ИЯ, но не во всех её значениях. Как отмечает Тарасова, под неполными фразеологическими эквивалентами понимаются такие фразеологические единицы, у которых при полном тождестве семантики есть определенные различия компонентного состава.

Нужно отметить, что перевод русских ФЕ с помощью частичных фразеологических эквивалентов родного языка не означает, что значение и образность исходного фразеологизма передаются не полностью; под термином «частичный фразеологический эквивалент» следует понимать, что в предлагаемом на другом языке варианте наблюдаются некоторые расхождения [8,с.7]. Примером частичных фразеологических эквивалентов являются фразеологизмы: *сердце кровью обливается – սիրտը կտոր-կտոր լինել, доводить до белого каления – հոգուն հասցնել,արյունը պղտորել, под корень резать – հիմքից կտրել, отбить хлеб – մեկի հացը կտրել, срезать голову – գլուխը լվալ (լվանալ), ломать зубы – վիզը կոտրել, сбить с толку – խելքից հանել и др*. Этот способ перевода применяется из-за отсутствия в ПЯ образа, идентичного содержащемуся в ИЯ.

Согласно классификации Л.В.Щербы частичные фразеологические эквиваленты можно разбить на три группы:

1.Фразеологизмы, которые совпадают по значению, стилистической окраске и близки по образности, но расходятся по лексическому составу. Например: *сердце кровью обливается – սիրտը կտոր–կտոր լինել, кусать <себе> локти – ինքն իրեն ուտել, бить как обухом по голове – ոնց որ գլխից խփեն* и др.

2. Фразеологизмы, которые совпадают по значению, образности, лексическому составу и стилистической окраске, но отличаются по таким формальным признакам, как число и порядок слов. Например: *испытать на своей шкуре – իր կաշվի վրա զգալ, надувать губы –պռոշ անել, точить зубы – ատամ սրել, убить время – ժամանակ սպանել, драть / надрывать горло – կոկորդը պատռել, рвать на себе волосы – մազերը փետել, толочь воду в ступе – ջուր ծեծել* и др.

3. Фразеологизмы, которые совпадают по всем признакам, за исключением образности. Например: *доводить до белого каления – հոգուն հասցնել, արյունը պղտորել, лезть на стенку – շուն դառնալ, իրեն ուտել, гусей дразнить – շունը հաչեցնել, շան ոտը կոխել, душить в объятиях – կրծքին սեղմել, волосы рвать на себе – գլուխը թակել, бить смертным боем – աղջան անել, շան ծեծ տալ и др.*

Наряду с соотнесенными фразеологическими единицами встречаются и несоотнесенные фразеологические единицы, так называемые безэквивалентные фразеологизмы или фразеологические лакуны. Во фразеологический фонд всех языков включаются такие безэквивалентные фразеологизмы, которые отсутствуют в одном из языков сравнения. В научной литературе термины «безэквивалентный фразеологизм» и «лакунарная фразеологическая единица», «лакунарный фразеологизм» используются как синонимы. И мы, говоря о безэквивалентных фразеологизмах, будем использовать термин «фразеологические лакунарные единицы». К.Байрамова считает, что «лакунарные фразеологизмы – это…фразеологические единицы, коррелирующие с фразеологическими лакунами сопоставляемого языка. Фразеологическая лакуна – нулевой фразеологический коррелят лакунарного фразеологизма» [3, с. 24]. Данные фразеологизмы представляют собой группу фразеологических сращений, которая обладает какой-либо структурной особенностью и не имеет аналогов ни в структурном, ни в смысловом планах. Чаще всего причиной отсутствия эквивалента, т.е. фразеологической лакунарности, выступают

экстралингвистические факторы – различие культур, образа жизни народов, их быта и ценностно-смысловых установок. Иными словами, фразеологизм обязан своим появлением какому-либо народному обычаю, характерному для одной из наций. Например, русские безэквивалентные ФЕ, которые не имеют эквивалента в армянском языке: *ломать шапку, ломать копья, вешать лапшу на уши, казнить и миловать, давить медведя, сорвать пуп, бить рублем, давать дрозда, ломать комедию, дать березовой каши, сшибать бабки, Ваньку ломать, отделять злаки от плевел, срывать золотую щетинку, ломать фасон и др.* Одним из способов преодоления фразеологической лакунарности является калькирование, или буквальный перевод фразеологизма одного языка на другой. С.Г.Тер- Минасова отмечает, что «язык фиксирует далеко не все, что есть в национальном видении мира, но способен описать все» [11, 48].

При отсутствии фразеологического эквивалента нужно подобрать в языке перевода (ПЯ) фразеологизм с таким же переносным значением, основанным на ином образе. Данные ФЕ являются аналогами, так как в составе ФЕ двух языков различается образная основа компонентов–глаголов: *бить отбой – խուքից ետ կանգնել, бить челом – ոտքերը պաչել, дать памятку – այնպես ծեծել, որ հոր հարսանիքը միտը գա, клином не выколотить – արյան մեջ լինել, глаза горят – բերանի ջուրը գնալ, лопни мои глаза – գետինը մտնեմ թե..., таять на глазах – ոտի վրա հալվել, не ударить лицом в грязь – սևերես չմնալ, разбиваться в лепешку – կաշվից դուրս գալ, хоть глаз выколи – մարդ աչքը կոխես` չի տեսնի, пороть ахинею – ավել – պակաս խոսել* и др. При этом ряд русских фразеологизмов не имеют соответствий в армянском и получают описательное объяснение: *язык заплетается – հուզմունքից չկարողանալ խոսել, язык не поворачивается – չկարողանալ/չհամարձակվել մի բան ասել, бить наверняка – անսխալ գործել, ուղիղ դեպի նպատակին գնալ, убить бобра – շատ արժեքավոր բան ձեռք բերել, стрелять глазами – աչքերն արագությամբ մի բանից մյուսն ուղղել, ломать дурака – իրեն հիմարի տեղ դնել, ломать копья – տաք-տաք վիճել, драть козла – շատ վատ երգել* и т. д. Как уже отметили, к безэквивалентным фразеологическим единицам относятся ФЕ, не имеющие фразеологических соответствий в другом языке. Очень часто в таких единицах отражаются национально-культурные особенности. В армянском языке можно найти широчайший диапазон междометийных фразеологизмов, в которых основным компонентом является глагол, не имеющих эквивалента в русском: например, *քոռանա՜մ ես; վա՜յ, մեր տան լույսը հանգավ; վա՜յ, տունս քանդվեց; մեռած եմ, թաղած չեմ;հողե՜մ գլուխդ; սա՛ղ-սա՛ղ թաղեմ; անիծվե՛ս դու; վ՜այ, քո արևը մարի' и др.*

Таким образом, сопоставительное изучение русских и армянских ФЕ с деструктивными глаголами показывает, что по основному понятию и способу его словесного выражения русские фразеологизмы, с точки зрения их соответствий в армянском, можно разделить на 3 группы:

1. Фразеологизмы с адекватным значением и таким же словесным выражением в обоих языках. Подобные фразеологизмы в обоих языках существуют самостоятельно и возникают как результат переосмысления синтаксически свободных сочетаний слов. Например*: терять / потерять голову – գլուխը կորցնել, подливать масла в огонь – կրակի վրա յուղ լցնել, обломать бока – կողերը ջարդել, драть кожу – կաշին քերթել, вешать нос – քիթը կախել, разбивать сердце – սիրտը կոտրել, сбить с пути – ուղուց շեղել, драть глотку – կոկորդ պատռել, лупить глаза –աչքերը չռել, биться головой об стенку – գլուխը պատին տալ, ломать голову – գլուխ ջարդել, ухо режет – ականջ ծակել / սղոցել и др.*

2. Фразеологизмы, одинаковые по семантике, но отличающиеся образами и формой словесного выражения. Под такими фразеологизмами, кроме их толкованиия, приводятся также соответствующие по значению армянские эквиваленты. Например: *сердце кровью обливается – սիրտը կտոր-կտոր լինել, кусать <себе> локти – ինքն իրեն ուտել, оцеживать комара – ջաղացը կորցնել` չախչախի ետևը ման գալ, душа горит – սիրտը դաղվել, доводить до белого каления – հոգուն հասցնել, արյունը պղտորել, лезть на стенку – շուն դառնալ, իրեն ուտել, гусей дразнить – շունը հաչեցնել, շան պոր կոխել, зарубить* <себе> *на носу – ականջին օղ անել и др.*

3. Фразеологизмы русского языка, содержание которых в армянском не воспринимается в качестве ФЕ, так как самобытная форма выражения соответствующих понятий чужда армянскому языковому мышлению. В подобных случаях необходим нефразеологический перевод, поэтому в словарях обычно дается толкование этих фразеологизмов на армянском языке. Например: *наломать дров –որևէ հանձնարարություն, գործ կատարելիս թույլ տալ սխալներ, գործը հիմարաբար անել, язык заплетается – հուզմունքից չկարողանալ խոսել, язык не поворачивается – չկարողանալ/չհամարձակվել մի բան ասել, давать киселя –մեկի քամակին ծնկով խփել* и т. д.

Итак, фразеология русского и армянского языков характеризуется значительным сходством, причем черты сходства не ограничиваются чисто внешней близостью фразеологизмов, а простираются глубже, затрагивая структурный, структурно-семантический и этимологический аспекты. Однако, в результате анализа фразеологических единиц с деструктивными глаголами русского и армянского языков было установлено, что в ряде случаев выразительность фразеологизмов, их отличительные признаки могут носить национально-культурный характер. Отражая быт и культуру, миропонимание и психологию народа, фразеологизмы характеризуются национальной самобытностью, носят отпечаток мышления данной народности. В таком случае возникают фразеологические лакунарные единицы, в которых актуализируются важные для народа понятия, реалии, ситуации, которые, могут быть понятны и другому народу, но они не получили вербального выражения в его языке из-за особенностей миропонимания народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арапова Н. С. Калька // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. - М.: Изд-во Сов. энциклопедия, 1990, с. 211

2. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ ФЕ (на материале фразеологических единиц семантически ориентированных на человека в английском и русском языкагх). Казань: Издательство Казанского университета, 1989, 128с.

3. Байрамова Л.К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны // Вестник Челябинского гос.ун-та. – 2011. - № 25. – Филология и искусствоведение. Вып. 58. – С. 22 – 27.

4. Карабахцян Э.К. Особенности способов и приемов перевода фразеологизмов различных языковых культур// Филология и лингвистика в современном обществе: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Москва, май 2012 г.). – М.: Буки-Веди, 2012

5. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. / А.В. Кунин.-М.: Высшая школа, 1972. -288с.

6. Мартиросян А.Г. Особенности фразеологических единиц русского и армянского языков и их перевод, // Язык как фактор интеграции образовательных систем и культур: сб. науч. ст. по итогам междунар. науч.-практ. конф. / НИУ БелГУ, Петров. акад. наук и искусств, Белгород, 2011. - Вып.VI, ч.1., с . 97-99, см.: www.

7. О словаре фразеологических эквивалентов Хуснутдинов А.А. (Ивановский государственный университет)

Л

усско-французский словарь / Сост. Л. В. Щерба, М. И. Матусевич, М. Ф. Дусс. Под общ. рук. и ред. Л. В. Щербы. М., 1936, 491 с. Предисловие к русско-французскому словарю.

аркисян И.Р., Мидоян М.А. Проблема эквивалентности русских и армянских фразеологизмов, выражающих чувства и эмоции, в ракурсе минимизации рисков недопонимания в межкультурном диалоге. // Международный научный журнал “Инновационная наука” № 8 . - Уфа, изд. Аэтерна, 2017.

арасова Ф.Х. Межъязыковая эквивалентность в разноструктурных языках (на примере паремиологических конструкций концепта «пища»). // Вестник Челябинского государственного педагогического университета, №4, 2009, с. 267-275.

ер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. - М., 2000.

12. Черданцева Т.З. Язык и его образы. М., МО, 1977, 167с.. с.9, с.113-114.

13. Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании.//Языковая система и речевая деятельность.Л., Наука, 1974, 428с., с. 24-38.

14. Բաղիկյան Խ. Դարձվածային միավորների ծագումը և նրանց առաջացման աղբյուրները, Եր., 1986, см. www. shirak.asj-oa.am/150/1/37-44.pdf

15. Մելքումյան Ռ.Լ. Հայ-ռուսական դարձվածաբանական բառարան.Երևան, 1975.

Особенности армянской модели менеджмента

Симонян А. С.
Российско – Армянский университет, Институт экономики и бизнеса (Ереван, Армения)
aleksandrsimonya1996@gmail.com

Ключевые слова: армянская модель, менеджмент, решение

Մենեջմենթի հայկական մոդելի առանձնահատկությունները

Սիմոնյան Ա.Ս.
Ռուս-Հայկական Համալսարան, Բիզնեսի և տնտեսագիտության ինստիտուտ (Երևան, Հայաստան)
aleksandrsimonyan1996@gmail.com

Ամփոփում: Տվյալ գիտական աշխատանքում դիտարկվել է մենեջմենթի հայկական մոդելի էությունը, նրա առավելություններն ու թերությունները, զարգացման տարբեր պատմական նախադրյալները, ինչպես նաև առաջարկություններ են տրվել կառավարման տվյալ մոդելի վերաբերյալ:
Վճռորոշ բառեր՝ հայկական մոդել, մենեջմենթ, որոշում

Features of the Armenian Management Model

Simonyan A.S.
Russian – Armenian University, The institute of economics and business (Yerevan, Armeina)
aleksandrsimonyan1996gmail.com

Abstract: In this scientific work was considered the essence and of Armenian Management Model, Its advantages and drawbacks, different historical prerequisites of development, also made recommendations regarding the efficiency increase of the model
Keywords: Armenian Model, Management, Decision

Введение

Для создания и развития менеджмента в определенной стране необходимо изучение культурных и исторических особенностей данной страны. Модель, которая является успешной для определенной ситуации, часто оказывается провальной для другой. Институциональные особенности в Армении создают серьезные преграды для реализации передовых западных моделей в стране. Крайне важна развитие собственной модели, основанная на национальных особенностях.

Материал и Методы

Материалом для данной работы послужили различные статьи, такие как научная работа Джона Коммона относительно науки управления, электронные ресурсы и статистические данные. В процессе исследования проблемы использовались методы логического и сравнительного анализа.

Обсуждение

Для изучения армянской модели менеджментf необходимо изучить способ мышления народа, рассмотреть институты армянской действительности, способствовавшие сплочению или наоборот дивергенции армянского народа, рассмотреть какие из этих институтов действительны на сегодняшний день и какие могут появиться в скором будущем, выявить взаимосвязи данных институтов с современным экономическим положением РА. На основе данного анализа необходимо выработать модель менеджмента, которая создаст необходимые предпосылки для процветания и развития армянского народа.

Армяне являются одним из древнейших народов на Земле, с богатейшей истории и традициями. Многие ученые считают, что цивилизация возникла именно на Армянском нагорье, аргументируя это находками, подтверждающие человеческую деятельность на данной территории времен верхнего палеолита (50 тысяч лет назад) [**1**, с. 20]. В месте тем существует множество теории происхождения самого армянского народа, однако, в независимости от того появились ли армяне вследствие слияния фригийского элемента (носителя индоевропейского языка) с автохтонным населением Армянского нагорья, термин «Армения» впервые был упомянут в 6 веке до н.э. [**2**]. Исходя из данного факта, древность нашего народа неоспорима и должна быть изучена, а практические знания относительно истории должны быть отражены в национальной модели менеджмента.

Крайне интересным является легенда происхождения армянского народа, изложенная Мовсесом Хоренаци в книге «История Армении» [**3**, с. 40], в которой праотец Айк вместе со своими братьями поднял восстание против тирана Бэла, царя Вавилона. После того, как Айк пронзил стрелой глаз Бэла, он основал поселение на северо-западе от Вавилона, которое в итоге стало Армянским Царством. Интересным является то, что восхваляя поступок Айка, армяне одновременно восхваляют и идею восстания против власти, отделение от общего и, в конечном итоге, индивидуализацию. Очень схожая ситуация и в эпосе Давид Сасунский, когда Давид в одиночку разбивает армию Мсра Мелика [**4**, с. 40]. Безусловно, нельзя делать крупных выводов исходя из легенд и эпосов, но проблема коллективности и отсутствие общей цели оказывали пагубный эффект на армянскую государственность всю историю существования Армении.

Армянская история полна героев и славных сражений, благодаря которым армяне сохранили свое существование и отстояли свои религиозные взгляды. Одним их наиболее ярких сражений является Аварайская битва 451 года, 26 мая или 2 июня [**5**]. Информация о данном сражении до нас дошла из работ Великих Егише и Хазара Парпеци, которые несомненно передали нам версию церкви и Дома Мамиконянов, возвеличив Вардана и обесчестив Васака Сюнеци. Егише с несправедливой ненавистью описывает князя Сюника, возможно и нарочно скрыв факт, что его дети были взяты в плен. Вардан Мамиконян после своей смерти был причислен к святым, а Васак - проклят и покрыт позором. На самом деле Васак, будучи самоотверженным и очень умным человеком, вместо того, чтоб поставить страну под риск полного уничтожения во имя религии, пошел по пути становления независимости страны, что было его заветной мечтой.

«Предательство» Васака ярко подчеркивает насколько высока было влияние знати и церкви в Древней Армении. Их автономия и военная мощь, причинили гораздо больше вреда, чем пользы, ибо инициировали конфликты внутри самой страны, чем позже пользовались внешние враги. После 1 разделения Армении в 387 году [**6**], армянские нахарары часто объединялись либо на Западе с Византией, либо на Юге с Ираном, и выступали против Армении.

Как мы видим, отсутствие государственного самосознания, эмиграция, отсутствие сплоченности послужили главными факторами в ослаблении высокоразвитой древней нации.

Великий армянский военный и политический деятель, философ - Гарегин Нжде, понимая многовековое отсутствие у армянского народа духа коллективности, призвал всех армян мира сосредоточить усилия на достижении общей цели – объединении армян на их исторической территории, основав идеологию Цехакронизма [**7**, с. 17]. Согласно данной идеологии, человек не может полноценно существовать без своей нации, которая является для него наивысшей ценностью.

Гарегин Нжде в идеологии цехакронизма определил два основных принципа, без принятия которых невозможно объединение армян и создание сильного армянского государства:

1. «В наших несчастиях виноваты прежде всего мы»
2. «Силу, которая нам нужна, мы должны искать прежде в нас самих.

Признание факта, что только мы можем помочь себе в создании сильного государства, а помощь «союзников» - губительная ошибка, которую мы допускаем из века в век является первым важным шагом для достижения организованности и единства.

Идеология цехакронизма разделила армянский народ на 3 категории: «человек рода», «народ» и «отребье» [**8**, с. 26]. «Человек рода» и «отребье» являются двумя противоположными образами армянина, дуйствующими на собственное блага или на благо других людей. Согласно Нжде «народ» является лишь объектом управления «человека рода» или «отребья» Если «народом» управляет «отребье», то происходит разложение общества и уничтожение ценностей, а при управлении «человека рода» - процветание и всеобщее развитие.

Безусловно, одним из базовых ценностей согласно классификации Милтона Рокича, для армян является семья. Для достижении этой базовой ценности, необходимыми являются самореализация и материальный достаток, поэтому трудолюбие и работоспособность свойственны армянскому народу. Крайне странным, является то, что армяне, будучи патриархальным традиционным народом, ценящим семейные ценности, рассеяны по всему. Идеология цехакронизма отвечает на этот вопрос, аргументируя тем, что армянами управляло «отребье», а сам «народ» ставил собственные цели и безопасность выше безопасности других армян, в результате чего «народ» был вынужден покинуть собственные земли, этот процесс продолжается и на сегодняшний день.

Известный ученый – экономист Дуглас Сесил Норт, в своих работах посвященных институциональной экономики, утверждает, что инс-

титуты определяют правила игры рынка, а организации являются участниками этого рынка, если организации не могут максимизировать прибыль, то институты должны подвергнуться изменениям [**9**]. В армянской действительности институты не всегда позволяют умному и трудолюбивому человеку максимизировать свою прибыль, однако процесс изменения институтов не осуществляется, либо осуществляется слишком медленно, в результате чего люди вынуждены перейти в другую институциональную среду.

Большой интерес представляет с собой взгляд Джона Коммонса на конфликты, возникающие в капиталистическом обществе, в результате чего между различными участниками рынка возникают несогласия, противоречия и несправедливое распределение доходов, а государство выступает в роли «арбитра», которые должно регулировать конфликты наиболее благоприятным способом [**10**]. В результате конфликтов и их разрешений государством происходит прогресс общества, из которых она переходит из одной фаза капитализма в другую, более справедливую. Однако, исходя из исторического анализа представленного выше, армянский народ фундаментально негативно относится к государственному вмешательство, в результате чего об разрешении конфликта не может идти и речи, ибо нет доверия к государству даже на подсознательном уровне, а государство в свою очередь, не разрешая конфликты – не развивается.

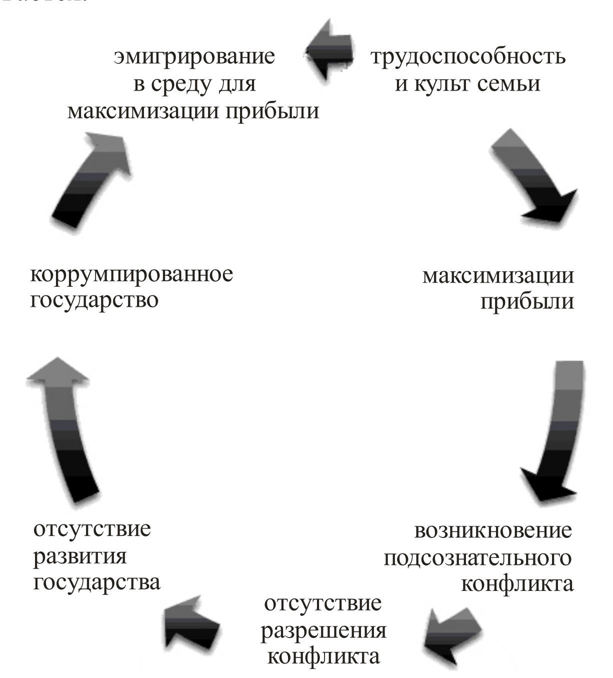

Рисунок 1. Взаимосвязь ценностей армянского народа и эмиграцией[1]

Исходя из научных теорий Коммонса и Норта, армянских ценностей и способа мышления, основанного на многовековой истории, в армянской действительности происходит замкнутый круг развития и недоверия. Преодолев данную взаимосвязь факторов, возможно только коллективными усилиями и соответствующими моделями управления.

В истории имеются множество примеров «цивилизационного прорыва», но один пример является наиболее подходящим для сравнения с армянской действительностью. Государство Израиль, образованное в 1948 году, не существовало много сотен лет [**11**]. Евреи, подобно армянам, были рассыпаны по всему миру, однако на сегодняшний день население Израиля продолжает расти, возвращая на свою историческую Родину евреев со всего света. Образ мышления еврейского и армянского народов во многом совпадает: оба народа являются представителями древних цивилизаций, оба народа подарили множество выдающихся ученых и общественных деятелей и, наконец, оба народа являются носителями индивидуалистического мышления, а самое главное – оба народа подвергались гонениям и пережили геноцид. Однако, на сегодняшний день руководство Израиля создает благоприятные условия работы для работы «индивидуалистов», вследствие чего Израиль процветает, что нельзя сказать об Армении

Крайне интересным являются данные сайта hofstede-insights относительно оценки культурных характеристик Израиля. Согласно исследованию, индекс дистанция власти в Израиле, крайне низок – 13 балов. Власть децентрализована, менеджер полагается на опыт и компетентность своих рабочих, в организациях царит неформальная атмосфера, а культура данной нации нацелена непосредственно на достижение результата. Индекс избежание неопределенности в Израиле составляет 81 балов, что говорит об эмоциональной привязанности к правилам и порядку. Евреям присущ упорный труд и занятость, часто они руководствуются принципом «время деньги» Индексы маскулинизма и индивидуализма занимают промежуточные значения и равны 47 и 54 балам соответственно. В Израиле ценятся, как и мужские ценности, такие как достижение результата, так и женские - забота о других. Для израильтян крайне важна самореализация, но при этом не мало важным считается и помощь соотечественникам. Наконец, израильтяне – народ с краткосрочной ориентацией, индекс равен 31 балу. Они несклонны сберегать деньги и глубоко почитают традиции [**12**].

[1] Составлено автором

Результаты

Нельзя отрицать схожесть армянских и еврейских народов, когда речь заходит об упорном труде, степени индивидуализации и интеллекте. Более того, даже исследования гаплотипов армянских и еврейских народов выявили родственную связь [**13**]. Однако на сегодняшний Израиль в своем развитии находится далеко впереди Армении. Безусловно, львиная доля развития государства, зависит от уровня развития менеджмента .

Исходя из анализа, проведенного выше, предлагается тип эффективного армянского менеджера, который охватывает все культурные и институциональные особенности народа. Тип эффективного армянского менеджера обладает следующими характеристиками:

Обладает высокими специализированными знаниями.
Делегирует полномочия нижестоящим рабочим.
Стимулирует профессиональную подготовку подчиненных.
Владеет несколькими языками и знаниями о международной среде.
Знает историю своего народа, не допускает прошлых ошибок.
Создает дух коллективности в организации.
Постоянно развивается и ставит перед собой новые цели.
Нацелен на результат и поощрение лучших сотрудников.

Рисунок 2. Характеристики армянского менеджера

Армянские народ ценит технологические знания, поэтому менеджер «джералист» не сможет стать моральным авторитетом в организации, а сами подчиненные, будучи трудолюбивыми и работоспособными, будут привязаны к организации, в том случае если их труды будут вознаграждены. Для обучения подчиненных менеджер сам должен развиваться, используя при этом передовой международной опыт. Также он должен быть нацелен на эффективное достижение целей организации, а иначе его профессиональность будут подвержена сомнению. Поощрение лучших сотрудников, приведет к здоровой конкуренции в организации, что позволит повысить ее эффективность. Ставя перед собой новые цели и достигая их, армянская организация в конечном итоге становится конкурентоспособной на международной уровне, что, согласно Майклу Портеру, повышает конкурентоспособность нации.

Менеджер должен создавать условия для привлечения лучших сотрудников в свою организацию, в результате чего решится одна из самых серьезных проблем РА – отток населения. Власти, в свою очередь, должны создавать все предпосылки для того, чтобы население развивало соответствующие навыки и соответствовало требованиям организаций. В результате сотрудничества властей с организациями, население сможет удовлетворить свои индивидуальные потребности, а доверие к власти будет повышено, что позволит создать сильное и конкурентоспособное государство.

Список использованной литературы:

1. **Дьяков**: «Предыстория Армянского Народа» Г. 1968.
2. **Smisht R.** «ARMENIA and IRAN i. Armina, Achaemenid province» Url http://www.iranicaonline.org/articles/armenia-i Дата обращения (15.11.2017)
3. **Մովսէս Խորենացի** «Պատմութիւն հայոց»
4. **Հովհաննես Թումանյան** «Սասունցի Դավիթ», 190:
5. Saint Eghishē (Vardapet), Robert W. Thomson, «History of Vardan and the Armenian War», 1982:
6. Фавстос Бузанд. История Армении. - Ереван, 1953.
7. **Նժդեհ Գարեգին** «Ցեղի ոգու շարժը». 1934
8. **Բարսեղյան Արմենակ** «Ցեղակրոն շարժումը»
9. Robert H Bates: the new Institutionalism: The work of Douglas North. Year 2017 URL https://scholar.harvard.edu/rbates/publications/new-institutionalism-work-douglas-north Дата обращения (15.11.2017)
10. **John R. Commons**, “Institutional Economics” American Economic Review, vol. 21 (1931), pp. 648-657.
11. **Ausubel, Natan**: The book of Jewish Knowledge, Year 2005
12. Hofstede Insights: Country comparison https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/israel/ Дата обращения (15.11.2017)
13. Human Genetics http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1046/j.1529-8817.2004.00092.x/full Дата обращения (15.11.2017)

Сдана/Հանձնվել է՝ 02.03.2020
Рецензирована/Գրախոսվել է՝ 06.03.2020
Принята/Ընդունվել է՝ 10.03.2020

УДК 72.012.183

АРМЯНСКАЯ ОРНАМЕНТИКА И ОРНАМЕНТАЛЬНОЕ ИСКУССТВО В ЭКСТЕРЬЕРЕ АРМЯНСКИХ ХРИСТИАНСКИХ ХРАМОВЫХ СООРУЖЕНИЙ

Т.С. Мрян, А.В. Огурцов

Ивановский государственный политехнический университет
(Институт архитектуры, строительства и транспорта)

ARMENIAN ORNAMENT AND ORNAMENTAL ART IN THE EXTERIOR OF THE ARMENIAN CHRISTIAN TEMPLE CONSTRUCTION

T.S. Mrian, A.V. Ogurtsov

Ivanovo State Polytechnic University
(Institute of architecture, construction and transport)

В данной работе рассмотрен вопрос перенесения армянского орнамента в экстерьер армянских христианских храмовых сооружений и осмысления функции, которые он выполняет (исключая эстетическую) в пространстве сакральной архитектуры.

This paper considers the purpose of transferring the Armenian ornament to the exterior of armenian christian temple structures, to comprehend the functions that it performs (excluding aesthetic) in the space of sacred architecture.

Ключевые слова: архитектура, орнамент, национальность, храм.

Keywords: architecture, ornament, nationality, temple.

Если спросите меня, где на нашей планете можно встретить больше чудес, я назвал бы Армению… Поневоле поражаешься, видя, что в таком небольшом уголке мира можно встретить такие памятники и таких людей, которые могут явиться украшением и гордостью всего мира.

Рокуэлл Кент

Армянский стиль – это живой единый организм, который лёг в основу происхождения и идейного содержания армянской орнаментики и орнаментального искусства («зардарвест»). Его изобразительные традиции стали основой формирования самобытности армянского архитектурного стиля с рельефной орнаментикой.

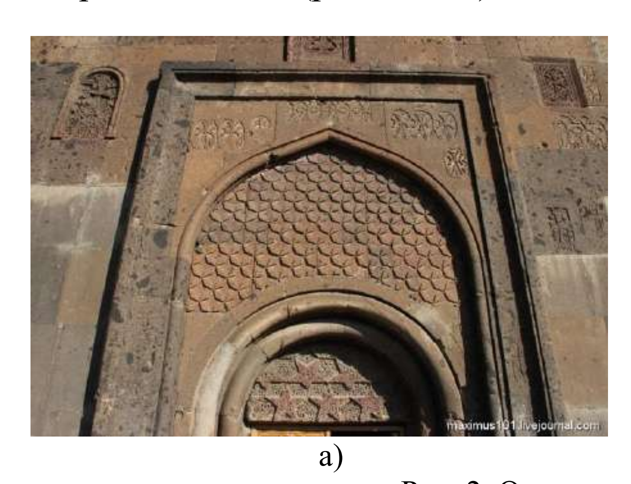
Армянский орнамент богат многообразием мотивов, видов и форм. Основная интенция заключается в понимании и цели перенесения орнамента в экстерьер армянских христианских храмовых сооружений; осмыслении функции, которые он выполняет (исключая эстетическую) в пространстве сакральной архитектуры [1].

Армянское нагорье в разные времена населяли различные народы, причём многие древние государства боролись за эти территории. В результате армянская архитектура и искусство орнамента впитывали особенности разных традиций и народов – от урартов и греков до ассирийцев и персов (например, эллинистический храм Гарни, рис. 1), сохраняя при этом яркую национальную самобытность.

Рис. 1. Эллинистический храм Гарни

Архитектура средневековой Армении V – VII веков отличалась простотой и величием. Становление единого художественного организма христианского сооружения было процессом постепенным. К X веку армянская архитектура приобрела особенные национальные очертания. Армянские христианские сооружения аккуратно орнаментированы: узорами покрыты входные порталы, окна, фасады. Нельзя сказать, что орнамент обилен – напротив, его немного, но он ненавязчиво вписан в общий стиль построек, что придаёт армянским храмам неповторимый облик (рис. 2, а, б).

а)

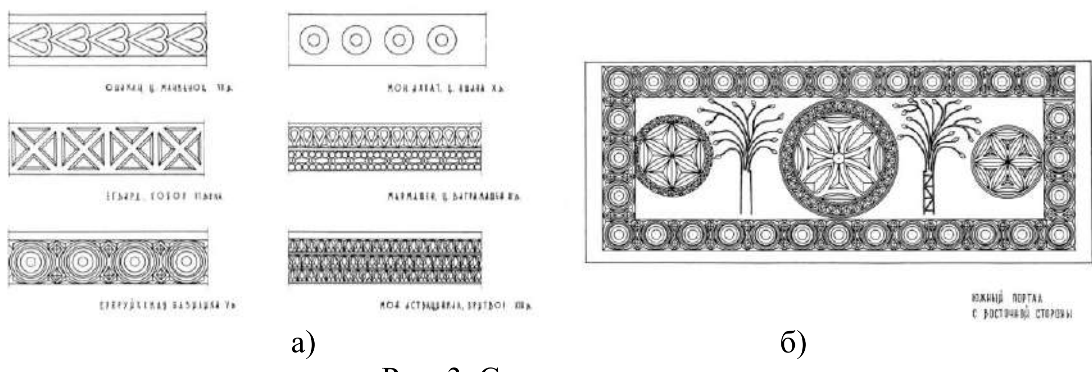

б)

Рис. 2. Орнаменты порталов

Изображение для древних армян, как отмечал В.Г. Ваганян, – это, прежде всего, коммуникационный язык, священный знак, обладавший животворной силой. Создать изобразительный знак предмета или идеи – значило оживить их, усилить, освятить, сберечь и увековечить их жизненную силу, сохранить навыки, умения, знания, мысли, передать их из поколения в поколение. К этому надо прибавить, что художественная деятельность армян была обращена главным

образом на архитектуру, на орнаментику, рядом с которой другие две отрасли изобразительного искусства – скульптура и живопись – играли лишь подчинённую ей роль. Между тем нельзя говорить о том, что орнамент выполняет исключительно декоративно-эстетическую функцию. С древних времён он имел символическое, магическое значение, передавая представления человека об устройстве мироздания и его философском осмыслении. Недаром самые простые знаки, символы (круг – солнце, треугольник – гора, спираль – движение и др.) использовались в экстерьере храмов (рис. 3, а, б).

а) б)

Рис. 3. Символы и знаки

Орнамент не относится к исключительно национальному или эпохально-временнóму явлению [2]. Это средство межнационального общения, диалога культур, некий интертекст, способствующий коммуникации различных народов (или индивидуумов внутри одного народа), причём вне времени и пространства. В нём закодирована информация, суть которой есть мудрость человечества, передаваемая из поколения в поколение, как, например, новая церковь Иоанна Крестителя в Абовяне (рис. 4, 5).

Рис. 4. Портал в церковь Иоанна Крестителя

Рис. 5. Орнамент

Орнамент считается предтечей пиктографии и идеографии, которые, в свою очередь, отражают этапы развития письменности. Древние народы с помощью рисунков и условных изображений (иконических знаков) фиксировали информацию, передавая её в письменной форме. Иконическая природа орнамента изначально была призвана к коммуникативному действию, что подтверждает вторичность его эстетической функции. Древние народы с большим почитанием относились к данному способу передачи информации. Орнамент не

мог состоять из беспорядочно повторявшихся элементов – каждой чёрточке, каждой точке придавался особенный смысл. Не менее важным было и место размещения орнамента: предмет и изображённый на нём узор представляли собой единое, неделимое целое. Таким образом, можно говорить о том, что орнамент выполняет три функции: эстетическую (декоративную), сакрально-магическую, коммуникативную [2].

Размещение орнамента на армянских храмах как сооружениях сакрального характера не случайно. Поддержание диалога с Миром богов (Бога) составляло важнейшую задачу для людей древнего мира и средневековья. В рамках религиозного мировоззрения оформлялись обрядовые и ритуальные практики коммуникации в специальном эстетическом пространстве храма. Как уже говорилось, орнамент никогда не бывает «собран» произвольно – это всегда целостность символов и знаков, которая является культурным кодом, позволяющим в процессе интерпретации раскрывать смысл послания и обеспечивать его понимание «читателем». Архитектурное сооружение в данном случае «выполняет функцию «перевозчика» в этот сакральный мир ценностей благодаря способности человека к интерпретации, символизации и трансцендентному пребыванию в виртуальной реальности. Притом общение с Богом в пространстве храмового комплекса происходит через процесс считывания, расшифровки и интерпретации элементов архитектурного сооружения, в частности орнаментального декора. Итак, орнамент есть праписьменный способ передачи информации, при котором коммуникация происходит на нескольких уровнях: между людьми и поколениями людей, между различными культурами и эпохами, между разными реальностями.

Армянский стиль созвучен закономерностям природы, в нём имплементированы известные законы гармонии, математики, золотого сечения, чисел Фибоначчи и др. Геометрические свойства креста, квадрата, круга, ромба, окружности, эллипса, трапеции, спирали, треугольника и других фигур были искусно воплощены в творчестве художников и мастеров, которые с величайшим чувством гармонии и простоты использовали плоскость камня и её трёхмерность для передачи изобразительных образов в трансформирующейся среде во времени и в пространстве, когда в зависимости от времени суток и года одно и то же изображение как бы оживало, начинало «играть», двигалось в тенях и проекциях света [3]. Тем самым древние художники отображали идею «псевдомультипликации», имитировали процессы движения света, тени, луны и солнца. Фигуры двигались, как бы пробуждаясь, как бы вставая и танцуя. Они сближались и сражались друг с другом, стремились продемонстрировать свои качества, влияли на чувства зрителей (рис. 6).

Важно научиться читать эти послания и расшифровывать информацию, закодированную в искусстве орнаментики – возможно, наши предки пытались донести до нас некие важные истины, о которых мы, отдалившись в эпоху всеобщего прогресса и цифровых технологий от природы и естественной правды, к сожалению, совсем позабыли. Красота армянских храмовых сооружений никого не оставляет равнодушным.

Рис. 6. Идея «псевдомультипликации»

На протяжении многих веков армянские художники развивали, оттачивали и доводили до филигранного совершенства искусство орнаментики, превращая грубые каменные глыбы в кружевные произведения искусства, вызывающие чувство восхищения.

Выводы

Орнамент – явление многофункциональное, поскольку основной целью орнаментального, на первый взгляд, эстетического украшения является передача информации последующим поколениям и символическое общение с Творцом в макрокосмическом пространстве храма.

Results

Ornament is a multifunctional phenomenon, since the main goal of ornamental, at first glance, aesthetic decoration is to transmit information to subsequent generations and symbolic communication with the Creator in the macrocosmic space of the temple.

Библиографический список

1. Бальян К. В. Исторический труд о средневековой архитектуре стран Закавказья // Academia. Архитектура и строительство. 2013. № 6(26). С. 18–20.
2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.advantour.com/rus/armenia/culture/architec.htm
3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.armenianarchitecture.am/v2/index.php?Language=2

Referensces

1. Balian BV. Historical work on the medieval architecture of the countries of the Transcaucasus // Academia. Architecture and construction. 2013. No. 6 (26). P. 18–20.
2. [Electronic resource]. Access mode: https://www.advantour.com/rus/armenia/culture/architec.htm
3. [Electronic resource]. Access mode: http://www.armenianarchitecture.am/v2/index.php?Language=2

УДК 371.39

ЭЛЕМЕНТЫ АРМЯНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БОРЬБЫ «КОХ» КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ВНЕДРЕНИЯ ЭТНОПЕДАГОГИКИ В ПРОГРАММУ ОСНОВНОЙ ШКОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Х. Г. Юзбашян
Спортивно-культурный союз «Джавахк» г. Бакуриани, Республика Грузия

Ключевые слова: этнопедагогика, образование, студенты, национальность, борьба, "Кох", Армения, молодое поколение.

Аннотация. В данной статье рассматриваются и анализируются значение и роль этнопедагогики и этнопсихологии как особого направления в общей педагогике, результаты которого полезны для подрастающего поколения и общества в целом. Также анализируются характерные черты армянской национальной борьбы "Кох" в процессе обучения в основной школьной программе. Автор приходит к выводу, что проектный метод, применяемый в физическом воспитании в рамках основного образования в общеобразовательной организации, создает благоприятную среду для повышения интереса учащихся к уроку физической культуры в целом и армянской национальной борьбе "Кох" в частности.

ELEMENTS OF THE ARMENIAN NATIONAL STRUGGLE "KOCH" AS AN EFFECTIVE WAY OF INTRODUCING ETHNO-PEDAGOGY INTO THE PROGRAM OF THE BASIC SCHOOL SYSTEM OF EDUCATION

KH. G. Yuzbashyan
Sports and Cultural Union "Javakhk" Bakuriani City, Republic of Georgia

Keywords: ethno pedagogy, education, students, national, struggle, "Koch", Armenian, the younger generation.

Annotation. This article examines and analyzes the significance and role of ethno pedagogics and ethno psychology as a special direction in general pedagogy, the results of which are useful for the younger generation and for society as a whole. And also the characteristic features of the Armenian national struggle "Koch" in the process of studying in the basic school program are analyzed. The author

concludes that the project method, while used in physical education within the framework of the basic education in the general education organization, creates a favorable environment for increasing the students' interest in the Physical Education lesson in general and in particular the Armenian national struggle "Koch".

Введение.

Включение элементов армянской национальной борьбы «Кох» в школьную программу физического воспитания считаем необходимым. Мы предлагаем своеобразную методику обучения. Введение элементов западно-армянской и восточно-армянской борьбы «Кох» на занятиях зависит от возрастных особенностей, от подготовленности, от обычаев и традиций. Во время урока необходимо учитывать опыт занимающихся и весовые категории, а так же развивать скоростно-силовые качества и силу мышц спины, шеи и плеч. В целях совершенствования технико-тактического опыта, следует внести в урок учебные схватки, в которых отрабатываются различные ситуации поединка, особенности схватки на краю борцовского ковра.

Построение любого занятия связанно с некоторыми факторами: педагогическими задачами, физиологическими и психологическими состояниями и подготовленностью занимающихся. Нашей целью является развитие духовных и физических способностей учащихся. Нравственность как фактор формирования личности и воспитания в интересах семьи. Исходя из общих направлений воспитания и подготовки танцора-борца, в процессе урока решаются следующие задачи: нравственное, эстетическое и интеллектуальное воспитание.

В настоящее время, как отмечают многие ученые, несмотря на процессы глобализации, унификации жизни, «народность» и проблемы этносов мира остаются главнейшими факторами бытия. Процессы расширения межкультурных взаимосвязей, распад целого ряда многонациональных стран и ряд других объективных и субъективных факторов привели к тому, что между народами стал вопрос о тесном сотрудничестве в разных отраслях, в том числе по физическому воспитанию, где большую роль играет этнопедагогика. Особенностью традиционной физической культуры нации является то, что в условиях изменяющегося мира она не подтверждена трансформации, благодаря вековому отбору настоящего, ценностного, истинного воплощающего в себе национального многовекового духа.

В течение своего исторического пути развития, армянский народ создал своеобразные черты народно-национальной физической культуры, среди которых ярко выделяются оригинальные игры, состязания, проводившиеся в дни национальных и религиозных праздников и часы досуга.

Народно-национальные физические упражнения и игры имеют огромную практическую ценность, являются позитивным источником обогащения. Содержание школьной физической культуры является одним из эффективных средств физического воспитания подрастающего поколения [6].

Цель исследования: обосновать необходимость внедрения элементов армянской национальной борьбы «Кох» в процесс физического воспитания в основной школе.

Методы исследования.

Методы исследования: теоретический анализ и синтез.

Результаты исследований и их обсуждение.

До сих пор применение армянской национальной борьбы «Кох» в школьной физической культуре, к сожалению не практикуется. В настоящее время необходимо уделить большое внимание прогрессивным народным формам и средствам физического воспитания, проверенным самой жизнью на протяжении многих веков. Между духовно-нравственным, образовательно-воспитательным потенциалом армянской национальной борьбы «Кох» и школьной системой образования не отражено педагогическое содержание традиционной физической культуры подрастающего поколения.

Каждому народу в зависимости от его социально-экономических условий развития были свойственны определенные виды физических упражнений и игры, которые впоследствии составляли средство народной системы физического воспитания. Культурная сокровищница каждой нации все больше обогащается творениями, приобретающими интернациональный характер [11].

Изучение развития педагогики и педагогической мысли показывает, что общество уделяло недостаточное внимание изучению культуры древних народов, в том числе использованию народного опыта воспитания. Это

способствовало исчезновению многих прогрессивных воспитательных традиций и, в конечном счете, деформировало отношение людей к таким понятиям, как честь, совесть, долг, достоинство, устои взаимоотношений между людьми, а также привело к утрате системы национального воспитания. Воспитание личности подростка зависит в определенной степени, от знания духовных ценностей, этнопедагогической культуры нации и умения использовать их в развитии и формировании личности. Одной из главных проблем продолжает оставаться вопрос изучения и оценки национальных педагогических идей и опыта, их значения по отношению к педагогической науке. Национальная педагогика затрагивает ее основные принципы и имеет непосредственное отношение к организации воспитания, обучения подростков и молодежи в наши дни [2, 3, 4, 7, 8].

Этнопедагогика, как наука о народно-национальной педагогике, дает ответы на вопросы теории народно-национального воспитания. Опыт физического воспитания, как одна из главных направлений этнопедагогики, находит живое применение в формировании и развитии личности. К сожалению, в учебных планах основных и старших школ, в том числе и в вузах, отсутствует преподавание этнопедагогики, применение народно-национальных идей и опыта воспитания.

Воспитание, проверенное опытом предшествующих поколений, оторванное от национальных истоков, носит, по нашему мнению, не конструктивный характер. В национальном опыте заложены громадные воспитательные возможности, и он является неисчерпаемым и фундаментальным источником педагогических знаний.

С рождения ребенок знакомится с национальными средствами воспитания: сказки, поговорки, сказания, пословицы и т.д. Национальность определяется своеобразием языка, географическими, природными и климатическими условиями, менталитетом и, следовательно, своеобразной системой воспитания подрастающего поколения. Сегодня одной из главнейших фактических причин сохранения национальной самобытности и создания выдающихся памятников духовной культуры нации является то, что у каждого народа в труде, быту и созидании сложилась своя система воспитания подрастающего поколения. Изучение национальной системы воспитания позволяет глубже познать нравственный облик, колорит и характерные национальные особенности духовной жизни каждого народа. Очень трудно раскрытие культурного наследия той или иной нации без изучения его педагогической культуры.

У каждой нации найдутся ценные педагогические мысли, находки, методики и средства физического воспитания для подрастающего поколения, которые представляют общечеловеческую ценность. В половине 18-ого века наряду с фокусниками, канатоходцами и другими прямо упоминается и «сословие» борцов. На народных гуляниях стало обычным явлением выступление танцоров-борцов-специалистов [10].

В прежние времена национальная борьба, кулачные бои, метание копья, скачки, стрельба из лука и многое другое были традиционными формами физического и духовного воспитания у разных народов, посредством которых формировались военно-прикладные, физические и духовные качества. Источники свидетельствуют о том, что эти требования предъявлялись частично и к красивому полу, на что указывал Геродот [1].

Армянская национальная борьба «Кох» служила у армян результативным средством физической закалки и развития физических качеств. Главной спортивно-культурной забавой с древних времен у армян была национальная борьба «Кох», об этом свидетельствуют все сокровищницы национального фольклора и эпоса. Армянская национальная борьба «Кох» это самобытная армянская древняя традиция, своеобразный кодекс чести.

Социально-экономические, политические, исторические и природные условия жизни послужили основными источниками возникновения национальных игр и физических упражнений. Физические упражнения обогащались в народной педагогике, приобретали более современные формы и специфические особенности. Практический опыт им передавался из поколения в поколение, обогащаясь новым содержанием. Эти средства использовались в быту и при проведении национальных праздников, в том числе и религиозных, содержащих элементы физического воспитания [9, 12].

Исследование национальных традиций физического воспитания требует всестороннего изучения их генетических корней. Раскрывая содержание национальных праздников в физическом воспитании подрастающего поколения, способствуют утверждению общечеловеческих ценностей, укреплению национального самосознания и одновременно взаимного уважения к различным национальностям.

Культивирование традиционных праздников, направленных на физическое воспитание подрастающего поколения, является важным фактором возрождения и развития национальных педагогических культур в

будущем, при этом раскрывая их созидательную и интегративную функцию в обществе.

Семейные обычаи и обряды – это внутренняя жизнь семьи, способ ее функционирования, реализации ее социальных, нравственных, педагогических и иных функций. Семейные обряды и праздники выходят далеко за рамки семьи, это часть общественного, традиционного быта. В целом, в семейном быту отражаются особенности социально-экономического и нравственного уклада, культурных традиций, всего образа жизни этноса, его истории [5].

Бесспорный факт, что «Кох» - историко-этническое достояние культуры армянского народа. Армянская национальная борьба «Кох», как особый вид национального состязания в общей системе физического воспитания и культурных ценностей армян, выступает автономным и весьма специфичным явлением. Как часть самобытной культуры, она удовлетворяет естественное желание человека помериться силой, показать свою и посмотреть чужую удаль, ловкость, смекалку и смелость.

Для начала нужно внедрить элементы армянской национальной борьбы «Кох» в процесс физического воспитания в основной школе. Это социально-психологическое переустройство общества, преобразования многих сторон жизнедеятельности человека, его сознания и мировоззрения, глобализация, его отношения ко многим явлением общественной жизни, в том числе и к физической культуре в целом, как социального явления.

Заключение.

Сущность вышеизложенного сводится к следующему:

1. Национальная педагогика играет огромную роль в воспитании личности. Армянская национальная борьба «Кох», как одна из эффективных факторов этнопедагогики, должна задействоваться в процессе школьного воспитания.

2. Прогрессивные традиции физического воспитания армянского народа, обогащенные гуманистическими тенденциями, в частности армянская национальная борьба «Кох», становится частью этой системы, хотя используются эпизодически и бессистемно.

3. Выявлено, что одной из любимых культурно-состязательных явлений с древних времен у армян была национальная борьба «Кох».

4. Обитая издревле в специфических условиях в армянском высокогорье в окружении наиболее многочисленных воинственных племен, в постоянной борьбе с капризной стихией горной природы, занимаясь охотой, скотоводством и земледелием, армяне вынуждены были отвоевывать у природы каждый клочок земли, что выдвигало настоятельную необходимость в воспитании всего населения физически крепким и психически устойчивым.

5. Использование естественных факторов при занятиях разнообразными физическими упражнениями, играми и национальными видами спорта позволяло без особых затрат одновременно решать жизненно–важные оздоровительные и воспитательные задачи. Это приводило к всестороннему воспитанию армянского народа, готовых переносить долгие невзгоды, мучения и успешно совмещать деятельность охотника, скотовода, земледельца и воина-патриота.

Практические рекомендации:

– для создания благоприятных условий развития национальной борьбы «Кох», при организации секционной формы физкультурно-спортивной работы по национальной борьбе «Кох» со школьниками, для начала необходимо: включение самого учащегося в воспитательный процесс и тесное сотрудничество с родителями;

– в первом году обучения учащиеся три раза в неделю должны заниматься в секции армянской национальной борьбы «Кох». На этом этапе в занятиях перед ними не ставится цель специализированного обучения элементам техники армянской национальной борьбы «Кох», а стоит задача обогатить двигательную культуру школьников и главное – воспитать у них привязанность к армянской национальной борьбе «Кох»;

– разработать новое учебное пособие по армянской национальной борьбе «Кох». В данной пособии должны быть отражены методологические концепции касающиеся физической, технической, тактической и морально-волевой подготовленности учащихся с учетом специфики армянской национальной борьбы «Кох»[1];

– мы считаем, что основные подходы внедрения армянской национальной борьбы «Кох» преследует цель всестороннего развития,

[1] Данное учебное пособие подготовлено и готовится к выпуску (на армянском языке).

обогащению двигательной культуры и формированию устойчивого интереса к систематическим спортивным занятиям и состязаниям;

− общий контроль по данной работе, по нашему мнению, надо возложить на институт возрастной физиологии и физического воспитания.

Список литературы

1. Мищенко Ф.Г. Геродот. История в девяти книгах / Ф.Г. Мищенко // Перевод с греческого. − Т.1. − книга 4-я. − М.: 1888. – 256 с.

2. Измайлов А.Э. Народная педагогика: Педагогические воззрения народов Средней Азии и Казахстана / А.Э. Измайлов // М.: Педагогика. − 1991. – 256 с.

3. Коджаспирова Г.М. Педагогика / Г.М. Коджаспирова // 4-е издание. − М.: Юрайт. − 2015. – 719 с.

4. Латышина Д.И. Этнопедагогика / Д.И. Латышина, Р.З. Хайруллин // 2-е издание. Учебник. - М.: Юрайт, 2016. – 396 с.

5. Ооржак С.Ы. Хуреш-философия победы. Методические рекомендации / С.Ы. Ооржак // Красноярск.: «Платина» . − 2006. – 24 с.

6. Туманян Г.С. Школа мастерства борцов, дзюдоистов и самбистов / Г.С. Туманян // М.: Академия. − 2006. − С. 31-42.

7. Хухлаева О.В. Этнопедагогика / О.В. Хухлаева, А.С. Кривцова // Учебник и практикум. − М.: Юрайт. − 2016. – 333 с.

8. Агапов Ф.А. Физическая культура и спорт у горских народов Северного Кавказа. Автореф… дис. кан. наук. − М.: 1974. – 38 с.

9. Байрамкулов Х.К. Исследование самобытных физических упражнений карачаевцев и Балкарцев. Автореф… дис. кан. наук. − М.: 1970. – 21 с.

10. Чесноков Б.М. Русская народная борьба / Б. М. Чесноков // Журнал «Теория и практика физической культуры». – №11. – М.:1955. – С. 842-847.

11. Санданов Б.Д. Бурятские национальные виды спорта / Б.Д. Санданов // Журнал «Теория и практика физической культуры». – №2. – М.:1964. – С. 56-59.

12. Туманян Г.С. Национальный колорит в школьных программах / Г.С. Туманян // Журнал «Физкультура в школе». – №10. – М.:1964. – С. 45-46.

References

1. Mishchenko F.G. Herodotus. A story in nine books / F.G. Mishchenko // Translation from Greek. – T.1. – Book 4th. – M.: 1888. – P. 256.

2. Izmaylov A.E. National Pedagogy: Pedagogical views of the peoples of Central Asia and Kazakhstan / A.E. Izmaylov // M.: Pedagogy. – 1991. – P. 256.

3. Kogaspirirova G.M. Pedagogy / G.M Kogaspirirova // 4th edition. – M.: URAIT. – 2015. – P. 719.

4. Latyshina D.I. Ethno-pedagogy / D.I. Latyshina, R.Z. Khairullin // 2th edition. – Textbook. – M.: URAIT. – 2016. – P. 396.

5. Oorzhak S.Y. Huresh is the philosophy of victory. Guidelines / S.Y. Oorzhak // Krasnoyarsk. – «PLATINA». – 2006. – P. 24.

6. Tumanyan G.S. School of mastery of wrestlers, judokas and sambo wrestlers / G.S. Tumanyan // M.: ACADEMIA. – 2006. – P. 31-42.

7. Khukhlaeva O.V. Ethnopedagogics. Textbook and workshop / O.V. Khukhlaeva, A.S. Krivtsova // M.: URAIT. – 2016. – P. 333.

8. Agapov F.A. Physical Education and sport among the mountain peoples of the North Caucasus. The dissertation author's abstract on competition of a scientific degree of the candidate of pedagogical sciences. – M.: 1974. – P. 38.

9. Bayramkulov Kh.K. Research of original physical exercises of Karachais and Balkars. The dissertation author's abstract on competition of a scientific degree of the candidate of pedagogical sciences. – M.: 1970. – P. 21.

10. Chesnokov B.M. Russian national struggle / B.M. Chesnokov // Journal «Theory and Practice of Physical Education». – N.11. – M.: 1955. – P. 842-847.

11. Sandanov B.D. Buryat national kinds of sports / B.D. Sandanov // Journal «Theory and Practice of Physical Education». – N.2. – M.: 1964. – P. 56-59.

12. Tumanyan G.S. National color in school programs / G.S. Tumanyan // Journal «Physical Education at School». – N.10. – M.: 1964. – P. 45-46.

Сведения об авторе: Хачатур Георгиевич Юзбашян - методист-куратор спортивно-культурного союза «Джавахк» г. Бакуриани, Республика Грузия, kox-akademia@mail.ru.

УДК 240.13
DOI 10.36511/2078-5356-2020-2-17-22

Илюхина Вера Алексановна
Vera A. Ilyukhina

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права

Академия ФСИН России (390000, Рязань, ул Сенная, 1)

candidate of sciences (law), associate professor, associate professor of chair of theory of state and law, international and european law

Academy of the Federal Service Execution of Punishment of Russia (1 Sennaya st., Russian Federation, Ryazan, 390000)

E-mail: eva3011@bk.ru

Межотраслевые принципы процессуальных отраслей армянского права

Intersectoral principles of procedural branches of Armenian law

На основе анализа Конституции Республики Армения, Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения, Гражданского процессуального кодекса Республики Армения и Кодекса административного судопроизводства Республики Армения, исходя из позитивистского правопонимания, автор выделяет межотраслевые принципы процессуальных отраслей армянского права. Обращается внимание, что межотраслевые принципы права закреплены не только в отраслевых кодексах, но и в Конституции Республики Армения.

Ключевые слова: принципы права, армянское право, позитивистский подход к принципам права.

Based on the analysis of the Constitution of the Republic of Armenia, the Code of criminal procedure of the Republic of Armenia, the Civil procedure code of the Republic of Armenia and the Code of administrative procedure of the Republic of Armenia, based on a positivist legal understanding, the author identifies intersectoral principles of the procedural branches of Armenian law. Attention is drawn to the fact that intersectoral principles of law are enshrined not only in industry codes, but also in the Constitution of the Republic of Armenia.

Keywords: principles of law, Armenian law, positivist approach to the principles of law.

Принципы права — это те основополагающие начала, которыми руководствуется законодатель при формулировании нормативных правовых актов. Принципы права лежат в основе регулирования как каждой отрасли права, так и в основе всего правового регулирования общественных отношений. Категория «принцип права» является универсальной в первую очередь для всех правовых систем, относящихся к романо-германской правовой семье.

Мы придерживаемся позитивистского подхода к пониманию принципов права [1]. Принципы права согласно данному подходу — это только те руководящие начала, основополагающие идеи, которые прямо закреплены в текстах нормативных правовых актов.

В данной статье мы проведем анализ межотраслевых принципов процессуальных отраслей современного армянского права. В качестве объекта анализа армянское право было выбрано не случайно. Дело в том, что Республика Армения в настоящее время, так же как и Российская Федерация, входит в романо-германскую правовую семью, а раньше Армянская ССР и РСФСР входили в советскую правовую семью. Следовательно, армянский опыт может представлять интерес для российского законодателя.

В отличие от материальных отраслей права процессуальные отрасли регулируют порядок рассмотрения споров и разрешения конфликтов. В Армении процессуальное законодательство представлено Уголовно-процессуальным кодексом Республики Армения (УПК РА) от

1 июля 1998 года, Кодексом административного судопроизводства Республики Армения (КАС РА) от 28 декабря 2013 года и Гражданским процессуальным кодексом Республики Армения (ГПК РА) от 27 февраля 2018 года. Кстати, в Армении, в отличие от России, нет Арбитражного процессуального кодекса. Нормы об арбитраже прописаны в действующем ГПК РА. Кроме того, принципы армянского, в том числе процессуального, права закреплены в Конституции Республики Армения, принятой на референдуме 5 июля 1995 года и обладающей высшей юридической силой.

Далее перейдем к сравнительному анализу принципов процессуальных отраслей армянского права, закрепленных в УПК РА, ГПК РА и КАС РА (см. табл.). В приведенной ниже таблице мы намеренно не унифицируем названия того или иного принципа, а указываем их так, как сформулировал законодатель.

Таблица

Сравнительный анализ принципов процессуальных отраслей армянского права

Принципы уголовно-процессуального права	Принципы административного процессуального права	Принципы гражданского процессуального права
Язык уголовного судопроизводства (ст. 15 УПК РА)	Язык административного судопроизводства (ст. 9 КАС РА)	Язык судопроизводства (ст. 16 ГПК РА)
Равенство всех перед законом (ст. 8 УПК РА)		Равенство перед законом и судом (ст. 11 ГПК РА)
	Устность рассмотрения дел (ст. 7 КАС РА)	Устность рассмотрения дел (ст. 15 ГПК РА)
Гласность судебного разбирательства (ст. 16 УПК РА)	Публичность судебного производства (ст. 8 КАС РА)	Публичность судебного производства (ст. 17 ГПК РА)
Законность (ст. 7 УПК РА)		
	Установление фактических обстоятельств по должности (ст. 5 КАС РА)	
	Осуществление административного судопроизводства на основе равноправия сторон (ст. 6 КАС РА)	
		Диспозитивность (ст. 12 ГПК РА)
		Конкуренция (ст. 13 ГПК РА)
Уважение прав, свобод и достоинства личности (ст. 9 УПК РА)		
Обеспечение права на юридическую помощь (ст. 10 УПК РА)		
		Недопустимость злоупотребления процессуальными правами (ст. 14 ГПК РА)
Неприкосновенность личности (ст. 11 УПК РА)		
Неприкосновенность жилища (ст. 12 УПК РА)		
Неприкосновенность имущества (ст. 13 УПК РА)		
Тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 14 УПК РА)		
Справедливое рассмотрение дела (ст. 17 УПК РА)		
Презумпция невиновности (ст. 18 УПК РА)		

Права подозреваемого и обвиняемого на защиту его обеспечения (ст. 19 УПК РА)		
Свобода от обязанности давать показания (ст. 20 УПК РА)		
Недопустимость повторного осуждения и уголовного преследования, ухудшения положения обвиняемого (ст. 21 УПК РА)		
Восстановление прав пострадавших от судебных ошибок (ст. 22 УПК РА)		
Состязательность при уголовном судопроизводстве (ст. 23 УПК РА)		
Осуществление правосудия только судом (ст. 24 УПК РА)		
Свободная оценка доказательств (ст. 25 УПК РА)		

Таким образом, в армянском процессуальном праве существуют четыре межотраслевых принципа:

1) принцип языка судопроизводства (ст. 15 УПК РА, ст. 9 КАС РА и ст. 16 ГПК РА);

2) принцип равенства всех перед законом (ст. 8 УПК РА, ст. 11 ГПК РА);

3) принцип устности рассмотрения дел (ст. 7 КАС РА, ст. 15 ГПК РА);

4) принцип публичности судебного производства (ст. 8 КАС РА и ст. 17 ГПК РА) или принцип гласности судебного разбирательства (ст. 16 УПК РА).

Отметим несколько дискуссионных моментов. В научной литературе идут бурные споры по поводу соотношения понятий «гласность», «публичность», «открытость» и «транспарентность» в процессуальном праве [2]. Не вдаваясь в обсуждение указанной проблемы, отметим, что «трасnпарентность» — это термин, который не употребляется ни в российских, ни в армянских нормативных правовых актах. Таким образом, он носит доктринальный характер. Следует согласиться с Н.А. Власенко, полагающим, что с позиции юридической техники использование термина «транспарентность», имеющего иностранное происхождение и непривычное звучание, нежелательно [3, с. 58]. Хотя Н.А. Власенко писал о российском праве, но его замечание в полной мере применимо и к праву армянскому. Соответственно, мы полагаем, что использовать термин «транспарентность» в научной литературе в качестве названия нормативно закрепленных с использованием других слов принципов права некорректно.

Что касается соотношения понятий «гласность», «открытость» и «публичность», то нюансы здесь, несомненно, имеются. Однако в Конституции РА понятие «гласность» и «открытость» не используются, употребляется только «публичность». В отраслевом законодательстве термин «публичность» закреплен в ГПК РА и КАС РА. При этом «гласность» не упоминается. Напротив, в УПК РА не используется термин «публичность», но в аналогичном содержательном контексте его заменяет «гласность судебного разбирательства». Именно по этой причине мы говорим об одном межотраслевом процессуальном принципе армянского права — принципе публичности судебного производства или принципе гласности судебного разбирательства.

Неоднозначным является вопрос о том, можно ли считать положения статей 19 и 22 УПК РА содержащими принципы уголовно-процессуального права. В некоторых наших предыдущих работах мы высказали мысль, что указанные статьи реально не закрепляют принципы уголовно-процессуального права 4; 5]. Теперь мы пришли к выводу, что данный подход был ошибочным, и считаем, что статьи 19 и 22 УПК РА содержат базовые идеи уголовного судопроизводства, то есть принципы права. Именно поэтому армянский законодатель и закрепил данные нормы в главе 2 УПК РА, которая называется «Принципы уголовного судопроизводства».

Наконец, серьезным «камнем преткновения» является вопрос о понимании презумпции невиновности в качестве принципа уголовно-процессуального права. Данная проблема существует давно и по ней имеется обширная литература [6]. Тем не менее в науке по-прежнему высказываются диаметрально противоположные точки зрения. Так, из новых статей, уже опубликованных в 2020 году, можно назвать статью профессора В.М. Баранова [6] и статью профессора А.А. Демичева [7]. В.М. Баранов с общетеоретических позиций, используя доктринальный подход, аргументирует положение, что презумпция невиновности не является и не может являться принципом права, что это неудачная юридическая конструкция. В свою очередь, А.А Демичев, стоя на позитивистских позициях, обосновывает положение, что презумпция невиновности является одним из принципов уголовно-процессуального права.

Мы не будем повторять аргументы указанных выше и иных авторов, однако акцентируем внимание на том, что продуктивный выход из данной дискуссии может быть совсем иным. Отталкиваясь от идеи профессора В.К. Бабаева, сомневавшегося в том, что презумпция невиновности есть именно презумпция [8, с. 327], выскажем мысль, что в понятии «принцип презумпции невиновности» нужно отказываться не от слова «принцип», а брать в кавычки именно слово «презумпция». Естественно, в данном случае мы ведем речь о таком словоупотреблении в научных работах, а не в тексте нормативных правовых актов.

Можно сколько угодно долго дискутировать на тему указанного выше предмета, однако, исходя из позитивистского правопонимания, обратим внимание, что армянский законодатель (кстати, равно как и российский) поместил положение о презумпции невиновности в главу 2 УПК РА «Принципы уголовного судопроизводства». То, что ни одна статья, входящая в эту главу, в своем названии не имеет слова «принцип», указывает не на то, что идеи, в них изложенные, не воспринимаются законодателем в качестве основополагающих идей (то есть принципов) уголовного судопроизводства, уголовно-процессуального права, а свидетельствует о дефекте юридической техники при составлении УПК РА. Кстати, у армянских ученых — специалистов в области уголовного процессуального права нет сомнений в том, что презумпция невиновности представляет собой принцип уголовно-процессуального права [9, с. 100].

От дискуссионных проблем принципов права вернемся к межотраслевым принципам процессуального права Республики Армения. Количество процессуальных межотраслевых принципов в армянском праве в реальности значительно больше четырех, отраженных нами в таблице. Это обусловлено тем, что некоторые исходные положения процессуальных отраслей закреплены в Конституции РА и не продублированы в УПК РА, КАС РА и ГПК РА или продублированы только в одном из указанных кодифицированных актов.

Например, в статье 19 Конституции РА содержится принцип рассмотрения дела в разумные сроки. Он не продублирован ни в одном из процессуальных кодексов, однако по своему характеру является процессуальным и нормативно закрепленным. Следовательно, он является межотраслевым процессуальным принципом.

В той же девятнадцатой статье Конституции РА содержится принцип независимости и беспристрастности суда. Он также не продублирован в отраслевом процессуальном законодательстве, но его действие распространяется на уголовное, административное и гражданское судопроизводство.

Из нашей таблицы следует, что принцип законности закреплен в уголовно-процессуальном законодательстве. Однако в реальности он носит межотраслевой характер, так как он также закреплен в статьях 6 и 47 Конституции РА.

Учитывая, что принцип равенства всех перед законом закреплен не только в статье 8 УПК РА и в статье 11 ГПК РА, но и в статье 14.1 Конституции РА, можно утверждать, что его действие распространяется как на уголовное и гражданское судопроизводство, так и на административное судопроизводство.

Аналогичным образом можно говорить о следующих конституционных принципах армянского права, носящих межотраслевой характер:

— принцип уважения прав, свобод и достоинства личности (ст. 14, 17 Конституции РА). Из процессуальных кодексов он закреплен только в УПК РА (ст. 9);

— принцип обеспечения права на юридическую помощь (ст. 18, 20 Конституции РА). Также закреплен в статье 10 УПК РА;

— принцип неприкосновенности личности (ст. 16 Конституции РА). Закреплен в статье 11 УПК РА;

— принцип неприкосновенности жилища (ст. 24 Конституции РА). Закреплен в статье 12 УПК РА;

— принцип неприкосновенности имущества (ст. 8, 31 Конституции РА). Закреплен в статье 13 УПК РА;

— принцип тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23 Конституции РА). Закреплен в ст. 14 УПК РА;

— принцип справедливого рассмотрения дела (ст. 19 Конституции РА). Закреплен в статье 17 УПК РА;

— принцип осуществления правосудия только судом (ст. 91 Конституции РА). Закреплен в статье 24 УПК РА.

В заключение статьи отметим, что в армянском праве существует как минимум пятнадцать межотраслевых принципов процессуального права. При этом собственно из анализа УПК РА, ГПК РА и КАС РА вытекает наличие только четырех межотраслевых принципов. В реальности их количество расширяется за счет того, что в Конституции РА закреплен ряд основополагающих идей, имеющих регулятивное значение для уголовно-процессуального, гражданского процессуального и административного процессуального права. Следовательно, они также являются межотраслевыми принципами армянского права.

Сама ситуация, что ряд принципов права нашел нормативное выражение только в Конституции РА (или в Конституции и лишь одном из процессуальных кодексов) в силу высшей юридической силы и прямого действия этого нормативного акта, формально не является дефектом закрепления принципов права в законодательстве. Однако, к сожалению, во многих странах существует такой дефект или порок правосознания, как восприятие Основного закона своего государства в качестве некоего акта, имеющего формальное, символическое значение. Кроме этого, в силу существования проблемы толкования Конституции, в том числе толкования, какие именно ее положения следует считать принципами права, а какие — нет, считаем целесообразным дублировать все конституционные принципы права в отраслевых процессуальных кодексах. Причем имеет смысл в данном случае при формулировании соответствующих норм в кодифицированных актах в названиях статей использовать слово «принцип» в целях конкретизации для правоприменителя, какие идеи являются принципами соответствующей отрасли права, соответствующей отрасли законодательства.

Примечания

1. Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 5—13.

2. Аносова Л.С. Соотношение понятий гласности, открытости и транспарентности судопроизводства: конституционно-правовые аспекты // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 21. С. 25—29.

3. Власенко Н.А. Законодательная технология: Теория. Опыт. Правила: учебное пособие. Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2001. 142 с.

4. Илюхина В.А. Принципы уголовного судопроизводства Республики Армения // Проблемы применения уголовно-процессуального законодательства: пути их решения: материалы Международной онлайн-конференции (Нижний Новгород, 31 мая 2018 года) / под ред. С.В. Власовой. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2019. С. 209—213.

5. Илюхина В.А. Принципы уголовного судопроизводства Российской Федерации и Республики Армении (сравнительно-правовой анализ) // Уголовное судопроизводство. 2018. № 2. С. 43—48.

6. Баранов В.М. «Принцип презумпции невиновности»: симулякр, метафора или искусственная юридическая конструкция? // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 58—70.

7. Демичев А.А. Презумпция невиновности как принцип российского уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство. 2020. № 1. С. 45—48.

8. Бабаев В.К. Презумпции в российском праве и юридической практике // Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 323—330.

9. Гамбарян А.С., Даллакян Л.Г. Коллизионные нормы и их конкуренция: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 160 с.

References

1. Demichev A.A. Positivist classification of the principles of modern Russian law. *State and Law*, 2014, no. 5, pp. 5—13. (In Russ.)

2. Anosova L.S. Correlation of the concepts of publicity, openness and transparency of legal proceedings: constitutional and legal aspects. *Constitutional and municipal law*, 2009, no. 21, pp. 25—29. (In Russ.)

3. Vlasenko N.A. Legislative technology: Theory. Experience. Rules: Tutorial. Irkutsk: East Siberian Publishing Company, 2001. 142 p. (In Russ.)

4. Ilyukhina V.A. The principles of the criminal justice of the Republic of Armenia. *Problems of applying the criminal procedure legislation: ways to solve them: materials of the International online conference (Nizhny Novgorod, May 31, 2018) / ed. S.V. Vlasova*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2019. Pp. 209—213. (In Russ.)

5. Ilyukhina V.A. The principles of criminal proceedings of the Russian Federation and the Republic of Armenia (comparative legal analysis). *Criminal proceedings*, 2018, no. 2, pp. 43—48. (In Russ.)

6. Baranov V.M. “The principle of the presumption of innocence”: simulacrum, metaphor or artificial legal construction? *Legal technique*, 2020, no. 14, pp. 58—70. (In Russ.)

7. Demichev A.A. Presumption of innocence as a principle of Russian criminal proceedings. *Criminal proceedings*, 2020, no. 1, pp. 45—48. (In Russ.)

8. Babaev V.K. Presumption in Russian law and legal practice. *Problems of legal technology: collection of articles / ed. V.M. Baranov*. Nizhny Novgorod, 2000. Pp. 323—330. (In Russ.)

9. Gambaryan A.S., Dallakyan L.G. Conflict norms and their competition: monograph. Moscow: Yurlitinform Publ., 2019. 160 p. (In Russ.)

RUDN Journal of Russian History 2020 Vol. 19 No 4 766–780
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-766-780
Научная статья / Research article

Феномен перехода из православия в армянскую веру в Российской империи XIX – начала XX в.

В.С. Блохин
Екатеринбургская духовная семинария;
620026, Россия, Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 57;
Уральский государственный университет путей сообщения;
620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66; vladiblok@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению феномена перехода лиц православного исповедания в армянскую веру в Российской империи на протяжении XIX – начала XX в. Подчеркивается связь данного феномена с практикой заключения смешанных браков между лицами православного и армянского исповеданий. При наличии достаточного количества работ, посвященных анализу статуса неправославных христианских исповеданий в России в синодальный период, наблюдается весьма слабая степень изученности фактов перехода из православия в армянскую веру и вопроса заключения браков между лицами, относящимся к указанным конфессиям. Новизна исследования определяется, во-первых, выявлением мотивов и обстоятельств вероисповедных переходов, особенностей заключения смешанных браков по неопубликованным документам из фондов Национального архива Республики Армения, а во-вторых, характеристикой данных явлений как неотъемлемого компонента в истории русско-армянских церковных связей на протяжении1828–1917 гг. До 1905 г. в результате заключения смешанного брака в православной церкви каждый из супругов продолжал исповедовать свою веру, а их дети крестились в православии. Об этом свидетельствуют, в частности, сведения из метрических книг эриванского Покровского православного собора за 1880–1885 гг. Анализ архивных документов позволяет сделать вывод, что после 1905 г. большинство переходов из православия в армянскую веру предпринималось девушками, намеревавшихся вступить в брак с избранниками армянского исповедания. Это объяснялось тем, что заключение смешанных браков и крещение родившихся в них детей по-прежнему находилось в компетенции Русской православной церкви. Лишь принадлежность армянскому вероисповеданию будущих супругов служила залогом их венчания в Армянской церкви. Такой брак становился моноконфессиональным, а родившиеся дети воспитывались в армянской вере. Кроме намерения вступления в брак, в статье указываются и другие мотивы, лежащие в основе перехода из православия в армянское исповедание.

Ключевые слова: Армянская Апостольская церковь, вероисповедные переходы, веротерпимость, метрические книги, религиозно-смешанные браки, Русская православная церковь, русско-армянские отношения

Для цитирования: *Блохин В.С.* Феномен перехода из православия в армянскую веру в Российской империи XIX – начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 766–780. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-766-780

The Phenomenon of Conversion from Orthodoxy to the Armenian Faith in the Russian Empire in the 19th – early 20th Century

Vladimir S. Blokhin
Yekaterinburg Orthodox Theological Seminary;
57, R. Luxemburg Str., Yekaterinburg, 620026, Russia;
Ural State University of Railway Transport;
66, Kolmogorova Str., Yekaterinburg, 620034, Russia; vladiblok@yandex.ru

Abstract: The article analyzes why and how persons of the Orthodox confession converted to the Armenian faith in the nineteenth- and early twentieth-century Russian Empire. This phenomenon is linked to the practice of mixed marriages between persons belonging to the Orthodox and Armenian confessions.

While the status of non-Orthodox Christian confessions in Russia during the synodal period has received a good amount of scholarly attention, not much research has been devoted to the conversion from Orthodoxy to the Armenian faith, and to the issue of marriages between persons belonging to these faiths. The present paper identifies the motives and circumstances of religious conversions and the peculiarities of mixed marriages. It does so on the basis of unpublished documents from the funds of the National Archive of the Republic of Armenia. Equally new is the authors' suggestion to consider these phenomena as an integral component in the history of Russian-Armenian church relations in the period 1828–1917. Until 1905, the regulations of the Orthodox Church demanded that after the conduction of an interreligious marriage, both spouses continued to practice their respective faiths, and their children were baptized in Orthodoxy. This is reflected in the metric books of the Erivan Pokrovsky Orthodox Cathedral (1880–1885). The analysis of archival documents allows us to conclude that after 1905, most of the conversions from Orthodoxy to the Armenian faith were performed by women who intended to marry men of the Armenian confession. The reason for this phenomenon is that interreligious marriages and the baptism of children born from mixed couples was still in the competence of the Russian Orthodox Church. Only if both partners belonged to the Armenian faith, the wedding could take place in the Armenian Church, and their children were brought up in the Armenian faith. In addition to matrimonial reasons, the article underlines some other important motives behind conversions from Orthodoxy to the Armenian confession.

Keywords: Armenian Apostolic Church, religious conversions, religious tolerance, metric books, interreligious marriages, Russian Orthodox Church, Russian-Armenian relations

For citation: Blokhin, Vladimir S. "The Phenomenon of Conversion from Orthodoxy to the Armenian Faith in the Russian Empire in the 19th – early 20th Century." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 766–780. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-766-780

Введение

История взаимоотношений Русской православной церкви (далее – РПЦ) с Армянской Апостольской церковью[1] (далее – ААЦ) насчитывает почти тысячелетнюю историю. Однако наиболее тесное взаимодействие между двумя церквями началось во второй четверти XIX в., после вхождения Восточной Армении и Эчмиадзина – центра ААЦ – в состав Российской империи (1828 г.). В рамках данного взаимодействия сложился целый комплекс направлений деятельности, участниками которых выступали представители обеих церквей. Одни направления свидетельствовали об объединении общецерковных усилий (например, в сфере духовного просвещения и образования, в проведении совместной богословской полемики и др.). Другие направления, наоборот, побуждали каждую церковь к защите собственных прав. Так происходило в тех случаях, где церковные интересы сталкивались и приводили к проблемным ситуациям (к примеру, в вопросах о праве осуществления армянскими священнослужителями церковных таинств в отношении лиц православного исповедания, возможности географически близкого сосуществования православного и армянского храмов в пределах одного города, праве реализации публичных религиозных обрядов и т.д.).

Особую страницу в русско-армянских церковных связях XIX – начала XX в. составляет феномен вероисповедных переходов, которые осуществлялись как из армянского вероисповедания в православное, так и, наоборот, – из православия в армянскую веру. Если переходы из других исповеданий в православие активно поощрялись РПЦ и Российским государством в целом, то переходы из православия в иные христианские исповедания, в т. ч. в армянскую веру, на практике сопровождались обстоятельствами, заслуживающими специального анализа. Анализ феномена вероисповедных переходов из православия в армянскую веру составляет цель настоящей статьи.

Для реализации поставленной цели были поставлены следующие задачи:

[1] В Российской империи по Положению 1836 г. за Армянской Апостольской церковью закрепилось название «Армяно-Григорианская церковь», а армянское вероисповедание именовалось «армяно-григорианским».

– определить мотивы переходов из православия в армянскую веру;

– выявить механизмы государственно-церковного регулирования данных переходов как до, так и после 1905 г.;

– проследить связь между фактами вероисповедных переходов и процессом заключения религиозно-смешанных браков между лицами православного и армянского исповеданий.

В отечественной научной литературе вопросы вероисповедной политики синодального периода изучены в основном либо в контексте истории неправославных и нехристианских конфессий в России (например, католичества, протестантизма, ислама и т.д.), либо с точки зрения эволюции законодательства Российской империи в сфере религии и анализа правового статуса представителей различных исповеданий. Данные вопросы разрабатываются как усилиями историков[2], так и специалистов в сфере юриспруденции[3].

Отдельные аспекты истории Армянской церкви в Российской империи и русско-армянских церковных связей получили свое отражение в работах современных российских ученых И.В. Амбарцумова и В.Г. Вартаняна, а среди представителей армянской исторической науки – в трудах В.Г. Туняна[4]. Что касается обстоятельств перехода лиц из армянской веры в православную, то данный вопрос частично затронут А. Айрапетяном (принятие армянами православия по экономическим моти-

---

[2] *Амбарцумов И.В.* Неправославные христианские исповедания в системе российской государственности: конец XIX в. – июль 1914 г. СПб, 2014*; Батуркин А.* Вероисповедная политика Российской империи во второй половине XIX в. // Власть. 2009. № 2. С. 77–79; *Вартанян В.Г.* Армяно-Григорианская церковь в политике императора Николая I. Ростов-на-Дону, 1999; *Верт П.* Глава Церкви, подданный императора: Армянский католикос на перекрестке внутренней и внешней политики Российской империи, 1828–1914 // Ab Imperio. 2006. № 3. С. 99–138; *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012; *Гавриленков А.Ф.* Вероисповедная политика Российского государства в период империи (1721–1917 гг.): периодизация, принципы и исторические уроки // Известия Российской академии образования. 2015. № 4. С. 30–34; *Каиль М.В.* Конфессии России в политике Временного правительства, 1917 г. // Вестник архивиста. 2019. № 1. С. 299–311; *Софронов А.А.* Регулирование деятельности инославных и иноверных вероисповеданий Министерством внутренних дел // Вестник Костромского государственного университета. 2006. № 5. С. 32–35; *Терюкова Е.А.* Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII – начало XX вв.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 204–208; *Терюкова Е.А.* Российское законодательство начала XX века о вероисповедных переходах // Религиоведение. 2013. № 3. С. 163–177.

[3] *Дорская А.А.* Правовой статус подданного Российской империи в начале XX века: вероисповедный аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2002. № 2: Гуманитарные и общественные науки (философия, история, лингвистика, экономика, социология, право). С. 213–224; *Кулиев Ф.М.* Правовое регулирование деятельности конфессий в Российской империи в конце XVIII – начале XX в. // Известия СОИГСИ. 2015. № 15. С. 14–24; *Кулиев Ф.М.* Формирование системы управления христианскими неправославными конфессиями в XIX веке на Северном Кавказе // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 28. С. 126–133; *Миненко С.В.* Российское законодательство по охране господствующей Православной Церкви о прозелитизме иноверческих Церквей (XVIII – XIX века) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1. С. 46–50; *Моховая Т.А.* Становление и развитие института брака в законодательстве Российской империи XIX века // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 250–253; *Софронов В.Ю.* Государственное законодательство России по конфессиональным вопросам и православное миссионерство в конце XVII – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4. С. 138–144; *Шингарева Н.В.* Роль Департамента духовных дел иностранных исповеданий в процессе реализации государственной политики в вероисповедной сфере // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 54–56.

[4] *Амбарцумов И.В.* Неправославные христианские исповедания… С. 76–115; *Вартанян В.Г.* Армяно-Григорианская церковь в политике императора Николая I. Ростов-на-Дону, 1999; *Тунян В.Г.* Эчмиадзин и самодержавие: вопрос адаптации // Ежегодник богословского факультета Ереванского государственного университета. Ереван, 2017. С. 225–240; *Тунян В.Г.* Эчмиадзинский престол XIX – начала XX в. Ереван, 2001.

вам)[5], а феномен обратного перехода (из православия в армянское исповедание) вплоть до настоящего времени остается без должного внимания исследователей.

Имеются публикации, посвященные изучению правовых механизмов и особенностей регулирования смешанных браков в Российской империи в целом[6], однако специальное внимание бракам, заключавшимся между лицами православного и армянского исповеданий, уделил в своих работах лишь петербургский исследователь И.В. Амбарцумов[7].

Исходя из этого, основой для выявления мотивов, фактов и обстоятельств переходов из православия в армянскую веру, анализа процесса государственно-церковного регулирования браков между лицами православного и армянского исповеданий послужили неопубликованные источники (материалы делопроизводства и метрические книги) из фондов Национального архива Республики Армения (г. Ереван). Для более полного раскрытия темы использовались также частично опубликованные материалы из фондов Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург) и официальные законодательные акты Российской империи.

Мотивы и обстоятельства переходов из православия в армянское вероисповедание

Как известно, до принятия высочайшего указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» переход из господствующей религии – православия – в другие конфессии, равно как и переход из христианских исповеданий в нехристианские, законодательно не разрешался. Между тем что же происходило на практике, если лицо, крещенное в РПЦ, изъявляло желание перейти в армянскую веру?

В письме от 25 ноября 1843 г., адресованном в главное управление Закавказским краем, глава Грузинского экзархата РПЦ (церковного округа, охватывавшего территорию Закавказья в 1811–1917 гг.) архиепископ Евгений (Бажанов) излагал следующую ситуацию.

В 1817 г. у жительницы Тифлиса грузинки Кетеваны Манденовой родился внебрачный сын Григорий (в документах он именуется Григорием Арменовым). Он был крещен в православной церкви, однако его восприемником при крещении стал прапорщик Шергил Шергилов армянского вероисповедания. Когда Григорий достиг совершеннолетия, Шергилов взял его к себе в услужение и «разными ласками склонил его к принятию армянской веры»[8]. Узнав об этом, благочинный Тифлиса священник Григорий Чрелаев и священник Тифлисского кафедрального Сионского собора Иоанн Басхаров неоднократно пытались увещать Григория Арменова держаться православия. Отмечалось, что священники не использовали в отношении Арменова ни угроз, ни принуждений[9].

При этом экзарх Евгений ссылался на указ Святейшего синода от 31 декабря 1842 г., который повелевал, что в подобных случаях епархиальное духовное начальство должно поручать местному духовенству убеждать «иноверцев к обраще-

[5] *Айрапетян А.* Демографическая политика России в Восточной Армении в XIX в. и начале XX в. (на примере Александропольского уезда) // Вестник Арменоведения. 2016. № 2. С. 83–94.

[6] *Ведяев А.В.* Смешанные браки в Русской Православной Церкви в Синодальный период // Христианское чтение. 2017. № 6. С. 203–219; *Коркодинова А.В., Главацкая Е.М.* Религиозно-смешанные браки по материалам метрических книг лютеранской общины Екатеринбурга за 1886–1919 гг. // Документ. Архив. История. Современность: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 2–3 декабря 2016 г. Екатеринбург, 2016. С. 374–378.

[7] *Амбарцумов И.В.* Проблемы и коллизии брачного права Российской империи (конец XIX – начало XX в.) // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 61–63; *Амбарцумов И.В.* Неправославные христианские исповедания… С. 196–197.

[8] Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф. 56. Оп. 1. Д. 1208. Л. 13–13 об.

[9] Там же. Л. 13 об. – 14.

нию их в православие только кроткими и благоразумными увещаниями и представлениями святости истин нашей Церкви»[10]. На основании этого экзарх Евгений писал, что в увещаниях православных священников, адресованных Григорию Арменову с призывом остаться в православной вере, в которой он был изначально крещен, не содержалось никакого принуждения, а подобные увещания являлись «прямой обязанностью православного духовенства»[11]. Завершал свое письмо экзарх Евгений так: «Принуждений же к переходу из армянской в православную веру никому из армян никогда не было, нет и быть не может»[12].

Впоследствии, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, принятом в 1845 г., ст. 195 предусматривала санкции за «совращение» из православия в иное христианское исповедание, а статья 196 – за «отступление» от православия. В качестве санкции за отступление от православной веры предусматривалось увещание от православного священника[13]. Именно путем увещания представители РПЦ старались удержать людей в православии, призывая не принимать иного вероисповедания.

Об этом свидетельствуют также материалы двух ниже указанных дел.

Предписание Эриванского губернатора И.И. Назорова Александропольскому уездному начальнику от 1 июня 1852 г. касалось того, чтобы последний «распорядился исследовать настоящее вероисповедание жителя деревни Кулиджан Шурагельского уезда Мхо (Михаила) Гевандова, а до того оставить его в свободном отправлении настоящей его веры»[14]. 25 июня 1854 г. начальник Шурагельского участка в ответном письме Александропольскому армянскому духовному правлению сообщал, что «в Шурагельском участковом управлении состоит в производстве следствие о совратившемся из православной в армянскую веру кулиджанском жителе Михаиле Гевандове»[15], который «должен быть подвергнут троекратному увещанию через православное духовенство»[16]. Возможно, в судьбе Гевандова возникла сложная ситуация, выразившаяся сначала в переходе из армянской веры в православие, а затем в попытке обратного возвращения в родное армянское исповедание.

В 1854 г. Шемахинская палата уголовного и гражданского суда рассматривала дело, участниками которого были несколько армян, жители города Нухи, – Мкртич, Оган и Иван Казаровы, Петрос Нушимов и Давид Георгиев, «произвольно совратившиеся» из православия в армянскую веру[17]. Согласно судебному решению для увещания и вразумления они были направлены к одному из городских православных священников[18].

После принятия 17 апреля 1905 г. высочайшего указа «Об укреплении начал веротерпимости» последовал пересмотр действующего законодательства по делам вероисповеданий.

18 августа 1905 г. вышел циркуляр Министерства внутренних дел за № 4628 по вопросу о порядке перехода из православия в инославные и иноверные исповедания, в котором со ссылкой на п. 1 высочайшего указа от 17 апреля 1905 г. говорилось, что отныне «отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию… причем отпавшее по до-

---

[10] НАА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1208. Л. 14.
[11] Там же.
[12] Там же. Л. 14–14 об.
[13] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 68–69.
[14] НАА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 2674. Л. 23.
[15] Там же. Л. 33 – 33 об., 43–43 об.
[16] Там же. Л. 43–43 об.
[17] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 7. Д. 11. Л. 1–1 об.
[18] Там же. Л. 6 об.

стижении совершеннолетия от православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало». Право выбора вероисповедания для детей, не достигших четырнадцатилетнего возраста, закреплялось за их родителями[19].

На основании принятых российским правительством законодательных норм Эчмиадзинский синод ААЦ издал ряд циркуляров, положения которых регулировали переход из православия в армянское вероисповедание:

– 7 октября 1905 г. синод предписал лицам, желающим перейти из православия в армянскую веру, обращаться с просьбой о том соответствующему губернатору непосредственно или через уездное начальство[20];

– 22 декабря 1906 г. было вынесено предписание армянским епархиальным консисториям о предоставлении всем священникам инструкций по беспрепятственному принятию в армянскую веру лиц из христианских инославных и нехристианских исповеданий по их письменным просьбам, за исключением лиц православного исповедания, в отношении которых следовало руководствоваться циркуляром от 7 октября 1905 г.[21]

Однако 26 октября 1909 г. Эчмиадзинский синод отменил циркуляр от 22 декабря 1906 г. в связи с его несоответствием законодательству. Согласно статьям 6 и 8 Устава духовных дел иностранных исповеданий (издания 1906 г.), переход как нехристиан, так и лиц инославных христианских исповеданий во всякое терпимое христианское исповедание (к которым относилась Армянская церковь) допускался «без всякого участия духовенства того исповедания, в которое перейти они желают», а лишь с разрешения губернатора[22].

Следовательно, лица, желавшие перейти в армянскую веру как из православия, так и из иных христианских и нехристианских исповеданий, должны были подать особое прошение губернатору. Если проситель принадлежал к православному исповеданию, то губернатор сначала обязан был поручить просителя православному священнику для увещания. В том случае, если разговор со священником не имел успеха, тогда просьба о перемене вероисповедания удовлетворялась, а губернатор или начальник области должен был проинформировать местную армянскую епархиальную консисторию о том, что просителя можно принять в лоно Армянской церкви.

Изученные дела подтверждают, что переход из православия в армянскую веру после 1905 г. происходил именно по такой схеме.

Так, 15 декабря 1908 г. исполняющий обязанности военного губернатора Дагестанской области Г.Т. Дадешкилиани писал благочинному священнику армянской церкви города Петровска: «На основании п. 2 циркулярного распоряжения Департамента духовных дел иностранных исповеданий от 18 августа 1905 г. за № 4628 при сем препровождаю на усмотрение Ваше прошение проживающей в городе Петровске Валентины Афанасьевны Демуровой (урожденной Мажаровой) о переходе из православия в армяно-григорианство с тем, чтобы об окончательном переходе Демуровой… было сообщено с возвращением прошения военному губернатору»[23].

[19] НАА. Ф. 56. Оп. 14. Д. 264. Л. 3; Именной высочайший указ, данный Сенату «Об укреплении начал веротерпимости», 17 апреля 1905 г. // Полное Собрание Законов Российской империи. СПб., 1905. С. 257.

[20] РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Л. 5.

[21] Там же. Л. 3.

[22] Там же. Л. 12; Свод Законов Российской империи (далее – СЗРИ). Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. СПб., 1896. С. 1–2.

[23] НАА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 3622. Л. 2.

В марте 1911 г. крестьянка Самарской губернии, проживавшая на тот момент в городе Майкопе, Евфимия Федоровна Денисова, 21 года, в прошении на имя начальника Кубанской области писала, что желает выйти замуж за армянина, и просила разрешить перейти из православия в армянскую веру[24].

В июне 1912 г. мещанка Калужской губернии, жительница Самарканда, Пелагея Дмитриевна Глухарева подала прошение на имя военного губернатора Самаркандской области о разрешении перехода из православия в армянскую веру, при этом о мотивах перехода ничего не было сказано. На основании прошения губернское правление выдало ей свидетельство о том, что со стороны военного губернатора «препятствий к переходу ее, Глухаревой, из православия в армяно-григорианское вероисповедание не встречается»[25]. 5 июня 1912 г. Пелагея Глухарева отправила свидетельство в Астраханскую армянскую епархиальную консисторию с тем, чтобы консистория сделала надлежащее распоряжение[26].

10 февраля 1913 г. жительница города Майкопа Пелагея Мищева подала прошение на имя начальника Кубанской области, в котором выражала «личное желание», лишенное «какого-либо принуждения», перейти из православия в армянское вероисповедание[27]. 4 августа 1913 г. Пелагея Мищева была принята в лоно Армянской церкви, о чем армянская епархиальная консистория (Ново-Нахичеванская) уведомила Кубанское областное правление[28].

В 1913 г. областное правление Терской области дало разрешение на переход из православия в армянскую веру жительнице станицы Барятинской Кизлярского отдела Анне Гордиенко[29].

В том же 1913 г. жительница станицы Ладожской Кубанской области Тамара Гамазаспьянц подала прошение начальнику Кубанской области, содержание которого следующее: «При рождении, по случаю моей тяжкой болезни, родители мои, армяне армяно-григорианского вероисповедания сочли необходимым меня немедля окрестить, а так как в то время армянского священника не было, то таинство крещения совершил православный священник, что изволите усмотреть из приложенной при сем метрической выписи от 25 сентября 1905 г. за № 368. С самых малых лет я находилась в среде моих родных армяно-григориан и постепенно свыклась с их жизнью. Теперь, будучи совершеннолетней и не отличая вероисповедания моих родных от православия, я покорнейше прошу Ваше превосходительство разрешить перейти мне в лоно Армяно-григорианской церкви из православия»[30]. 22 сентября 1913 г. Тамара Гамазаспьянц была принята в лоно Армянской церкви[31].

Весной 1914 г. к саратовскому губернатору обратилась жительница города Царицына Екатерина Антоновна Шахназарова, 22 лет, о разрешении перехода ее из православия в армянскую веру. Прошение было также удовлетворено[32].

5 января 1916 г. на имя начальника Кубанской области было подано прошение дворянки Валентины Георгиевны Земской, проживавшей в станице Сенгилеевской Кубанской области, о разрешении перехода из православия в армянское вероисповедание[33].

---

[24] НАА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 3572. Л. 3.
[25] Там же. Д. 3582. Л. 42.
[26] Там же. Л. 41.
[27] Там же. Л. 3.
[28] Там же. Л. 10.
[29] Там же. Л. 15.
[30] Там же. Д. 3572. Л. 11.
[31] Там же. Л. 19.
[32] Там же. Л. 1.
[33] Там же. Д. 3666. Л. 2.

Проанализированные документы показывают, что инициаторами прошений о переходе из православия в армянскую веру после 1905 г. были, в основном, женщины, чаще имевшие русские или русифицированные имена и фамилии. Если женщина имела армянские корни и русифицированную фамилию (например, Шахназарова, представляющая русифицированный вариант армянской фамилии Шахназарян), то, возможно, в силу определенных обстоятельств ранее она была крещена в православии, а затем намеревалась вернуться к родной вере. Данный мотив четко указан в прошении Т. Гамазаспьянц.

Однако в большинстве случаев преобладающим мотивом подобных переходов являлось намерение русских женщин вступить в брак с лицами армянского исповедания. Таким образом, факты перехода из православия в армянскую веру были тесно связаны с особенностями нормативно-правового регулирования заключения смешанных религиозных браков.

Законодательное регулирование заключения браков между лицами православного и армянского вероисповеданий

В Российской империи вопросы заключения, расторжения брака и признания его недействительным находились в ведении религиозных организаций. В частности, заключение брака между лицами православного исповедания осуществлялось православным священником. У вступающих в брак лиц армянского вероисповедания первой инстанцией в брачно-семейных делах была епархиальная консистория, высшей – Эчмиадзинский синод[34]. Феномена светского брака не существовало. Вопросы заключения и расторжения брака регулировали правовые нормы, помещенные в статьях части 1 «Законов гражданских» (Т. X. СЗРИ).

Вопрос о заключении смешанных браков лиц православного и армянского вероисповеданий, а также крещении детей, рожденных в данных браках, приобрел особую актуальность после присоединения Восточной Армении к России.

Заключение браков православных с армянами осуществлялось на основе общих законодательных требований к заключению и расторжению браков между представителями разных конфессий (наряду с католиками и протестантами). Данные вопросы регулировались статьями главы II «О браках лиц христианских неправославного исповедания между собою и с лицами исповедания православного» (статьи 61–78) части 1 «Законы гражданские» тома X СЗРИ. В частности, согласно статье 67 перед вступлением в брак с лицами православного исповедания христиане других исповеданий должны были дать подписку православному священнику о том, что они «не будут ни поносить своих супругов за православие, ни склонять их чрез прельщение, угрозы или иным образом, к принятию своей веры, и что рожденные в сем браке дети крещены и воспитаны будут в правилах православного исповедания»[35].

Как часто заключались смешанные браки между лицами православного и армянского исповеданий? Для определения количества таких браков, заключавшихся в разных регионах Российской империи, необходимы специальные исследования. В качестве конкретного примера приведем данные, полученные на основании метрических книг эриванского Покровского православного собора за 1880–1885 гг. Город Эривань (совр. Ереван) к тому времени был одним из трех городов Закавказья (наряду с Александрополем и Карсом), где проживало наибольшее количество православного населения[36].

---

[34] СЗРИ. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1857. С. 177, 184, 938, 985.

[35] СЗРИ. Законы гражданские. СПб., 1857. С. 13.

[36] *Тройницкий Н.А.* Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб., 1897–1905. С. 46–47, 51.

По данным метрических книг, за шесть лет в Эриванском Покровском соборе было:

– совершено крещение 140 детей, при этом в 23 случаях их родители принадлежали к разной вере (как правило, муж исповедовал православие, а жена относилась к Армянской церкви);

– заключено 48 браков, из которых 6 являлись смешанными (жених – православного исповедания, а невеста – армянского)[37].

Таким образом, общее количество выявленных супружеских пар равняется 188, при этом смешанных браков (как уже имевшихся, так и заключаемых) насчитывалось 29. Следовательно, в указанный период доля браков между лицами православного и армянского исповеданий в Эривани в среднем составляла около 15 %. При этом каждый из супругов продолжал исповедовать свою веру, а рожденные дети должны были обязательно принять крещение в Православной церкви.

После издания указа «Об укреплении начал веротерпимости» в 1905 г., казалось бы, законодательство о смешанных браках должно было измениться, однако, как следовало из дальнейших постановлений Эчмиадзинского синода, принятых на основании российского законодательства, приоритет в заключении смешанных браков в конечном итоге остался за РПЦ.

2 июня 1906 г. Эчмиадзинский синод вынес постановление о том, что брак лица православного исповедания с лицом армянского исповедания мог быть заключен по обряду ААЦ лишь в том случае, если лицо православного исповедания переходило в армянскую веру; в противном случае брак православного с лицом армянского исповедания совершался по обряду Православной церкви[38]. Причиной для вынесения постановления стала адресованная в Нахичевано-Бессарабскую армянскую епархиальную консисторию просьба девушки православного исповедания Анны Клочковой о разрешении ей выйти замуж за армянина Карапета Закоянца и совершении этого брака по обряду ААЦ. Синод предписал, что в таком случае Анна Клочкова должна была перейти из православия в армянское вероисповедание[39].

11 сентября 1906 г. Эчмиадзинский синод подтвердил свое решение, отправив всем армянским епархиальным консисториям циркулярное постановление: в случае заключения брака между лицом армянского вероисповедания и лицом православного исповедания следовало сперва принять православного в армянскую веру, если он этого пожелает, а потом уже совершать таинство венчания по армянскому обряду[40].

Впоследствии прокурор Грузино-Имеретинской православной синодальной конторы А. Правдин докладывал прокурору Эчмиадзинского синода Л.А. Френкелю о ряде случаев, которые, по его мнению, свидетельствовали о крайне широком понимании армянским духовенством постановлений Эчмиадзинского синода.

Во-первых, в декабре 1906 г. армянский священник города Телави причастил двух православных лиц, желавших вступить в брак, а затем обвенчал их в своем храме по обряду ААЦ[41].

Во-вторых, по сведениям, поступившим от священника Тифлисской православной церкви (какой – не сказано) Вениамина Контридзе (декабрь 1906 г.), жительница Тифлиса Мария Авгарозова, будучи православной и не желавшая менять свое вероисповедание, повенчалась в армянском храме на том основании, что ее

[37] НАА. Ф. 47. Оп. 2. Д. 282. Л. 1–152 об.
[38] РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Л. 12.
[39] Там же. Л. 24 об.
[40] Там же. Л. 9.
[41] НАА. Ф. 56. Оп.2. Д. 1507. Л. 5.

жених – армянин. При этом армянский священник повенчал их без всякого на то разрешения[42].

В-третьих, 11 февраля 1907 г. в армянском храме города Телави на основании распоряжения Грузино-Имеретинской армянской консистории, по которому предоставлялось право «сперва присоединения православных лиц к армяно-григорианскому исповеданию и причащению, а потом венчанию», была повенчана вдова Отарашвили, православного исповедания[43].

В-четвертых, на основании сведений, поступивших от священника Тифлисской Вознесенской церкви Алексея Тебзадзе 19 февраля 1907 г. в адрес Грузино-Имеретинской православной синодальной конторы, крестьянка Кутаисской губернии Анна Схиртладзе, проживавшая в Тифлисе, православного вероисповедания, не желавшая переходить в армянскую веру, просила разрешения на вступление в брак по обрядам ААЦ по причине того, что ее жених – армянин[44]. 23 февраля 1907 г. Грузино-Имеретинская контора постановила «просьбу Анны Схиртладзе о разрешении ей вступить в брак с армянином и о крещении детей по обрядам Армяно-Григорианской Церкви, как незаконную, оставить без последствий»[45].

Прокурор А. Правдин констатировал тот факт, что в первых трех указанных выше случаях «армянским духовенством допускаются случаи венчания православных лиц с лицами армяно-григорианской веры без предварительного по установленному законом порядку перехода из православия в армяно-григорианскую веру, даже на таких условиях, чтобы дети, произошедшие от брака с армянином, были крещаемы по обрядам армяно-григорианской религии»[46]. На этом основании он просил Л.А. Френкеля предоставить сведения о том, не было ли сделано Эчмиадзинским синодом каких-либо дополнительных распоряжений по порядку принятия в армянскую веру, совершения таинств причащения и венчания армянскими священнослужителями в отношении лиц, числившихся православными, и крещения детей по обряду Армянской церкви, рожденных в смешанных браках. Иными словами, А. Правдин хотел узнать, насколько законными являлись поступки армянского духовенства в приведенных ситуациях.

Ответы на поставленные вопросы становятся известны из содержания переписки между Департаментом духовных дел иностранных исповеданий и Эчмиадзинским синодом.

Дело в том, что согласно п. 4 статьи 93 нового Уголовного уложения 1903 г. духовным лицам иностранных исповеданий запрещалось «совершение брака иноверца с лицом заведомо православного исповедания прежде совершения брака православным священником»[47]. Это означало, что в принципе венчание смешанного брака могло быть совершено и в ААЦ, но только лишь после первоначального его венчания в Православной церкви. На этом основании Департамент сообщал, что «закон не встречает препятствий при желании лиц, вступающих в брак, и при соблюдении указанного условия, к повторению обряда бракосочетания и в Армяно-григорианской Церкви»[48].

Вместе с тем Департамент указывал на факт несоответствия российскому законодательству постановления Эчмиадзинского синода от 11 сентября 1906 г. о возможности заключения смешанного брака по обрядам ААЦ при условии перехода

[42] НАА. Ф. 56. Оп.2. Д. 1507. Л. 5 об.
[43] Там же. Л. 5–5 об.
[44] Там же. Л. 5 об. – 6.
[45] Там же.
[46] Там же.
[47] Новое Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903. С. 40–41.
[48] РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Л. 12–13.

лица православного исповедания в армянскую веру, т.к. это могло привести к «прозелитизму» со стороны армянских священнослужителей[49].

В ответ Эчмиадзинский синод защищал свою позицию. От его лица заявлялось: «…Имея в виду, что по силе действующих законоположений, смешанные браки между лицами православного и армяно-григорианского исповеданий должны быть совершаемы по обряду Православной Церкви… венчание таких браков в Армянской Церкви может быть допущено по желанию брачующихся лишь на принятии лицом православным армяно-григорианского исповедания. В этом же смысле состоялось журнальное постановление синода 11 сентября 1906 г.»[50]. Принимая данное постановление, «синод и мысли не допускал о том, что подобное указание может повлечь за собой прозелитизм со стороны армянского духовенства»[51].

Следовательно, Эчмиадзинский синод, во-первых, опровергал обвинения в прозелитизме (т.е. целенаправленном склонении девушек православного исповедания к принятию армянской веры в случае предстоящего заключения ими брака с женихами-армянами) и, во-вторых, вопреки светскому законодательству, считал недопустимым совершение повторного бракосочетания в Армянской церкви над лицами, уже заключившими смешанный брак в Православной церкви.

Тем не менее Департамент призвал Эчмиадзинский синод произвести коррекцию в церковно-правовом регулировании вопроса заключения смешанных браков.

18 февраля 1907 г. на основании п. 2 указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г.[52], п. 2 статьи 1 положения Комитета министров «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г.[53] и норм высочайше утвержденного мнения Государственного совета «О согласовании некоторых постановлений Свода Законов, высочайше утвержденными 17 апреля 1905 г. положениями Комитета министров об укреплении начал веротерпимости»[54], синод сделал следующее уточнение: брак лица армянского вероисповедания с лицом православного вероисповедания *безусловно* (курсив наш. – *В.Б.*) отправлялся по обряду Православной церкви[55]. 21 марта 1908 г. данная норма была подтверждена[56]. Таким образом, заключение браков между лицами православного и армянского исповеданий продолжало оставаться в компетенции РПЦ.

Возвращаясь к примерам, приведенным прокурором А. Правдиным, становится очевидным тот факт, что в случаях, когда армянские священники совершали венчание лиц, из которых хотя бы одно принадлежало православному исповеданию, происходило нарушение требований законодательства о смешанных браках.

Заключение брака по обряду Армянской церкви разрешалось лишь при условии, если жених и невеста к моменту венчания уже исповедовали армянскую веру. Следовательно, переход девушек из православия в армянское исповедание перед венчанием приводил к снятию межконфессионального барьера при последующем

---

[49] РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Л. 13; *Амбарцумов И.В.* Проблемы и коллизии… С. 61–63.

[50] РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Л. 14–14 об.

[51] Там же. Л. 14 об.

[52] Именной высочайший указ, данный сенату, «Об укреплении начал веротерпимости», 17 апреля 1905 г. // Полное Собрание Законов Российской империи. СПб.; Пг., 1885–1916. С. 257–258.

[53] Высочайше утвержденное положение Комитета министров «Об укреплении начал веротерпимости», 17 апреля 1905 г. // Полное Собрание Законов Российской империи. СПб.; Пг., 1905. С. 259.

[54] Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О согласовании некоторых постановлений Свода Законов с высочайше утвержденными 17 апреля 1905 г. положениями Комитета министров об укреплении начал веротерпимости», 14 марта 1906 г. // Полное Собрание Законов Российской империи. СПб.; Пг., 1906. С. 261.

[55] РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Л. 9 об.

[56] Там же. Л. 12, 28.

заключении брака с избранником-армянином. В этом случае брак становился моноконфессиональным, что, в свою очередь, позволяло крестить и воспитывать родившихся детей в армянском вероисповедании.

Выводы

Проведенное исследование показало, что в Российской империи до принятия Высочайшего указа «Об укреплении начал веротерпимости» (1905 г.) переход из православия в армянское вероисповедание, равно как и в иные неправославные исповедания, не допускался. Если же такие случаи имелись, они квалифицировались как уголовно наказуемые деяния. Санкцией, применяемой к лицам, «отпадшим» или «совратившимся» из православия в армянскую веру, являлось увещание через православного священника. В 1905 г. вследствие принятия ряда высочайших нормативно-правовых актов вероисповедное законодательство изменилось. Появился нормативно утвержденный порядок перехода из православия в иную веру, согласно которому просители должны были обращаться к местному губернатору, а затем, как и ранее, подвергнуться увещанию, которое служило последней мерой для удержания просителя в лоне РПЦ.

Именно поэтому переходы из православия в армянскую веру выявляются в большей степени по документам, относящимся к периоду после 1905 г. В ряде проанализированных документов причина перемены православного вероисповедания на армянское была связана с желанием девушки православного исповедания сочетаться браком с избранником-армянином. Поскольку заключение смешанных браков по-прежнему находилось в компетенции РПЦ, то венчание в Армянской церкви и последующее воспитание детей в армянском исповедании могли произойти только в результате заблаговременного перехода девушек из православия в армянскую веру.

Переписка Департамента духовных дел иностранных исповеданий с Эчмиадзинским синодом показывает, насколько Российское правительство и представители РПЦ были обеспокоены тем, что разрешение возможности заключения смешанных браков по армянскому обряду могло бы послужить, во-первых, дополнительным стимулом для перехода супруга православного вероисповедания в армянское, а во-вторых, причиной увеличения фактов крещения детей, родившихся в смешанном браке, по обрядам Армянской церкви. Поэтому Департамент добился от Эчмиадзинского синода признания первичного заключения смешанных браков лишь в РПЦ и крещения детей от таких браков только в православии.

Кроме предстоящего заключения брака, еще одним мотивом перехода из православия в армянскую веру мог служить факт рождения человека в этнически армянской семье и принятие им первоначального крещения в Православной церкви. Данная ситуация могла произойти в результате следующих обстоятельств:

– отсутствия армянского храма или священника на момент рождения ребенка в населенном пункте, в котором проживала армянская семья;

– необходимости срочного крещения ребенка-армянина в случае опасной болезни и наличия поблизости лишь православного священника или храма;

– длительного проживания армян в среде преобладающего православного населения и отождествления ими на бытовом уровне православия и армянской веры, т.к. при имеющихся различиях оба вероисповедания имеют много сходных позиций как в области богословия, так и в понимании церковных таинств и обрядов[57].

[57] *Блохин В.С.* Преодоление богословских стереотипов об Армянской Церкви в российском общественном сознании XIX – начала XX в. // Вестник Ереванского университета. Серия: Общественные науки. Арменоведение. 2013. № 141. С. 45–51.

Изучение феномена перехода из православия в армянскую веру и связанного с ним вопроса заключения смешанных браков позволяет воспринять данные явления как неотъемлемую часть русско-армянских церковных связей периода 1828–1917 гг., глубже понять особенности взаимоотношений РПЦ с неправославными христианскими исповеданиями в целом и выявить проблемы российского законодательства в области брачно-правовых отношений.

Кроме того, приведенные в статье факты и обстоятельства удачно иллюстрируют роль этнических, социальных и политико-правовых факторов в контактах между РПЦ и ААЦ. Проанализированный материал наглядно показывает степень влияния конфессиональной принадлежности людей на их судьбы, а также дает возможность прикоснуться к изучению повседневности и истории семьи.

Рукопись поступила: 15 декабря 2019 г.
Submitted: 15 December 2019.

Библиографический список

Амбарцумов И.В. Проблемы и коллизии брачного права Российской империи (конец XIX – начало XX в.) // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 61–63.

Амбарцумов И.В. Неправославные христианские исповедания в системе российской государственности: конец XIX в. – июль 1914 г. СПб: СПбГУ, 2014. 230 с.

Айрапетян А. Демографическая политика России в Восточной Армении в XIX в. и начале XX в. (на примере Александропольского уезда) // Арменоведение. 2016. № 2. С. 83–94.

Батуркин А. Вероисповедная политика Российской империи во второй половине XIX в. // Власть. 2009. № 2. С. 77–79.

Блохин В.С. Преодоление богословских стереотипов об Армянской Церкви в российском общественном сознании XIX – начала XX в. // Вестник Ереванского университета. Серия: Общественные науки. Арменоведение. 2013. № 141. С. 45–51.

Вартанян В.Г. Армяно-Григорианская церковь в политике императора Николая I. Ростов-на-Дону: Изд-во «Фирма «Ирбис», 1999. 486 с.

Ведяев А.В. Смешанные браки в Русской Православной Церкви в Синодальный период // Христианское чтение. 2017. № 6. С. 203–219.

Верт П. Глава Церкви, подданный императора: Армянский католикос на перекрестке внутренней и внешней политики Российской империи, 1828–1914 // Ab Imperio. 2006. № 3. С. 99–138.

Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 275 с.

Гавриленков А.Ф. Вероисповедная политика Российского государства в период империи (1721–1917 гг.): периодизация, принципы и исторические уроки // Известия Российской академии образования. 2015. № 4. С. 30–34.

Дорская А.А. Правовой статус подданного Российской империи в начале XX века: вероисповедный аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2002. № 2: Гуманитарные и общественные науки (философия, история, лингвистика, экономика, социология, право). С. 213–224.

Каиль М.В. Конфессии России в политике Временного правительства, 1917 г. // Вестник архивиста. 2019. № 1. С. 299–311.

Коркодинова А.В., Главацкая Е.М. Религиозно-смешанные браки по материалам метрических книг лютеранской общины Екатеринбурга за 1886–1919 гг. // Документ. Архив. История. Современность: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 2–3 декабря 2016 г. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2016. С. 374–378.

Кулиев Ф.М. Формирование системы управления христианскими неправославными конфессиями в XIX веке на Северном Кавказе // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 28. С. 126–133.

Кулиев Ф.М. Правовое регулирование деятельности конфессий в Российской империи в конце XVIII – начале XX в. // Известия СОИГСИ. 2015. № 15. С. 14–24.

Миненко С.В. Российское законодательство по охране господствующей Православной Церкви о прозелитизме иноверческих Церквей (XVIII – XIX века) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1. С. 46–50.

Моховая Т.А. Становление и развитие института брака в законодательстве Российской империи XIX века // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 250–253.

Софронов А.А. Регулирование деятельности инославных и иноверных вероисповеданий Министерством внутренних дел // Вестник Костромского государственного университета. 2006. № 5. С. 32–35.

Софронов В.Ю. Государственное законодательство России по конфессиональным вопросам и православное миссионерство в конце XVII – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4. С. 138–144.

Терюкова Е.А. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII – начало XX вв.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 204–208.

Терюкова Е.А. Российское законодательство начала XX века о вероисповедных переходах // Религиоведение. 2013. № 3. С. 163–177.

Тунян В.Г. Эчмиадзин и самодержавие: вопрос адаптации // Ежегодник богословского факультета Ереванского государственного университета. Ереван: ЕГУ, 2017. С. 225–240.

Тунян В.Г. Эчмиадзинский престол XIX – начала XX в. Ереван: ГИУА, 2001. 195 с.

Тройницкий Н.А. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб., 1897–1905. 620 с.

Шингарева Н.В. Роль Департамента духовных дел иностранных исповеданий в процессе реализации государственной политики в вероисповедной сфере // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 54–56.

References

Ambartsumov, I.V. “Problems and conflicts of the marriage law of the Russian Empire (late XX – early XX century).”*Christian Reading*, no. 1 (2013): 61–63 (in Russian).

Ambartsumov, I.V. *Nepravoslavnyye khristianskiye ispovedaniya v sisteme rossiyskoy gosudarstvennosti: konets XIX v. – iyul' 1914 g.* St. Petersburg: SPbGU Publ., 2014 (in Russian).

Ayrapetyan, A. “Demographic policy of Russia in Eastern Armenia in the XX century and the begining of the twentieth century (on the example of the Alexandropol district).” *Armenovedeniye*, no. 2 (2016): 83–94 (in Russian).

Baturkin, A. “Religious policy of the Russian Empire in the second half of the 20th century.” *Power*, no. 2 (2009): 77–79 (in Russian).

Blokhin, V.S. “Overcoming theological stereotypes about the Armenian Church in the Russian public consciousness of the XX – early XX century.” *Bulletin of Yerevan university*, no. 141 (2013): 45–51 (in Russian).

Dorskaya, A.A. “Legal status of the Russian Empire subjectat the beginning of the XX century: religious aspect.” *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 2 (2002): 213–224 (in Russian).

Gavrilenkov, A.F. “Religious policy of the Russian state during the period of the empire (1721–1917): periodization, principles and historical lessons.” *Bulletin of the Russian Academy of Education*, no. 4 (2015): 30–34 (in Russian).

Kail', M.V. “Confessions of Russia in the Policies of the Provisional Government: 1917.” *Herald of an* Archivist, no. 1 (2019): 299–311 (in Russian).

Korkodinova, A.V., and Glavatskaya, Ye.M. “Religiozno-smeshannyye braki po materialam metricheskikh knig lyuteranskoy obshchiny Yekaterinburga za 1886–1919 gg.” In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost': Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Yekaterinburg, 2–3 dekabrya 2016 g.*, 374–378. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta Publ., 2016 (in Russian).

Kuliyev, F.M. “Formation of a governance system for Christian non-Orthodox confessions in the 20th century in the North Caucasus.” *Chelyabinsk State University Bulletin*, no. 28 (2009): 126–133 (in Russian).

Kuliyev, F.M. “Legal regulatioin of confession’s activity in the Russian Empire in the end of XVIII – early XX century.” *Izvestiya SOIGSI*, no. 15 (2015): 14–24 (in Russian).

Minenko, S.V. “Russian legislation on the protection of the ruling Orthodox Church on proselytism of the other faiths Churches (XVIIII – XX century).” *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1 (2011): 46–50.

Mokhovaya, T.A. “Formation and development of the institution of marriage in the legislation of the Russian Empire of the XX century.” *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, no. 4 (2014): 250–253 (in Russian).

Sofronov, A.A. “Regulation of the activities of heterodox and non-faith religions by the Ministry of Internal Affairs.” *Bulletin of Kostroma State University*, no. 5 (2006): 32–35 (in Russian).

Sofronov, V.Yu. “State legislation of Russia on confessional issues and Orthodox missionary work at the end of the XVII – early XX century.” *Izvestiya of Altai State University*, no. 4 (2007): 138–144 (in Russian).

Shingareva, N.V. “The role of the Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions in the implementation of state policy in the religious sphere.” *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 10 (2015): 54–56 (in Russian).

Teryukova, Ye.A. “Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions and Ethno-Confessional Policy of the Russian State (XVIIII – early XX centuries).” *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, no. 4 (2010): 204–208 (in Russian).

Teryukova, Ye.A. “Russian Religious Legislation of the early 20th centuryabout interreligious conversions.” *Religiovedenie*, no. 3 (2013): 163–177 (in Russian).

Tunyan, V.G. “Echmiadzin i samoderzhaviye: vopros adaptatsii.” In *Yezhegodnik bogoslovskogo fakul'teta Yerevanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 225–240. Yerevan: YEGU Publ., 2017 (in Russian).

Tunyan, V.G. *Echmiadzinskiy prestol XIX – nachala XX v.* Yerevan: GIUA Publ., 2001 (in Russian).

Troynitskiy, N.A. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 goda*. St. Petersburg: [S.n.], 1897–1905 (in Russian).

Vartanyan, V.G. *Armyano-Grigorianskaya tserkov' v politike imperatora Nikolaya I.* Rostov-on-Don: «Firma «Irbis» Publ., 1999 (in Russian).

Vedyayev, A.V. “Mixed marriages in the Russian Orthodox Church during the Synodal period.” *Christian Reading*, no. 6 (2017): 203–219 (in Russian).

Vert, P. “Head of the Church, subject of the emperor: Armenian Catholicos at the crossroads of domestic and foreign policy of the Russian Empire, 1828–1914.” *Ab Imperio*, no. 3 (2006): 99–138 (in Russian).

Vert, P. *Pravoslaviye, inoslaviye, inoveriye: Ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossiyskoy imperii*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2012 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Блохин Владимир Сергеевич, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой церковной истории и филологии Екатеринбургской духовной семинарии; доцент кафедры «Мировая экономика и логистика» Уральского государственного университета путей сообщения.

Vladimir S. Blokhin, Kandidat Pedagogicheskikh Nauk [PhD in Pedagog.], Associate professor of the Department of Church History and Philology, Yekaterinburg Orthodox Theological Seminary; Associate professor of the Department of World Economy and Logistics, Ural State University of Railway Transport.

СПЕЛЕОЛОГИЯ И СПЕЛЕСТОЛОГИЯ

МАТЕРИАЛЫ X МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ
2019

УДК 551.4.02: 551.435.8: 551.44: 551.584.65: 552.08: 581.9(24): 591.9(24): 622: 903.27: 903.7: 904: 908: 910.2: 911.6: 93
ББК 26.823
С 23

Speleology and spelestology: Proceedings of the X International Scientific Correspondence Conference. — NGPU, Naberezhnye Chelny, 2019. — 358 p.

С23 Спелеология и спелестология: материалы X Международной научной конференции. — Набережные Челны: НГПУ, 2019. — 358 с.

В сборник включены материалы докладов, представленных на X Международную научную конференцию «Спелеология и спелестология» (г. Набережные Челны, 7 декабря 2019 г.). Материалы группируются по пяти разделам: «Спелеология», «Спелестология», «Экология и охрана пещер», «Исторические городские подземные сооружения», «Использование подземного пространства». В публикуемых материалах освещается широкий круг теоретических, практических и прикладных вопросов спелеологии и спелестологии.

Издание предназначено для специалистов спелеологов, спелестологов, геологов, географов, историков, биологов, экологов, а также для краеведов, аспирантов, студентов и всех интересующихся вопросами исследования, охраны и использования пещер.

ISBN 978-5-98452-197-0

На первой и четвёртой странице обложки: подземные коммуникации в Москве (фото Г. Виноградова).

Г.Г. Погосян (Хахбакян)
Спелеологический центр Армении,
Научно-аналитический журнал «Регион и Мир», Ереван, Армения

ПЕЩЕРНЫЙ КОМПЛЕКС «СУРБ НШАН» В КВАХВРЕЛИ (НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АНТРОПОГЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ)

G.H. Poghosyan (Chaghbakyan)

THE «SURB NSHAN» CAVE COMPLEX IN QVACHVRELI (SOME ANTHROPOGENIC ARCHITECTURE PROBLEMS)

The Qvachvreli ancient Armenian monastery complex or the St. Cross monastery was situated in old Shida Kartli. Nowadays the Qvachvreli complex is in Gori province of Georgia. Only a few anthropogenic caves have remained. The anthropogenic caves system consists of a church and a narthex. It is remarkable for its very interesting structure.

Предисловие

Пещерная архитектура Армянского нагорья, наблюдающаяся с древнейших времён, получила значительное распространение с периода зарождения, а затем и принятия христианства в Великой Армении и её сателлитных царств. Особенно это относится к таким территориям, как Малая Армения, Четвёртая Армения, Осроена, Софена, Коммагена и Каппадокия, или, как её именовали римляне, — Первая Армения. Кроме указанных территорий было проникновение и в диффузионные зоны, такие как, например, Картли, Кахети, Эрети и др. царства, расположенные на севере от Армении, в армянской историографии зачастую именуемые под общим названием «Вирк» (арм. Վիրք, букв. «Верхняя страна»). Отсюда и армянское название Грузии — Врастан (арм. Վրաստան, букв. «Верхняя страна»). В антропогенных пещерах этого периода преобладает религиозно-культовая составляющая.

Местоположение

Описываемое место находится на территории исторической Шида-Картли[1], близ её центра — города Гори[2]. Ныне локализуется на территории Республики Грузия в Горийском муниципалитете современной провинции Шида-Картли. Находится в 9 км к востоку от г. Гори на западной окраине с. Квахврели (груз. ქვახვრელი).

Пещерный комплекс расположен на правобережье р. Кура на вершине невысокого холма (рис. 1) (у подножья которого раскинулось современное кладбище), на высоте 500 м н.у.м., с координатами 41°57’23.21»с.ш. и 44°12’12.25»в.д. На топографических картах ген. штаба Вооруженных Сил СССР (рис. 2) объект отмечен крестиком [Топографическая карта листа К-38-77. Гори].

Исследования

4 декабря 1833 **г.** в этом регионе побывал известный путешественник Фредерик Дюбуа де Монпере[3], который детально описал пещерный город Уплисцихе (фр. Ouplostsikhé), но ни словом не обмолвился о пещерном комплексе на противоположном берегу близ с. Квахврели [Dubois, 1839: 190–210].

В 1848 г. Андрей Муравьёв[4] в одной из своих книг «Грузия и Армения», состоящей из трёх частей, в главе «Гори, Уплисцихе, Атене, Сионъ» третьей части [Муравьев, 1848: 90–109], после описания пещерного города Уплисцихе и переправы через Куру, вкратце упоминает о том, что «мимоходом посетили, против Уплисцихе, еще подземелье, с Армянскою внутри его церковью Св. креста». [Муравьев, 1848: 101]. И далее поэтично, но не конкретно продолжает: «Говорят, что весьма пространны были подземные проходы сего потаеннаго жилья, и пустота земли, отзывавшаяся подъ ногами, подтверждала истину сказания. Этот плоский утес есть как бы продолжение того, в котором изсечена древняя столица внука Картлосова; она открывается отсель во всей ея своенравной красоте, с просветами своих величественных арк, зиющая глубокими устьями пещер, как бы поглотивших все население и ожидающих себе новых жертв. — Видно, что тут был город, но как бы

---

1 Шида-Картли (груз. შიდა ქართლი, букв. Внутренняя Карталиния) – историко-географический край на территории современной Грузии. Исторически Шида-Картли занимала территорию, ограниченную с востока рекой Арагви, с запада – Лихским (Сурамским), а с юга – Триалетским горными хребтами.

2 Гори (груз. გორი) – город в восточной Грузии, центр края Шида-Картли и центр одноимённого муниципалитета.

3 Дюбуа де Монпере Фредерик (фр. Frédéric DuBois de Montperreux) (28.05.1798 – 07.05.1850) – швейцарец французского происхождения, археолог, путешественник, этнограф, натуралист. Известен благодаря предпринятому в 1831–1834 гг. путешествию в Крым и на Кавказ, результаты которого он изложил в шеститомном труде «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и в Крыму» с приложением атласа, содержащего множество рисунков, чертежей и схем, сделанных автором во время его исследований.

4 Муравьёв Андрей Николаевич (30.04.1806, Москва – 18.08.1874, Киев) – православный духовный писатель и историк церкви, паломник и путешественник; драматург, поэт. Член общего присутствия в Азиатском департаменте МИДа (1842). Действительный статский советник (17.04.1855).

Рис. 1. Местонахождение пещерного комплекса на космоснимке

го так и не нашлось, похоронен перед входом в церковь под колокольней. Поговаривают, что заказчиком строительства была церквелюбивая царица Тамара, а строителем был армянин» (перевод — Г.П.) [Назарянц, 1884, № 62: 2–3].

В 1894 г. Прасковья Уварова[6] в четвёртом выпуске «Материалов по археологии Кавказа» в главе «Уплис-цихе» части «Тифлисская губерния» [Уварова, 1894: 158–159], во второй половине, рассказав о том, что никаких строительных надписей для оценки времени этого пещерного города нет и лишь «один Дюбуа въ своем описании упоминаетъ о надписи, найденной имъ въ городе, на армянском, арабском и куфическом языке, не переводя и не сообщая сведений ею передаваемых» (см. [Dubois, 1839: 200]), указывает: «на таком же скальном выступе расположен такой же пещерный город, хотя и меньших размеров, называемый Квахрели, который, по всемъ вероятиям, был ничем иным, как продолжением укреплений Уплис-цихе, с которым был тесно связан своим основанием и обшим целям котораго, вероятно служил». После рассуждений на тему римского влияния на архитектуру, исследовательница задаётся вопросом, когда и какой народностью был заселён город. Но из-за отсутствия «письменных памятников, кроме надписи, приводимой Дюбуа» решить трудно; «теперь же Уплис-цихе и Квахрели заселены Армянами» [Уварова, 1894: 159].

В 1896 г. Иван Пантюхов[7] в своей книге «О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе», в главе «V. Дальнейшее развитие пещерных жилищ» [Пантюхов, 1896: 31–38], повествуя о пещерном городе

инаго допотонаго поколения людей, давно уже стертаго с лица земли» [Муравьев, 1848: 101–102].

В 1884 г. Ованнес Назарянц[5] в № 60, 62 и 64 тифлисской газеты «Мегу Айастани» (арм. Մեղու Հայաստանի, букв. «Пчела Армении») опубликовал серию статей под названием «Сёла и древности» [Назарянц, 1884]. В третьей части статьи, помещённой во втором номере, с самого начала автор повествует об армянской древности — церкви Сурб Ншан (арм. Սուրբ Նշան, букв. «Св. Знамения») в с. Куахрэли. Обращаясь к читателю, автор просит «представить себе огромное помещение, вырубленное в скале с залой и иными комнатами. Описывая зальную часть, за алтарным камнем, отмечает наличие на стене вверху два выдолбленных креста. У церкви имеется верхний этаж. Справа от алтаря имеется проход, который ведёт влево в некую тёмную пещеру, напротив которой тянется зала 5 саженей в длину и 4 аршина в высоту, в котором в день Пасхи паломники, пришедшие из соседних деревень, приходят сюда и празднуют. За этим залом есть ещё один зал в 10 саженей в длину и 3 в высоту, дверь которой смотрит в поле. На внешней стороне стены выдолблены кресты, под двумя из которых имеются трудночитаемые лапидарные надписи, в одной из них читается: «*установил святой крест ходатайствуй [князя ?] и его супруги … могучий …*». Строитель, имя которо-

[5] Назарянц Ованнес (арм. Յովհաննէս Նազարեանց) (?–?) – журналист, автор нескольких монографий и статей в тифлисских газетах. Издавался в Тифлисе с 1877 по 1897 гг.

[6] Уварова Прасковья Сергеевна (урожд. княжна Щербатова) (28.03.1840, имение Терны (с. Бобрик), Харьковской губ. – 30.06.1924, Добрна, Югославия) – русский учёный, историк и археолог. Графиня, придворная статс-дама (с 1912). Жена археолога Уварова Алексея Сергеевича (с 1859). Председатель Московского археологического общества (1885), почётный член Императорской Академии наук (1895), профессор Дерптского (1888), Харьковского (1906), Казанского (1910), Московского (1910) университетов, Петербургского археологического института (1891), Лазаревского института восточных языков (1902).

[7] Пантюхов Иван Иванович (19.07.1836, д. Берёза Черниговской губ. – 15.06.1911, Киев) – русский врач, антрополог, публицист. Окончил медицинский факультет Университета св. Владимира в Киеве (1862). В качестве врача был командирован в действующую армию, в район боевых действий на Кавказе (1862). Демобилизован из-за ранений (1864). Вновь поступил на военную службу (1874).

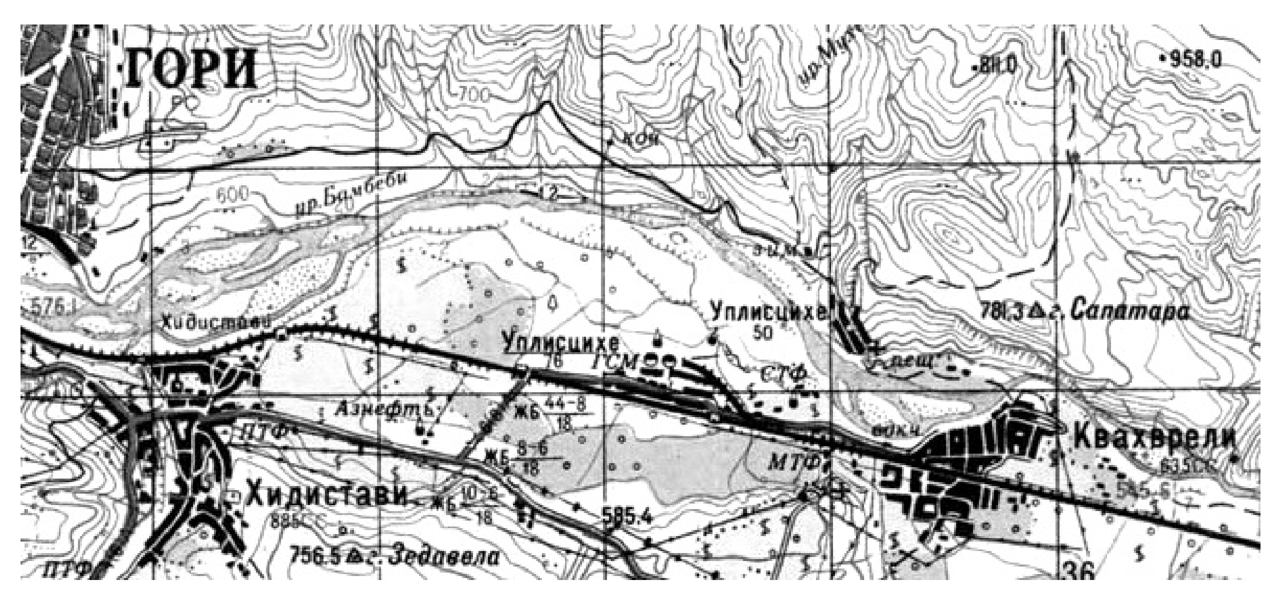

Рис. 2. Фрагмент топографической карты, лист Гори (К-38-77)

«Уплис-цихе» и упоминая, что его достаточно хорошо описал «многосторонний ученый, историк и естествоиспытатель Dubois de Monpeureux» и «энергическая изследовательница христианских древностей на Кавказе, графиня П.С. Уварова», детально повествует о пещерах в Кваркели.

Автор указывает местонахождение пещер и вкратце пересказывает Уварову [Пантюхов, 1896: 32]. Описывая пещеры, говорит о двух коридорах; о христианском храме в большом помещении; о других помещениях и выходах с указанием всевозможных размеров. Затем автор повествует о раскопках, проведённых в разных местах пещерного комплекса, и скудных находках, таких как «кости барана, осколки разнообразной обыкновенной посуды и два толстые черепка, такого вида, какой до того не попадался <…> при ближайшем разсмотрении, они оказались черепками изъ шейки большого глиняннаго сосуда» [Пантюхов, 1896: 33]. Далее Пантюхов, с удивлением констатирует, что «современная обстановка пещер носит печать христианства, со следами язычества. В отдаленной маленькой пещере, возле камня, служащего как бы жертвенником, богомольцами принесены жертвы, въ виде шерсти, намотанной на палочки, и множества булавок». После перечисления имеющихся предметов в церкви исследователь сообщает весьма ценную информацию: «пещерную церковь жители соседней деревни Кваркели называют Субнишаны. Жители как деревни Кваркели, так и Уплисъ-цихе, исповедуют армяно-григорианскую веру, по-этому почитают себя армянами, и древния церкви, какъ в Уплисъ-цихе, так и в Субнишаны, считаются армянскими».

Любопытно, что из всех исследователей одним лишь Пантюховым со «спутником, инспектором Горийской учительской семинарии Ѳ.А. Смирновым, было обращено внимание на совершенно вертикальную пещеру глубиною 5–6 метров, при диаметре 0,8 м», в которой были обнаружены вероятные инструменты обработки пещер [Пантюхов, 1896: 34].

В конце монографии Иван Пантюхов в числе прочих иллюстраций поместил «План сложной пещеры возле д. Кваркели. Ф.15. Масштаб $^{1}/_{400}$.» (рис. 3) [Пантюхов, 1896: 140].

В 1918 г. Левон Меликсет-Бек[8] в альманахе «Известия Кавказскаго музея» опубликовал статью «Пещерный город Квахрели» [Меликсет-Беков, 1918: 208–218]. В отличие от предыдущих авторов, Меликсет-Бек повторяет сказанное А. Муравьёвым, что пещерная церковь «во имя св. Креста» [Меликсет-Беков, 1918: 208], хотя в дальнейшем уточняет, что среди местных жителей пещерный монастырь известен под названием «Сурп’нишан-и (от арм. Սուրբ նշան — Сурб-ншан), т.е. «Святое Знамение» или «Святой крест», отделенная же пещера с престолом — под названием Квиранховели, т.е. «Красное воскресенье» или «Красная горка»» [Меликсет-Беков, 1918: 216]. Одновременно автор высказывает удивление по поводу того, что «пещерный храм в К’вахрел-и назван «Сурп’нишан»ом, каковым именем известна также армянская церковь противолежащего селения Уп’лисцихе» [Меликсет-Беков, 1918: 217]. Затем приводит восьмистрочную надпись на мхедрули 1716 г., вмонтированную в стену церкви у подножья холма с пещерным комплексом, в которой

[8] Меликсет-Бек Левон Меликсетович (арм. Լևոն Մելիքսեթի Մելիքսեթ-Բեկ) (14.09.1890, Тифлис – 03.09.1963, Тбилиси) – учёный-историк, филолог и арменовед. Профессор (1932), доктор исторических (1932) и филологических наук. Член Одесского общества истории и древностей. Член-корреспондент АН Армянской ССР (1945). Заслуженный деятель наук Грузинской ССР.

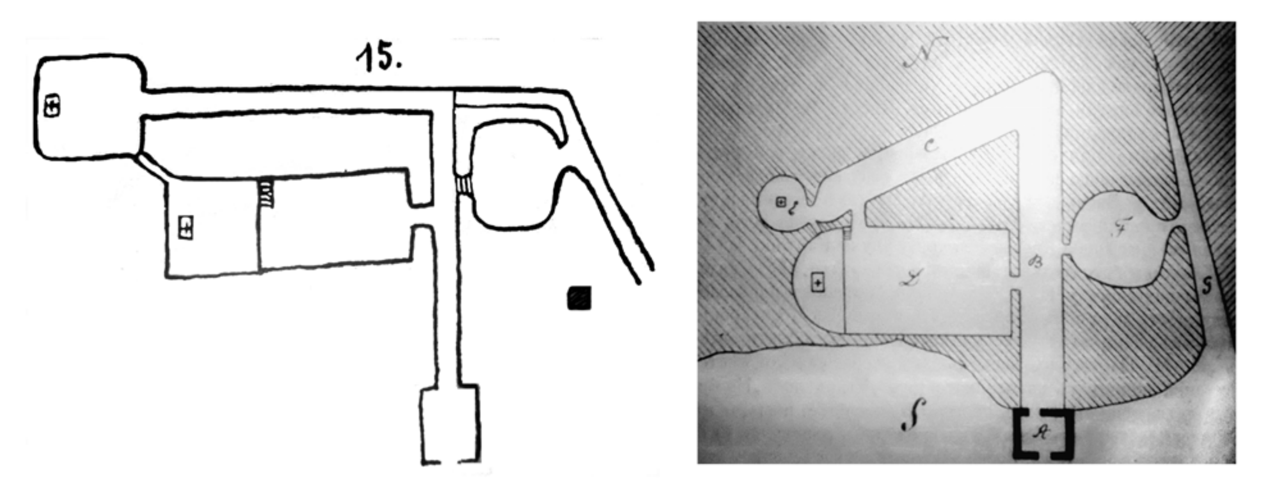

Рис. 3. Слева – «План сложной пещеры возле д. Кваркели. Ф.15. Масштаб 1/400» [Пантюхов, 1896: 140]; справа – «Приблизительная схема пещерного городка Квахрели (штрихи – горная порода, А – постройка)» [Меликсет-Беков, 1918: 217]

упоминается некий монастырь, с помощью которого и была построена эта церковь [Меликсет-Беков, 1918: 210–211]. Перед тем как описать пещерный комплекс, автор перечисляет предыдущих русских исследователей (Муравьева, Уварову и Пантюхова, в той или иной степени описавших комплекс). [Меликсет-Беков, 1918: 212–213]. Поместив приблизительную схему (рис. 3), достаточно подробно, стараясь ничего не упустить, он даёт описание помещений, особо останавливаясь на хачкарах — камнях с изображением креста, на некоторых из которых имеются надписи на армянском языке. Касательно надписей исследователь даёт краткую справку следующего содержания: «Интересны армянския надписи, начертанныя подъ некоторыми изображениями креста, как-то под №№ I, VI, VIII и IX. Впрочем, надписи эти, относящиеся, судя по всем данным, к сравнительно поздней эпохе (XVIII–XIX вв.) и довольно трудно разбираемыя, никакой исторической ценности не представляют, такъ какъ они являются шаблонными надгробными надписями. Например, в одной из надписей читаем — սուրբ խաչս է բարէխօսութիւն (այս անուն) — св. крестъ — ходатай за (имя рек), в другой — այս է տապան Հանգստեան (այս անուն) — здесь могила упокоения (имя рек), в третьей — շատուած ողորմի իրանց եկեղեցի (?)... Господь да милует их церковь (?)... и т.п. К тому же, надписи эти, будучи дефектны, не сопровождаются указанием даты» [Меликсет-Беков, 1918: 214–216].

В 1985 г. Паруйр Мурадян[9] в сборнике «Армянская эпиграфика Грузии: Картли и Кахети» в отдельной главе обратился к памятнику Квахврели [Мурадян, 1985: 71–78]. Исследователь, дав обзор первых упоминаний ойконима в летописях, обратил внимание на то, что нынешний ойконим Квахврели изначально звучал как Куахурелни (груз. ქუაჴურელნი), где *куа* (груз. ქუა букв. «камень») *ихурелни* (груз. ჴურელნი букв. «норы», «пещеры») [Мурадян, 1985: 71]. В отличие от предыдущего исследователя Меликсет-Бека, который задался вопросом о причине возникновения двух одноимённых пещерных церквей Сурб Ншан в Уплисцихе и в Квахврели, Мурадян сводит к тривиальному ответу — возникновение одноимённой пещерной церкви в Квахврели есть следствие сложности ежедневной переправы через реку для жителей Квахврели. После чего дает весьма краткое описание пещерного комплекса: «В архитектурном отношении базиличная пещерная церковь Сурп-Ншан доведена до уровня однотипных надземных сооружений в реализации идеи создания комплекса: кроме притвора с куполом-колокольней церковь снабжена западной галереей с отдельными углублениями хозяйственного назначения, южным приделом-часовней в длину зальной части церкви и т.д. Вся восточная стена галереи покрыта вырубленными хачкарами в один, а местами и в два ряда» [Мурадян, 1985: 73].

Исследователя значительно больше привлекает эпиграфика, чем архитектура, что, в общем-то, продиктовано форматом самого исследования. Именно этим обусловлено критическое высказывание в адрес предыдущего исследователя: «Принадлежащая перу Л.М. Меликсет-Бека небольшая работа о Квахврели скорее является предварительным сообщением и справкой общего характера, чем исследованием интересующих нас вопросов <…>

[9] Мурадян Паруйр Мамбреевич (арм. Պարույր Մամբրեի Մուրադյան) (1933 – 21.07.2011, Ереван) – доктор исторических наук, профессор, лауреат премии Месропа Маштоца. Заведовал отделом кавказоведения и византинистики Института востоковедения НАН Армении. Историк-медиевист широкого профиля.

В пересмотре нуждаются почти все характеристики ученого, за исключением того, что имеющиеся надписи действительно "*трудно разбираемы*"». После замечания Мурадян приводит восемь текстов надписей «в той последовательности, в которой они высечены начиная от притвора» [Мурадян, 1985: 74]. Мы не будем останавливаться на приводимых эпиграфиях и граффити, изобилующих именами *ходатайствующих за душу*, отметим лишь то, что только на одном имеется дата — 1616 г. По предположению учёного, отсутствие дат связано с единовременным высечением хачкаров и текстов, в другом случае тексты были бы снабжены датами [Мурадян, 1985: 76].

Описание памятника

Монастырский комплекс состоит из помещений, вырубленных в скальной породе, внешнего строения, близлежащих пещер и монастырского кладбища. Пещерный комплекс Св. Знамения находится в средней части северного склона невысокого холма, расположенного в 600 м от р. Кура.

Основные культовые сооружения в комплексе — это *церковь*, *притвор* и иные *помещения* и *ходы,* вырубленные в скальной породе, и находящаяся перед скалами колокольня, служащая фактическим входом в пещерный комплекс (рис. 4).

Колокольня представляет собой невзрачное, четырёхугольное тяготеющее к трапеции, частично вмонтированное в скальную породу помещение с куполом (рис. 4; 5/1). Барабан купола цилиндрический, имеющий 5 узких и длинных световых проёмов. Покрытие купола конусообразное. Нижняя часть колокольни, в отличие от верхней, выложена сравнительно крупными камнями разного размера. Верхняя часть вместе с куполом выложена в основном колотым плоским камнем вперемежку с галечным камнем, принесённым с берега реки. Высокий входной проём в колокольню значительно смещён вправо, т.е. к северо-западу, примыкая к западной стене, и смотрит на север, прямо на реку и пещерный город Уплисцихе (рис. 5/2).

Из помещения колокольни в скальной породе осуществлён смещённый к юго-востоку проход, ведущий в достаточно длинный и сравнительно ровный коридор, достигающий 20 м в длину, и по 2 м в ширину и в высоту. В литературе это помещение часто именуется ***притвором*** (рис. 5/3). Причина кроется не в том, что здесь находятся захоронения, а скорее в том, что на восточной стене вытесаны кресты наподобие хачкаров (рис. 5/4). Местами они вытесаны в два ряда по обе стороны от прохода, находящегося примерно в средней части, в помещении церкви. Слева от входа вытесано в ряд 6 хачкаров и ещё 2 над последними ближе к проходу в церковь (рис. 5/5). Справа от входа вытесано в ряд 7 хачкаров и ещё 2 маленьких под первыми двумя ближе к проходу (рис. 5/6).

Проход в церковь узкий ок. 0,75 м и низкий, открывается в западной стене. Помещение церкви вытянуто в пропорции 1:2, соответственно с длинной ок. 10 м и шириной ок. 5 м. Пещерная церковь вырублена в виде сводчатой залы, достигающей в высоту примерно 7,5–8 м. На высоте 5 м на всех стенах, кроме алтарной, вырублены окноподобные ниши (рис. 5/7). На короткой — западной — стене таковых два, на длинных — северной и южной — по три, с той лишь разницей, что на северной стене средняя ниша являет собой реальное окно, которое по размерам значительно превосходит остальные (рис. 6). Некогда в пещерной церкви имелся ещё один световой проём — на западной стене, выше ложных окноподобных ниш, прямо под сводчатым потолком, но он давно засыпан. Ещё один действующий световой проём, но очень маленький и узенький, смещённый к северу, имеется в алтарной апсиде (рис. 5/8). Прямо под световым проёмом в алтарной апсиде в северо-восточной части имеется ниша, рядом с которой ближе к центру апсиды вырублены два хачкара (рис. 5/9), наподобие тех, которые имелись в притворе. В юго-восточной части апсиды симметрично напротив ниши вырублен проход, ведущий в юго-восточном направлении по лестницам в помещение неправильной формы.

В восточной части трапециевидной пещеры, которую Меликсет-Бек назвал ***часовней***, имеется алтарный камень. В пещере нет никаких световых проёмов. Кроме указанного узкого прохода, ведущего из алтарной части церкви, из пещеры-часовни имеется ещё один проход, находящийся в западной стене и выходящий в длинный четырнадцатиметровый ***зигзагообразный коридор***, соединяющийся с коридором-притвором. В самом начале зигзагообразного коридора имеется небольшое расширение, из которого прорублен проход, выходящий рядом с алтарём церкви.

Кроме описанных помещений из длинного коридора-притвора, примерно напротив прохода, ведущего в церковь, имеется ступенчатый проход в очередную ***«бесформенную» пещеру***. Именно в этом месте в верхней части наличествует провал, благодаря которому в коридор-притвор попадает освещение. Из пещеры на юго-западе прорублен проход, ведущий в третий длинный тринадцатиметровый коридор, выходящий на поверхность в западном направлении (рис. 6).

Описанная Пантюховым квадратная штольня пятиметровой глубины находится между «бесформенной» пещерой и третьим коридором.

История

Как уже сказано выше, рассматриваемый пещерный монастырский комплекс находится близ с. Квахврели, которое находится в 9 км к востоку от исторического центра Шида-Картли — г. Гори, буквально напротив пещерного города Уплес-цихе,

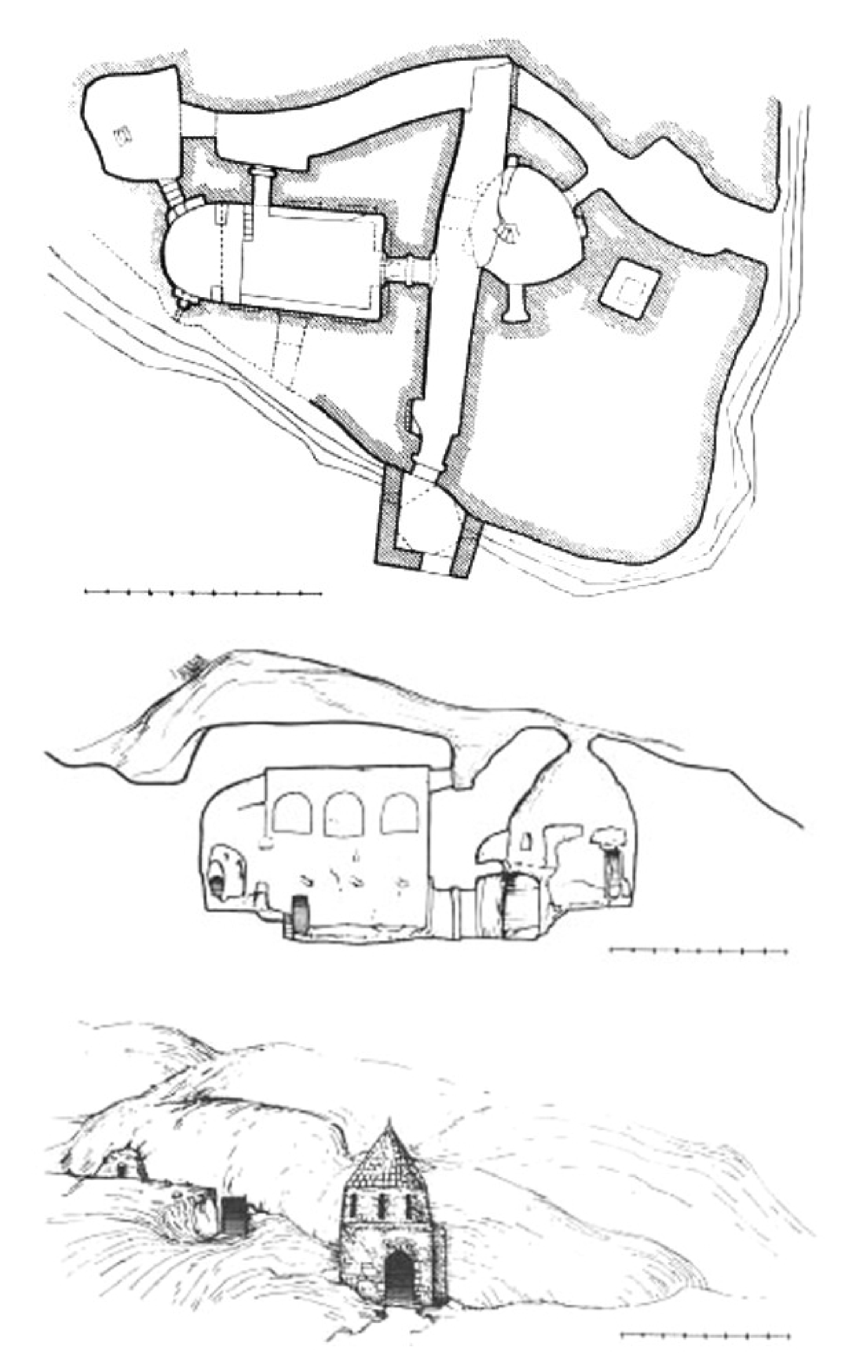

Рис. 4. Вверху – план пещерного комплекса; в центре – разрез пещерного комплекса; внизу – зарисовка с севера на скальный участок с колокольней и окном церкви Св. Знамения

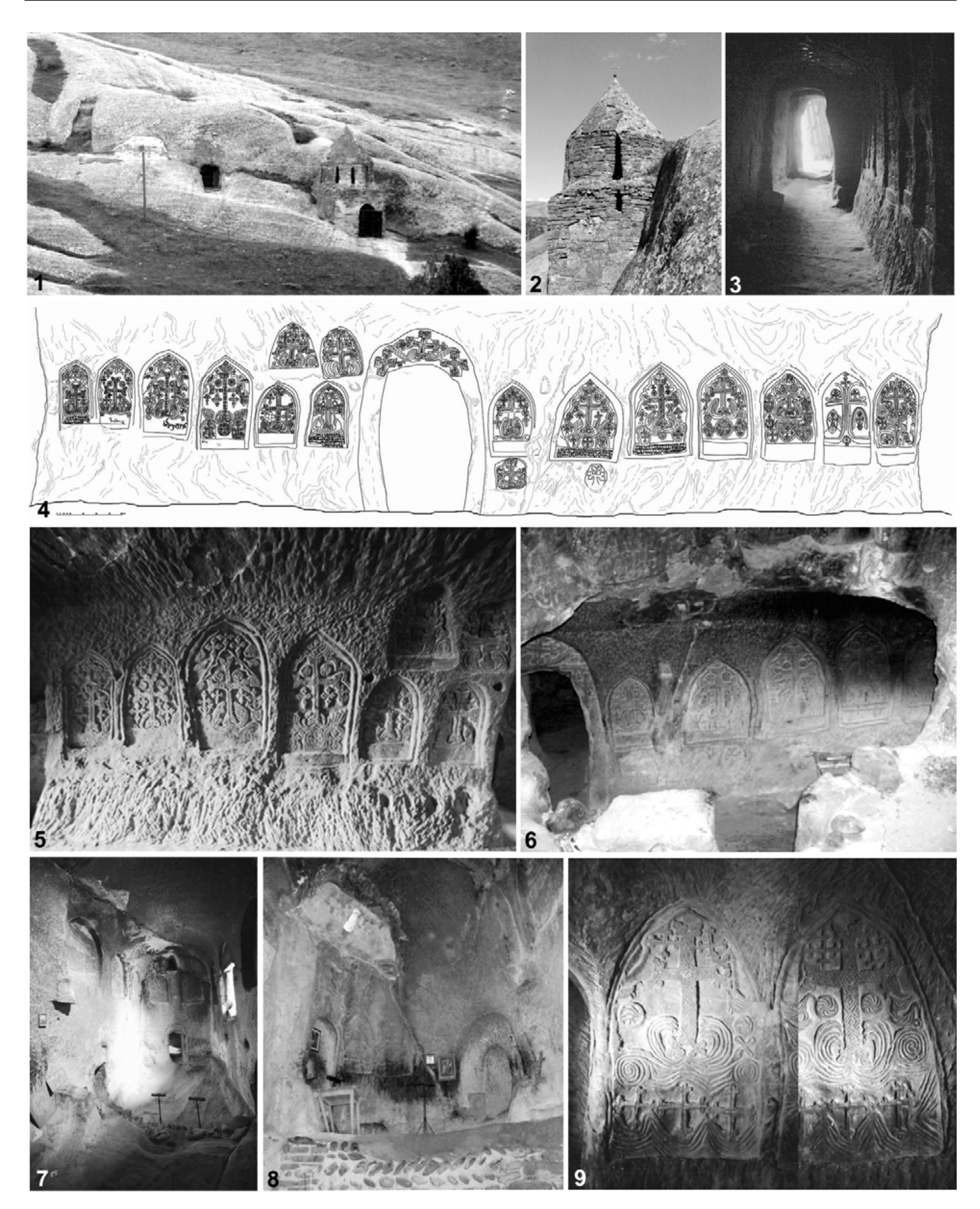

Рис. 5. 1 – Вид с севера на скальный участок с колокольней и окном церкви Св. Знамения; 2 – Колокольня, вид с запада; 3 – Коридор-притвор; 4 – Зарисовка стены хачкаров в притворе (рис.: С. Карапетян); 5 – Ряд хачкаров в притворе слева от входа в церковь; 6 – Ряд хачкаров в притворе справа от входа в церковь; 7 – Интерьер пещерной церкви со стороны алтаря; 8 – Алтарная апсида пещерной церкви; 9 – Два хачкара в алтарной апсиде

Рис. 6. Слева – вид на окно в алтарной апсиде извне; справа – вид на выход из пещерного комплекса

на другом берегу р. Куры. Считаем необходимым заострить внимание на следующем историческом факте. Город Гори был отстроен царем Давидом II Строителем (1089–1125) как «*город армян в стране Грузинской*» [Маттеос, 1898: 356; Мурадян, 1985: 79]. Вот что пишет по этому поводу армянский летописец Маттеос Эдесский[10]: «*И был Давид царем святым и доброжелательным, наряженным всем благочестием да доброй праведностью; и он оказался приемлющим и любящим род армянский. Вокруг него собрались оставшиеся армянские войска, он же построил* ***город армян в стране Грузинской*** (выделение — Г.П.), *создав множество церквей и монастырей, и дал имя городу Гора* (арм. Գոռա). *И поддерживал он весь род армянский с великой радостью и ликованием*» [Маттеос, 1898: 356].

Меликсет-Бек справедливо считает, что слово «построил» нужно понимать не дословно, так как в армянской летописи X в. Псевдо-Шапуха Багратуни[11] Гори упоминался, правда не как город, а как село. «*Когда Смбат услышал это, снарядил он войско и собрал много племен; пошел он на страну абхазов и достиг страны ноханов,* ***села что зовется Гори*** (выделение — Г.П.). *Там сидел царь абхазов и с ним Мушег. Царь абхазов запрудил воды реки, окружив [водою] крепость, и не было возможности войти в город из-за льда, которым покрылась вся равнина <…> Расположились они вокруг оледенелого поля. Не имея возможности овладеть* ***селом Гори*** (выделение — Г.П.), *царь Смбат находился в нерешимости*» [Багратуни, 1971: 188–189]. А по сему данный пассаж со строительством надо понимать следующим образом: начиная с 1122–1125 гг. Гори был отстроен и превращён в город для армян, став экономическим центром на перекрёстке дорог, вокруг которого было отстроено множество армянских церквей и монастырей, в том числе Уплис-цихе, Квахврели и др. [Меликсет-Бек, 1979: 176].

Первые упоминания об интересующем нас поселении Квахврели встречаются в X в.

Сообщение армянского летописца Ованнеса Драсханакертци[12] в Главе XLI «О войне царя Егерского Костандина[13] и взятии его под стражу, а также о ненависти Атрнерсеха[14] к Смбату[15]» о столкновении армянского царя Смбата с егерским царем Костандином, произошедшем в 904 г., хоть и не содержит интересующего нас топонима, однако содержит термин «ворджанал» (арм. որջանալ, букв. «засесть в берлоге»): «*царь Смбат, собрав вместе множество войск, двинул их вперед и, взяв с собой царя Вирка, пошел вместе с ним в набег, навстречу Костандину. Когда тот увидел, что не в состоянии*

[10] Маттеос Урхаеци или Едессиаци, Маттеос из Урха (арм. Մատթէոս Ուռհայեցի) (?, Эдесса – 1144) – армянский летописец XII в. родом из города Эдесса (Урха).

[11] Шапух Багратуни (арм. Շապուհ Բագրատունի) – армянский летописец IX в. Внук Великого князя Армении Ашота Багратуни Мсакера (арм. Աշոտ Մսակեր) (? – 826). Согласно сообщениям историков, Шапух Багратуни изложил свой труд по поручению сына армянского царя Ашота I Багратуни Давида. Однако история Шапуха не сохранилась. В 1921 г. была издана история анонимного автора X в., ошибочно приписанная Шапуху Багратуни. Отсюда и название – Псевдо-Шапух Багратуни, или Анонимный повествователь.

[12] Ованес Драсханакертци, или Иоанн VI Католикос (арм. Հովհաննես Դրասխանակերտցի) (845/850, Драсханакерт – 929, Васпуракан) – Католикос Всех армян (898–929), летописец.

[13] Констандин III (груз. კონსტანტინე III) (?–923) – царь Эгрис-Абхазети (899–916).

[14] Атрнерсех II (?–923) – куропалат Тао-Кларджети (888–923).

[15] Смбат I Багратуни (арм. Սմբատ Ա Բագրատունի Նահատակ) (ок. 850–914) – царь Армении (с 890).

им противостоять, поворотил вспять и, ***засев, как в берлоге*** (выделение — Г.П.), *в укрепленном месте, стал просить у него мира»* [Ованес, 1984: 153]. На вопрос, где произошло столкновение, ответ содержится в сообщении анонимного летописца XI в. в «Картлис цховреба»[16] в части «Арабские нашествия»: «*В то время, [когда в Картли правили азаты] встал Констандин царь абхазов, который покорил Картли. Ему воспротивился царь армян (сомехов) Смбат Завоеватель*[17]*, который с большим войском пошел в поход и подошел к Уплисцихе <…> и захватил его*» (подстрочный перевод — Г.П.) [Меликсет-Бек, 1934: 202].

В совокупности сведения двух летописцев указывают на местность рядом с Уплисцихе. Если к этому добавить тот факт, о котором упоминал в своих исследованиях П. Мурадян, что нынешний ойконим Квахврели изначально звучал как «Куахурелни» (груз. ქუაჯურელნი), где куа (груз. ქუა, букв. «камень») и хурелни (груз. ჯურელნი, букв. «норы», «пещеры») [Мурадян, 1985: 71], то получается, что егерский царь Констандин ***засел, как в берлоге*** в каменных пещерах, т.е. в Куахурелни (ныне Квахврели).

Ещё одно упоминание ойконима Квахврели встречается в последней четверти X в. Так, в «Картлис цховреба», согласно П. Мурадяну, по предложению картлийского эриставa Иоанна Марушисдзе куропалат Давид прибывает в Картли и поступает к Квахврели. Получив у встретившего его эристава Уплисцихе, Давид передаёт крепость Баграту и его отцу Гургену. Дата этого события в источнике не указывается, но по иным свидетельствам И.А. Джавахишвили установил, что Баграт III и его отец этой частью Картли овладели в 974–975 гг. [Мурадян, 1985: 71].

В 1467 г. царь Картли Константин II (1478–1505) подарил с. Квахврели вместе с соседним с. Каралети в качестве наследственной вотчины монастырю Уплис-цихе [Мурадян, 1985: 72].

В 1896 г. в пещерном комплексе антрополог Иван Пантюхов проводил точечные раскопки. [Пантюхов, 1896: 33].

Все исследователи XIX–XX вв. утверждают, что в Квахурели армянское население, не указывая количественных данных, за исключением Меликсет-Бека, который называет не только количество, но и вероисповедание: «*Селеніе К'вахрел-и, <…> населено огрузиневшими армянами, приверженцами армянской антихалкедонитской церкви, которыхъ тутъ, по даннымъ 1915 года, всего 763 души обоего пола*». Далее Меликсет-Бек подчёркивает, что в «Кавказском Календаре» за тот же год ойконим записан неверно — «Кахврели», а население обозначено как грузины, видимо, из-за того, что не говорят на родном языке [Меликсет-Беков, 1918: 209].

В 1978 г. в пещерном комплексе Квахврели был найден клад, состоящий из 46 серебряных монет (дирхемов), из которых лишь 10 монет хранятся в Государственном музее. Остальные были потеряны. В датировке монет исследователи-нумизматы расходятся во мнении. Одни считают, что монеты были отчеканены в 980 г., другие относят чеканку к 1027 г. [Antadze, 1986: 121; Djaparidze, 1998: 98].

В 2012 г. составлен план по реставрации памятника.

Литература

[Багратуни Псевдо-Шапуха] История анонимного повествования (Псевдо-Шапуха Багратуни). Перевод с древнеармянского, предисловие комментарий М.О. Дарбинян-Меликян. – Ер. 1971.

Драсханакертци О. История Армении. Перевод с древнеарм. М.О. Дарбинян-Меликян. – Ереван, 1984.

Маттеос Эдесский Летопись. – Вагаршапат, 1898. (на арм. яз.).

Меликсет-Бек Л.М. Армяне в Грузии // «Кавказ и Византия». – Вып. 1. – Ер.: Изд-во АН Арм. ССР, 1979. – С. 167–179. (на арм. яз.).

Меликсет-Бек Л.М. Грузинские источники об Армении и армянах. – Том I (V–XII вв.). – Ереван: Изд. Фонда Мелконян, 1934. – 270 с. (на арм. яз.).

Меликсет-Беков Л.М. Пещерный город Квахрели // «Известия Кавказского музея». – Том XI, Вып. 3–4. – Тифлис, 1918. – С. 208–218.

Муравьев А.Н. Грузия и Армения. Часть III. – С. П. Б.: Въ тип. III отдел. собств. Е. И. В. канцелярии, 1848. – 316 с.

Мурадян П.М. Армянская эпиграфика Грузии (Картли и Кахети) / отв. ред.: К.Н. Юзбашян (Armeno-Georgica 4). – Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1985. – 228 с.

Назарянц Ю. Сёла и древности // Мегу Айастани. – № 62, 12 августа 1884. – Тифлис. (на арм. яз.).

Описание истории и памятников Грузии. – Т. 5. – Тбилиси, 1990. (на груз. яз.).

16 Картлис цховреба (груз. ქართლის ცხოვრება букв. «Житие Картли») – сборник средневековых грузинских летописей, сложившийся в XII в.

17 Смбат II Багратуни Завоеватель (арм. Սմբատ Բ Բագրատունի Տիեզերակալ) (ок. 940–989) – царь (шахиншах) Армении (с 977).

Пантюхов И.И. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. – Тифлис: тип. М.Д. Ротинианца, 1896.

[Уварова П.С.] Христианские памятники графини Уваровой // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического Общества, снаряженными на Высочайше дарованные средства. Выпуск IV / под ред. и с предисл. гр. Уваровой; Моск. археолог. о-во. – Москва: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1894. – 197 с.

Топографическая карта, лист Гори (К-38-77). Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР. Масштаб 1:1.000.000. Издание 1976 г.

Antadze M. Kvakhvrelis gandzi // Bulletin of the State Museum of Georgia. – Vol. XXXVIII-B. – 1986. – P. 121–125 (in Georgian, with a Russian summary).

Djaparidze, Gotcha I. On the coins of the Tbilisi. AMĪR ʿALĪ B. ĞAʿFAR // Bulletin d'Études Orientales. L. 1998. IFEAD, Danias. – P. 97–107

[Dubois de Montpéreux, Frédéric] VOYAGE AUTOUR DU CAUCASE, CHEZ LES TCHERKESSES ET LES ABKHASES, EN GOLCHIE, EN GÉORGIE, EN ARMÉNIE, ET EN CRIMÉE; AVEC UN ATLAS GÉOGRAPHIQUE, PITTORESQUE, ARCHÉOLOGIQUE, GÉOLOGIQUE, ETC. Ouvrage qui a remporté le prix de la Société de Géographie de Paris, en 1838. Par Frédéric Dubois de Montpéreux. TOME III. – PARIS. LIBRAIRIE DE GIDE, EDITEUR DES ANNALES DES VOYAGES, RUE DE SEINE SAINT-GERMAIN, N 6 BIS. 1839.

Section 12. Philology

https://doi.org/10.29013/EJHSS-20-6-151-154

Avakyan M. E.,
Russian-Armenian University,
Yerevan, Armenia
E-mail: marvolskaya@gmail.com

PECULIARITIES OF ARMENIAN OP-ED JOURNALISM: MAIN TOPICS COVERED BY THE SIXTIERS

Abstract. The article examines Armenian narrative journalism of the Sixtiers. The main topics and philosophical pursuits of famous op-ed columnists and writers are discussed, conditioned by a brief period of the Khrushchev Thaw and especially relevant in the period of the Brezhnev Era of Stagnation. The separate identity of the narrative journalism of the Sixtiers is given. It is pertinent in that many articles and their subject matters are being explored for the first time.

Keywords: op-ed journalism, the Sixtiers, truth and lie on the pages of the Soviet press, addressing the descendants.

Авакян М. Э.,
Российско-Армянский университет,
Ереван, Армения
E-mail: marvolskaya@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ АРМЯНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ: ОСНОВНАЯ ТЕМАТИКА ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ

Аннотация. В данной научной статье рассматривается армянская публицистика шестидесятников. Исследуются основные тематические и философские искания известных публицистов и писателей, обусловленные коротким периодом «Хрущеской оттепели» и особенно актуальные в период «Брежневского застоя». Дается самобытная характеристика публицистики шестидесятников, актуальная тем, что многие статьи и поднятые ими темы исследуются впервые.

Ключевые слова: публицистика, шестидесятники, правда и ложь на страницах советской прессы, обращение к потомкам.

В тяжелые сталинские времена, когда прекраснодушная ложь была единственной правдой, когда, глубоко увязнув в «болотной тине» «счастливой» советской жизни, люди, особенно молодежь, мечтали о глотке живительного воздуха – о силе и свободе слова. Эд. Авакян: «Ницше писал, что

войны – это необходимость. Они подобны благостным ветрам, которые очищают болотный смрад. Идея человеконенавистничества. Но в жизни часто отрезвляются дурным. Как говорится, нет худа без добра» [2, 37]. Л. Гурунц: «Сталин не только убийца, он еще вор. Он украл у людей мечту, мечту о перестройке мира.Афганистан для нас – что Вьетнам для Америки. Мы утонем в нем, как утонули во Вьетнаме американцы.Чем скорее унесем ноги оттуда, тем будет лучше для них и для нас. Но мы этого не сделаем. Что нам кровь людская! Она цены не имеет. Пусть льется. Нам не привыкать к потерям» [4]. И далее: «Если мы хотим жить, а не прозябать, как зайцы, не терпеть поражений в первом же бою, не позориться на весь мир, мы должны сбросить путы с ног, не становиться жертвой придуманных форм или фраз, ни разу не оправдавших себя. Что стоит только приевшееся нам всем выражение о нашем единодушии! Выньте вату из ушей – нет в мире единодушия даже там, где всего два человека. И хорошо, что его нет. Было бы единодушие – человек перестал бы быть человеком, самим собой» [4]. Как известно, политические отношения того или иного исторического отрезка времени – одно из ведущих направлений публицистики, особенно в переломные исторические периоды, когда она оказывается как бы на пике идеологической и политической борьбы, в столкновениях полярных интересов. Это – особый журналистский жанр, отражающий, в той или иной степени, объективное и компетентное отражение происходящих в обществе процессов, установок в политической системе, а также дальнейшая их профессиональная оценка, особенно если прошло какое-то определенное время, позволяющее дать событиям или личностям более или менее объективную оценку [5]. Конечно, все написанное армянскими писателями и публицистами отнюдь не предназначено для узко специализированной аудитории: конечным потребителем их аргументации, жанрового аппарата, и даже языка – широкая аудитория, огромная масса читателей (тем более, в эпоху Интернета, о котором они и не помышляли тогда), все же смело обращались к своим потомкам, чтобы уроки истории и политических потрясений не пропали даром: «Как бы время не старалось, и от меня что-то останется. Останется мое неистребимое желание донести до будущего поколения кусочек правды о себе и о своем времени» [4]. Армянские «шестидесятники», выросшие на примерах страшной лжи и страха сталинских времен, естественно, не могли примириться с ложью, сила которой хоть и была ослаблена в 60–70-х годах XX века, но не могла служить истиной в стране Советов, построенной на крови и насилии: выдающиеся представители армянской интеллигенции, так же, как и других народностей СССР, погибли всталинских застенках: «Эгоизм, себялюбие, честолюбие… Как же много в языке слов о торжестве человеческого Я, его сути! И как богат он в выражении внечеловеческой сути – жалкой, вызывающей сострадание… В нескончаемой круговети последних четырех лет, среди страдания, пыток, нечеловеческих мук, в ужасе заключения, как часто и "мои товарищи по несчастью", и насильники-мучители пытались заставить меня забыть о христианской заповеди "Возлюби ближнего своего…" Все здесь стремились к одному – убить последние проблески любви и сострадания, сделать из человека зверя…» [2]. Интеллектуалам не давали покоя мысли о несправедливости мирового устройства, хотя бы в собственной небольшой республике, извечные проблемы добра и зла, веры и насилия, порождаемого страхом: «Кто-то умно сказал: "Время уносит слабую, легкую породу, вымывает мусор и фальшь, а зерна правды, выпадая в золотой осадок, остаются". <…> Что такое "Я" в жизни человека? Это, прежде всего, духовный процесс, процесс самоутверждения. Он, этот процесс, необходим человеку для сохранения индивидуальности, для сохранения человеческой самости. Если человек лишен этого собственного "Я", он представляет собой еще только биологический вид» [4]. Схожее звучит и в публицистических произведениях Эд. Авакяна: «Но как часто человек

творит зло из с т р а х а, потеряв веру. Когда разум уступает место грубой силе, вера пропадает, исчезает, рождая в человеческих душах страх. Нагоняй страх, клевещи, бросай в тюрьмы, убивай, натравливай людей друг на друга, сей вражду, в стране царит СТРАХ! И тогда станешь непобедимым, кумиром невежественной толпы. Страх – всемогущая сила, всеобщая повинность, мысль, заточенная в узкие рамки дозволенного, когда нормальный, мыслящий человек вынужден замкнуться в себе, думать только о пропитании, когда подлость совершается во имя утверждения собственного "Я", для спасения собственной шкуры, за счет чужих жизней. Вот истинная причина доносов, анонимных писем, когда жизнь человека оценивается пулей в лоб» [2]. Л. Гурунц: «И какой только сквозной ветер не обдувал тебя, не обжигал морозом твое лицо, твою душу, мой современник? Ночной стук в дверь, гонения и житейские неурядицы, неслаженный быт, полуголодное существование и многое, многое другое. Как ты выжил, каким чудом сберег голову? Как умудрился пройти все круги Дантова ада и остаться живым? Загадка из загадок.

Жизнь наша была с пробелами, которые приходится заполнять. Мы часто ошибались, часто совершали поступки, поступившись совестью. От многого неверно отказывались, за деревьями не видели леса» [4]. Конечно, наученные горьким опытом, публицисты 60-х имели право направлять современников, посылать мощный, говоря современным языком, «мессидж» потомкам, тем, которые должны, познавая уроки истории, построить свою жизнь иначе: «…В итоге – пишет Эд. Авакян, брата которого – Рафаэля Авакяна, историка, Сталинского стипендиата, репрессировали в 1937 году,– окончательная потеря благородных стремлений, отсутствие мечты, невозможность мыслить самостоятельно, превращение человека в животное, для которого главное одно – добывание хлеба насущного…» [2]. Но все равно, в их произведениях нет-нет, да проскальзывает светлая надежда, что всегда есть начало и, естественно, конец насилию и тирании: где сейчас мировые тираны – такие, как Чингисхан, Ленг-Тимур, Морик, Абдул-Гамид и другие – всемогущее время стерло их с лица Земли, унесло в преисподнюю… Не всем, конечно, суждено было «встретить» день, когда «человек скажет без страха, что он свободный, независимый, гордый…» [4]. Публицист Зорий Балаян школьником, любил перелистывать и рассматривать учебники старшеклассников, где «можно было найти портреты с выколотыми глазами, пририсованными рогами или усами», думал увидеть там и отца, репрессированного, когда мальчику было всего 2 года, как эти люди, объявленного «врагом народа»: «…Когда маму этапом отправили в Сибирь, я учился в первом классе. Когда она вернулась – в десятом» [3]. Всю жизнь мать Балаяна молчала, скрывая от своих сыновей то, что терзало ее душу изо дня в день из года в год. Молчала, не только щадя родных, но и не особенно веря политической реальности, когда наступило наконец время ресталинизации.

Конечно, много в публицистике шестидесятников раздумий о месте писателя в мире и обществе, о значимой роли литераторов в общественной жизни страны, что было очень сложно в хрупком осознании короткой «оттепели» и наступившего затем глубокого «застоя». «Писать,– констатирует Л. Гурунц,– значит, ходить по туго натянутой проволоке, балансируя между иллюзией и правдой. Это в лучшем случае. Многие, натренировавшись, бегут по ней, не балансируя, беря на прицел одну лишь прозрачную иллюзию жизни. И такие есть самоубийцы от литературы.Априорные схемы, принятые на веру или наугад, гибель несут обществу, о котором мы так печемся» [4]. Образ степной, обдуваемой всеми ветрами травы, называемой «перекати-поле», не знающей связи с землей, постоянно стоит перед глазами публициста Гурунца. «А что, если скитальческую участь перекати-поля изведает человек? Будет ли он счастлив? Не думаю. Без духовной оседлости,

без ощущения корней, питающих жизнь, без привязанности к своему роду-племени, к собственной истории, далекой и близкой, к культуре своей страны не может быть полноценного человеческого счастья. Вот тебе узенькая дорожка – не смей ни влево ни вправо.

Такова участь нашего писателя. Таковы железные директивы свыше. Все должно быть в круге. А круги эти – круги Дантова ада, где пожираются не тела, а души людей» [4]. Эдуард Авакян неоднократно обращался в теме писателя и современности, пытаясь определить его место, пусть и скромное, в плеяде великих умов армянской словесности: «Под лежачий камень вода не течет – гласит пословица, так и место определившегося в своих суждениях писателя в этом мире должно быть твердым и непоколебимым» [1].

Много размышлений о волнующих нас и сейчас проблемах и человеческих взаимотношениях у этих публицистов-шестидесятниках: «Хорошее качество – забывать плохое, не помнить о нем. Помнить его – лишь душу грязнить. Армянские «шестидесятники», выросшие на примерах страшной лжи и страха сталинских времен, естественно, не могли примириться с ложью, сила которой хоть и была ослаблена в 60–70-х годах XX века, но не могла служить истиной с стране Советов, построенной на крови и насилии.

Список литературы:

1. Авакян Эд. С. Место писателя в мире // «Авангард»,– № 3 (27). 1978.
2. Авакян Эд. С. Человек божий.– Ереван: Наири, 2003.
3. Балаян З. «В бурных водах жизни…» // «Ноев Ковчег» – № 15–16 (245–246) сентябрь (1–15) 2014 г.
4. Гурунц Л. Из записных книжек // Наедине с собой или как докричаться до вас, потомки! Дневниковые записи 1975–1982 / Составитель и редактор Лариса Исаакян.– Ереван: Изд-во «Зангак-97», 2002.
5. Публицистика // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. Институт научной информации по общественным наукам РАН: Интелвак, 2001.– Стб. 837–838, 1596 с. ISBN5–93264–026-Х.

РАЗДЕЛ 1
Общие вопросы истории и современного состояния православной церкви

SECTION 1
General Questions of the History and Current State of the Orthodox Church

УДК 930.85:94
ББК 63.3(2)2

Александр Михайлович Харитонов,
Тихоокеанский институт географии ДВО РАН,
г. Владивосток, Россия,
e-mail: mavr@tig.dvo.ru

Армянский след в истории ранней Древней Руси

Об истории Древней Руси мы судим не только по отечественным, но и по зарубежным источникам. Хотя территория Армении и не граничила непосредственно с территорией Древней Руси, но некоторые факты древнерусской истории, в том числе церковной, сохранились и могут найти свое подтверждение и в армянских источниках. Объяснить это можно и значительно более близким географическим соседством Армении и Древней Руси, чем предполагают современные историки.

Ключевые слова: Армения, Византия, Древняя Русь, Киев, православие

Alexander M. Kharitonov,
Pacific Institute of Gography Feb RAS,
Vladivostok, Russia,
e-mail: mavr@tig.dvo.ru

Armenian Trace in the History of Ancient Russia

We judge the history of Ancient Russia not only by domestic, but also by foreign sources. Although the territory of Armenia did not directly border on the territory of Ancient Russia, some facts of ancient Russian history, including Church history, have been preserved and can be confirmed in Armenian sources. This can also be explained by the much closer geographical proximity of Armenia and Ancient Russia than modern historians suggest.

Keywords: Armenia, Byzantium, Ancient Russia, Kiev, Orthodoxy

Армения и Древняя Русь на современных исторических картах находятся настолько далеко друг от друга, что это должно практически исключить взаимные упоминания в исторических документах о происходящих на их территориях событиях. Однако, это далеко не так.

Понятно, что находясь в составе Византии, армянские летописцы могли получать сведения о Руси из вторых рук. Подобным образом могли попасть в Армению сведения, связанные с Крещением Руси, хотя сам интерес к подобному событию на периферии христианского мира в стране, которая стала первым государством античности, принявшим христианство в качестве государственной религии, был, скорее всего, вызван другими интересами.

Эти упоминаемые в Армении Степаносом Таронским несколько путанные сведения, касающиеся древнерусской истории, связаны с неким Феофилактом. Некоторые источники называют Феофилакта как первого

Киевского митрополита на Руси, хотя имеются и другие претенденты на это звание (Михаил и Леонтий).

Был ли Феофилакт первым? Вопрос можно рассматривать по-разному. Возможно, что историческая память не сохранила имени первого русского митрополита. По этой причине и называются разные имена. Обычно этой концепцией и руководствуются исследователи.

Однако можно взглянуть на проблему и с другой точки зрения. Ведь Древняя Русь не была монолитной с точки зрения зарубежных источников, в т. ч. разного рода легенд и преданий. Возможно, на разных землях, относимых к территории Руси, существовали и другие русские (или даже не собственно русские) государства, владетели которых претендовали на роль первой русской метрополии, пока не вмешались вышестоящие православные церковные власти и не установили нужную им иерархию во главе с Киевом.

Возможно, что подобное вмешательство могло бы понадобиться в условиях усиления сопротивления народа резкой смене религиозной политики «верхов». Во всяком случае, полностью этого исключить нельзя. А если при этом христианизация Руси происходила со стороны разных ветвей этого самого христианства, что заметил при наличие формулы арианства в «Повести временных лет» и допускал еще А. Г. Кузьмин, то выводы могут сильно измениться при допущении подобного хода событий.

Кстати, Крещение Руси происходило ведь тогда, когда западная и восточная ветви христианства все еще считались едиными. Окончательный разрыв между ними обычно относят к 1054 г.

Но вернемся все же к Феофилакту. Каким образом он стал первопричиной интереса армянских клириков к событиям русской истории? Причина очень проста – находясь «при должности» в одной из провинций Армении в Себастии сей церковный деятель Византии оставил яркий негативный след в истории армянской церкви, привыкшей к некоторой независимости при своей автокефалии.

Учитывая, что свой неукротимый нрав Феофилакт вряд ли сдерживал в «варварских» землях Руси, к которым относили и Болгарию, то его печальный конец вполне мог заинтересовать священников-армян. Не иначе, сбылись посылаемые ему вслед проклятия. По этой прозаической причине в армянские источники и мог затесаться эпизод, связанный с Крещением Руси.

Однако не только этот эпизод из российской истории попал в летописи Армении. Обычно историки вспоминают, что в них имеется легенда, напоминающая события по основанию Киева в «Повести временных лет». Только вместо Кия, Щека и Хорива в армянском источнике в стране Палуни («История Тарона» Зеноба Глака VIII в., впрочем, время жизни последнего сильно варьирует у разных современных авторов) действуют Куар, Мелтей и Хореван. Б. А. Рыбаков [7] пытался связать появление данного сообщения с событиями, связанными с разгромом Хазарии в одном из арабских походов, но это маловероятно. Ведь все славянские пленники с Русской реки были уничтожены, согласно отчету арабских чиновников. Впрочем, более вероятно, что это была перекинувшаяся на сторону победителей какая-то тюркская орда, которая сбежала обратно, как только поняла, что «ошиблась дверью».

Любопытно сравнить, однако, имя Куар не с именем Кий, но с понятием **хварна,** где Фарн, Хварно – абстрактное божество в древнеиранской мифологии, связанное с огнём, светом и теплом (farnah – «слава, счастье» в языке древних персов). В Авесте **Хварно** представлено в виде птицы **Варэгна** [6]. Получается, что армянский Куар вполне мог быть связан с **варягами** или даже и быть им. Вспоминаются также созвучные данному понятию египетские **фараоны.** Кстати, имелся в Древнем Египте город Аварис, связанный с завоевателями – гиксосами. А имя Киева-Куара можно попытаться сравнить и с топонимами Хива и Хорезм (Хуарезм. Хварезм). Ведь во времена Александра Македонского Хорезм имел общую границу с Колхидой.

Напомним, что имя Варяг (Уархаг) встречается в качестве родоначальника осетинских нартов. Его женой была некая Дзерасса (Русская?). Не здесь ли лежат истоки появления некоторых иранских богатырских мотивов в славянской мифологии? Кстати, народ нартов не любил своего родоначальника. Не были ли эти легендарные нарты норманнами (= летописные северяне) по происхождению?

Да и в Индии деление общества на касты, называемые на самом деле **варн**ами, имело первоначально и религиозный оттенок. Отсюда уже не так далеко для попыток объяснения появление пласта санскритских заимствований в русском языке. А случайна ли ассоциация слова хварно с современным русским «коварный», которое в русских же сказках есть весьма характерный эпитет для враждебных герою восточных владык?

Остальные имена армянских источников ближе к топонимике Ближнего Востока. Хорив – библейская гора, а Мелтей может быть связан с именем города Малатья. Впрочем, не исключено, что эти названия уже были перенесены к моменту упоминания имен в Армении и восточнее. Подобные перемещения топонимов в исторической географии не являются редкостью в свете исследований В. А. Курбатова [5].

Армянские источники позволяют также найти место локализации одного из трех центров Древней Руси. Это Арда (Арта), т. е. Орда. Местность Ардоз армянские источники относят к территории, прилегающей к Дарьяльскому ущелью [2]. Ранние арабские источники указывают, что Славия и Куява (Киев) находились от Арды в пределах нескольких дней пути. Если Славия, как показывали мы ранее [9], связана с Болгарией, то тогда здесь речь идет о Болгарии Кавказской (ср. Балкария).

Где-то неподалеку следует искать и известный арабам летописный Киев. Место ему на современной реке Кубань. Ее средневековое имя Вардан вполне может быть связано с варягами (кстати, отцом Куара с братьями был… Вардан!). Ведь арабский ученый Ал-Хараки так и называет Меотиду (Азовское море) …морем варанков (Варяжское море) [3].

Да и А. Г. Кузьмин заметил по европейскому географическому описанию народов на берегах Балтики их полное соответствие народам берега моря Азовского [1]. К тому же некоторые русские летописи приписывают Днепру целых три устья. Столько могло быть только у Кубани.

Нам показалось также интересным наличие области Артаз на землях Армении, упоминаемой в Википедии, еще во времена государства Урарту. Царями последней были иноземцы с именем Руса (этноним?). Одно из названии Киева по Константину Багрянородному – Самватос при наличии армянского имени Смбат (Синдбад-мореход?). Потомками Смбата Багратуни были и три брата из легенды.

Кстати, легендарный армянский первопредок Хайк вполне сопоставляется с названием реки Яик (современная река Урал). Если принять, что имя этой современной реки может быть связано с переносом географических названий, то на Северном Кавказе первоначально это же имя могла бы носить река Кума – возможное место кочевания мадьяр к северу от Болгарии Кавказской.

Здесь напомню, что с точки зрения географии средних веков, Древняя Русь была Причерноморской Русью и иной быть не могла в принципе. Ведь лежащие севернее земли считались географией того времени необитаемыми еще со времен Аристотеля [8]. Потому русы вполне могли совершать походы на юг в Закавказье. В частности таковым являлся поход на город Бердаа, о котором, помимо арабских авторов, упоминал и армянский историк Мовсэс Каланкатуаци в «Истории страны Алуанк» (кн. 3, гл. 22) [4].

Таким образом, правильное толкование географических и исторических данных армянских источников может помочь несколько иначе посмотреть на историческую географию и историю ранней Древней Руси.

Список литературы

1. Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. – М.: Вече, 2002. – 430 с.

2. Галкина Е. С. Этносы Восточной Европы в цикле «О тюрках» арабской географической литературы // ROSSICA ANTIQUA. – 2010. – № 1. – С. 54–98.

3. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Т. Н. Джаксон [и др.]. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. – Т. 3. Восточные источники. – 264 с.

4. Каланкатуаци М. История страны Алуанк / пер. с древнеармянского Ш. В. Смбатяна. – Ереван: Изд-во АН Арм ССР, 1984. – 258 с.

5. Курбатов В. А. Славянские континенты: пути расселения наших предков (V–XIX вв.). – М.: Эксмо; Алгоритм, 2005. – 382 с.

6. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 672 с.

7. Рыбаков Б. А. Мир истории. Начальные века русской истории. – 2-е из. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 351 с.

8. Харитонов А. М. Историческая география Древней Руси: античная география против современной истории // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (9–10 ноября 2018 г.). – Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. – С. 65–67.

9. Харитонов А. М. Современная геополитическая идеология против средневековой географической реальности (Древняя Русь и ее соседи на современной географической карте) // Дневник Алтайской школы политических исследований № 35. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Политика памяти и формирование международного имиджа страны): сб. науч. ст. / под ред. Ю. Г. Чернышова. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2019. – С. 71–75.